

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ

1909

М А Р Т Ъ

№ 3

О ВЪ ИЗДАНИИ

„Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“

въ 1909 году.

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1908 года № 160).

Въ 1909 году газета „Русскій Инвалидъ“, издаваемая подъ общею редакцію съ журналомъ „Военный Сборникъ“, будетъ выходить попрежнему ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, а „Военный Сборникъ“ — ежемѣсячно.

Оба изданія, „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, служа другъ другу необходимымъ дополненіемъ, будутъ: ежедневная газета — сообщать главныя официальныя извѣстія и слѣдить за многосторонними *текущими* событіями въ военномъ мірѣ, а также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для военно-служащихъ; ежемѣсячный журналъ — посвятитъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла въ болѣе обширномъ значеніи этой отрасли знаній.

Программа „Русскаго Инвалида“.

- I. Правительственныя извѣстія.
- II. Объяснительныя статьи по военнымъ вопросамъ, имѣющія цѣлью разъяснить главныя правительственныя постановленія по военной части.
- III. Военныя статьи и корреспонденціи.
- IV. Телеграммы и извѣстія о замѣчательныхъ происшествіяхъ отечественныхъ и заграничныхъ.
- V. Библиографическіе отзывы.
- VI. Казенныя и частныя объявленія.

Программа „Военнаго Сборника“.

- I. Отдѣлъ военныхъ наукъ и литературный:
 - а) тактика; б) военная исторія; в) военная администрація; г) военная статистика и географія; д) фортификація и артилерія; е) литературныя статьи
- II. Современное обозрѣніе.
 - а) Библиографія. б) Русское военное обозрѣніе. в) Иностранное военное обозрѣніе

Желающіе помѣщать свои статьи въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Военномъ Сборникѣ“ благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію четко написанными (подъ статьей должны быть для свѣдѣній редакціи четко подписаны чинъ, имя и фамилія автора, мѣсто его служенія и адресъ). Въ случаѣ одобренія, статьи будутъ напечатаны при первой возможности. Въ случаѣ же неодобренія — возвращаются автору по его личному востребованію или довѣренному отъ него лицу, безъ всякихъ объясненій. Ненапечатанныя статьи хранятся редакціею въ теченіе одного года.

Авторы, желающіе имѣть отзывы о своихъ сочиненіяхъ, благоволятъ присылать по 2 экз. таковыхъ въ редакцію.

См. далье на 3-й страницѣ обложки.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ.

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ

№ 3 М А Р Т Ъ 1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, 40

1909.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

I.

СТРАН

Къ 200-лѣтію Полтавской побѣды. (Съ гравюрами).

I. Русско-шведская война 1808—1809 гг. (Со схемой, планомъ и портретомъ). (Продолженіе). П. А. НИВѢ.	1
II. Переправа черезъ Дунай въ 1854 году. А. ЗАЮНЧКОВСКІЙ.	31
III. 5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ. (Съ рисунками). (Продолженіе). Н. ТРЕТЬЯКОВЪ.	83
IV. Замѣтки по поводу послѣднихъ изслѣдованій о «Русско-Шведской войнѣ 1808—1809 гг.». (Продолженіе). А. Т. БОРИСЕВИЧЪ.	101
V. О маневренныхъ крѣпостяхъ. В. БОРИСОВЪ.	117
VI. Кавачья лава. В. МИТКЕВИЧЪ.	126
VII. Тактика въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями. (Продолженіе). А. ЕЛЧАНИНОВЪ.	139
VIII. Величина и составъ гарнизона крѣпостей. (Со схемой). (Продолженіе). Н. БУЙНИЦКІЙ.	165
IX. Къ столѣтію покоренія Финляндіи. ВЛ. АПУШКИНЪ.	189
X. Инвалиды. (Продолженіе). В. С. КРИВЕНКО.	221
XI. Русская военная старина. 1) Письмо Я. И. Ростовцова Фельд-маршалу Лейтенанту Гауслабу. Сообщилъ М. И.	245
2) Кавалеры ордена Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія за 140 лѣтъ (1769—1909 гг.). В. СУДРАВСКІЙ.	252

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. 1) По поводу отзыва о трудѣ «Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій Русской арміи и флота. Томъ I, 1695—1800 гг.». М. П.	258
2) Обзоръ иностранныхъ журналовъ.	260
II. РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Изъ годового отчета о дѣятельности Комитета по образованію войскъ за 1908 г.	275
III. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Обзоръ мѣръ, принятыхъ въ 1908 г. по устройству корпуса офицеровъ западно-европейскихъ армій. В. НЕДЗВѢЦКІЙ.	293
Военные вопросы въ сужденіяхъ Государственной Думы. Вопросъ объ увеличеніи офицерскаго содержанія.	309

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ *Маншевевъ*.

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Полковникъ *Пруссаковъ*.

КЪ 200-ЛѢТІЮ ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ.

ПОРТРЕТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Наиболѣ замѣчательнымъ и достовѣрнымъ портретомъ Петра I въ періодъ его зрѣлости является портретъ, написанный съ натуры въ мартъ 1717 г. талантливымъ голландскимъ портретистомъ Карломъ Мооромъ въ Гагъ.

Повидимому, Петръ I былъ очень доволенъ оригиналомъ Моора и приказалъ отдать его голландскому граверу Хубракену для изготовленія гравюры.

Представленный здѣсь портретъ Петра I есть также типъ Моора въ гравюрѣ Франціска Вендрамини, сдѣланной въ 1805 году.

ПОРТРЕТЪ КАРЛА XII.

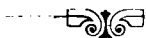
Прилагаемый портретъ Карла XII находится въ исторической галереѣ въ Версалѣ подъ № 2514.

Подъ нимъ подпись: Charles XII Roi de Suède † 1718.
Peint par David Von Graft. Gravé par Schoff.

Въ Исторіи царствованія Петра Великаго Н. Устрялова къ 1-й части 4-го тома приложенъ портретъ Карла XII, гравированный Гретбачемъ въ Лондонѣ съ портрета, писаннаго въ 1717 году знаменитымъ Крафтомъ для сестры Карла принцессы Ульрики-Елеоноры. Гравюра съ него приложена къ труду Адлерфельда *Histoire militaire de Charles XII. 1740.*

Портретъ Версальской галереи и приложенный къ Исторіи Устрялова (поясной) весьма схожи; на первомъ у Карла лишь меньше волосъ.

Подъ портретомъ въ Исторіи Устрялова подпись: „Carolus“, заимствованная изъ королевскаго универсала, при вступленіи Шведовъ въ Малороссію въ 1708 году.

Карль XII при переправѣ черезъ Днѣпръ.

Картина Г. Северитрома (1880 г.), изображающая Карла XII на берегу Днѣпра у м. Переволочны, гдѣ онъ, спасаясь бѣгствомъ послѣ пораженія подѣ Полтавой, переправился черезъ Днѣпръ 29-го юня 1709 г.

Меньшиковъ кн. Александръ Даниловичъ.

«Александръ Даниловичъ Меньшиковъ. Свѣтлѣйшій Римскаго и Россійскаго Государствъ Князь, Герцогъ Ижерскій, Генералиссимъ, Рейхсъ Маршалъ и надѣ войскомъ командующій Генералъ-Фельдмаршалъ. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Генералъ-Губернаторъ С.-Петербуржскій, отъ флота Всероссійскаго Адмиралъ, Подполковникъ Преображенской Лейбъ-гвардіи, Полковникъ надѣ тремя полками и капитанъ Компаніи Бомбардирской...» вотъ подпись, сопровождающая портреты Меньшикова.

Представленный здѣсь конный портретъ кн. Меньшикова, судя по манеру, работы Шхонебека, который училъ гравированію Петра I въ Амстердамѣ.

Остатки шведской арміи, разбитой подѣ Полтавой, сдались во главѣ съ Левенгауптомъ князю Меньшикову 30-го юня 1709 года подѣ Переволочной.

ПЕРЕВОЛОЧНА

(Полтавской губ., Кобелякского уѣзда).

Рисунокъ представляетъ современный видъ мѣстечка Переволочны, расположеннаго на лѣвомъ луговомъ берегу Днѣпра, неподалеку отъ устья р. Ворсклы. Вдали виденъ Днѣпръ, а вблизи его остатки земляныхъ валовъ бывшей крѣпосцы. Здѣсь въ 1709 году 30-го іюня остатки шведской арміи послѣ пораженія подѣ Полтавой положили оружіе предѣ русскими войсками и отдались въ безусловный плѣнъ; здѣсь же Карлъ XII, спасаясь бѣгствомъ, переправился черезъ Днѣпръ.

Свѣдѣнія о Переволочнѣ доходятъ до 1092 года, когда Половцы овладѣли г. Переволокой на р. Ворсклѣ.

А съ 1654 года стало извѣстнымъ м. Переволочна, населенное заднѣпровскими выходцами на томъ мѣстѣ, гдѣ указанъ г. Переволока. Въ 1737 и 1738 годахъ въ Переволочнѣ русская армія подѣ командой Графа Миниха переправилась черезъ Днѣпръ въ Крымскій походъ.

Степная мѣстность Полтавщины рѣзко обрывается вблизи Переволочны; отсюда открывается широкій видъ на долину Днѣпра и его противоположный правый берегъ. Сохранившіеся древніе курганы еще болѣе расширяютъ горизонтъ.

Здѣсь слѣдовало бы поставить памятникъ.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—1809 гг.

(Продолженіе ¹).

Отступленіе шведовъ черезъ Вазу и бой при Оровайсь.

Послѣ сраженій при Куортане и Сальми, графъ Клинг-споръ намѣренъ былъ сперва задержаться у Лаппо, но здѣсь онъ получилъ донесеніе, что Фіандтъ снова разбитъ Властовымъ у Перхо, послѣ чего вынужденъ сѣбно отступать по направленію къ Гамла-Карлебю. Такое отступленіе Фіандта обнажало сообщенія графа Клингспора съ Эстроботніей. Въ то же время онъ получилъ извѣстіе, что отрядъ подъ начальствомъ фонъ-Дебельна, оставленный имъ на побережьи для прикрытія своего тыла со стороны нашихъ войскъ, дѣйствующихъ южнѣ Вазы (Орловъ-Денисовъ), получилъ подкрѣпленіе отъ короля съ Аланда, удачно атаковалъ русскихъ, отбилъ ихъ на югъ и уже дошелъ почти до Бьернеборга (не доходя 2 переходовъ). Такимъ образомъ выходило, что Властовъ, выйдя на береговой трактъ, могъ угрожать даже и самой Вазѣ, т. е. сообщеніямъ Клингспора не только съ сѣверомъ, но и съ моремъ, ибо войска, назначенныя оборонять тылъ, увлеклись преслѣдованіемъ и ушли на

¹) См. «Военный Сборникъ» 1909 г., № 2.

югъ. Все это побудило шведскаго главнокомандующаго, все еще надѣявшагося пока на возможность отступленія моремъ въ Швецію, отойти еще ближе къ Вазѣ, приказавъ фонъ-Дебельну и Фегезаку (начальнику подрѣпившаго его десанта) медленно отходить къ той же Вазѣ, прикрывая правый флангъ арміи отъ возможной угрозы съ юга; для обезпеченія же со стороны отряда Властова, угрожавшаго пути отступленія въ Эстроботнію, высланъ былъ особый отрядъ Гриппенберга въ направленіи на Нью-Карлебю. Распоряженія эти начали приводиться въ исполненіе 22-го августа, въ тотъ самый день, когда графъ Каменскій занялъ Лаппо.

По мнѣнію Аминова, если расчетъ на отплытіе моремъ не оправдается, то «въ подобномъ ужасномъ положеніи» не оставалось ничего иного, какъ уходить на сѣверъ. Адлеркрейцъ считалъ этотъ планъ «единственно возможнымъ»¹⁾. Въ концѣ концовъ повидимому остановились на этомъ рѣшеніи, и 25-го августа (5-го сентября) Адлеркрейцъ писалъ фонъ-Фіандту, чтобы онъ, не ввязываясь въ бой съ превосходными силами, отходилъ шагъ за шагомъ къ Нью-Карлебю. Однако королю Клингспоръ донесъ 27-го, что «въ случаѣ, если противникъ атакуетъ и потѣснитъ меня, я могу легко сосредоточить армію вокругъ Вазы и по возможности обороняться въ ея окрестностяхъ». Шведскіе писатели полагаютъ²⁾, что главнокомандующій «финской арміей» все еще питалъ надежду на то, что король вышлетъ ему въ Вазу транспортныя суда и дастъ возможность спасти остатки арміи. Такое стремленіе Клингспора имѣло цѣлью *сохранить надежныя кадры* для будущихъ формированій, съ помощью которыхъ шведы могли, пожалуй, надѣяться *затянуть борьбу*. А эта затыжка, при тогдашнемъ политическомъ положеніи Европы (непрочность союза Александра I съ Наполеономъ) могла имъ сулить единственную, въ сущности, надежду на благопріятный исходъ борьбы.

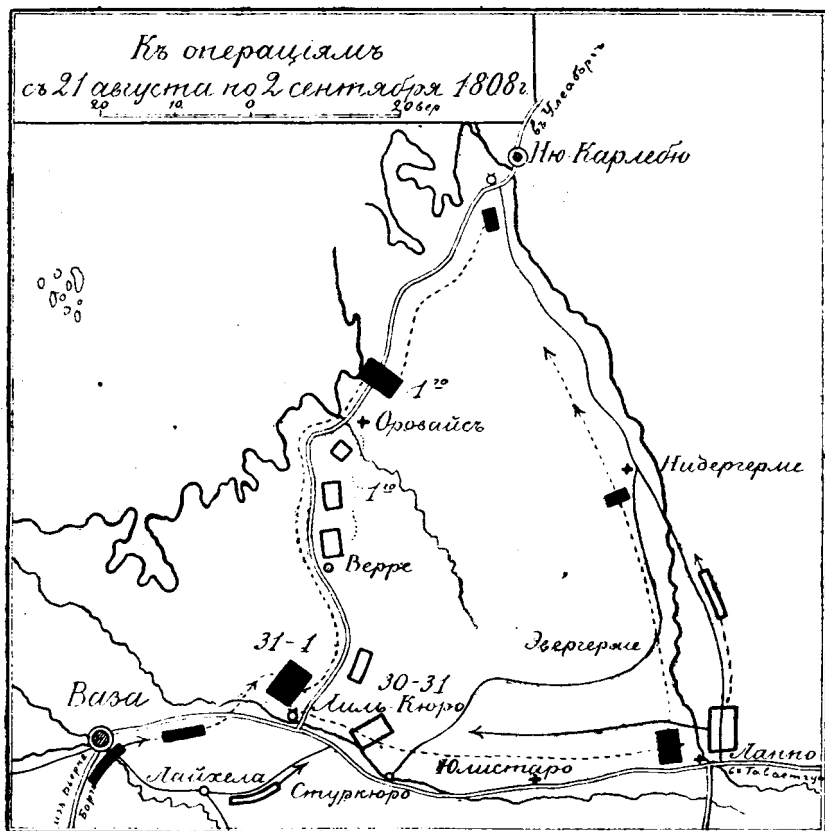
Такимъ образомъ, отходъ на сѣверъ рѣшенъ былъ въ шведской главной квартирѣ далеко не сразу, послѣ многихъ колебаній, слѣдъ которыхъ можно найти въ замѣткахъ участниковъ войны, главнымъ образомъ въ дневникѣ Аминова. «Убитый солдатъ—писалъ послѣдній между прочимъ—потерянъ для государства, но солдатъ который, послѣ храброй обороны, видитъ, что онъ больше не въ состояніи оказать сопротивленія, еще можетъ позже послужить отечеству».

¹⁾ Даниельсонъ стр. 452.

²⁾ Норденсванъ, стр. 309.

Изъ донесеній Каменскаго, въ свою очередь явствуетъ, что послѣднй также не рассчитывалъ на отступленіе шведовъ къ сѣверу, готовясь встрѣтить съ ихъ стороны отчаянное сопротивленіе *по сосредоточеніи всей силъ.*

«Удостоверился я,—доносить Каменскій,—что на Илистаро (на полпути между Лаппо и Лилькюро) пошли главные силы съ самимъ фельдмаршаломъ Клингспоромъ и потому *долженъ*

былъ полагать, что онъ имѣетъ намѣреніе стянуть къ себѣ свои войска, чтобы дать мнѣ рѣшительный отпоръ... Затѣмъ послалъ тотчасъ повелѣніе генераль-маіору Козачковскому стараться пробраться до Ню-Карлебю, а полковнику Властову—до Гамла-Карлебю и потомъ искать открытъ между собой соединеніе. Комунікація моя съ генераль-маіоромъ Ушаковымъ была весьма дальняя, и я объ немъ никакого достовѣрнаго извѣстія не имѣлъ, а потому оставалось мнѣ на сей случай считать только на одинъ свой слабый корпусъ».

ковскаго, у него было всего на всего 6.000 человекъ), на путь отступленія шведовъ, т. е. отъ Лаппо черезъ Нидергерме къ Нью-Карлебу, во слѣдъ Козачковскому; 2) наступать безотлагательно за противникомъ къ Вазѣ и дать бой, и 3) подвигаясь слѣдомъ за Клингспоромъ, послать отрядъ на его сообщенія и тѣмъ заставить его отступить. Каменскій отказывается отъ перваго рѣшенія, какъ слишкомъ рискованнаго («кто обходить, тотъ самъ обойденъ»); отвергаетъ второе, ссылаясь на слишкомъ значительную кровопролитность сраженій при фицляндской мѣстности и останавливается на третьемъ, наименѣе энергичномъ рѣшеніи. Казалось-бы, такія разсужденія не вяжутся съ характеромъ Каменскаго, у котораго рѣшительность и энергія, наоборотъ, стояли на первомъ планѣ. Но Каменскій въ данномъ случаѣ показалъ, что обладаетъ и тѣмъ «холоднымъ разумомъ», тою «tête froide», которую требовалъ отъ полководца Наполеонъ...

Одержавъ только что 2 блестящія побѣды надъ шведами, Каменскій во первыхъ не хотѣлъ безразсудно рисковать участіемъ своихъ войскъ и пеходомъ кампаніи; онъ располагалъ дожидаться прежде Ушакова (который и присоединился къ нему 30-го числа), относясь съ уваженіемъ къ принципу *сосредоточенія силъ*, а затѣмъ—самая обстановка ему была далеко не ясной. Весьма вѣроятно было предположить, съ одной стороны, возможность прибытія къ шведамъ съ моря подкрѣпленій, наконецъ, надо было выяснить, не намѣрены ли они совершить посадки на суда. Можетъ быть потому Каменскій и послалъ отряды на береговую дорогу, чтобы опредѣлить этимъ путемъ, насколько это подѣйствуетъ на Клингспора, чувствительность котораго ко всякимъ угрозамъ противъ его сообщеній уже была ему по опыту отлично извѣстна? Въдъ первоначально фонъ-Фіандтъ, поспѣшно отступая передъ Властовымъ, *уничтожалъ* мосты на береговой дорогѣ и только послѣ, по *приказанію* Клингспора, сталъ ихъ восстанавливать. Не могло развѣ это обстоятельство навести на мысль, что шведы *отказались* отъ отступленія на сѣверъ?

Въ такомъ случаѣ, они могли держаться только за Вазу, и такъ какъ флотъ ихъ господствовалъ на морѣ, амбаркація ихъ была вполне возможна. Заставивъ же финскую армію отступать *на сѣверъ*, Каменскій окончательно лишалъ ее всякой возможности получить со стороны моря какъ поддержку, такъ и средства къ скорѣйшему отступленію подъ прикрытіемъ флота...

Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что войска наши въ Вазаской губерніи, бывшія подь начальствомъ Бибикова (прежде Орлова-Денисова), *только что* потерпѣли неудачу (17-го августа) у Лапифьерда ¹⁾ вслѣдствіе того, что дѣйствовавшій здѣсь противъ насъ отрядъ фонъ-Дебельна былъ *подкрѣпленъ* 5-ю баталіонами, 2-мя эскадронами и 6-ю орудіями, *высаженными* подь начальствомъ фонъ-Фегезака *южнѣ Бьернеборна*. Фактъ этотъ несомнѣнно указывалъ Каменскому на возможность повторенія такихъ десантовъ, которые могли быть произведены и ближе къ Вазѣ, и въ значительно большихъ размѣрахъ. Вѣдь точное количество войскъ, собранныхъ королемъ на Аландѣ, не было намъ никогда извѣстно, и мы, во всякомъ случаѣ, считали его больше дѣйствительнаго. Въ виду всего изложеннаго, критика шведскихъ писателей по адресу Каменскаго едва ли можетъ быть признана справедливой.

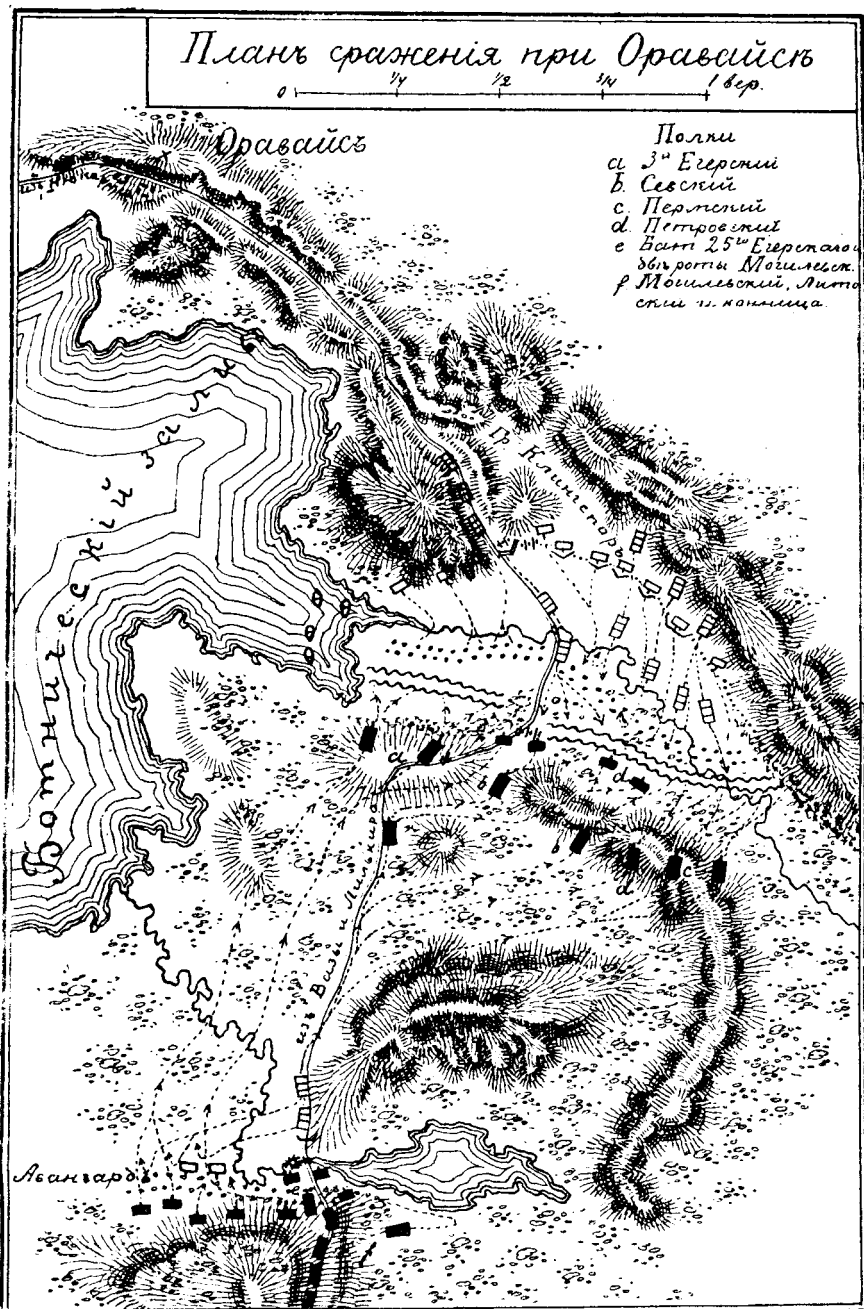
Обнаруживъ 31-го августа очищеніе шведами Лилькюро, графъ Каменскій двинулъ Раевского съ 5-ю баталіонами и 2-мя эскадронами занять городъ Вазу, дабы этимъ прикрыть себя съ тыла на случай повторенія высадокъ, а самъ съ остальными силами свернулъ на сѣверъ. 1-го сентября авангардъ Каменскаго, подь начальствомъ Кульнева (въ составѣ 4 бат., 2 эск. и 1 сотни) имѣлъ сторожевое охраненіе въ 5-ти верстахъ не доходя Оровайса. 1-й эшелонъ главныхъ силъ Каменскаго (полки: Пермскій и Петровскій), подь начальствомъ Демидова, ночевалъ въ 4-хъ верстахъ южнѣ, а самъ Каменскій съ остальными войсками—въ Верро, въ одномъ переходѣ отъ Оровайса. Такое расположеніе было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этотъ самый день 1-го числа, у Нидергерме, на полупути между Лаппо и Нью-Карлебю и въ одномъ переходѣ юго-восточнѣ Оровайса, произошло столкновеніе отряда Козачковскаго съ направленнымъ сюда шведскимъ отрядомъ Гриппенберга. До выясненія обстановки, т. е. пока Каменскому эта группировка непріятельскихъ силъ не сдѣлалась ясной, онъ предпочелъ самъ съ резервомъ нѣсколько задержаться, чтобы быть въ состояніи поддержать, въ случаѣ нужды, либо Кульнева съ Демидовымъ, либо Козачковскаго, которому, въ свою очередь, помогать Властовъ, пробиравшійся еще глубже въ непріятельскій тылъ.

¹⁾ Какъ разъ вслѣдствіе этого Буксегвдену пришлось подкрѣпить оба отряда, и 20-го августа Ушаковъ выбилъ шведовъ изъ Хухаюки, Бибиковъ—изъ Лапифьерда и къ 30-му августу 6 баталіоновъ Ушакова соединились съ Каменскимъ у Илизтаро.

Дѣло въ томъ, что Клингспоръ могъ умысленно вовлечь Каменскаго за собою по береговой дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы броситься главною массою черезъ Нидергерме на Лаппо и отрѣзать Каменскому путь отступленія.

Въ дѣйствительности, графъ Клингспоръ, уже окончательно отбросивъ всякія наступательныя намѣренія, занялъ крѣпкую съ фронта позицію близъ кирки Оровайсь. Свой правый флангъ онъ уперъ въ морской берегъ, образующій здѣсь небольшую губу, выдающуюся слегка передъ фронтъ позиціи. Лѣвый флангъ занималъ крутые, обрывистые утесы, окаймленные дремучимъ, усѣянными камнями, лѣсомъ. Впереди фронта протекала болотистая рѣчка, топкіе берега ея поросли мелкимъ кустарникомъ. Оборона праваго фланга облегчалась для шведовъ присутствіемъ на морѣ нѣсколькихъ, пришедшихъ изъ Улеборга, канонерокъ; лѣвый флангъ усиленъ былъ многочисленными засѣками. (См. планъ сраж. при Оровайсь).

У шведовъ было не менѣе 7 тыс. подъ ружьемъ, не считая толпъ вооруженныхъ крестьянъ. Русскихъ было до 6 тыс. (по счету Михайловскаго-Данилевскаго). «Во всѣхъ же сихъ войскахъ не выводилось въ строѣ сполна пяти тысячъ человекъ», доносить въ рапортъ своемъ самъ гр. Каменскій. Въ 1^{1/2} верстахъ отъ главной позиціи шведы заняли дефиле у мельницы небольшимъ аріергардомъ. Утромъ 2-го числа Кульневу было приказано отбросить шведовъ за мостъ, но начать бой не ранѣе 10 часовъ и отнюдь не переходить рѣчки до подхода остального отряда, которому Каменскій желалъ дать набраться силъ. Нетерпѣливый Кульневъ отступилъ отъ этого приказанія, начавъ атаку двумя часами раньше, когда войска Каменскаго еще отдыхали. Мало этого, когда первая наша атака оказалась успѣшной и непріятель былъ «попяченъ за мостъ», Кульневъ увлекся и пустилъ своихъ стрѣлковъ, частью черезъ мостъ, частью вбродъ, на тотъ берегъ. Однако, со стороны шведовъ отступленіе было ловушкой: ихъ аріергардъ, втягивая за собою Кульнева къ главной позиціи, подвелъ его подъ анфиладный огонь съ канонерскихъ лодокъ, откуда даже высадился десантъ и ударилъ ему во флангъ. А съ фронта шведы были поддержаны съ главной позиціи и перешли въ штыковую контръ-атаку. Несмотря на самоотверженныя дѣйствія нашего единственнаго орудія, стоявшаго на дорогѣ и осыпавшаго шведовъ картечью, пока не переранена была вся прислуга, Кульневу не удалось удержаться: онъ долженъ былъ отходить назадъ и послалъ къ Демидову просить о

скорѣйшей поддержкѣ. Къ счастью, Демидовъ былъ близко: полки его, Пермскій и Петровскій, ударили съ обоихъ фланговъ и отбросили противника снова на главную его позицію, чему значительную поддержку оказала 4-хъ-орудійная батарея штабъ-капитана

Башмакова. «Сей расторопный офицеръ (сказано въ рапортѣ Каменскаго) своимъ искуснымъ дѣйствіемъ наносилъ непріятелю не малый вредъ». Однако, [превосходство въ силахъ позволило непріятелю повторить контръ-атаку, предварительно подготовленную огнемъ батарей, расположенныхъ на высотахъ. Изъ окоповъ затѣмъ выступили густыя колонны и «съ большимъ стремленіемъ» ударили на центръ и правый флангъ Кульнева, стараясь прорвать его боевой порядокъ и подвести лѣвое крыло подъ огонь канонерокъ, а правое загнать въ лѣсъ. Какъ разъ въ это время прибылъ на поле сраженія графъ Каменскій, услышавшій за 15 верстъ возгорѣвшуюся канонаду. Онъ потребовалъ головныхъ 1½ баталіона изъ колонны Ушакова, подкрѣпилъ ими центръ; остальнымъ же войскамъ приказалъ остановиться у мельницы и дальше не двигаться, до полученія приказанія.

«Не хотѣвъ еще (писать Каменскій) пускать въ дѣло остальной части отряда, дабы сберечь оное на рѣшительный ударъ, который предполагалъ нанести непріятелю не прежде, какъ предъ вечеромъ; поставя 25-й егерскій баталіонъ у мосту близъ мельницы, велѣлъ я, между тѣмъ, стягивать за оной полки Петровской, Пермской и Сѣвской на дорогу и устраивать ихъ въ боевой порядокъ и снабжать людей патронами. Сіе было произведено въ дѣйствіе въ полномъ порядкѣ и устройствѣ, несмотря на сильный натискъ непріятеля... Уже непріятель полагалъ, что одержалъ побѣду, посунувъ войска наши почти къ самому тому мосту, откуда сраженіе началось, но тутъ былъ встрѣченъ баталіономъ 25-го Егерскаго полка и другими разсыпанными по лѣсамъ войсками...

«Сіе происходило въ четвертомъ часу пополудни и я счелъ, что уже время нанести непріятелю рѣшительный ударъ».

Моментъ былъ «психологическій», и Каменскій, подобно своему великому учителю Суворову, рѣшился «обновить сраженіе» ¹⁾. Очевидецъ боя, Михайловскій-Данилевскій, даетъ картину болѣе удручающую, чѣмъ цитируемое официальное донесеніе. «Шведы... ударили въ штыки на нашъ центръ и опрокинули его. Наши фланги, раскинутые на большомъ пространствѣ въ стрѣлкахъ, побѣжали, опасаясь быть отрѣзанными... вся наша боевая линія была въ полномъ отступленіи, а шведы и финны, оглашая воздухъ радостными восклицаніями, быстро подавались впередъ пожинать плоды побѣды, казавшейся имъ несомнѣнною... Всѣ (у насъ) по-

¹⁾ Изъ реляціи Суворова о Клябурнѣ: «И обновилъ въ третій разъ сраженіе».

лагали сраженіе конченнымъ и проиграннымъ. *Одинъ Каменскій не отчаявался*».

Онъ *зналъ*, что есть еще у него въ тылу *свѣжія* войска, не подоспѣвшія къ полю битвы. То были: Литовскій полкъ, 6 ротъ Могилевскаго и конница (гродненцы и польскіе уланы). Адъютантъ за адъютантомъ посылались торопить ихъ.

Когда они подоспѣли *бгомъ* къ полю сраженія, Каменскій самъ ихъ встрѣтилъ и ободрилъ вдохновенными словами: «Покажемъ шведамъ, каковы русскіе; не выйдемъ отсюда живы, не разбивши шведовъ въ пухъ! Ружья на перевѣсъ! За мной! Съ нами Богъ! Ура!» Войска, воспламененные этимъ призывомъ, бросились съ громовымъ «ура» на противника, ободряемые криками офицеровъ и самого Каменскаго, который лично повелъ ихъ на первый штурмъ ¹⁾.

Въ своемъ рапортѣ онъ какъ бы изъ скромности умалчиваетъ объ этомъ эпизодѣ, свидѣтельствующемъ о его умѣньи въ критическую минуту поднять энергію своихъ войскъ до наивысшей точки. Онъ говоритъ тамъ только, что «пославъ нѣсколько свѣжихъ войскъ въ лѣсъ вправо и влѣво... приказалъ идти съ барабаннымъ боемъ со всѣхъ пунктовъ атаковать непріятели». Послѣдній, «который даже *не ожидалъ* и отпору, каковой нашелъ у мельницы, еще болѣе удивился сей новой атакѣ, а дабы произвести новую съ большимъ натискомъ, сталъ я помалу усиливать правый и лѣвый фланги остальными войсками, такъ что вскорѣ, кромѣ одного баталіона Могилевскаго полка, всѣ войска были въ дѣлѣ». И тогда поручилъ я команду праваго фланга генераль-маіору Демидову, а лѣваго—генераль-маіору Ушакову. Быстрое стремленіе неожиданной атаки дало тотчасъ иной видъ всему дѣлу: непріятели были тотчасъ отброшены, сбиты и въ большомъ безпорядкѣ прогнаны болѣе 3-хъ верстъ до укрѣпленной его позиціи».

Достигнувъ снова основной своей позиціи, шведы открыли ожесточенный огонь; несмотря на туманъ и наступившую темноту, кровопролитіе не прекращалось. Каменскій приказалъ «не переставать сраженія, пока непріятели не будутъ сбиты съ своей позиціи»; Демидову, начальствовавшему правымъ крыломъ, велѣно обойти лѣвый непріятелискій флангъ. Пока на всемъ фронтѣ, уже во мракѣ, горѣла непрерывная огненная линія выстрѣловъ, Демидовъ съ страшными трудностями пробирался черезъ густой, усѣянный камнями и изборожденный заѣсками лѣсъ. Какъ только къ

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій, стр. 252—53.

Каменскому пришло донесеніе о завершеніи обхода, немедленно имъ дано было приказаніе штурмовать позицію всѣми силами. Клингспоръ въ темнотѣ не принялъ рукопашнаго боя и, видя наши приближающіяся штурмовыя колонны, отдалъ приказъ объ отступленіи. Но уже духъ его войскъ былъ надорванъ непрерывнымъ 17-ти часовымъ боемъ. Шведы и финны, беспорядочными толпами, солдаты въ перемѣшку съ крестьянами, побѣжали, бросивъ въ Оровайсѣ на милость побѣдителя всѣхъ своихъ раненыхъ.

Преслѣдованіе, по причинѣ темноты, было ведено Кульневымъ лишь на короткое разстояніе, не болѣе 2-хъ верстъ и было остановлено сожженнымъ шведами мостомъ.

Сраженіе при Оровайсѣ было самымъ кровопролитнымъ и продолжительнымъ за все время войны. У шведовъ выбыло изъ строя болѣе 1.000 человекъ ($\frac{1}{7}$ всѣхъ силъ); у насъ убито до 400 и ранено до 700 человекъ, т. е. также свыше 1,000 человекъ или болѣе $\frac{1}{5}$. Ожесточеніе и упорство съ обѣихъ сторонъ было страшное. Утомленіе войскъ было таково, что, завладѣвъ шведской позиціей, солдаты не желали даже варить пищи и бросались отдыхать прямо на голую землю; однако, восторженно привѣтствовали они Каменскаго, который обошелъ всѣ биваки, благодаря всѣхъ отъ мала до велика за одержанную побѣду. На разсвѣтѣ весь отрядъ былъ готовъ къ выступленію, чтобы продолжать тѣснить противника, но оказалось, что послѣдній отступилъ поспѣшно еще до зари.

Причиною тому были донесенія о захватѣ Властовымъ, въ тылу у Клингспора, города Гамле-Карлебю, о чемъ, въ связи съ предшествующими событіями, происходившими на прибрежной дорогѣ, будетъ сказано ниже.

Ударъ, нанесенный графомъ Каменскимъ Клингспору подъ Оровайсомъ, былъ такъ могучъ, что оказался смертельнымъ; какъ раненый звѣрь, истекая кровью, отошли назадъ остатки «финской арміи» и могли только униженно просить о перемиріи... Народное возстаніе, пламеннымъ вихремъ охватившее весь край и перекидывавшее даже огненные языки свои въ сопредѣльную Корелію—быстро стало затихать, какъ только финны увидѣли, что нитать какія-либо надежды на возможность отвоеванія ихъ родины шведами—нечего и думать. Хотя война со Швеціей, послѣ Оровайса, и длилась еще почти цѣлый годъ, но уже дѣйствія ея имѣли своимъ предметомъ только коренную Швецію и ея вооруженныя силы. Финляндія, послѣ боя 2-го сентября, могла считаться нашей. Даль-

нѣйшія въ ней операціи свелись къ выдворенію остатковъ оборонявшихъ ее непріятельскихъ войскъ за границу этой провинціи; уже войска эти утратили возможность, безъ посторонней помощи, оказывать намъ серьезное противодѣйствіе, а помощь эта такъ и не была имъ какъ слѣдуетъ подана...

Въ сраженіи подъ Оровайсомъ графъ Каменскій проявилъ качества выдающагося генерала и выказалъ себя достойнымъ своего великаго учителя Суворова. Принявъ передъ боемъ, въ силу не полнѣ ясной для него обстановки, выжидательное положеніе и шелонировавъ свои войска въ глубину такъ, чтобы быть въ состояніи, въ любомъ возможномъ для Клингенора направленіи, встрѣтить его всеми своими слабѣйшими силами, Каменскій, какъ только окончательно выяснилось присутствіе главной массы шведовъ у Оровайса, стремится во что бы то ни стало добиться серьезнаго, рѣшительнаго боевого столкновенія. Сумѣвъ вѣрно разгадать психологію своего противника, склоннаго тотчасъ же отступить при сколько нибудь затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ заблаговременно принимаетъ мѣры къ тому, чтобы затормозить это отступленіе (высылка Властова и Козачковского), а самъ ведетъ бой, послѣдовательно вовлекая противника въ ожесточенную, упорную борьбу. Онъ умышленно скупится на выдѣленіе своему авангарду, преждевременно начавшему дѣло, подкрѣплений, даетъ ихъ только въ послѣднюю минуту, требуетъ отъ войскъ колоссальнаго напряженія физическихъ и духовныхъ силъ, возвращая въ огонь по нѣсколько разъ однѣ и тѣ же части, все это (какъ видно изъ его донесенія) для того только, чтобы сберечь какъ можно больше свѣжихъ силъ для «послѣдняго удара». Нанести этотъ ударъ онъ къ тому же заранѣе рѣшилъ «не прежде, какъ вечеромъ», т. е. когда противникъ, даже при удачѣ его контръ-атакъ, окажется самъ не менѣе надорванъ, чѣмъ наши передовыя войска. Введеніе самимъ Каменскимъ подъ Оровайсомъ въ бой резервовъ являетъ собою примѣръ замѣчательной выдержки, мастерскаго пользованія внезапностью, проявленія чудодѣйственнаго умѣнья взвинтить моральное напряженіе своихъ войскъ до предѣла и тонкаго воздѣйствія на духовную сторону противника, уже мечтавшаго, что побѣда—его. Въ этомъ отношеніи дѣйствія Каменскаго подъ Оровайсомъ, его умѣнье захватить въ свои руки ходъ сраженія, начало котораго разыгралось въ разрѣзъ съ его предположеніями, составляютъ положительный примѣръ и заслуживаютъ

быть внесенными въ разрядъ выдающихся образцовъ родного военного искусства.

Дѣйствія въ восточной Финляндіи до половины сентября.

Вліяніе рѣшительныхъ успѣховъ графа Каменскаго сказалось и на восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Необходимо изложить эти событія прежде, чѣмъ перейти къ завершенію операцій противъ графа Клингспора, такъ какъ безъ этого обстановка, при которой разыгрался заключительный актъ кампаніи 1808 года, не будетъ ясною.

Послѣ отъѣзда Барклая-де-Толли, въ командованіе нашимъ Куопіоскимъ отрядомъ, въ началѣ іюля мѣсяца, вступилъ снова Тучковъ 1-й, начальствовавшій здѣсь предшествующей зимою. По мнѣнію его (донесеніе Тучкова отъ 14-го іюля за № 328), для вытѣсненія Сандельса изъ Тайволы, существовало лишь два способа: либо угрожать частью своихъ силъ его сообщеніямъ, въ направленіи на Иденсальми, либо, пользуясь заготовляемыми водоплавными средствами, атаковать всѣми силами непріятельскую позицію, перебросивъ войска черезъ озеро Калавеси. Первому рѣшенію силы Тучкова не соотвѣтствовали. У него въ рукахъ было едва 5,000 человекъ, такъ какъ охрана сообщеній его съ Россією, черезъ волнующійся край, требовала значительнаго наряда. При такихъ слабыхъ силахъ, разумѣется, нечего было и думать о планѣ, основанномъ на ихъ *раздѣленіи*. Оставленіе слишкомъ слабого гарнизона въ Куопіо грозило возможностью потерять его. Бдительный и дѣятельный Сандельсъ, къ тому же всегда отлично знавшій черезъ мѣстныхъ жителей о каждомъ нашемъ шагѣ, несомнѣнно воспользовался бы такимъ благоприятнымъ случаемъ и перешелъ бы въ наступленіе; съ захватомъ же Куопіо положеніе группы, направленной на Иденсальми, становилось критическимъ, тѣмъ болѣе при условіи, что вся восточная Финляндія (Корелія) охвачена броженіемъ. Къ тому же, въ половинѣ іюля, общее положеніе дѣлъ нашихъ на театрѣ войны, какъ извѣстно, было далеко не блестящее, и поэтому главнокомандующій графъ Буксгевденъ поспѣшилъ отвергнуть первое предположеніе Тучкова; для выполненія же второго плана требовалось *время*, такъ какъ къ 14-му іюля судовъ успѣли заготовить только для перевозки 500 человекъ... Такимъ образомъ, волей-неволей, *приходилось* дѣйство-

вать здѣсь выжидательно; въ такомъ духѣ и дана Тучкову инструкція, причемъ, для содѣйствія въ постройкѣ судовъ, посланы были въ Куопіо изъ Петербурга корабельный мастеръ и 200 матросовъ. Тѣмъ не менѣе дѣло налаживалось плохо; къ концу іюля едва сдѣлали водоплавныхъ средствъ для подъема 1,000 человѣкъ, и то заготовленные плоты оказались ненадежными; при первомъ опытѣ едва не потопили посаженныхъ на нихъ солдатъ... Въ то же время и Сандельсъ, узнавъ о нашихъ приготовленіяхъ, сталъ принимать дѣятельныя мѣры по увеличенію своей гребной флотиліи...

Не будучи въ состояніи за весь іюль мѣсяцъ предпринять что либо рѣшительное противъ Сандельса, Тучковъ ходатайствовалъ передъ Буксгевденомъ, чтобы въ его распоряженіе отданъ былъ отрядъ генераль-маіора Алексѣева, не входившій въ составъ отдѣльнаго финляндскаго корпуса, а посланный въ Корелію прямо изъ Петербурга для усмиренія тамъ народнаго возстанія. Тучковъ имѣлъ въ виду направить эти войска изъ Сердоболя черезъ Іоенсу въ тылъ Тайволы, разсчитывая этимъ маневромъ побудить Сандельса къ отступленію... Ходатайство Тучкова было уважено, но не скоро еще пришлось ему воспользоваться содѣйствіемъ Сердобольскаго отряда.

Дѣло въ томъ, что послѣднему въ Кореліи, вмѣсто выполненія возложенной на него задачи прикрытія нашихъ границъ со стороны вооруженныхъ непріятельскихъ шаекъ и укрощенія мятежа, пришлось, такъ сказать, вести борьбу за собственное существованіе. Силы Сердобольскаго отряда были сперва прямо-таки ничтожны: 4 эскадрона Митавскаго драгунскаго полка и сотня казаковъ. По переходѣ нашей границы Алексѣевъ долженъ былъ обратиться къ жителямъ съ воззваніемъ, приглашая ихъ къ спокойствію; задерживаемыхъ съ оружіемъ въ рукахъ повстанцевъ ему предписывалось предавать смертной казни; онъ долженъ былъ все время поддерживать связь съ Выборгскимъ военнымъ губернаторомъ и съ нашими войсками въ Куопіо, причемъ въ населеніи распускать слухи, что его отрядъ двигается только на соединеніе съ войсками генерала Тучкова.

Разумѣется, выполнить всѣ эти многочисленныя задачи ничтожному пятиэскадронному конному отряду не было ни малѣйшей возможности.

О броженіи въ Кореліи и о начавшемся вооруженіи тамошняго населенія извѣщали насъ еще заранѣе православные священники Тайпальскаго и Иломантскаго приходовъ. Тѣмъ не менѣе отрядъ

Алексѣева тронулся изъ Сердоболя въ первоначальномъ составѣ 4-го іюля; 10-го онъ достигъ рѣки Пиелись, ширина которой доходить до 200 сажень. Здѣсь паромная переправа оказалась испорченной, а на противоположномъ берегу обнаружена значительная партія вооруженныхъ поселянъ. Въ то же время выяснилось присутствіе большихъ скопищъ вправо отъ отряда Алексѣева, близъ озера Пиались-Ярви. Кромѣ того Сандельсомъ, который давно уже оцѣнилъ для себя значеніе возстанія въ Кореліи (обезпеченіе фланга и тыла), отряженъ былъ въ Корелію одинъ изъ его офицеровъ, Мальмъ, во главѣ партизанскаго отряда. Алексѣеву, такимъ образомъ, враги грозили съ фронта и съ обоихъ фланговъ. Опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своего тыла, послѣдній остановился на южномъ берегу рѣки Пиелись. 16-го іюля на противоположномъ берегу ея появился Мальмъ; его прибытіе послужило сигналомъ къ общему возстанію окрестныхъ крестьянъ; въ то же время распущены были слухи о пораженіи нашихъ войскъ близъ Куопіо, скоромъ появленіи значительныхъ силъ шведовъ и ожидаемомъ наступленіи въ Корелію самого графа Клингспора съ главными силами шведской арміи. Слухи эти дошли до Алексѣева, были приняты имъ на вѣру, и онъ поспѣшилъ отступить къ границамъ старой Финляндіи, уничтожая за собою переправы. Во время отступленія повстанческія банды тревожили нашихъ драгунъ, устраивая засады и занимая тѣнины. Мальмъ искусно придалъ вооруженнымъ крестьянамъ видъ регулярныхъ войскъ: онъ велѣлъ имъ обвязать шляпы тесьмою и придѣлать къ нимъ кокарды изъ березовой коры, а къ охотничьимъ ружьямъ прицѣпить деревянные крашенные штыки. Это придавало крестьянамъ сходство съ Саволакскими егерями, носившими такія же сѣрыя сермяжныя свитки, какъ и мѣстное населеніе.

Въ Петербургѣ донесенія Алексѣева о наступленіи въ Корелію большихъ силъ непріятеля побудили послѣдить съ отправкою къ нему подкрѣпленій. Взяты были находившіяся *подъ руками* ¹⁾ въ предѣлахъ старой Финляндіи войска: 4-й Егерскій полкъ, четыре эскадрона ямбургскихъ уланъ и нѣжинскихъ драгунъ и четыре *конныхъ* орудія. 29-го іюля, еще до подхода всѣхъ этихъ подкрѣпленій, Алексѣевъ былъ оттѣсненъ Мальмомъ къ самому Сер-

¹⁾ Этими именно только и можно объяснить, что для дѣйствій въ такой пересѣченной мѣстности, какъ сѣверо-восточная Финляндія, послали преимущественно конницу, и даѣе—конную артиллерію.

доболу: Мальмъ заставилъ его отступить, выславъ сильный отрядъ на его сообщенія. Скопища возставшихъ такъ тѣсно обложили въ Сердоболѣ Алексѣева, что послѣдній уже распорядился погрузкою на суда всѣхъ своихъ запасовъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ наступленія непріятели, отправить всѣ тяжести Ладожскимъ озе-

Яковъ Петровичъ
КУЛЬНЕВЪ.

ромъ. Но Мальмъ не рѣшился атаковать Сердоболь; онъ только перешелъ русскую границу и расположился въ двухъ верстахъ за нею, а узнавъ о подкрѣпленіяхъ, подошедшихъ къ Алексѣеву, поспѣшилъ отойти назадъ. Къ этому побудило его также и то обстоятельство, что большинство вооруженныхъ имъ крестьянъ начали

расходиться по домамъ, какъ вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи, а также желанія принять участіе въ уборкѣ хлѣбовъ, такъ и потому, что съ вытѣсненіемъ русскихъ войскъ изъ своихъ предѣловъ они считали задачу выполненною.

Отступленіе Алексѣева изъ шведской Кореліи открыло непріятелю, кромѣ путей на Сердоболь, также дороги къ Нейшлоту, гарнизонъ котораго Тучковъ вынужденъ былъ подкрѣпить за счетъ своего и безъ того не особенно многочисленнаго отряда.

Неудачныя дѣйствія Алексѣева навлекли на него отрѣшеніе отъ командованія отрядомъ. Императоръ Александръ замѣнилъ его своимъ генераль-адъютантомъ, княземъ Долгорукимъ, который былъ подчиненъ со своимъ отрядомъ Тучкову. Такимъ образомъ дѣйствія нашихъ войскъ во всей восточной Финляндіи наконецъ были объединены.

1-го августа князь Долгоруковъ прибылъ въ Сердоболь, а 6-го выступилъ въ направленіи шведской границы, исполняя данное ему Тучковымъ предписаніе: выйти черезъ Йоенсуу въ тылъ Сандельсу и тѣмъ заставить его очистить Тайвольскую позицію. Такимъ образомъ, Тучковъ такъ и не рѣшился воспользоваться водоплавающими средствами и самъ атаковать шведовъ у Тайволы, а, придерживаясь своего собственнаго первоначальнаго плана, основалъ весь успѣхъ на маневрѣ Долгорукова, рассчитывая добиться цѣли одною угрозою непріятельскимъ сообщеніямъ. Между тѣмъ отрядъ Долгорукова былъ не силенъ: всего одинъ полкъ пѣхоты (4-егерскій), одинъ драгунскій (Митавскій) и еще 4 эскадрона драгунъ (Ямбургскаго и Нѣжинскаго полковъ); артилеріи было только 4 конныхъ орудія! Обращаетъ на себя вниманіе несоотвѣтственная организація этого отряда: преобладаетъ конница съ конной артилеріей, когда предстоитъ совершить маршъ-маневръ по мѣстности, даже для Финляндіи наиболѣе дикой, пересѣченной и труднопроходимой. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что въ Корелію послано было то, что нашлось подъ руками: другихъ свободныхъ войскъ не оказалось...

Наступленіе Долгорукова было непродолжительно: онъ вскорѣ получилъ свѣдѣнія о сосредоточеніи на флангѣ у себя огромнаго скопища повстанцевъ, по слухамъ до 6,000 человекъ, съ регулярными при немъ войсками. Такіе слухи были, конечно, преувеличены; тѣмъ не менѣе, начальникъ Сердобольскаго отряда не рискнулъ продолжать движеніе и *укрѣпился* у Рускіала, поджидая подкрѣпленій. Въ это время (половина августа) въ Финляндію начала

вступать, наконецъ 4-я дивизія князя Голицына ¹⁾ и головные эшелоны ея (2 баталіона Тенгинскаго, баталіонъ Навагинскаго полковъ и 3 роты Выборгскаго гарнизона) были двинуты на подкрѣпленіе Долгорукову ²⁾. Съ прибытіемъ ихъ 14-го августа, онъ выступилъ изъ Рускіала, у Кеми разбилъ довольно значительную банду; оставивъ здѣсь гарнизонъ, немедленно укрѣпившійся, онъ дошелъ до рѣки Пиелисъ, черезъ которую благополучно переправился при содѣйствіи нашихъ канонерокъ, присланныхъ изъ Вильманстранда и пробравшихся сюда по озерамъ. Дойдя до Иоенсуу, князь Долгоруковъ пріостановился, въ виду извѣстія о занятіи сильнымъ скопищемъ противника тѣснины на дальнѣйшемъ пути его слѣдованія. Укрѣпляясь въ Иоенсуу, Долгоруковъ началъ производить широкую развѣдку для болѣе точнаго выясненія степени справедливости первоначальныхъ свѣдѣній и тѣхъ трудностей, которыя могъ непріятель ему противопоставить. Это уже было 1-го сентября, канунъ Оровайса. Развѣдка выяснила, что противникъ вовсе не столь многочисленъ и при появленіи нашихъ партій—отступаетъ. Въ дальнѣйшемъ, дѣло осложнилось размолвкой Долгорукова съ Тучковымъ: послѣдній, какъ бы помѣнявшись ролю съ Буксгевденомъ въ отношеніи къ самому себѣ въ началѣ похода, понуждалъ Долгорукова быстрѣе двигаться впередъ, не желая ничего слышать о затрудненіяхъ и препятствіяхъ. Пререканія эти могли бы отразиться весьма невыгодно на усѣхѣхъ дѣла, если бы, благодаря удару, нанесенному подъ Оровайсомъ графомъ Каменскимъ шведскому главнокомандующему, всѣ махинаціи, направленные противъ Сандельса, не оказались излишними. Когда наконецъ, 17-го сентября, князь Долгоруковъ, пройдя 260 верстъ *въ мѣсяцъ и 11 дней*, наконецъ достигъ Меланьеми, въ одномъ переходѣ отъ тыла Тайвольской позиціи, и Тучковъ изготавился атаковать послѣднюю на другой день съ нимъ совмѣстно—оказалось, что Сандельсъ, уже наканунѣ 16-го, самъ отступилъ къ Иденсальми. Отступление это вызвано было, конечно, не дѣйствіями Тучкова съ

¹⁾ Дивизія эта была назначена въ Финляндію послѣ многократныхъ усердныхъ просьбъ графа Буксгевдена о присылкѣ подкрѣпленій.

²⁾ По усерднымъ просьбамъ послѣдняго, адресованнымъ *прямо* въ Петербургъ. Такимъ образомъ вышло, что войска, долженствовавшія идти туда, гдѣ рѣшалась судьба войны, т. е. въ *западную* часть Финляндіи, попали прежде всего на второстепенный театръ, въ *восточную* ея часть. Если бы просьбамъ не вняли въ Петербургѣ, то вѣроятно, графъ Каменскій имѣлъ бы въ своихъ рукахъ подъ Оровайсомъ силы, если не превосходныя то хоть равныя Клингспорю, и рискъ для насъ этого важнаго боевого столкновенія былъ бы менѣе великъ.

Долгоруковымъ, которые никакъ не могли спѣться, а побѣдою графа Каменскаго. Отступленіе Клингспора, послѣ Оровайса, вдоль побережья вновь на сѣверъ уже исключало для Сандельса возможность удерживаться въ сердцѣ Финляндіи, и онъ волей-неволей долженъ былъ разстаться съ Тайвольской позиціей и отходить на Инденсальми.

Отсюда видно, до какой степени рѣшительно было вліяніе успѣховъ графа Каменскаго. Побѣды его, одержанныя надъ источникомъ шведской силы, отдали намъ въ руки дѣйствительно всю Финляндію. Какъ обезматочившій улей, всѣ отряды и банды, доселѣ грозные и дѣятельные, сперва растерянно метались въ разныхъ направленіяхъ, а затѣмъ постепенно таяли. Въ Корелии волненіе еще держалось нѣкоторое время подъ предводительствомъ нѣкоего Тіанена. Отдѣльныя подвижныя колонны изъ оставленныхъ княземъ Долгоруковымъ гарнизоновъ на этапахъ въ Юенсуу, Кеми и Рускіялѣ, избородивъ край по разнымъ направленіямъ, привели его въ концѣ концовъ къ полному спокойствію.

Дѣйствія на Ботническомъ побережьи послѣ Оровайскаго боя, бой у Гельсинге и перемиріе въ Лохтео.

Возвратимся къ событіямъ на Ботническомъ побережьи.

Ночь послѣ Оровайской побѣды 2-го сентября, русскія войска, страшно утомленныя непрерывнымъ шестнадцатичасовымъ боемъ, провели близъ мѣстной кирки. Однако уже на разсвѣтѣ графъ Каменскій поднялъ свой отрядъ, намѣреваясь безостановочно преслѣдовать противника. Послѣдній, какъ оказалось, отступилъ успѣшно еще до зари, вслѣдствіе донесеній о событіяхъ, совершившихся въ тылу его.

Еще 1-го сентября генераль Козачковскій, направленный, какъ извѣстно, Каменскимъ, черезъ Каухава на Ньюкарлебу, въ тылъ Клингспору, дойдя до Каухавы, нашелъ здѣсь мостъ разрушеннымъ; тогда, наведя плавучій мостъ, Козачковскій перешелъ протокъ и атаковалъ Ютасъ, гдѣ находился арьергардъ бригады фонъ Дебельна, игравшій роль заслона для обезпеченія слѣва сообщеній шведской арміи. Бой при Ютасѣ оказался для насъ неудачнымъ, и Козачковскій долженъ былъ отойти къ Нидергерме, гдѣ и вошелъ въ связь съ главными силами графа Каменскаго.

Бой при Ютасѣ опозитизированъ въ «Разказахъ прапорщика Столя» Рунебергомъ и весьма чтится въ Финляндіи. На полѣ битвы

воздвигнуть монументъ съ изображеніемъ фонъ-Дебельна, который въ этомъ бою, будучи одержимъ жестокою лихорадкой, спѣшно прибылъ на поддержку арьергарда со своими бьернеборгцами и отбилъ атаку русскихъ. Распѣваемый донинѣ всею Финляндіей воинственный «Бьернеборгскій маршъ», призывающій къ вооруженной борьбѣ за отечество противъ «насилія», приуроченъ именно къ этой контръ-атакѣ; ее же изображаетъ извѣстная картина художника Эдельфельдта подъ тѣмъ же названіемъ.

Этотъ частный успѣхъ надъ небольшимъ нашимъ отрядомъ при Ютасѣ сравнительно мало отразился на общемъ успѣшномъ ходѣ нашихъ дѣлъ.

Значеніе побѣды Дебельна свелось къ тому, что онъ, своею смѣлою контръ-атакою при Ютасѣ, обезпечилъ благополучный проходъ по береговой дорогѣ обозныхъ колоннъ графа Клингспора наканунѣ Оровайскаго боя и прикрылъ путь отступленія самой арміи послѣ этого боя. Но кромѣ отряда Козачковскаго въ тылъ Клингспору двигался еще Властовъ, который, послѣ боя при Карстулѣ, не переставалъ гнать передъ собою безостановочно остатки разбитаго имъ тамъ отряда фонъ-Фіандта. Это неустанное преслѣдованіе продолжалось весь августъ мѣсяць, причемъ утомленный и утратившій бодрость духа Фіандтъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ сопротивленію, а довольствовался лишь уничтоженіемъ переправъ и порчею дорогъ. Какъ сказано было выше, онъ продолжалъ тоже и на прибрежномъ трактѣ, до тѣхъ поръ, пока окончательно созрѣвшее рѣшеніе Клингспора отступить на сѣверъ не побудило отмѣнить это и, наоборотъ, приказать возстановлять всѣ мосты. Тѣмъ не менѣе, въ своей поспѣшности, бросивъ Гамла-Карлеблю онъ уже успѣлъ разрушить мостъ у Химанко, на прибрежномъ трактѣ, главномъ комуникаціонномъ пути Клингспора. Властовъ занялъ Гамла-Карлеблю 2-го сентября, въ день Оровайскаго сраженія, и, такимъ образомъ, путь отступленія шведскихъ главныхъ силъ былъ *перехваченъ*. Указанное обстоятельство,—т. е. разрушеніе Химанкскаго моста,—по свидѣтельству графа П. К. Сухтелена («Картины въ дѣйствиі 1808—09 г. стр. 152) заставило шведскаго главнокомандующаго «поневолѣ» принять бой подъ Оровайсомъ; иначе весьма возможно, что онъ, въ силу личныхъ свойствъ своихъ, и на этотъ разъ постарался бы отъ него уклониться.

О занятіи Властовымъ Гамла-Карлеблю и объ отбитой атакѣ Козачковскаго Клингспоръ узналъ нѣсколько часовъ спустя послѣ

Оровайскаго боя. При свойственной ему преувеличенной заботливости о своихъ сообщеніяхъ, такого извѣстія было достаточно для того, чтобы заставить его сняться съ бивака и отступить еще до восхода солнца. 3-го сентября онъ благополучно миноваль Нью-Карлебу, сжегъ здѣсь мостъ и занялъ позицію у Сундбю, располагая задержать здѣсь наши передовыя войска, а тѣмъ временемъ успѣть вывезти изъ Якобштадта запасы и госпитали. Послѣ этого Клингспоръ рассчитываль *сбить* Властова и продолжать отступление на сѣверъ. Задача для него облегчалась существованіемъ въ Эстроботніи цѣлаго ряда рѣкъ и протоковъ, впадающихъ въ Ботнической заливъ и, особенно въ устьяхъ своихъ, представляющихъ собою довольно солидныя препятствія, хотя и не такія, какъ весною во время половодья. Тамъ, гдѣ во время зимняго похода Кульневъ настигалъ на отступавшихъ шведовъ, не стѣняясь этими преградами и пуская свою конницу въ обходъ фланговъ по льду Ботническаго залива,—теперь Клингспоръ успѣшно прикрываль свое отступление, уничтожая мосты и *пользуясь моремъ для отправки воды въ тылъ всего того, что подлежало эвакуации.*

Узнавъ о захватѣ Гамла-Карлебу Властовымъ, Фіандтъ оставилъ свой бѣгъ на сѣверъ и попытался черезъ Недерветиль войти въ связь съ подходящими съ юга головными эшелонами арміи Клингспора. Наши войска перешли въ наступленіе, но, угрожаемая съ двухъ сторонъ, должны были очистить Гамла-Карлебу, и отойти къ Недерветиль. Путь отступления шведовъ оказывался опять *свободенъ.*

Отсюда видно, что захватъ пути отступления противника отдѣльнымъ отрядомъ, что постоянно стремились дѣлать въ эту войну обѣ стороны, только тогда дѣйствителенъ, когда силы такого отряда достаточно внушительны, чтобы онъ могъ сдержать натискъ отступающихъ въ теченіе нужнаго времени.

10-го сентября Гамла-Карлебу было занято уже графомъ Каменскимъ, а Кульневъ, опять очутившійся въ авангардѣ и непрерывно удерживавшій соприкосновеніе съ противникомъ, возстановивъ разрушенный мостъ, продолжалъ преслѣдованіе; но въ 3-хъ верстахъ сѣвернѣе оказалась новая разрушенная переправа, а на другомъ берегу—непріятельскій арьергардъ, укрѣпившій позицію. Графъ Каменскій двинулъ отряды Властова ¹⁾ и Козачковскаго въ обходъ этой позиціи, а самъ рѣшилъ форсировать съ фронта широкій протокъ, для чего приступлено было къ заготовкѣ плотовъ.

¹⁾ Присоединившагося опять къ главнымъ силамъ.

Но на другой день, 12-го сентября, прибылъ сюда главнокомандующій графъ Буксгевденъ, выѣхавшій изъ Або 4-го сентября, по полученіи донесеній графа Каменскаго объ Оровайсѣ. Видя, что дѣла приняли здѣсь совершенно иной оборотъ, онъ призналъ свое личное присутствіе здѣсь болѣе необходимымъ.

Узнавъ о пріѣздѣ главнокомандующаго, графъ Клингспоръ обратился къ нему съ предложеніемъ заключить перемиріе. Чтобы понять ясно побудительныя причины такого обращенія, необходимо имѣть въ виду, что послѣ отъѣзда изъ Або графа Буксгевдена, тамъ произошли слѣдующія событія.

Какъ извѣстно читателямъ, Шведскій король уже съ іюля мѣсяца находился на Аландскихъ островахъ, намѣреваясь лично руководить высадками на финляндскомъ побережьи для содѣйствія графу Клингспору. Неудача первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи въ началѣ іюня побудила его рѣшиться забрать это дѣло въ свои собственныя руки; это понятно, если принять во вниманіе, что идея содѣйствія Клингспору не непосредственнымъ усиленіемъ его войскъ, а путемъ десантовъ въ тылу у непріятели, повидимому, принадлежала самому Густаву Адольфу IV. Однако, сосредоточеніе войскъ, сборъ необходимыхъ техническихъ средствъ и обученіе дѣйствию на гребныхъ судахъ шли далеко не успѣшно. Тѣмъ не менѣе, какъ только пришло извѣстіе о пораженіи Клингспора при Куортане и Сальми, король рѣшилъ не медля оказать содѣйствіе «финской арміи» и отрядилъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи войскъ 1¹⁾—2,600 человекъ подъ начальствомъ генерала Лантинсгаузена, которые должны были высадиться въ окрестностяхъ Або. Кромѣ того изъ порта Гефле должна была отплыть эскадра, съ двумя бригадами отборныхъ шведскихъ войскъ, въ число которыхъ входила и королевская гвардія. Эскадра эта имѣла приказаніе идти къ сѣверной части Аландскихъ острововъ и здѣсь ожидать приказанія короля относительно мѣста, гдѣ производить высадку.

Въ дѣйствительности только Лантинсгаузенъ достигъ своей цѣли. Онъ высадился въ Варанпяя, въ 70-ти верстахъ отъ Або; передовые посты и заставы наши, руководимые молодыми офицерами, неосмотрительно ввязались въ бой съ превосходными силами и были разбиты. Неприсятель продвинулся впередъ до Локколакса,

¹⁾ Войска, собранныя на Аландѣ, съ 20-го іюля получили громкое наименованіе «Южно-финской арміи»; одновременно войска графа Клингспора названы арміей «Сѣверно-финской». Численность первой не превышала, однако, 6,000 человекъ!

но здѣсь встрѣченъ былъ отрядомъ генерала Чоглокова, которому князь Багратіонъ (оставшійся здѣсь старшимъ по отъѣздѣ графа Буксгевдена) поручилъ съ баталіонами Перновскаго и Невскаго полковъ, полуэскадромъ гусаръ и 4-мя орудіями задержать высадившихся. Въ то же время посланы приказанія всѣмъ ближайшимъ войскамъ идти на поддержку Чоглокова. Вечеромъ 3-го сентября стороны столкнулись у Локколакса передовыми частями, а на утро завязалось серьезное дѣло, окончившееся отступленіемъ шведовъ къ своимъ судамъ, такъ какъ князь Багратіонъ, шедшій лично во главѣ подкрѣпленій, направилъ послѣднія въ разрѣзъ между моремъ и непріятельскимъ десантомъ, чѣмъ вынудилъ послѣдній къ поспѣшному отступленію на суда. Что же касается шведской эскадры, вышедшей изъ Гефле, то она попала въ туманъ и противные вѣтры; обѣщанныхъ крейсеровъ съ лоцманомъ на сѣверной оконечности Аланда она не встрѣтила, а тѣмъ временемъ разразившаяся буря разбросала суда въ разныя стороны, и они отдѣльными группами разновременно достигли шведскихъ береговъ. Только самое незначительное число десантныхъ войскъ этого отряда достигло береговъ Финляндіи и присоединилось къ «Сѣверно-финской арміи», суда же съ артилеріей затонули.

Вѣсти объ этой неудачѣ достигли до короля одновременно съ донесеніями о пораженіи Клингспора подъ Оровайсомъ. Разгнѣванный, онъ рѣшилъ сразу выбросить всѣ бывшія въ его распоряженіи на Аландѣ силы на материкъ. Свыше 5,000 человекъ подъ начальствомъ генерала Боіе было посажено на суда; имъ велѣно высадиться у Гельсинге, причемъ самъ король сопровождалъ десантный отрядъ на яхтѣ «Амадись», желая присутствовать при этой операци, на которую онъ возлагалъ свои послѣднія упованія. Какъ и при высадкѣ Лантинсгаузена, передовыя наши части были легко опрокинуты; въ теченіе двухъ сутокъ шведы оттѣсняли ихъ, причемъ, выполняя заранѣе отданное княземъ Багратіономъ приказаніе, наши отряды отходили концентрически къ узловому пункту, Химойсу, гдѣ заранѣе укрѣплена была тѣснина. 16-го сентября это сосредоточеніе совершилось; послѣ произведенной лично развѣдки, князь Багратіонъ убѣдился въ томъ, что на этотъ разъ высажены силы довольно значительныя, что подтверждалось и личнымъ присутствіемъ короля. Несмотря на то, что слухи сообщали о количествѣ войскъ непріятеля свѣдѣнія преувеличенныя, князь Багратіонъ, какъ истый «суворовецъ», и не думалъ о пассивномъ образѣ дѣйствій, хотя именно этому болѣе отвѣчала мѣстность.

Онѣ рѣшили *предупредить* готовящуюся атаку противника и самѣ атаковать шведовъ. Раздѣливъ свои войска (всего 6 съ небольшимъ баталіоновъ) на 3 колонны, онѣ направилъ правую, подъ начальствомъ Бороздина, противъ лѣваго крыла непріятеля, вдоль озера, откуда только что двинулась шведская колонна въ 4 баталіона въ обходъ нашей позиціи; центръ, порученный Багговуту, долженъ былъ удерживаться близъ большой дороги, а лѣвую колонну, маіора Бека онѣ послалъ въ тылъ праваго непріятельскаго фланга, черезъ цѣпь утесовъ, по едва проходимой тропинкѣ, какъ когда то не разъ самѣ ходилъ у Суворова въ швейцарскомъ походѣ.

Въ теченіе четырехъ часовъ боролся съ непріятелемъ Бороздинъ и, наконецъ, отбросилъ противника къ деревнѣ Ярвенпяя, которую вскорѣ и занялъ. Багговуть не далъ развернуться двигавшейся противъ него шведской колоннѣ и началъ тѣснить ее вдоль большой дороги, а наша артилерія разстроила ряды непріятеля; увлекшись одержаннымъ успѣхомъ, обѣ наши колонны постепенно продвигались впередъ, и между ними образовывался все бѣльшій и бѣльшій промежутокъ. Этимъ именно и рѣшили воспользоваться генераль Боіе и двинулъ туда сильную колонну, которая должна была разобщить наши войска между собою. Но эта контръ-атака была отбита Багратіономъ, который, какъ подъ Шенграбеномъ, повелъ самѣ шѣхоту въ штыки и отразилъ ударъ, въ то время какъ подъ руководствомъ его начальника штаба, генерала Адеркаса, разсыпавшіеся по скаламъ стрѣлки наши осыпали шведскую колонну продольнымъ огнемъ съ обоихъ фланговъ. Этотъ отпоръ былъ успѣшенъ, и даже, на плечахъ отбитаго непріятеля, наши солдаты ворвались на мызу Віансъ, составлявшую тактическій ключъ непріятельской позиціи, и овладѣли ею.

Тѣмъ временемъ маіоръ Бекъ пробирался по скаламъ и дебрямъ въ тылъ шведовъ. Какъ только войска его показались на гребняхъ утесовъ и стали съ нихъ спускаться, — тотчасъ же въ рядахъ противника обнаружился беспорядокъ, замѣченный Багратіономъ, который прямо направилъ Бороздина къ мѣсту высадки непріятеля, не заботясь о связи съ остальными войсками. Шведы стали поспѣшно отступать къ Гельсингу. Гродненскіе гусары, съ маіоромъ Лидерсомъ во главѣ, воспользовавшись небольшою равниною, произвели атаку, и удачный ударъ этой лихой конницы (отсутствовавшей у шведовъ) обратилъ ихъ отступление въ полное бѣгство. Въ самомъ Гельсингѣ генераль Боіе попытался дать еще отпоръ,

ніяхъ съ тѣми лицами, которыя въ то время уже подготавливали государственный переворотъ? Какъ бы то ни было, выгоды перемирія были всецѣло на сторонѣ шведовъ, истомленныхъ физически и нравственно, лишенныхъ продовольствія въ опустошенномъ краѣ и уже поколебленныхъ духомъ. «Надежда возвратиться въ отечество съ мечемъ въ рукахъ совершенно исчезла (пишетъ шведскій ген. Аминовъ, участникъ похода). Можно ли послѣ того удивляться, что болѣзни, неудовольствія и равнодушіе мало по малу вкрались въ нашу храбрую армію и вскорѣ оказалось въ ней величайшее зло—побѣги».

Однако, не всѣ шведскіе генералы находили положеніе безвыходнымъ и перемиріе — единственнымъ средствомъ спасти армію. Смѣлый и энергичный фонъ-Дебельнъ, изнуряемый жестокою лихорадкою, вслѣдъ за боемъ у Ютаса, подаль Клингспору записку (полученную имъ во время Оровайскаго сраженія), въ которой предлагалъ *броситься встми силами* въ направленіи одержаннаго успѣха, т. е. вслѣдъ за отступившимъ Козачковскимъ, по дорогѣ на Лаппо—Алаво—Вирдойсъ—Таммерфорсъ. Этимъ движеніемъ всѣ наци войска въ южной и юго-западной Финляндіи отрѣзывались отъ сообщеній съ Россіей, и даже могли очутиться между двухъ огней, если король съ Аланда повторилъ бы свою высадку.

«Русскій Императоръ никогда болѣе не услышалъ бы объ своей арміи и принужденъ былъ бы навсегда отказаться отъ завоеванія Финляндіи». При всемъ уваженіи къ имени генерала Дебельна, какъ одного изъ наиболѣе отличившихся въ эту войну шведскихъ генераловъ - *тактиковъ*, нельзя серьезно относиться къ этому плану, полному благороднаго порыва, но совершенно не соображенному съ обстановкою. Ни силы, ни, главное, качественное состояніе шведской арміи, особенно въ данный моментъ, не отвѣчали такому наступленію. Къ тому же, вторгаясь въ центръ раіона нашего расположенія, Клингспоръ, несомнѣнно былъ бы весьма скоро окруженъ нашими отдѣльно дѣйствующими отрядами и могъ быть самъ поставленъ въ безвыходное положеніе въ смыслѣ питанія.

Несомнѣнно, что дальнѣйшее рѣшительное наступленіе наше сулило намъ быстрое окончаніе войны; поэтому соглашаться на перемиріе было съ нашей стороны безусловно ошибочно. Въ оправданіе графа Буксгевдена должно сказать, что ему не было извѣстно о новомъ положеніи вещей въ Куопіоскомъ раіонѣ, гдѣ Сандельсъ какъ разъ къ этому времени очистилъ Тайвольскую по-

зицію, а главною выгодою перемирія нашъ главнокомандующій именно и считалъ условіе отвода Сандельса назадъ къ Иденсальми. Кромѣ того, нашъ главнокомандующій располагалъ дать отдыхъ войскамъ, подтянуть продовольствіе, а съ наступленіемъ зимы приступить къ выполненію давно задуманнаго перехода въ Швецію, возможнаго сравнительно легко только въ это время года. Да и самое наступленіе вокругъ Ботническаго залива облегчалось зимою, когда главныя преграды здѣсь—широкія и быстрыя рѣки—замерзали.

Переговоры состоялись въ Лохтео 17-го сентября, и перемиріе было подписано. Шведы отошли къ Химанко, по сую сторону котораго проведена демаркаціонная линія; между Тучковымъ и Сандельсомъ она прошла черезъ селеніе Иденсальми. Срокъ перемирія установленъ не былъ, и лишь постановлено извѣстить другъ друга за 8 дней о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Донесеніе о соединеніи войскъ Тучкова съ Сердобольскимъ отрядомъ, о занятіи ими Тайвольской позиціи и объ отступленіи Сандельса къ Иденсальми получено было въ Петербургѣ одновременно съ донесеніемъ графа Буксгевдена о заключеніи перемирія. Императоръ Александръ Павловичъ находился въ то время въ Эрфуртѣ и на время своего отсутствія уполномочилъ комитетъ министровъ объявлять Высочайшія повелѣнія въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. По предложенію военного министра графа Аракчеева назначено было экстренное засѣданіе комитета, въ которое приглашенъ генералъ Кноррингъ, бывшій генералъ-квартирмейстеромъ нашихъ войскъ въ Финляндіи въ войну 1788—1790 гг. и поэтому весьма часто являвшійся въ качествѣ, такъ сказать, «петербургскаго эксперта финляндскихъ дѣлъ». Генералъ Кноррингъ самъ мѣтилъ въ главнокомандующіе финляндской арміи (онъ и замѣстилъ вскорѣ графа Буксгевдена) и потому всегда охотно критиковалъ всѣ дѣйствія и распоряженія своего предмѣстника.

Совѣщаніе комитета приняло въ соображеніе: а) успѣхи графа Каменскаго и разстроенное состояніе войскъ графа Клингспора, тогда какъ нашъ отрядъ Тучкова «находился еще въ совершенномъ устройствѣ»; б) что предложеніе о перемирії послѣдовало отъ Клингспора, когда онъ занялъ крѣпкую позицію за широкой рѣкою,—что подтверждаетъ разстройство его войскъ; в) что выгода отъ перемирія—отходъ Сандельса—уже и такъ достигнута, и г) что, наоборотъ, только рѣшительнымъ наступленіемъ Тучкова

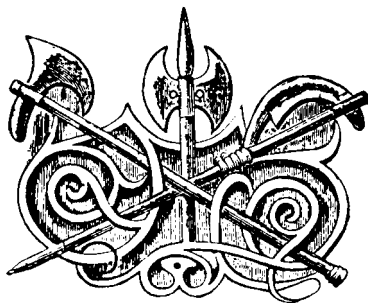
къ Улеаборгу можно добиться окончанія войны, отрѣзавъ отступленіе въ Швецію остаткамъ войскъ Клингспора. Поэтому комитетъ, именемъ Государя Императора, предписалъ главнокомандующему *«немедленно разрушить перемиріе»* и *«причиненную тѣмъ въ дѣйствіяхъ остановку вознаградить постыжнымъ движеніемъ корпуса Тучкова»*.

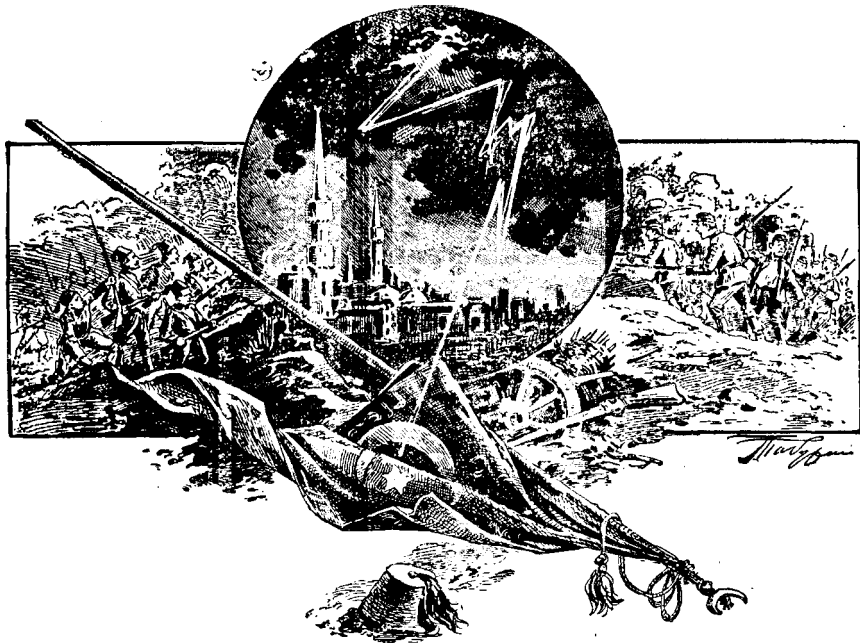
Кромѣ того комитетъ одобрилъ предположеніе военнаго министра послать въ Финляндію, кромѣ уже вступившей туда (съ половины августа) 4-й дивизіи князя Голицына, съ приходомъ которой общая численность нашихъ войскъ въ Финляндіи доведена была до 45 тысячъ человекъ,—еще два «резерва»: одинъ изъ 3-хъ баталіоновъ (въ Ловизу), а другой (изъ двухъ баталіоновъ преобразенцевъ и измайловцевъ)—въ Вильманstrandъ.

Графъ Буксгевденъ въ пространномъ донесеніи на Высочайшее Имя оправдывалъ свои распоряженія и доказывалъ необходимость перемирія; однако, комитетъ министровъ не призналъ его доводовъ уважительными и 4-го октября снова повторилъ ему Высочайшее повелѣніе немедленно возобновить военныя дѣйствія. Обо всемъ этомъ Государь получилъ донесенія въ Эрфуртѣ и вполне одобрилъ распоряженія комитета, а заключенное перемиріе (въ письмѣ къ государственному канцлеру графу Румянцеву) назвалъ «ошибкою непростительною».

П. Кибѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРЕПИСЬ ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ въ 1854 году.

(Отрывокъ изъ печатающагося II тома соч. «Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой»).

I.

Еще лѣтомъ 1853 года, до вступленія нашихъ войскъ въ Придунайскія Княжества для военно-политическаго воздѣйствія на Турцію, началась весьма дѣятельная переписка между Государемъ и князьями Варшавскимъ, Долгорукимъ, Горчаковымъ, Меншиковымъ и Воронцовымъ о планѣ предстоящей кампаніи, если бы споръ нашъ съ Турціей не удалось разрѣшить иначе, какъ силою оружія. Очень характерная и знаменательная переписка эта является замѣчательнымъ доказательствомъ того, какъ военныя операціи могущественной арміи парализуются вмѣшательствомъ фальшивыхъ политическихъ соображеній и какъ армія, привлеченная не для своей прямой цѣли—разсѣченія запутаннаго Гордіева узла политической обстановки, а лишь для физической полумѣры, связывается по рукамъ и ногамъ

и въ концѣ концовъ становится въ положеніе, противное всѣмъ принципамъ военнаго искусства.

По первоначальнымъ предположеніямъ, изложеннымъ въ собственноручной запискѣ Императора Николая отъ 16—17-го мая 1853 года ¹⁾, задача нашей Дунайской арміи заключалась въ военно-политическомъ воздѣйствіи на Турцію, и это главное положеніе должно было лечь въ основу всѣхъ дѣйствій князя Горчакова.

Государь, «желая всегда избѣгать войны съ Турціей по гибельнымъ ея послѣдствіямъ для войскъ и по неопредѣленности цѣли дѣйствій, ежели избѣгнуть хотимъ, конечно, ниспроверженія Турецкой Имперіи», раздѣлилъ военныя дѣйствія противъ Оттоманской Порты на три раздѣла или эпохи.

Первая эпоха заключалась въ занятіи Придунайскихъ Княжествъ и въ отраженіи въ нихъ нападенія турокъ, если бы они рѣшились произвести таковое.

При невоздѣйствіи на непріятеля занятія нами Княжествъ должно было наступить время къ усиленію принудительныхъ средствъ. Государю желательно было, чтобы въ этотъ второй періодъ и австрійцы приняли активное участіе, занявъ Герцеговину и Сербію. При этомъ Императоръ Николай полагалъ сообщить туркамъ, что ежели они не согласятся на наши предложенія, то онъ объявитъ независимость Княжествъ и Сербіи. Переходить Дунай Государь, однако, не предполагалъ и въ то время.

Наконецъ, если турки все еще будутъ продолжать упорствовать, то тогда, по словамъ записки Императора Николая, «наступить время угрозу исполнить и признаніемъ независимости Княжествъ положить начало разрушенія Оттоманской Имперіи».

Вотъ съ какой программой армія князя Горчакова двинулась на берега Дуная и, хотя начальникъ ея признавалъ эту программу вполне соотвѣтствующей обстоятельствамъ ²⁾, тѣмъ не менѣе онъ понималъ, что не придется ограничиться лишь исполненіемъ ея. «При всемъ моемъ желаніи», писалъ онъ своему другу князю Меншикову, «мнѣ невозможно будетъ перейти Дунай въ этомъ году... для этого мнѣ не хватаетъ время, силъ и средствъ переправы». Такимъ образомъ съ первыхъ же шаговъ выдвигался на

¹⁾ Смотри. А. М. Заіончковскій: «Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ совр. ей полит. обст.». Т. 1-й. Прил. № 218.

²⁾ Кн. Горчаковъ—князю Меншикову 17-го іюня 1853 г. Арх. В. Уч. Ком. № 4253.

очередь вопросъ объ измѣненіи неестественнаго плана *трехъ эпохъ*. «Если будетъ война», писалъ Горчаковъ Меншикову въ томъ же письмѣ, «то я увѣренъ, что она будетъ очень трудная. Въ случаѣ англичане и французы будутъ противъ насъ, то вашъ флотъ будетъ парализованъ ихъ флотомъ. Если же они останутся нейтральными, въ чемъ я сомнѣваюсь, то единственная существенная помощь, которую вы мнѣ можете оказать, это десантомъ въ Бургасъ и перевозкой жизненныхъ продуктовъ, такъ какъ я не вѣрю въ успѣхъ морского нападенія на Константинополь» ¹⁾).

Въ ряду предположеній о возможномъ планѣ будущей кампаніи главное мѣсто занимала мысль о переходѣ черезъ Дунай.

Впервые на ней болѣе подробно остановился Паскевичъ въ своей перепискѣ съ княземъ Горчаковымъ. Въ письмѣ отъ 6-го іюля 1853 года ²⁾ престарѣлый фельдмаршалъ, на ряду съ цѣлымъ рядомъ совѣтовъ по устройству интендантской части, которой онъ придавалъ такое серьезное значеніе, затрагивалъ вопросъ и о наступательной кампаніи.

Она не представлялась князю Ивану Федоровичу трудной, такъ какъ онъ еще не разсчитывалъ на вмѣшательство западныхъ державъ и тѣмъ болѣе Австріи; силамъ же турокъ фельдмаршалъ не придавалъ особаго значенія.

Лучшимъ мѣстомъ для переправы черезъ Дунай Паскевичъ считалъ Гирсово, какъ пунктъ, вдающійся въ Болгарію, близкій къ морю и къ Варнѣ, которую онъ ставилъ первымъ и главнымъ предметомъ нашихъ дѣйствій. Движеніе къ этой крѣпости и взятіе ея фельдмаршалъ признавалъ необходимымъ сдѣлать возможно скорѣе, не увлекаясь до паденія Варны никакими другими цѣлями и лишь отбивая попытки непріятели помѣшать скорому овладѣнію этой крѣпостью.

Если бы турки преждевременно погорячились и перебросили большія силы черезъ Дунай до перехода его нашими войсками, то Горчакову надлежало ихъ разбить, воспользоваться своей побѣдой, и тогда война могла бы окончиться ранѣе, чѣмъ это предполагалось.

Фельдмаршалъ не находилъ невыгоднымъ отложить переходъ черезъ Дунай до весны, такъ какъ, хотя къ этому времени турки и поправятъ нѣсколько свои крѣпости, но едва ли будутъ сильнѣе:

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

²⁾ Письмо это помѣщено въ январской книжкѣ «Русской Старины» за 1876 годъ.

«Никакъ нельзя ручаться за это», писалъ Государь 1), «ибо на злобу и сумасшествіе нѣтъ ни мѣры, ни правилъ: на все быть готову необходимо». А потому, не рѣшивъ еще окончательно будетъ ли возможно начать въ 1854 году наступательную войну, Государь повелѣлъ разсчитывать подвозъ всего продовольствія сухимъ путемъ.

Результатомъ такой политической обстановки была новая записка князя Горчакова о наступательной кампаніи за Дунаемъ, составленная 20-го сентября 1853 года въ предположеніи, что мы не будемъ владѣть Чернымъ моремъ 2).

Согласно этой записки начать кампанію предполагалось въ концѣ марта или въ первыхъ числахъ апрѣля въ зависимости отъ состоянія подножнаго корма. Базой предстоявшихъ дѣйствій долженъ былъ служить Дунай отъ устья до Гирсова, а наступленіе надлежало вести въ пространствѣ между моремъ и линіей отъ Гирсова на Праводы, Адрианополь и Константинополь съ тѣмъ, чтобы въ Валахіи не распространяться далѣе Бухареста. При наступленіи слѣдовало ограничиться лишь взятіемъ укрѣпленій Бабадагской области и Варны, маскируя Шумлу. По взятіи Варны оставить достаточное число войскъ для прикрытія тыла, перейти Балканы между Праводами и моремъ и наступать далѣе на Адрианополь и Константинополь.

Необходимое количество войскъ для выполненія означеннаго плана князь Горчаковъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Придунайскихъ Княжествахъ 6 полковъ пѣхоты съ артиллеріей, 2 кавалерійскихъ полка съ батареями и 2 казачьихъ полка. Такой значительный отрядъ для Княжествъ объяснялся тѣмъ, что всѣ Дунайскія крѣпости должны были оставаться въ рукахъ турокъ.

Бессарабію оборонять мѣстными войсками. Въ окрестностяхъ Одессы и въ Крыму имѣть пѣхотную дивизію съ артиллеріей и одинъ казачій полкъ, но, въ случаѣ объявленія западными державами намъ войны, авторъ записки полагалъ необходимымъ увеличить тамъ число войскъ.

Наконецъ для дѣйствія въ Болгаріи и Румеліи считалось достаточнымъ имѣть 6 пѣх. дивизій съ артиллеріей, 2 стрѣлк. баталіона, 3 саперн. и 3 понт. баталіона, 1¹/₂ кавал. дивизіи съ артиллеріей и 8 казачьихъ полковъ съ 2 батареями.

1) Воен. мин. кн. Горчакову 29-го августа 1853 года № 986. Арх. канц. воен. мин. по св. в. 1853 г. с. д. № 65.

2) Арх. канц. воен. мин. 1853 г. секр. д. № 60.

Князь Горчаковъ предполагалъ, что главныя силы турокъ, во время осады нами Варны, не выйдутъ изъ своихъ крѣпостей и Шумлы, чтобы не дать намъ случая ихъ разбить, а поэтому послѣ взятія нами Варны считалъ необходимымъ оставить въ Болгаріи для прикрытія нашего тыла 2 пѣх. дивизіи, 1 кавал. бригаду и три казачьихъ полка со вспомогательными частями; остальные же войска, силою около 60 тысячъ, употребить на походъ за Балканы.

Надо думать, что этотъ нѣсколько односторонній планъ кампаніи, ставившій армію въ ея наступленіи къ Варнѣ и Константинополю въ тиски между моремъ, которое могло быть въ рукахъ англо-французскаго флота, и не взятыми турецкими крѣпостями, безъ всякой опоры со стороны нашего праваго фланга, не произвелъ серьезнаго впечатлѣнія въ Петербургѣ, такъ какъ его замолчали и неизвѣстно даже, былъ ли онъ доложенъ Государю.

Князь А. С. Меншиковъ съ своей стороны полагалъ, что главные удары Турціи надо нанести въ Азіи, гдѣ она болѣе слаба; задача же нашей арміи на Балканскомъ полуостровѣ сводилась лишь къ удержанію тамъ большей части непріятельскихъ войскъ ¹⁾, причѣмъ слѣдовало постараться разбить ихъ по частямъ до сосредоточенія къ Шумлѣ.

Военный министръ въ своемъ письмѣ къ Меншикову присоединился къ мыслямъ князя и сообщалъ ему, что Государь раздѣляетъ ихъ вполнѣ, «по крайней мѣрѣ до сего времени», присовокупляетъ онъ, «но я вамъ не отвѣчаю за то, что будетъ завтра ²⁾».

Лично Императоръ Николай высказалъ свои соображенія по поводу кампаніи 1854 года въ обстоятельной собственноручной запискѣ, составленной въ концѣ октября и началѣ ноября 1853 г. Дѣйствительность заставила убѣдиться Государя въ непрактичности плана трехъ эпохъ, на которомъ онъ такъ неохотно и подъ давленіемъ своихъ совѣтниковъ остановился. Но въ этой запискѣ замѣтны лишь слабыя попытки сбросить съ арміи паутины политическаго надъ ней гнета.

Кампанія 1854 года, по словамъ Государя ³⁾, могла быть: оборонительною противъ турокъ въ Европѣ и наступательною въ Азіи; оборонительною противъ турокъ въ союзѣ съ Франціей и Англіей и наступательною въ Азіи; наступательною въ Европѣ и Азіи

¹⁾ Кн. Меншиковъ—кн. Долгорукову 28 сентября 1853 г. Арх. В. Уч. Ком. Гл. Шт. № 4254.

²⁾ Кн. Долгорукову—кн. Меншикову 9 октября 1853 г. Тамъ-же.

³⁾ Арх. к. в. м. 1853 г. с. д. № 60.

противъ однихъ турокъ и противъ нихъ же, несмотря на союзъ ихъ съ Франціей и Англійей.

«Неувѣренность или сомнѣніе», писалъ Государь, «что примуть Англія и Франція при открытіи кампаніи, требуютъ съ нашей стороны такихъ соображеній, которыя, обезпечивъ собственныя наши границы отъ непріятельскихъ предпріятій, давали бы однако намъ возможность наносить наибольшій вредъ Турціи, не тратя безъ необходимости русскую кровь». Въ зависимости отъ этого надлежало обезпечить собственныя границы и наступательно дѣйствовать противъ непріятели.

Нападенія на наши границы съ сухого пути Государь не ожидалъ, а опасался лишь морскихъ предпріятій и высадокъ. Не затрагивая въ запискѣ вопроса о Балтійскомъ побережьи, онъ останавливалъ свое вниманіе на Черномъ морѣ. Здѣсь нападенію могли подвергнуться Одесса, Крымъ или береговыя укрѣпленія на Кавказѣ. Этотъ послѣдній случай Державный авторъ записки признавалъ самымъ невыгоднымъ, такъ какъ онъ повлекъ бы за собою очищеніе береговой линіи за исключеніемъ, можетъ быть, Анапы, Новороссійска, Геленджика и Сухумъ-Кале. Къ атакѣ на Крымъ, по предположенію Императора Николая, слѣдовало готовиться, какъ только союзники появятся въ Царьградѣ; нападеніе на Одессу не представлялось опаснымъ, такъ какъ оно могло повлечь за собою лишь бомбардированіе города. Наконецъ переправа непріятели черезъ Дунай въ наши предѣлы вблизи Измаила или Рени представлялась невѣроятною.

Переходя къ разсмотрѣнію наступательной войны противъ турокъ, Государь признавалъ желательнымъ первоначально ограничиться обороною Княжествъ, выбивъ, однако, турокъ изъ Калафата, но въ то же время на Кавказѣ энергично наступать и до весны овладѣть Карсомъ, Баязетомъ и Ардаганомъ. Если и послѣ этого не послѣдуетъ перемены въ упорствѣ турокъ, то приступить примѣрно въ концѣ марта къ переправѣ черезъ Дунай.

Самую операцію Государь полагалъ начать сильной демонстраціей у Сатунова и Гирсова, дабы настоящую переправу исполнить выше Видина, послѣ чего приступить къ осадѣ этой крѣпости. Надо полагать, что Видину придавалось большое значеніе въ смыслѣ воздѣйствія на поднятіе къ возстанію сербовъ. Еслибы демонстраціи наши не удались и турки стянули бы главныя свои силы къ Видину, то тогда у Сатунова и Гирсова предполагалось произвести настоящую переправу, причемъ войска наши должны были занять край до Троянова вала, блокируя Исакчу, Тульчу и Кюстенджи.

По окончаніи этихъ операцій подлежало осаждать Видинъ и дѣйствовать противъ турецкой арміи, ежели она пойдетъ на помощь къ этой крѣпости, или же двигаться противъ войскъ въ Бабадагской области. Въ первомъ случаѣ, т. е. при наступленіи турецкой арміи къ Видину, слѣдовало итти на встрѣчу непріятелю и стараться разбить его, «напустивъ сербовъ имъ въ лѣвый флангъ и тылъ». У Троянова вала, если турки не сильны, также разбить ихъ; ежели же они тамъ будутъ очень сильны, то отступить къ Гирсову и продолжать осаду Видина, паденіе котораго Государь предполагалъ въ августѣ мѣсяцѣ.

Если въ Черномъ морѣ не будетъ флотовъ англійскаго и французскаго, то обязанность нашего флота должна была состоять въ защитѣ нашихъ береговъ и въ нанесеніи возможнаго вреда туркамъ, препятствуя свободному сообщенію съ ихъ портами.

Дальнѣйшее упорство турокъ должно было придать борьбѣ еще болѣе широкой характеръ. «Полагаю», писалъ Государь, «что этому предшествовать должно возваніе къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ къ возстанію объявленіемъ, что мы идемъ впередъ для избавленія ихъ отъ турецкаго ига... Разрѣшенное формированіе волонтерныхъ ротъ будетъ тогда служить основаніемъ или корнемъ новыхъ ополченій въ Сербіи и Булгаріи, на что употребится зима 1854 года».

Въ Азіи предполагалось въ это время завладѣть Кобулетомъ и Батумомъ, не подаваясь далѣе впередъ, но дѣлая частые набѣги и предоставляя персамъ вести наступательную войну.

«Начало 1855 года», кончалъ Императоръ Николай свою записку, «укажетъ намъ какую надежду возлагать можемъ на собственные способы христіанскаго населенія Турціи и останутся ли и тогда Англія и Франція намъ враждебными. Мы не иначе должны двинуться впередъ, какъ ежели народное возстаніе за независимость приметъ самый обширный и общій размѣръ; безъ сего общаго содѣйствія намъ не слѣдуетъ трогаться впередъ; борьба должна быть между христіанами и турками, мы же какъ бы оставаться въ резервѣ» ¹⁾).

Глубокая вѣра Государя въ правоту своихъ требованій и желаніе сохранить Турцію видны и въ этомъ планѣ военныхъ дѣйствій. Конечная цѣль операцій сводилась въ немъ не къ нанесенію Оттоманской портѣ рѣшительнаго удара, а лишь къ усугубленію мѣръ воздѣйствія, желая въ то же время сохранить цѣлость

¹⁾ Курсивъ подлинника.

Турецкой имперіи. И только продолжавшееся упорство турокъ заставило бы Императора Николая выдвинуть на очередь и поддерживать общее возстаніе христіанскихъ народностей съ цѣлью освобожденія ихъ отъ турецкаго ига, что вполне справедливо Государь почиталъ вопросомъ еще далеко не созрѣвшимъ.

Николай Павловичъ все еще продолжалъ вѣрить въ неестественность союза Англіи и Франціи съ Турціей и рассчитывалъ, что ко времени общаго возстанія христіанъ обѣ эти державы перестанутъ быть намъ враждебными.

Записка Государя была препровождена для свѣдѣнія и соображенія Паскевичу, Воронцову и Меншикову. Клязю же Горчакову она была отправлена со слѣдующей припиской военнаго министра: «Ожидая вашего по сей запискѣ заключенія, Государь Императоръ желать изволить, дабы при изложеніи онаго вы не стѣснялись мнѣніемъ Его Величества, но руководствовались собственными вашими убѣжденіями» ¹⁾.

Первымъ успѣвшимъ отвѣтить на записку Государя князь Варшавскій. Онъ почиталъ себя счастливымъ, что его мысли сходились съ планомъ Императора Николая ²⁾ и лишь дополнялъ его своей идеей подготовить исполненіе этого плана въ теченіе наступающаго зимняго періода. Идея эта была довольно оригинальна и заключалась въ томъ, чтобы устроить на Дунаѣ посредствомъ флотилии и судовъ плавучій магазинъ съ боевыми и продовольственными запасами, переправиться противъ Исаки въ первой половинѣ февраля на правый берегъ Дуная и, подвигая за собой вверхъ по рѣкѣ этотъ плавучій магазинъ, а также устроенный плавучій мостъ, забирать одну за другой турецкія крѣпости, начиная съ Исаки.

Такимъ способомъ Паскевичъ полагалъ избѣжать неудобства зимней кампаніи въ отношеніи недостатка фуража и непроѣздныхъ для тяжестей въ это время года дорогъ, обезпечить занятіемъ Исаки нашъ лѣвый флангъ даже на случай чьей либо высадки, а также очищать отъ турокъ берега Дуная, этого главнаго пути нашихъ транспортовъ къ центру и правому флангу.

Соображенія свои князь Иванъ Федоровичъ излагалъ въ представленной Государю запискѣ, въ которой восхищался намѣчен-

¹⁾ Воен. мин.—кн Горчакову 3-го ноября 1853 года Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

²⁾ Всепод. письмо отъ 14-го ноября 1853 года. Арх. канц., воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

нымъ пунктомъ переправы черезъ Дунай у Видина, считая эту мысль новой и блестящей. «Она вводитъ насъ», писалъ Паскевичъ, «въ непосредственныя сношенія съ самыми воинственными племенами Турціи: сербами, болгарами и далѣе черногорцами. Обращая противъ Турціи ея собственное населеніе, она сохраняетъ наши силы и берегаетъ русскую кровь».

Предначертанный Императоромъ Николаемъ совершенно «новый» планъ, по мнѣнію Паскевича, могъ повести къ разрушенію Турецкой имперіи. «До сихъ поръ сербы», писалъ онъ, бывали въ войнахъ поддерживаемы только незначительными частями нашихъ войскъ; нынѣ же, когда флотилія, осадная артилерія и цѣлый корпусъ войскъ будутъ ихъ поддерживать, то не только Видинъ, но можетъ быть взятъ и Бѣлградъ, и тогда сербы почувствуютъ возможность быть независимыми отъ ига турецкаго».

Государь отвѣтилъ на эту записку Паскевича собственноручнымъ письмомъ отъ 21-го ноября ¹⁾. Находя, что мысли его во многомъ сошлись съ мыслями отца-командира, Николай Павловичъ однако сдерживалъ пылкую фантазію князя Варшавскаго о движеніи плавучаго магазина по Дунаю не только до взятія Силистріи, но и остальныхъ прибрежныхъ крѣпостей. Предположеніе же объ овладѣніи въ теченіе одного лѣта болѣе одной, много двумя крѣпостями Государь полагалъ совершенно не сбыточнымъ. Надежда на содѣйствіе задунайскихъ христіанъ у Николая Павловича была невелика, и до выясненія этого вопроса онъ не былъ расположенъ идти далеко за Дунай.

«Сношенія наши съ Англіей», кончалъ Государь свое письмо, «часть отъ часу хуже, и я считаю, что разрывъ неминуемъ; вѣроятно, тоже послѣдуетъ и съ Франціей, а потому крайняя осторожность необходима, чтобы быть готовымъ на все».

Князь Горчаковъ представилъ свои заключенія на планъ Государя въ двухъ запискахъ на имя военнаго министра отъ 21-го и 29-го ноября. Повторяя вкратцѣ основныя мысли начертанія Императора Николая, князь Михаилъ Дмитріевичъ признавалъ справедливость ихъ «разительною» и лишь докладывалъ противъ широкаго охвата турокъ съ обоихъ фланговъ и въ особенности противъ совершенія главной переправы въ верховьяхъ Дуная у Видина. Такія дѣйствія онъ признавалъ общающими большіе результаты, но за то и успѣхъ ихъ могъ подвергнуться случайно-

¹⁾ Ими. Николай. — Кн. Варшавскому 21-го ноября (3-го декабря) 1853 г.

стямъ, которымъ, по мнѣнію автора записки, лучше было бы не подвергаться.

Князь Горчаковъ опасался, во-первыхъ, чтобы во время форсированія нами переправы на обоихъ флангахъ, турки не двинулись бы большою массою отъ Рущука, Туртукая и Силистріи къ Бухаресту и не овладѣли бы Валахіей. Предполагая, что непріятель можетъ произвести это наступленіе болѣе, чѣмъ 80-ю тысячами, онъ считалъ, что тѣмъ двумъ пѣхотнымъ и одной кавалерійскою дивизіямъ, которыя оставались у насъ въ Валахіи, остановить турокъ было бы трудно. Даже при конечномъ задержаніи наступленія непріятеля въ этомъ направленіи большая часть Валахіи на долгое время останется у него въ рукахъ, и оперирующій у Видина русскій корпусъ принужденъ будетъ отступить, дабы не лишиться продовольствія, которое онъ можетъ получать только изъ Валахіи. «Ни на Сербію», писалъ Горчаковъ, «которая бѣдна, ни на Австрію, которая даже во время войны въ Венгріи дала намъ во всю кампанію не болѣе, какъ на восемь дней хлѣба, разсчитывать нельзя».

Второе неблагоприятное обстоятельство князь Михаилъ Дмитриевичъ видѣлъ «въ крайнемъ затрудненіи, которое мы встрѣтимъ при переправѣ черезъ Дунай и учрежденіи мостовъ на сей рѣкѣ». Наши понтоны были неудобны для перевозки войскъ, а выше Видина нѣтъ ни одной рѣки, впадающей въ Дунай, гдѣ можно было бы безопасно строить суда.

Въ виду этихъ соображеній, совмѣстно съ тѣмъ условіемъ, что важныя военныя операціи можно было предпринять лишь въ половинѣ или въ концѣ апрѣля, когда просохнуть дороги и появится подножный кормъ, князь Горчаковъ полагалъ основную мысль Государя исполнить слѣдующимъ образомъ:

До начала весны выбить турокъ изъ Малой Валахіи и овладѣть Калафатомъ, если это окажется возможнымъ. Если же укрѣпленія при Калафатѣ такъ сильны, что успѣхъ штурма будетъ сомнителенъ или повлечетъ за собою большой уронъ, то авторъ полагалъ, не предпринимая штурма, вогнать непріятеля въ его укрѣпленія и обнести ихъ редутами, чтобы не позволить туркамъ выходить изъ нихъ. «Дѣльно», отмѣтилъ противъ этого мѣста Императоръ Николай.

Зимой же приступить къ устройству моста близъ Галаца и ранней весной начать демонстрацію переправы, а, если окажется возможнымъ, то и самую переправу у Сатунова и Мачина или

Гирсова. Послѣ этого постараться для развлеченія вниманія непріятели овладѣть Тульчею, Исакчею, Мачинымъ и Гирсовымъ.

«Это необходимо», помѣтилъ Государь.

Какъ скоро Малая Валахія будетъ за нами упрочена, то приступить къ заготовленію судовъ въ верховьяхъ р. Жіо или Ольты для переправы черезъ Дунай. Если турки предпримуть наступательныя дѣйствія на нашу сторону рѣки, то разбить ихъ; если же они останутся за Дунаемъ, то, выбравъ наиболѣе выгодное по обстоятельствамъ время, перейти рѣку выше Рущука въ числѣ примѣрно 40 тысячъ для дѣйствія въ западной Болгаріи и для возбужденія въ ней и въ Сербіи возстанія. Князь Горчаковъ полагалъ, что этотъ корпусъ, имѣя за собой хорошее мостовое укрѣпленіе, можетъ разбить въ полѣ любую турецкую армію, будетъ, базируясь на Валахію, совершенно обезпеченъ въ отношеніи продовольствія и будетъ достаточно силенъ, чтобы предпринять осаду и даже взятіе Рущука.

Судя по одобрительнымъ помѣткамъ, приведенная записка произвела отличное впечатлѣніе на Государя, который былъ склоненъ даже отказаться отъ осады Видина ¹⁾, и приказалъ отправить записку со своими замѣчаніями обратно автору «для зависящихъ соображеній и мѣропріятій» ²⁾.

Во второй своей запискѣ отъ 29-го ноября князь Горчаковъ собственно подтверждалъ первоначальные свои доводы противъ переправы у Видина, отказывался отъ мысли ограничиваться лишь демонстраціей переправы на лѣвомъ флангѣ, а признавалъ необходимымъ въ началѣ апрѣля произвести здѣсь настоящую переправу и занять край по Трояновъ валъ и лишь по окончаніи дѣйствій на лѣвомъ флангѣ, примѣрно въ концѣ іюня, приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ праваго фланга, совершивъ переправу черезъ Дунай около Никополя.

Авторъ въ этой запискѣ остерегалъ Государя также отъ излишнихъ надеждъ на помощь Австріи и сербовъ. «Я не полагаю», писалъ онъ, «чтобы въ случаѣ переправы нашего праваго фланга выше Видина, можно было ожидать значительныхъ пособій отъ австрійцевъ и опасаюсь, что Австрія, избѣгая, чтобы морскія державы не приняли подобное пособіе за нарушеніе нейтралитета, не окажетъ намъ никакого содѣйствія. Относительно сербовъ я

¹⁾ «Быть можетъ вмѣсто Видина», помѣтилъ онъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Горчаковъ говорилъ объ осадѣ Рущука.

²⁾ Воен. мин.—кн. Горчакову 1-го декабря 1853 г. № 724. Арх. канц. воен. мин. 1853 г, с. д. № 60.

также не увѣренъ, чтобы, не взирая на искреннюю преданность народа Государю Императору, они могли оказать намъ дѣйствительныя въ этомъ отношеніи пособія. Весьма быть можетъ, что теперешнее сербское правительство парализуетъ стремленіе народа въ нашу пользу, доколѣ мы не будемъ уже за Дунаемъ».

Записка эта также была испещрена собственноручными пометками Государя и признана имъ вполне основательной ¹⁾.

Но Государь не ограничился общими замѣтками, препровожденными Горчакову военнымъ министромъ, и въ двухъ собственноручныхъ письмахъ дѣлился своими мыслями съ ближайшимъ исполнителемъ военныхъ операцій на Дунаѣ.

«Твою записку о будущей кампаніи читалъ со вниманіемъ и почти во всемъ съ тобой согласенъ», отвѣчалъ Императоръ Николай князю Горчакову на первую его записку ²⁾.

«Одно только, признаюсь, считаю крайне мудреннымъ—это переправиться между Рущукомъ и Никополемъ. Самая переправа мудрена, а послѣ оной придется еще овладѣть укрѣпленіями, потому, вѣроятно, встрѣтитъ подходящаго непріятеля, не имѣя ни готоваго мостового прикрытія, ни устроенаго моста. Все это такія препятствія, преодоленіе которыхъ въ одно время почти несбыточно даже нашимъ героямъ... Взвѣсь все это и успокой меня доказательствомъ, что я ошибаюсь. Потому думаю, что прежде всего должно совершить переправу на нижнемъ Дунаѣ у Сатунова, Галаца или Гирсова, гдѣ по твоимъ свѣдѣніямъ это вѣрнѣе и легче. Потомъ непременно овладѣть Исакчей, Тульчей, Мачинымъ и Гирсовымъ. Тогда Дунай нашъ до Силистріи и можно будетъ подвинуть мостъ изъ Гирсова къ Каларашу. Здѣсь, думаю, переправа будетъ легче, имѣя уже корпусъ на правомъ берегу Дуная. Тогда турки, вѣроятно, выйдутъ изъ подъ Шумлы къ Силистріи; ихъ атаковать и разбить, а затѣмъ обойти Силистрію и идти подъ Руцукъ, устроить въ удобномъ мѣстѣ переправу, мостовое прикрытіе и мостъ и тогда уже съ вѣрнымъ сообщеніемъ съ правымъ берегомъ начать осаду Рущука... Осаждать же Силистрію считаю менѣе выгоднымъ, чѣмъ Руцукъ и во всякомъ случаѣ не думалъ бы приступать ко второй осадѣ, не взявъ прежде Рущука...»

¹⁾ Воен. мин.—кн. Горчакову 9-го декабря 1853 г., № 734. Арх. канц. воен. мин. 1853 с. д. № 60.

²⁾ Имп. Николай кн. Горчакову 1-го (13-го) декабря 1853 г. Собств. Его Вел. библ. шк. 115, порт. 14.

Вторая записка князя Горчакова успокоила Государя относительно вызванныхъ первой запиской недоразумѣній. «Въ общихъ чертахъ», отвѣтилъ Онъ на нее князю Михаилу Дмитриевичу ¹⁾, «планъ будущей кампаніи я совершенно утверждаю, какъ изложено въ твоей запискѣ... Никогда не думалъ я начать дѣло правымъ флангомъ; напротивъ, думалъ и думаю теперь, что должно начать съ демонстрацій или переправы на лѣвомъ флангѣ... Повторяю, что сколько ни желаю, чтобы переправа у Никополя сходно твоему предположенію могла быть исполнена, но кажется предпріятіемъ весьма труднымъ». Далѣе Государь предоставляетъ Горчакову самостоятельно сдѣлать группировку войскъ и вообще распоряжаться, «какъ удобнѣе признаешь, ибо я не *iofkrigsmat* ²⁾, а даю тебѣ полную свободу, означая только мои *мысли*, а не Высочайшія повелѣнія».

«Ожидаемое сбывается», такъ заканчивалъ Государь свое письмо. «Злость англичанъ за Синопь угрожаетъ скорымъ разрывомъ; французы умѣреннѣе и кажется не рѣшаются на это. Будемъ готовы принять ихъ, гдѣ имъ угодно. Не думаю, чтобы рисковали атаковать Севастополь, но боюсь за Черноморскій берегъ, гдѣ форты наши почти навѣрно пропадутъ, если англичане атакуютъ»...

II.

Одновременно съ перепиской по поводу плана предстоящей кампаніи между главными дѣйствующими лицами особая записка о войнѣ съ Турціей подана была и генераль-адъютантомъ Бергомъ ³⁾. Авторъ ея исходилъ изъ того заключенія, что всѣ наши успѣхи въ Малой Азіи никогда не нанесутъ серьезнаго удара Оттоманскому правительству и что, напротивъ, потеря нами тамъ хоть одного изъ нашихъ укрѣпленныхъ пунктовъ будетъ имѣть весьма опасныя для насъ послѣдствія на всемъ Кавказѣ. Поэтому наше положеніе въ Азіи, хотя бы только съ цѣлью удержать въ своихъ рукахъ пріобрѣтенное раньше, требуетъ немедленнаго и значительнаго подкрѣпленія находящихся тамъ войскъ. Лучшимъ средствомъ защиты нашей азіатской границы генераль Бергъ считалъ въ такомъ случаѣ переходъ въ наступленіе, полагая, что его можно начать въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1854 года.

¹⁾ Имп. Николай кн. Горчакову 9-го (21-го) декабря 1853 г. Собств. Его Вел. библ., шк. 115, порт. 14.

²⁾ Курсивъ подлинника.

³⁾ Отъ 17-го ноября 1853 года.

Что касается до отношенія враждующихъ сторонъ въ Европѣ, то, наоборотъ, тамъ положеніе турокъ являлось, по мнѣнію автора, наиболѣе опаснымъ, и мы не должны были пренебрегать выгодами наступательныхъ операцій на Балканахъ, если только этому не воспрепятствуютъ особой важности политическія обстоятельства.

Переходя къ подробностямъ, генераль Бергъ совершенно откидывалъ возможность пользоваться намъ, какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ театрѣ войны, содѣйствіемъ флота на подобіе того, какъ было въ кампанію 1828—1829 годовъ, но онъ полагалъ, что, несмотря на это, мы можемъ нанести туркамъ чувствительные удары, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи.

Считая, что мѣстныхъ кавказскихъ войскъ едва хватитъ для поддержанія порядка среди покоренныхъ народовъ, авторъ записки полагалъ, что для того, чтобы оттолкнуть турокъ до Эрзерума и обезпечить нашу границу съ Персіей, надо усилить Кавказскій корпусъ тремя дивизіями пѣхоты, 20-ю эскадронами драгунъ и бригадой уланъ съ артилеріей. Если прибавить къ нимъ хотя бы только 10 баталіоновъ кавказскихъ войскъ, то дѣйствующій отрядъ будетъ силою въ 58 баталіоновъ съ соотвѣтствующимъ числомъ кавалеріи и артилеріи.

Этотъ отрядъ генераль Бергъ предполагалъ распредѣлить слѣдующимъ образомъ.

12 баталіоновъ въ Гуріи, которыхъ онъ считалъ достаточнымъ для удержанія съ этой стороны турокъ вплоть до Батума.

Главные силы, численностью до 30 баталіоновъ, могли бы дѣйствовать отъ Александрополя на Карсъ и Ардаганъ, по взятіи которыхъ соединить свои операціи съ Гурійскимъ отрядомъ.

Для защиты нашихъ границъ съ Персіей оставалось 16 баталіоновъ, которые должны были расположиться такимъ образомъ, чтобы брать во флангъ персидскую армію въ случаѣ ея наступленія на Шушу и Елизаветполь. Если же Персія станетъ на нашу сторону, то этотъ отрядъ долженъ былъ составить резервъ главныхъ силъ.

Обращаясь къ дѣйствіямъ на европейскомъ театрѣ войны, генераль Бергъ первоначально дѣлалъ расчетъ тѣмъ силамъ, которыя могли быть употреблены на этотъ случай и потомъ излагалъ слѣдующія свои предположенія.

Главные силы, изъ шести пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій, должны дѣйствовать въ наиболѣе прямомъ и короткомъ направленіи отъ Бухареста на Адрианополь. Онѣ должны перепра-

виться через Дунай въ томъ пунктѣ, который выберетъ командующій арміей, и тотчасъ же приступить къ осадѣ Силистріи и потомъ Рушукъ. Эти двѣ крѣпости составляютъ отличную базу для дальнѣйшихъ дѣйствій и парализуютъ неудобство отказа отъ пользованія Чернымъ моремъ. Кромѣ того, взятіе этихъ крѣпостей заставитъ турокъ выйти изъ ихъ укрѣпленнаго лагеря въ Шумлѣ и дать намъ сраженіе, что, по мнѣнію автора, было бы наиболѣе выгоднымъ обстоятельствомъ.

Лѣвофланговый корпусъ, силою въ полторы дивизіи пѣхоты и дивизіи кавалеріи, долженъ будетъ, переправившись черезъ Дунай, взять Исакчу и Мачинъ, прочно утвердиться въ Бабадагской области до Троянова вала и содѣйствовать главнымъ силамъ, угрожая непріятелю, который направился бы отъ Варны къ Силистріи.

Правофланговый отрядъ, силою около бригады пѣхоты, драгунскаго корпуса и 3—4 казачьихъ полковъ, долженъ былъ постараться проникнуть въ мѣстность между Малой Валахіей, Сербіей и Софіей. Блокируя Видинъ, онъ долженъ былъ разбить турецкія войска, которыя будутъ находиться въ этой части Болгаріи, побудить сербовъ и болгаръ къ участію во враждебныхъ дѣйствіяхъ и вооружить ихъ.

Генераль Бергъ былъ увѣренъ, что всѣ эти дѣйствія заставятъ турокъ въ концѣ концовъ встрѣтить насъ въ открытомъ полѣ, и рѣшительная побѣда передастъ въ наши руки Шумлинскій укрѣпленный лагерь или дастъ намъ возможность предпочесть направленіе на Тырново и Казанлыкъ. Въ обоихъ случаяхъ въ наши руки перейдетъ большая часть Болгаріи. Лѣвый корпусъ долженъ будетъ, базируясь на Бабадагъ и Силистрію, наблюдать мѣстность между Варной и Шумлой, а правый продвинуťся до Софіи и, можетъ быть, до Филипополя.

Этотъ нѣсколько оптимистическій планъ кампаніи, не принимавшій въ расчетъ враждебныхъ дѣйствій Австріи и наступательныхъ сухопутныхъ операций англо-французовъ, былъ доложенъ Государю 29-го ноября и безъ всякихъ помѣтокъ подшитъ къ дѣлу.

Между тѣмъ, переписка между Императоромъ Николаемъ съ одной стороны и Паскевичемъ и Горчаковымъ съ другой относительно плана предстоящихъ дѣйствій продолжалась. Какъ извѣстно, Государь вскорѣ отказался отъ первоначальной своей мысли переправиться черезъ Дунай выше Видина и осадить эту крѣпость, остановившись на переправѣ ниже Силистріи и осадѣ Рушукъ. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе на душу преданнаго Рос-

си и Государю князя Михаила Дмитріевича. «Свѣтлая мысль Ваша», всеподданнѣйше доносилъ онъ ¹⁾, «сдѣлать вторичную переправу черезъ Дунай нѣсколько ниже Силистріи отстраняетъ всѣ дѣйствительно большія трудности форсированія перехода рѣки выше Рущука»...—Мой сонъ съ этой минуты пересталъ быть тревожнымъ—патетически восклицалъ онъ въ письмѣ къ военному министру ²⁾.

Князь Иванъ Федоровичъ вводилъ новую поправку въ предстоящія операціи, вызванную особой враждебностью къ намъ западныхъ державъ послѣ Синопской побѣды. Онъ вполнѣ основательно предполагалъ, что, можетъ быть, англо-французы захотятъ поддержать турокъ и сдѣлаютъ въ Варнѣ десантъ въ 30—40 тысячъ, чтобы, имѣя въ рукахъ Силистрію, прорвать нашъ центръ. Для отвращенія этой опасности фельдмаршалъ сообщалъ Государю родившуюся у него, а въ дѣйствительности лишь нѣсколько измененную первоначальную мысль предупредить противника и раннею весною обезпечить нашъ лѣвый флангъ и центръ взятіемъ малыхъ крѣпостей и даже Силистріи, а затѣмъ уже дѣйствовать по предложенному плану ³⁾.

Такимъ образомъ первоначальная идея осады Силистріи была высказана Паскевичемъ, которому впослѣдствіи судьба вручила и ея исполненіе. Государь вполнѣ присоединился къ мнѣнію своего отца-командира. «Мысль твою», писалъ Николай Павловичъ ⁴⁾, «завладѣть маленькими турецкими крѣпостями и приступить къ осадѣ Силистріи раздѣляю, и я сообщилъ Горчакову».

Болѣе подробно князь Варшавскій излагалъ свои мысли въ проектѣ весьма длиннаго письма на имя князя Горчакова, которое онъ рѣшилъ, вмѣсто того, чтобы отправить по назначенію, представить Государю Императору ⁵⁾. Смѣемъ думать, что прямая цѣль этой работы, состоявшей въ большей своей части изъ критики дѣйствій и предположеній командовавшаго войсками на Дунаѣ, была именно Петербургъ. Если же и былъ принятъ авто-

¹⁾ Всепод. письмо кн. М. Д. Горчакова 13-го декабря 1853 г. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 88.

²⁾ Кн. Горчаковъ воен. министру 9-го декабря 1853 г. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

³⁾ Всепод. письмо князя Варшавскаго 5-го (17-го) декабря 1853 г. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

⁴⁾ Имп. Николай кн. Варшавскому 16-го (28-го) декабря 1853 г. Собственная Его Велич. библ.

⁵⁾ Всепод. письмо князя Варшавскаго отъ 29-го декабря 1853 г. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

ромъ такой оригинальный способъ всеподданнѣйшаго доклада, то, кромѣ дружбы, которою дарилъ Государь Паскевича, надо полагать, къ этому были и другія причины. Записки князя Михаила Дмитриевича о предстоящихъ дѣйствіяхъ удостаивались особаго вниманія Государя, который вообще былъ къ нему весьма милостивъ; князь же Варшавскій былъ не изъ тѣхъ характеровъ, которые легко дѣлились своей славой съ другими. Къ тому же въ письмѣ на имя своего друга можно было болѣе разносторонне, чѣмъ въ сухомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, выставить и его, и себя.

Вслѣдъ за длинными возраженіями на предположенія Государя, подробно разработанныя княземъ Горчаковымъ, Паскевичъ въ проектъ своего письма переходилъ къ изложенію плана дѣйствій. Это въ общемъ повтореніе первоначальнаго его предположенія о переправѣ еще зимою, въ февралѣ мѣсяцѣ, черезъ Дунай на низовьяхъ его съ цѣлью подвигаться вверхъ по рѣкѣ правымъ ея берегомъ, забирая всѣ крѣпости и пользуясь Дунаемъ, какъ коммуникаціонной линіей. Новаго здѣсь было только то, что авторъ, опасаясь усиленія турецкой арміи англо-французами, предполагалъ болѣе основательно занять низовья Дуная, перебросивъ тамъ на правый берегъ рѣки болѣе многочисленный отрядъ, чтобы въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ быть вполне обезпеченнымъ отъ поползновенія морскихъ державъ со стороны устья Дуная, и скорѣе приступить къ осадѣ Силистріи, взятіе которой вполне обезпечивало нашъ центръ отъ прорыва.

На всю операцію переправы, взятія Исакчи, Мачина, Гирсова, подхода къ Силистріи и очищенія рѣки отъ непріятельскихъ судовъ Паскевичъ предполагалъ достаточнымъ 24—25 дней и, при началѣ переправы въ концѣ февраля, считалъ возможнымъ подойти къ Силистріи въ половинѣ марта, немедленно приступить къ осадѣ ея, что, по его мнѣнію, можно было бы окончить въ три недѣли.

Дальнѣйшія мысли князя Ивана Федоровича настолько интересны въ смыслѣ характеристики его собственныхъ дѣйствій, когда онъ лично сталъ во главѣ Дунайской арміи, что мы приводимъ ихъ ниже въ подлинникѣ.

«Мудрено, чтобы турки», писалъ Паскевичъ, «хладнокровно смотрѣли, что мы взяли у нихъ три крѣпости и подошли къ четвертой, столь для нихъ важной. Хотя имъ трудно будетъ тащить и хлѣбъ, и фуражъ, и артилерію, но они, вѣроятно, постараются собрать сюда всю свою армію. Этого я бы и желалъ и объ одномъ сожалѣлъ бы, что не могъ заставить ихъ собраться еще прежде,

когда прокормиться имъ было бы еще труднѣе. У насъ было бы всего до 85 тысячъ человекъ, а съ такими силами можно бы стать не только противъ турецкой, но и противъ европейской арміи. Турокъ же можно надѣяться разбить и разсѣять, отнять половину орудій и преслѣдовать по крайней мѣрѣ на два перехода. Не слѣдуетъ забывать, что у турокъ армія одна; послѣ неудачи они долго не соберутъ другой арміи, и тогда откроется большое поле для дѣйствій куда угодно. Здѣсь представляется соблазнительная мысль: разсѣявъ непріятельскую армію, идти на Шумлу, но, подумавъ хорошенько, я нахожу, что это удалило бы насъ отъ главнаго предмета, т. е. дѣйствій съ праваго фланга посредствомъ сербовъ и другихъ христіанскихъ племенъ».

По взятіи Силистріи Паскевичъ полагалъ половину укрѣпленной уничтожить и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать оборонительно, если Европа будетъ угрожать намъ войной на западной границѣ, или наступательно по принятому плану. Что же касается до привлеченія къ борьбѣ христіанскихъ народностей, то авторъ предполагалъ, впредь до выясненія обстоятельствъ относительно десанта французовъ, оказывать сербамъ лишь матеріальную поддержку. Дальнѣйшіе же успѣхи и возстаніе другихъ христіанскихъ племенъ, могло, по мнѣнію Паскевича, потрясти турецкую имперію.

«Можетъ быть», заканчивалъ свое письмо князь Варшавскій, «я представляю все въ слишкомъ хорошемъ видѣ; знаю, что на войнѣ иногда одно обстоятельство разрушаетъ планъ дѣйствій, но не забудьте, что у турокъ армія одна; другую они соберутъ не скоро, а, въ случаѣ успѣха при дальнѣйшихъ удачныхъ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ, сообразно предначертанному плану, кампанія можетъ окончиться въ Адрианополѣ. Даже не при столь блестящемъ успѣхѣ вся Болгарія въ нашихъ рукахъ. Тогда пусть англичане и французы владѣютъ Чернымъ моремъ, они ничего намъ не сдѣлаютъ...

«Не осудите, любезнѣйшій князь, если я, увлекаясь интересомъ самого предмета, говорилъ со всею откровенностью, но сами вы согласитесь, что здѣсь дѣло идетъ объ обстоятельствахъ, для всѣхъ насъ столь драгоцѣнныхъ: о славіи Государя и Россіи и о чести русскаго оружія».

Императоръ Николай начерталъ на этомъ письмѣ, между прочимъ, слѣдующее: «почти все согласно съ моимъ мнѣніемъ, кромѣ того, что князь считаетъ важнѣе взять Силистрію, чѣмъ Рущукъ

быть можетъ, что такъ; пусть князь Горчаковъ рѣшитъ по обстоятельствамъ...»

Такимъ образомъ откровенныя мысли Паскевича дошли до адресата, но нѣсколько кружнымъ путемъ.

Князь Горчаковъ въ своей запискѣ отъ 13-го декабря ратовалъ свѣтлой мысли Государя о вторичной переправѣ черезъ Дунай ниже Силистріи и останавливался лишь на подробностяхъ исполненія этого плана. Но въ дополненіе къ этой запискѣ онъ представилъ 3-го января 1854 года вторую (записку ¹⁾), въ которой, почти одновременно съ представленнымъ мнѣніемъ Паскевича, онъ высказывалъ тождественную съ нимъ мысль о необходимости овладѣнія Силистріей, если только будетъ имѣться въ виду высадка вспомогательнаго европейскаго корпуса въ Варнѣ. Взятіе же Рущука произвести уже послѣ этого или даже ограничиться только наблюденіемъ за этой крѣпостью, распространивъ поиски въ направленіи къ Шумлѣ, Разграду и западнѣе для оживленія возстанія христіанскихъ племенъ.

Почти одновременно послѣдовавшія отъ князя Паскевича и князя Горчакова предложенія вмѣсто Рущука осаждать Силистрію, видимо, не понравились Государю, такъ какъ они шли въ разрѣзъ съ его мыслью поддержать возстаніе сербовъ и оказать существенную помощь христіанскому населенію Турціи въ завоеваніи собственными руками своей свободы. «Тутъ многое не такъ», помѣтилъ Государь, «и не отвѣчаетъ тому, что хочу и о чемъ писалъ». Относительно осады Силистріи Императоръ Николай помѣтилъ: «Такъ думаетъ князь Варшавскій, но это жаль будетъ, ибо отдалить насъ отъ цѣли поднять христіанъ и подать имъ помощь, что оттуда далеко будетъ». Взятіе послѣ Силистріи Рущука Государь считалъ необходимымъ, а «подъ Шумлу отнюдь и думать не должно ходить».

Однако, Императоръ Николай высказывалъ нѣкоторую двойственность въ отношеніи намѣренія привлечь христіанъ къ возстанію. Съ одной стороны преемственная для русскихъ государей мысль видѣть, наконецъ, своихъ угнетаемыхъ единоплеменниковъ свободными и при томъ получившими свободу собственными усилиями лишь при помощи и подѣ руководствомъ великой Россіи, должна была увлекать Николая Павловича, съ другой же стороны онъ опасался, чтобы все это освободительное движеніе не выли-

1) Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

лось въ простое революціонное броженіе наиболѣе безпокойныхъ элементовъ, что было такъ противно духу и характеру Императора Николая.

«Раздѣляю тоже мнѣніе твое и по сербскому дѣлу, и по предложеніямъ греческой этеріи», писалъ Государь князю Горчакову почти одновременно съ помѣщенной выше его собственноручной помѣткой ¹⁾. «Признаюсь, не охотникъ я до нихъ, ибо явно пахнетъ революціонной *воиню* ²⁾ тѣмъ болѣе, что начать хотять мимо воли короля греческаго, который на дняхъ просилъ моего совѣта и которому отвѣчалъ, что прошу его сидѣть спокойно у моря и ждать погоды. Рано еще пока ему начинать, позднѣе увидимъ! Признаюсь, что и сербамъ еще большой вѣры не даю, ибо много и у нихъ моральной порчи. И такъ, намъ полезно быть осторожными и все эти затѣи держать въ запасѣ»...

Но Государю хотѣлось вѣрить въ то, что можетъ быть христіанскія народности Турціи и, въ особенности, сербы выросли уже до общаго движенія съ цѣлью завоевать свою самостоятельность, а потому ему трудно было отказаться отъ осады Рущука вмѣсто Силистріи, хотя, полный вѣры въ своихъ помощниковъ, онъ вновь подчинялъ свое мнѣніе мнѣнію Паскевича и Горчакова, дѣлая лишь слабыя попытки отстоять цѣльность собственнаго плана.

«Съ большимъ вниманіемъ прочелъ я твое письмо къ Горчакову», писалъ Императоръ Николай князю Варшавскому 5 (17) января 1854 года, «и радъ былъ удостовѣриться въ томъ, что мы почти одинаково думаемъ на счетъ предстоящей кампаніи. Въ одномъ только я не рѣшаюсь. Конечно, Силистрія важный пунктъ, въ особенности былъ бы онъ необходимъ въ рукахъ нашихъ, ежели бы по примѣру 1828 и 1829 годовъ направленіе наше было бы на Шумлу, Варну или на Балканы. Но мнѣ кажется, что рѣшась какъ ты самъ предлагалъ, стараться болѣе дѣйствовать черезъ христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ, а намъ быть въ резервѣ, не правильнѣе ли овладѣть Рущукомъ и тамъ или близко къ оному имѣть прямую переправу въ самый центръ Валахіи, тѣмъ болѣе, что мы этимъ будемъ среди болгаръ и близъ сербовъ, ежели на нихъ считать хотимъ... Далѣе же Рущука идти впередъ мы можемъ тогда только, ежели возстаніе христіанъ будетъ *общее*, что должно оказаться скоро послѣ взятія Рущука; овладѣніе же Силистріей полагаю не произвело бы еще на нихъ такого дѣйствія, ибо далеко отъ нихъ».

1) Имп. Николай—кн. Горчакову 24-го декабря 1853 г.

2) Курсивъ подлинника.

Да и не мудрено, что Государь подчинялъ свое мнѣніе взглядамъ князя Варшавскаго. «Довѣріе мое къ тебѣ», писалъ онъ въ томъ же письмѣ, «неограничено и ежели опять настанетъ, какъ кажется нынѣ, тяжелое время, меня успокаиваетъ, что на твою помощь и совѣты я могу вполне полагаться».

Прошло три недѣли и мрачныя тучи надъ Россіей все болѣе и болѣе сгущались. Разрывъ съ западными державами былъ неминуемъ, надежды на Австрію и Пруссію падали, и посылка довѣренныхъ лицъ Государя къ обоимъ дворамъ потерпѣла неудачу. Къ тому же пережитыя волненія не могли не отразиться на здоровьѣ Императора Николая. Одинаково сильный до послѣдней минуты своей жизни духомъ, онъ тѣмъ не менѣе начиналъ угасать и ослабѣвать физически. Все это еще болѣе заставляло его обращать вниманіе на князя Варшавскаго, и вліяніе фельдмаршала въ смыслѣ направленія военныхъ операцій должно было возрастать. Грустью дышать слѣдующія строки письма Государя къ Паскевичу¹⁾.

«Пролежалъ 13 дней въ подагрѣ! Не могъ ранѣе отвѣчать, любезный отецъ-командиръ на письмо твое 11 (22) Января. Обстоятельства дѣлаются болѣе и болѣе грозными и напоминаютъ положеніе наше въ 1812 году. Писать и переписываться обо всемъ никакъ нельзя, потому мнѣ весьма желательно, чтобы ты, ежели можешь, прибылъ сюда хотя на короткое время, дабы лично обмѣняться мыслями и условиться обо многомъ къ предстоящимъ обстоятельствамъ. Молю Бога, чтобы онъ меня наставилъ на свою свѣтлую волю, но мнѣ нужна твоя дружба и твои совѣты, чтобы смѣлѣе дѣйствовать къ лучшему. Итакъ, буде можешь, пріѣзжай и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Я еще очень слабъ и устаю скоро; другой день, что выѣзжаю. Въ Берлинѣ полная неудача, какъ я и впередъ ожидалъ; небольшую надежду питаю па удачу Орлова въ Вѣнѣ и покуда еще ничего отъ него не получалъ, что считаю уже дурнымъ знакомъ».

Единственнымъ утѣшеніемъ Государя въ это тяжелое время былъ патріотическій подъемъ русскаго общества. «Здѣсь все тихо», писалъ онъ Паскевичу нѣсколько раньше²⁾, «холодно, какъ давно не было, но не въ сердцахъ, которыя прямо русскія, какъ отрадно видѣть».

¹⁾ Имп. Николай—князю Варшавскому 26-го января (7-го февраля) 1854 г. Собств. Его Вел. библ. шк. 115, порт. 14.

²⁾ Императоръ Николай—кн. Варшавскому 5 (17) Января 1854 г. Собст. Его Вел. Библ. Шк 115, порт. 14.

Но въ то время, когда Государь возлагалъ всѣ свои надежды на князя Варшавскаго, этотъ послѣдній, подѣ вліяніемъ двуличной политики Австріи, потерялъ спокойствіе духа и впервые проявилъ зачатки подчиненія той доминирующей идеѣ, которая наложила отпечатокъ на направленіе всей его дальнѣйшей дѣятельности, связала намъ руки и, можетъ быть, парализовала успѣхъ всей кампаніи. Мысль эта—боязнь наступательной войны со стороны Австріи.

«Всемиловѣйшій Государь», всеподданнѣйше писалъ Паскевичъ 23 января 1854 года ¹⁾ «изъ депеши графа Орлова узналъ я отвѣтъ Австріи. Не ожидалъ я, чтобы Австрія отказала подписать актъ, которымъ Ваше Императорское Величество предлагать ей изволили быть только нейтральною. Хотя она и общаетъ нынѣ оставаться въ положеніи наблюдательномъ, но можно ли ручаться, чтобы боязнь Англіи и Франціи не поставила ее вскорѣ совершенно противъ насъ. Какъ поступить въ настоящемъ случаѣ, о томъ могутъ быть разныя предложенія. Не придется ли обратиться часть войскъ для охраненія нашихъ западныхъ границъ и тѣмъ удержать Австрію отъ непріязненныхъ дѣйствій. Жаль, если не найдется средства теперь же заключить мира съ Турціей безъ вмѣшательства другихъ державъ, хотя бы только на основаніи прежнихъ трактатовъ, предоставивъ себѣ возмездіе впоследствии».

Результатомъ такихъ опасеній были настоятельныя просьбы князя Варшавскаго объ усиленіи войскъ на австрійской границѣ. Исполняя эту просьбу повелѣніемъ немедленно направить въ Варшаву гренадерскій корпусъ и подготовленіемъ къ походу на Каменецъ-Подольскій 17-й пѣхотной дивизіи, Государь на эту послѣднюю мѣру, однако, не рѣшался сразу. «Все это», кончалъ онъ свою записку военному министру по поводу дѣлаемыхъ распоряженій ²⁾, «родилось въ мысляхъ князя по прочтеніи депешъ изъ Вѣны; онъ ожидаетъ войны съ Австріей, что они насъ возьмутъ *въ тылъ* ³⁾; я не вѣрю этой крайности».

III.

Разрывъ съ западными державами, отказъ Австріи и Пруссіи отъ заключенія договора о взаимномъ нейтралитетѣ и выставленіе первой изъ нихъ обсерваціоннаго корпуса на границѣ съ Сербіей

¹⁾ Арх. Канц. Воен. Мин. 1854 г. с. д. № 9.

²⁾ Отъ (?) Февраля 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1853 г. с. д. № 60.

³⁾ Курсивъ, подлинника.

заставили Императора Николая нѣсколько измѣнить свой планъ предстоящихъ операций и окончательно остановиться на осадѣ Силистріи.

«Все это», писалъ Государь князю Горчакову, «ничуть не измѣняя ни моихъ намѣреній, ни рѣшимости дѣйствовать сильно, требуетъ, однако, кажется мнѣ, нѣкоторыхъ перемѣнъ въ планѣ дѣйствій».

Государь признавалъ необходимымъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи въ Малой Валахіи, перейти возможно скорѣе Дунай въ его низовьяхъ, овладѣть малыми крѣпостями и немедленно приступить къ осадѣ Силистріи, чтобы въ ней имѣть твердый пунктъ на лѣвомъ флангѣ, а затѣмъ поднять вверхъ по рѣкѣ нашу флотилію и тѣмъ вѣрнѣе приступить къ осадѣ Рущука. Обойтись безъ взятія этой послѣдней крѣпости Государь не считалъ возможнымъ, какъ для твердаго обладанія Дунаемъ, такъ и для помощи сербамъ, если ихъ возстаніе сдѣлается грознымъ для турокъ. «Свѣдѣнія о готовности сербовъ таковы», писалъ Николай Павловичъ, «что даютъ мнѣ полную надежду на ихъ содѣйствіе, *коль скоро мы будемъ за Дунаемъ*» ¹⁾. Имѣя со взятіемъ Силистріи и Рущука сильную позицію на Дунаѣ, Государь не предполагалъ углубляться внутрь страны, «доколѣ не объяснится, какое вліяніе на дѣла имѣть будетъ возстаніе христіанъ и въ какой силѣ оно разовьется».

Между тѣмъ, князь Горчаковъ на мѣстѣ дѣлалъ необходимыя приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай, производство которой должно было всецѣло лечь на его плечи. Первоначальное желаніе Государя и князя Варшавскаго переправиться черезъ рѣку возможно скорѣе, примѣрно въ февралѣ, воспользовавшись для этого замерзаніемъ Дуная, было отмѣнено, въ виду рискованности такого предпріятія, зависѣвшаго отъ весьма случайныхъ данныхъ—времени, въ общемъ весьма незначительнаго, пока рѣка бываетъ скована льдомъ. Самую операцію рѣшено было, по совѣщаніи съ командиромъ расположеннаго на низовьяхъ Дуная 5-го корпуса генераломъ Лидерсомъ, произвести въ началѣ марта, причемъ главныя силы должны были переправиться у Браилова, противъ Мачина; вспомогательную же переправу или демонстрацію произвести одной бригадой отъ Измаила около Тульчи. Главныя силы ввѣрялись генераль-адъютанту Лидерсу, переправа же у Измаила—начальнику 7-й пѣх. дивизіи генералу Ушакову. На правомъ бе-

¹⁾ Курсивъ подлинника.

регу всѣ войска вступали подъ общее руководство Лидерса и должны были овладѣть крѣпостями Тульчей, Исакчей, Мачинымъ и Гирсово.

Однако, продолжать немедленно дальнѣйшее движеніе къ Силистріи князь Горчаковъ считалъ невозможнымъ. «Ваше Императорское Величество», всеподданнѣйше писалъ онъ по этому поводу ¹⁾, «изволили выразить, что, если буду къ началу апрѣля подъ Силистріей, то успѣхъ будетъ несомнѣнный. Осмѣливаюсь доложить, что пребываніе нашихъ войскъ за Дунаемъ, до времени просушки дорогъ и появленія хорошей травы, въ высшей степени трудно, даже если они будутъ оставаться около нашихъ мостовъ, ибо необходимо будетъ имъ подвозить не только провіантъ и зерновой фуражъ, но и самое сѣно. Поэтому я полагалъ до появленія хорошей травы ограничиться взятіемъ крѣпостей Дуная и устройствомъ хорошихъ мостовыхъ укрѣпленій противъ Сатунова и у Гирсова; идти же къ Черноводамъ и Силистріи или въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая».

Государь, не безъ вліянія тѣхъ опасеній и страховъ, которые царили въ душѣ бывшаго въ то время въ Петербургѣ князя Варшавскаго и о которыхъ будетъ сказано ниже, сдѣлалъ слѣдующую помѣтку на письмѣ Горчакова: «Теперь будетъ кстати Горчакову писать, *что весьма довольно покуда* ²⁾ будетъ, ежели и все, что онъ пишетъ, что будетъ предпринято, благополучно исполнится».

Но почти въ тотъ же день, когда командующій войсками на Дунаѣ окончательно остановился на пунктѣ и времени переправы и доносилъ объ этомъ Государю, князь Варшавскій писалъ ему изъ Петербурга первое предостереженіе и вливалъ въ его и безъ того нерѣшительную душу первыя колебанія ³⁾. «Въ настоящихъ обстоятельствахъ», писалъ онъ, «когда дѣла идутъ съ такой быстротою, что каждый день приноситъ что либо новое, измѣняя отношенія наши къ Европѣ и уничтожая наши прежніе расчеты, мы находимся въ необходимости, сообразно новому нашему положенію, измѣнить, можетъ быть, и прежніе наши планы».

Разсчитывая, что турки имѣютъ подъ ружьемъ на европейскомъ театрѣ 180 тысячъ, князь Варшавскій полагалъ, что за исключе-

¹⁾ Всепод. пис. кн. Горчакова 16-го февраля 1854 г. изъ Браилова. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

²⁾ Курсивъ поддлинника.

³⁾ Кн. Варшавскій—кн. Горчакову 17-го февраля 1854 г. Воен. уч. арх. отд. 2 д. № 3358.

ніемъ гарнизоновъ по Дунаю и Балканамъ, они могутъ выставить въ поле для дѣйствія противъ насъ 60 тысячъ лучшихъ войскъ, къ которымъ надо прибавить еще около 50 тысячъ англичанъ и французовъ. Мы могли выставить для дѣйствія за Дунаемъ лишь 66 тысячъ, съ которыми Паскевичъ полагалъ невозможнымъ разбить 110 тысячную армію и въ то же время брать крѣпости по Дунаю.

На правомъ флангѣ обстановка также измѣнилась. Австрія, поставивъ войска на своей военной границѣ, могла угрожать нашей коммуниці въ Валахіи, и князь переставалъ вѣрить въ ея нейтралитетъ. «Видно» писалъ онъ, «Австрія разочла, что ей выгоднѣе быть противъ насъ».

Все это, по мнѣнію фельдмаршала, заставляло насъ, прежде чѣмъ переходить Дунай, подумать, какія слѣдуетъ употребить средства въ такихъ критическихъ для насъ обстоятельствахъ.

Но черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма произошло событіе, которое несомнѣнно играло большую роль въ ходѣ дальнѣйшихъ операцій нашихъ на Дунаѣ. Князь Варшавскій 21 февраля былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами на западной и южной границахъ и собрался лично отправиться на Дунай. За княземъ Горчаковымъ были сохранены всѣ предоставленныя ему раньше права и обязанности во время отсутствія Паскевича изъ южной арміи. Въ присутствіи же фельдмаршала онъ вступалъ въ должность его начальника штаба. «И такъ», сообщалъ объ этомъ князь Иванъ Федоровичъ своему бывшему начальнику штаба, «мы будемъ опять работать и трудиться вмѣстѣ, любезнѣйшій князь, съ тѣмъ же усердіемъ, какъ и всегда» ¹⁾.

Съ этого времени началось слишкомъ настойчивое опасеніе со стороны фельдмаршала наступленія австрійцевъ въ тылъ нашей Дунайской арміи, нежеланіе переходить Дунай и стремленіе держаться впредь въ оборонительномъ положеніи на лѣвомъ берегу и даже отойти въ будущемъ за линію Серета. Если бы не опредѣленная воля Императора Николая и не неожиданная рѣшимость Горчакова, то Дунайской кампаніи не суждено было бы украситься единственной блестящей операціей—мартовскимъ переходомъ черезъ Дунай.

¹⁾ Кн. Варшавскій кн. Горчакову 24-го февраля 1854 г. Спб. «Рус. Стар.» 1876 г., февраль, стр. 388.

Извѣщая о своемъ назначеніи, Паскевичъ въ секретномъ письмѣ ¹⁾ сообщалъ Горчакову, что при настоящемъ положеніи вещей идти впередъ противъ Турціи и думать нельзя, а рекомендо- вать ограничиться взятіемъ Тульчи, Исакчи, Мачина и, если не встрѣтятся особыхъ препятствій, то и Гирсова, устроивъ сильные предмостныя укрѣпленія.

Войска изъ Малой Валахіи онъ предлагалъ оттянуть и съ глав- ными силами маячить на лѣвомъ берегу Дуная, стараясь выма- нить непріятеля и разбить его. Въ то же время имъ обращалось особое вниманіе на обезпеченіе фланговъ и тыла, какъ со сто- роны Одессы, въ случаѣ высадки вблизи нея англо-французскихъ десантовъ, такъ и со стороны австрійцевъ.

Всѣ эти предположенія были одновременно подтверждены Па- скевичемъ Горчакову въ формѣ официальнаго предписанія ²⁾.

Съ своей стороны и Государь въ тотъ же день писалъ Горча- кову, что, считая успѣшную переправу черезъ Дунай весьма важ- нымъ шагомъ, онъ находилъ, что, до выясненія двуличности Ав- стріи и направленія удара морскихъ державъ, начинать движеніе къ Силистріи не слѣдовало ³⁾.

На слѣдующій день опасенія князя Варшавскаго еще болѣе увеличились, и онъ секретно сообщалъ князю Горчакову ⁴⁾, что угрозы Австріи и Пруссіи не позволяютъ уже намъ думать о дѣй- ствіяхъ за Дунаемъ, а надобно помышлять о своихъ сообщеніяхъ въ тылу. Поэтому Горчакову предлагалось очищать магазины въ Малой Валахіи, имѣя въ виду, что, по всей вѣроятности, наша армія продержится еще мѣсяца полтора около Бухареста, а по- томъ сосредоточится между Бузео, Браиловымъ и Серетомъ. Въ концѣ своего письма фельдмаршалъ предлагалъ расплачиваться ассигнаціями въ краю, «который мы намѣрены оставить». Во все- подданнѣйшей же запискѣ, представленной въ тотъ же день, князь Варшавскій высказывалъ свои опасенія въ менѣе рѣшительной формѣ и лишь предлагалъ не брать Гирсова, а ограничиться только

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Паскевичъ къ Горчакову 24-го февраля 1854 г. № 138. Воен. учен. арх. отд. 2, д. № 3358.

³⁾ Императоръ Николай князю Горчакову 24-го февраля 1854 г. Собственная Его Вел. библ., шк. 115, порт. 14.

⁴⁾ Князь Варшавскій князю Горчакову 25-го февраля 1854 г. «Русская Стар.» 1876 г., февраль. стр. 392.

взятіемъ Тульчи, Исакчи и Мачина и устройствомъ въ этомъ послѣднемъ моста и сильнаго укрѣпленія ¹⁾).

27-го февраля ²⁾ фельдмаршалъ предписалъ Горчакову для исполненія не брать Гирсова и готовиться начать отходить отъ Бухареста за р. Сереть съ 1-го мая ³⁾).

¹⁾ Зап. кн. Варшавскаго 25-го февраля 1854 г. Арх. воен. учен. ком., отд. 2, д. № 3358.

²⁾ Князь Варшавскій князю Горчакову 27-го февраля 1854 г. № 26. Арх. воен. уч. ком., отд. 2, № 3358.

³⁾ По словамъ князя Варшавскаго, относящимся къ позднѣйшей эпохѣ, въ этотъ же день имъ была представлена Государю новая всеподданнѣйшая записка, въ которой онъ шелъ противъ мнѣнія всѣхъ «въ ту минуту, когда, въ порывѣ безумія, мы готовились закидать всю Европу шапками». Мы не пользуемся этой запиской для изслѣдованія плановъ предстоявшихъ военныхъ операций, такъ какъ не имѣемъ никакихъ документальныхъ данныхъ о томъ что это произведеніе фельдмаршала дѣйствительно было представлено Императору Николаю; не можемъ также фактически утверждать, что оно вышло изъ подъ пера князя Варшавскаго позднѣе, когда надъ Россіей пронеслась уже кровавая туча сведшая въ могилу Царя—рыцаря. Но самый фактъ появленія въ свѣтъ записки Паскевича, весьма заботившагося, по словамъ современниковъ, о томъ, что о немъ будетъ писать исторія, настолько характеренъ, что мы считаемъ необходимымъ не только здѣсь упомянуть о ней, но даже и привести этотъ интересный документъ.

Надо замѣтить, что въ нашихъ архивахъ съ замѣчательной аккуратностью сохранились не только всѣ письма и записки, восходившія до Государя, но даже и второстепенныя: той же записки князя Варшавскаго, о которой идетъ рѣчь, мы ни въ одномъ архивѣ найти не могли. Исторія сохраненія ея для потомства состоитъ въ слѣдующемъ:

Осенью 1855 года, когда Паскевичъ былъ одержимъ уже своимъ смертельнымъ недугомъ, князь Горчаковъ прислалъ ему обзоръ дѣйствій своихъ со времени вступленія въ командованіе Крымской арміей. Фельдмаршалъ, не смотря на физическія страданія, продиктовалъ 16-го сентября 1855 года, по прочтеніи записки, свои замѣчанія, которыя, какъ онъ говорилъ, рано или поздно займутъ мѣсто въ военной исторіи Россіи. Замѣчанія эти были диктованы въ формѣ письма къ князю Горчакову, которое, однако, не было отправлено по назначенію. Въ 1868 году письмо это было доставлено начальникомъ штаба Виленскаго военного округа военному министру и нынѣ хранится въ воен. уч. арх. гл. шт. отд. 1, д. № 839. Въ сокращенномъ видѣ оно было напечатано въ «Рус. Старинѣ» 1872 г. и въ полномъ видѣ въ запискахъ П. К. Менькова. Мы здѣсь приводимъ ту часть письма, которая относится къ январю и февралю 1854 года.

«Признаюсь», писалъ фельдмаршалъ князю Горчакову, «я виноватъ передъ отечествомъ, что былъ отчасти причиною возвышенія вашего на ту степень, на которой вы нынѣ находитесь. Покойный Государь былъ правъ, когда онъ, въ февралѣ 1854 года, хотѣлъ, послѣ всѣхъ неудачныхъ дѣлъ на Дунаѣ и неосновательныхъ распоряженій въ Княжествахъ, отозвать васъ изъ арміи. Тогда я еще полагалъ, что вы съ пользой можете служить Россіи. Нынѣ, откладывая всякое самолюбіе въ сторону, откровенно сознаюсь, что я жестоко ошибался.

Изъ приводимаго здѣсь разговора съ покойнымъ Государемъ, ваше сіятельство можете судить, что участь ваша была въ моихъ рукахъ. Мнѣ достаточно было молчать для того, чтобы рѣшить вашу судьбу.

Это было въ первыхъ дняхъ моего прибытія въ Петербургъ. въ 1854 году

Императоръ Николай боролся по мѣрѣ силъ, какъ съ преувеличенными страхами Паскевича относительно опасности, грозившей со стороны Австріи, такъ и съ привычкою фельдмаршала пугать князя Горчакова и руководить изъ Петербурга всѣми подроб-

когда я уже согласился принять командованіе надъ всѣми войсками, расположенными на западной границѣ и въ Княжествахъ.

Я пришелъ къ Государю около 12-ти часовъ съ докладомъ. Мы были въ рабочемъ его кабинетѣ, гдѣ онъ впослѣдствіи скончался. Государь былъ чрезвычайно грустенъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Наконецъ, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— «Отець-командиръ! Я весьма недоволенъ распоряженіями Горчакова. Сраженіе подъ Ольтеницею и Четати служатъ явнымъ доказательствомъ вовсе необдуманнаго плана, словомъ сказать, во всѣхъ его дѣйствіяхъ видны нерѣшительность и суета. Судя по ходу всѣхъ его дѣлъ, мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть главнокомандующимъ. Сомнѣваюсь даже, будетъ ли онъ въ состояніи командовать во время войны отдѣльною частью? По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагаю отозвать его изъ арміи и тебѣ предоставляю избрать себѣ кого хочешь въ начальники штаба».

Сознаюсь, былъ крайне удивленъ, услышавъ столь рѣзкое сужденіе и почти приговоръ надъ человѣкомъ, служившимъ всегда съ большимъ отличіемъ. Прошло нѣсколько минутъ, пока я собрался съ мыслями. Вотъ, кажется, слово въ слово отвѣтъ мой Государю:

— «Позвольте, Ваше Величество, сказать нѣсколько словъ въ оправданіе князя Горчакова. Я его знаю слишкомъ 23 года; знаю его храбрость и способности. У насъ въ арміи нѣтъ человѣка, который бы съ большою пользою могъ занять во время войны мѣсто начальника штаба. Его обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ управленія арміею, его военныя способности, смѣю думать, не подлежатъ сомнѣнію. Нельзя осуждать главнокомандующаго, находящагося отъ своихъ отрядовъ воста и болѣе верстахъ, въ ошибкахъ, сдѣланныхъ подъ Ольтеницею и Четати. За всѣмъ тѣмъ, не могу не обвинить Горчакова въ томъ, что, не слѣдуя великой истинѣ, сказанной Наполеономъ, держать войска свои всегда въ кулакѣ, онъ растянулся съ малочисленными своими отрядами на 600 верстѣ».

Государь, выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, изволилъ сказать:

— «Дай Богъ, отецъ-командиръ, чтобъ я ошибался. Желаю тебѣ вѣрить».

Послѣ сего разговора Государь уже ни разу не говорилъ и не намекалъ о вызовѣ вашего сіятельства изъ арміи.

Будучи обязанъ въ дѣйствіяхъ моихъ отдать отчетъ потомству, я откровенно соглашаюсь въ моей ошибкѣ и прошу соотечественниковъ моихъ простить мнѣ, что я въ заблужденіи моемъ еще въ 1854 году считалъ ваше сіятельство способнымъ быть самостоятельнымъ начальникомъ.

Сознаніе это доставляетъ мнѣ нѣкоторое облегченіе, а въ минуты тяжкихъ страданій и душевнаго негодованія, мнѣ отрадно вспомнить, что до начала войны, когда еще можно было предупредить всѣ бѣдствія, постигшія впослѣдствіи Россію, я противъ мнѣнія всѣхъ въ эту минуту, когда, въ порывѣ безумія, мы готовились закидать всю Европу шапками, осмѣлился 27-го февраля 1854 года представить покойному Государю записку слѣдующаго содержанія:

«Четыре европейскія державы предлагаютъ намъ свой ультиматумъ. Мы находимся въ томъ положеніи, что теперь вся Европа противъ насъ, на морѣ и на сушомъ пути. Англія, Франція, Турція уже объявили войну, Австрія, можно сказать на ихъ сторонѣ, Пруссія можетъ быть также увлечена скоро. Никогда еще Россія не бывала въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ.

ностями его дѣйствій на Дунай. Чтобы подтвердить то огромное вліяніе, которое имѣлъ Паскевичъ на Государя, приведемъ слѣдующую весьма характерную записку Императора Николая военному министру отъ 28-го февраля 1854 года ¹⁾: «Мнѣ удалось

При Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ 1812 году, Англія была за насъ; съ Турціею успѣли заключить миръ; неограниченное властолюбіе Наполеона заставило задолго предвидѣть 1812 годъ и дало намъ полтора года на приготовленія. Въ 1810 году мы уже могли начать формированіе новыхъ полковъ, весь 1811 годъ устраивали резервы и магазины въ тылу и потому въ 1812 году, начавъ отступленіе до самой Москвы, пополняли убыль въ войскахъ резервами. Нынѣ обстоятельства такъ быстро измѣнились, что не дали намъ возможности приготовиться. Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ кажется, что нельзя уже сомнѣваться, что Пруссія будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Австріею противъ насъ. Имѣя двухъ непріятелей въ центрѣ, тогда какъ французы высадятся на Черноморскихъ берегахъ, австрійцы изъ Трансильваніи выйдутъ на коммуникаціи нашей дунайской арміи, а пруссаки обойдутъ флангъ въ Литвѣ, мы уже не можемъ держаться ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ, а, отступая, не найдемъ магазиновъ.

Европа можетъ повторить кампанію 1812 г., но, вѣроятно, избѣгнетъ ошибокъ Наполеона. Она будетъ вести войну методически, отброситъ насъ за Днѣпръ и, отнявъ Польшу, усилится нашими крѣпостями въ царствѣ и въ Литвѣ. Несчастія и потери тогда Россіи—трудно теперь предвидѣть. Таковы, мнѣ кажется, послѣдствія войны теперь со всею Европою: пока она въ соединеніи, мы съ нею боремся не въ силахъ. Намъ дорого время; чтобы выиграть его, думаю, что на ультиматумъ ея можно бы отвѣчать, что предложенія принимаются съ тѣмъ, чтобы назначить сроки нашего выступленія изъ княжествъ въ одно время съ непріятельскимъ флотомъ: 1-й срокъ. Мы очищаемъ Малую Валахію; флотъ выходитъ изъ Чернаго моря.

2-й срокъ. Мы выходимъ изъ Большой Валахіи; флотъ—изъ Босфора.

3-й срокъ. Мы очищаемъ Молдавію; флотъ оставляетъ Дарданеллы.

О послѣднемъ условіи лучше даже умолчать, ибо нѣтъ надежды, чтобы оно было принято. Для опредѣленія сроковъ и приготовленій къ отступленію заключить перемиріе на шесть недѣль. Шесть недѣль намъ очень важны, для насъ каждый день дорогъ! Отступая, мы не отдаемъ своей земли, но возвращаемся на свои границы. По крайней мѣрѣ мы удержимъ, можетъ быть, Австрію и Пруссію, показавъ, что не желаемъ войны.

Австрія боялась бы сербовъ, но съ нашимъ отступленіемъ изъ Валахіи ей нѣтъ предлога держать 50 тысячъ на сербской границѣ. Если бы морскія державы не согласились на наши предложенія, то и тогда мы, по крайней мѣрѣ, выиграемъ время; имѣя полтора, два мѣсяца, успѣемъ укрѣпить настоящую стратегическую позицію на Днѣстрѣ; турки не войдутъ въ Княжества, а останутся въ Болгаріи. Въ центрѣ будутъ войска, соберемъ магазины, словомъ, займемъ стратегическія пункты и приготовимъ продовольствіе.

Европейскимъ державамъ будетъ время одуматься. Ихъ лихорадочное состояніе можетъ быть успокоится и разсудокъ возьметъ верхъ.

Конечно, мы и тогда не въ состояніи держаться въ центрѣ, если и Пруссія противъ насъ; но неужели нѣтъ возможности отдѣлать ее отъ другихъ державъ и склонить въ нашу пользу?

Несчастія, которыя могутъ постигнуть Россію въ случаѣ общаго на насъ возстанія, будутъ неисчислимы и не скоро изгладятся. Есднѣ ихъ можно было преду-

¹⁾ Арх. канц. воен. мин. 1853 г., с. л. № 60.

убѣдить князя Варшавскаго ничего не измѣнять въ *прежнемъ* ¹⁾, кромѣ того только, что буде можно или нужно будетъ, то 7-ю легкую дивизію подведетъ ближе къ Варшавѣ. Просилъ его тоже не сбивать съ толку Горчакова частыми приказаніями въ родѣ гофкригерата. Главныя мысли должны ему быть начертаны здѣсь, исполненіе же и примѣненіе къ обстоятельствамъ вполнѣ ему предоставлено на его отвѣтственность, иначе выйдетъ вздоръ. Настой на этомъ и послѣ моего отъѣзда».

Но въ то время, когда Паскевичъ противился наступленію на Дунай, князь Меншиковъ смотрѣлъ на эту операцію иначе. «Съ большимъ удовлетвореніемъ», писалъ онъ князю Горчакову ²⁾, «узналъ я изъ вашихъ писемъ, что вы предполагаете перейти Дунай между 7 и 10 числами раньше, чѣмъ успѣють отнять у васъ эту заслугу ³⁾. Наступайте на Омера-пашу, вы его разобьете и этимъ оттянете время англо-французской экспедиціи, что спасетъ Севастополь и Крымъ» ⁴⁾.

Не безъ сильныхъ, видимо, сомнѣній и не безъ большого вліянія Паскевича Государь отказался отъ мысли энергичныхъ дѣйствій на правомъ берегу Дуная для взятія Силистріи и Рущука и въ началѣ марта начерталъ новый планъ кампаніи на 1854 г.

«Почти съ каждымъ днемъ», писалъ онъ Горчакову ⁵⁾, «положеніе дѣлъ становится для насъ грознѣе черезъ неслыханную неблагодарность императора австрійскаго. Оно дошло до того, что вынудило меня начертать новый обзоръ или планъ дѣйствій, соотвѣтственный теперешнему положенію нашихъ соотношеній. Князь Иванъ Федоровичъ его одобрилъ и тебѣ сообщаетъ. Это, повторяю, не предписаніе *гофкригерата*, но обзоръ необходимый положенія нашего и того, что мы въ такихъ обстоятельствахъ пред-

предить, хотя бы съ нѣкоторыми уступками, которыя всегда будутъ сравнительно менѣе важны и впоследствии при благопріятныхъ обстоятельствахъ вознаграждаются.

Конечно, больно для самолюбія каждаго русскаго рѣшиться теперь уступить, но со временемъ Россія пойметъ, что отъ того зависѣла ея судьба и благословить, какъ спасителя, того, кто великодушно рѣшится теперь на пожертвованія!»

1) Курсивъ подлинника.

2) Кн. Меншиковъ кн. Горчакову 5-го марта 1854 г. Арх. воен. учен. ком. отд. 2, д. № 4253.

3) Въ это время въ Севастополѣ было уже пзвѣстно о назначеніи Паскевича главнокомандующимъ и о предстоящемъ прибытіи его на Дунай.

4) Переводъ съ французскаго.

5) Имп. Николай—кн. Горчакову 8-го (20) марта, 1854 г. Собств. Его Вел. библ. шк 116, порт. 14.

принимать можемъ и какъ *полагаемъ* къ оному приступить, не стѣняя тебя въ нужныхъ детальныхъ отступленіяхъ, лишь бы общее направленіе дѣйствій было согласно съ онымъ и въ связи потому со всѣми другими мѣрами, которыя на всѣхъ другихъ угрожаемыхъ пунктахъ предпринимаются.

«Ежели, однако, вѣроломство Австріи дойдетъ до рѣшительнаго наступленія на насъ, или въ Малую Валахію или въ Молдавію—тогда, разумѣется, что ты долженъ самъ рѣшить общее отступленіе на избранное поле сраженія, гдѣ, собравъ сколько можно, дать рѣшительноо сраженіе и тогда съ помощью Божіей: «*cela aura été reculer pour mieux sauter*» ..

Въ собственноручной запискѣ, о которой Государь упоминалъ въ своемъ письмѣ къ Горчакову, Императоръ Николай съ грустью сознавалъ, что изъ прежнихъ его предположеній могла исполниться только переправа у Мачина и Тульчи; о томъ когда и какъ приступить къ Силистріи, а также какъ направить дальнѣйшія дѣйствія, вопросъ оставался вполнѣ неопредѣленнымъ. Кромѣ слуховъ о готовившихся десантахъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ Бессарабіи, особенная опасность угрожала намъ и со стороны Австріи, «расположеніе которой изъ двусмысленнаго дѣлалось болѣе и болѣе явно намъ враждебнымъ». Она не только парализовала участіе въ борьбѣ со стороны сербовъ, но угрожала «намъ самимъ на нашемъ правомъ флангѣ и даже нашему тылу вторженіемъ въ собственные наши предѣлы».

Государь ставилъ далѣе вопросъ, какъ намъ дѣйствовать, «соблюдая военную осторожность, не роняя нашего политическаго достоинства и вліянія на христіанъ», и рѣшалъ его слѣдующимъ образомъ:

Послѣ взятія Мачина и Тульчи устроить тамъ сильное мостовое прикрытіе. Для охраненія нижняго Дуная, а также для резерва на случай высадки въ Бессарабіи или у Одессы оставить полторы дивизіи. Одной дивизіей наблюдать Силистрію и Гирсово, Маловалахскій отрядъ оттянуть за Краіово и на Ольту, въ видѣ аріергарда главныхъ силъ, которыя въ составѣ 3^{1/2} дивизій расположить около Бухареста. Драгунскій корпусъ имѣть въ резервѣ по обоимъ берегамъ Прута.

Въ такомъ положеніи слѣдовало ожидать, удастся ли союзникамъ высадка и гдѣ, а также постараться разбить соединенными силами турокъ, откуда бы они не наступали на насъ, т. е. отъ Видина ли, Рущука, Никополя или Силистріи.

Государь полагалъ, что это выжидательное положеніе продолжится до іюля, когда «должно объясниться, враги ли намъ австрійцы или, удержанные примѣромъ Пруссіи и нашимъ грознымъ видомъ, они останутся нейтральными». Въ такомъ случаѣ августъ и сентябрь предполагалось употребить для рѣшительнаго удара на Силистрію и, можетъ быть, на Рущукъ.

Императору Николаю не удалось, однако, до самой своей кончины увидѣть Австрію дѣйствительно нейтральной, и до конца войны это государство усердно продолжало играть свою пагубную для Россіи, но безславную для него самого роль.

Отправляя только что приведенную записку Государя князю Горчакову, фельдмаршалъ снабдилъ ее длинной инструкціей, въ которой положеніе нашей дунайской арміи рисовалось весьма мрачными красками.

Паскевичъ исходилъ изъ того заключенія, что политическія обстоятельства должны были имѣть особое вліяніе на наши военныя дѣйствія и въ этомъ отношеніи обстановка представлялась ему въ слѣдующемъ видѣ:

Со стороны Пруссіи угрозы не ожидалось; Австрія же объявила, что впредь поведеніе ея будетъ основано только на собственныхъ выгодахъ, которыя, впрочемъ, не враждебны ни для одной изъ державъ. Но, однако, австрійское правительство стягивало войска, которыхъ по свѣдѣніямъ фельдмаршала, черезъ три недѣли могло собраться для дѣйствія противъ насъ около 250 тысячъ, и они могли направиться къ Каменецъ-Подольску или къ Яссамъ, къ Бухаресту или Краіову. Съ другой стороны англо-французы, кромѣ дѣйствій въ морѣ и высадки въ другихъ мѣстахъ, могли сдѣлать десанты около Одессы или Аккермана и угрожать нашему тылу на Леово или Бендеры.

Съ нашей стороны для защиты границъ были приняты слѣдующія мѣры:

Курляндія, Литва и правый флангъ Царства Польскаго защищались 1-мъ корпусомъ, въ Варшавѣ и за Вислою сосредоточивались двѣ гвардейскія дивизіи, противъ Кракова одна бригада и противъ Лемберга полторы дивизіи 2-го корпуса.

Для связи поименованныхъ войскъ съ Дунайской арміей и для обезпеченія коммуникаціонной линіи этой послѣдней образовался отрядъ изъ 6-й пѣхотной, двухъ кирасирскихъ, двухъ драгунскихъ дивизій и казачьяго полка, который долженъ былъ расположиться по австрійской границѣ до Каменца и ниже до Бендеръ и Леова.

Придавая особое значеніе этому отряду, фельдмаршалъ приказывалъ усилить его еще одной дивизіей изъ арміи Горчакова, которую держать примѣрно около Кагула.

Далѣе Паскевичъ давалъ подробныя указанія, какъ дѣйствовать въ случаѣ высадки союзниковъ и направленія ихъ на Одессу или Аккерманъ и вновь переходилъ на свою излюбленную тему о переправѣ черезъ Дунай и мѣрахъ противъ покушенія австрійцевъ на нашъ тылъ. Очевидно, переходъ на правый берегъ рѣки ему не улыбался, и онъ предписывалъ Горчакову, въ случаѣ неудачи первой попытки, ее не возобновлять, а продолжать оставаться въ оборонительномъ положеніи. Что же касается до австрійцевъ, то онъ рекомендовалъ сократить нашу линію на Дунай и въ началѣ апрѣля отвести маловалахскій отрядъ отъ Калафата къ Краюву и даже за р. Ольту.

«Впрочемъ», кончалъ фельдмаршалъ свои настоятельныя указанія, «отступленіе сіе сдѣлайте по вашимъ соображеніямъ. Не будучи на мѣстѣ, я не даю вамъ рѣшительнаго о томъ предписанія» 1).

Но въ тотъ же день, вслѣдъ за только что изложенной инструкціей, на берега Дуная полетѣло уже форменное предписаніе отъ князя Варшавскаго 2)—отвести къ 1-му апрѣля мало-валахскій отрядъ за Ольту, выслать изъ подъ Бухареста одну дивизію пѣхоты къ Тырговицу, имѣя кавалерію впереди для наблюденія за Германштадтомъ, и, въ случаѣ перехода австрійцами границы у этого послѣдняго, стягивать всю армію къ Бузео или Рымнику, а, если это не удастся, то и къ Фокшанамъ, гдѣ и принять бой.

Трудно понять причину отправленія фельдмаршаломъ въ одинъ и тотъ же день изъ Петербурга и дающей нѣкоторый просторъ воли Горчакова инструкціи, и категорическаго предписанія по одному и тому же предмету. Единственнымъ объясненіемъ можетъ служить только то предположеніе, что вышеприведенное новое начертаніе хода военныхъ дѣйствій, составленное Государемъ, дошло до фельдмаршала послѣ отправки инструкціи, и въ немъ онъ увидалъ возможность безотвѣтственно приказать исполнить свою завѣтную мысль. Дѣйствительно, о новомъ Высочайшемъ предначертаніи князь Варшавскій упоминалъ не въ инструкціи, а въ послѣдовавшемъ за ней предписаніи.

1) Кн. Варшавскій кн. Горчакову 8-го марта 1854 года № 96—39. Арх. воен. учен. ком., отд. 2, д. № 3358.¹

2) Кн. Варшавскій кн. Горчакову 8-го марта 1854 г. № 100. Арх. воен. учен. ком., отд. 2, д. № 3358.

Мысль объ отступленіи такъ неотвязчиво преслѣдовала въ это время Паскевича, что онъ не ограничился данными Горчакову указаніями и чуть ли не ежедневно изъ Петербурга и по пути своемъ въ Варшаву въ длинныхъ письмахъ подтверждалъ одно и тоже ¹⁾. Къ счастью для князя Михаила Дмитріевича онъ всѣ эти посланія получилъ послѣ совершенія своей блестящей переправы черезъ Дунай.

Однако, трусливый строго оборонительный планъ князя Варшавскаго не у всѣхъ въ Петербургѣ вызывалъ сочувствіе. «И такъ, рѣшено», занесъ графъ Граббе въ свою книжку подь 14-мъ марта 1854 года ²⁾. «Съ огромными средствами избранъ самый робкій планъ дѣйствій противъ Турціи. Дунайская армія переправилась или переправляется въ эти дни за Дунай, между Брашловымъ и Мачинымъ. Дунай въ томъ мѣстѣ имѣетъ болѣе 400 саж. ширины и ни одного острова. Берегъ непріятельскій занятъ батареями и сзади ихъ на высотахъ позиція турокъ. Въ случаѣ успѣха, вѣроятно большимъ урономъ купленнаго, армія вступитъ въ самый пустынный и нездоровый край Турціи и начнетъ осаждать лежащія по Дунаю крѣпости, въ которыхъ неуклюжіе въ полѣ турки хорошо обороняются. Возстанію славянъ и грековъ никакой отъ того помощи. Огромныя средства на малыя дѣла, надъ которыми растаетъ армія и пройдетъ драгоцѣнное время. Хотятъ не отдаляться отъ Одессы, куда бояться высадки. Эти двѣ операціи разныя. Дунайская армія не можетъ оказать никакого пособія, и отряды изъ нея туда, въ случаѣ нужды, не поспѣютъ... Фельдмаршалъ къ труднѣйшему, къ перелазѣ, не могъ поспѣть, а поручилъ князю Горчакову. Въ случаѣ продолжительной осады Силистріи англо-французы могутъ дѣлать тревожныя высадки въ Бюстенджи, Мангалии, а особливо въ Варнѣ. Ничего сколько нибудь рѣшительнаго, грознаго для Турціи, побудительнаго къ миру».

Такова была обстановка на политическомъ горизонтѣ, въ Петербургѣ и Варшавѣ, когда князь Михаилъ Дмитріевичъ совершалъ свою переправу черезъ Дунай.

О дѣйствительномъ положеніи и намѣреніи турокъ въ этотъ періодъ кампаніи на европейскомъ театрѣ войны мы имѣемъ весьма мало документальныхъ данныхъ, которыя сводятся лишь къ донесеніямъ французскаго полковника Діе, состоявшаго при арміи

¹⁾ «Рус. Стар.» 1876 г., февраль, стр. 394—396.

²⁾ Рус. Арх. 1889 г., т. 1-й, стр. 567.

Омера-паши, и французскаго посла въ Константинополь генерала Барагэ-д'Илле къ маршалу С. Арно въ Парижъ.

Полковникъ Діе, одностороннее донесеніе котораго, къ сожа-
лѣнію, было тайнымъ образомъ доставлено изъ Парижа въ Петер-
бургъ, видимо очень радужно смотрѣлъ на положеніе турокъ и вѣ-
рилъ тѣмъ грандіознымъ планамъ, которыми съ нимъ дѣлился та-
лантливый Омеръ-паша исключительно, по всей вѣроятности, съ
политической цѣлью, не придавая имъ практической цѣны. А
между тѣмъ, можно полагать, что именно донесенія французскаго
агента произвели на князя Варшавскаго то пагубное впечатлѣніе,
которое придало столь печальный оборотъ всѣмъ его дѣйствіямъ
на Дунай и предшествовавшимъ имъ распоряженіямъ.

Полковникъ Діе въ декабрѣ мѣсяцѣ совершилъ путешествіе отъ
Константинополя къ Дунаю и проѣхалъ вдоль этого послѣдняго
отъ Мачина до Видина. Впечатлѣнія очевидца, ѣздившаго съ удо-
стовѣреніемъ за подписью самого султана, повелѣвавшаго ему все
показывать, имѣетъ поэтому для насъ особую цѣну, но, повто-
ряемъ, что при ознакомленіи съ этими впечатлѣніями слѣдуетъ
имѣть въ виду излишній оптимизмъ французскаго офицера ¹⁾.

Не говоря ничего объ оборонительной силѣ Константинополя,
авторъ останавливается на Адрианополь, который съ его укрѣп-
леннымъ лагеремъ онъ считаетъ лучшимъ мѣстомъ для сосредото-
ченія перваго французскаго экспедиціоннаго корпуса. Направ-
ляясь далѣе къ Шумлѣ, Діе изслѣдовалъ проходы черезъ Балканы,
которые могутъ быть, какъ патетически восклицаетъ авторъ, «мѣ-
стомъ столкновенія французской арміи съ русской, если судьба
измѣнитъ доблести оттоманскихъ войскъ». Проходы эти, сильные
по своей природѣ, укрѣплялись и защищались многочисленнымъ
корпусомъ редифовъ подъ руководствомъ польскихъ и венгерскихъ
офицеровъ. Шумла съ ея большимъ укрѣпленнымъ лагеремъ со-
ставляла центръ операцій Омера-паши, который съ самаго начала
кампаніи усиленно укрѣплялъ этотъ пунктъ. Шумлинскій лагерь,
защищаемый стотысячною фанатизированной, по словамъ Діе,
арміей, былъ сдѣланъ неприступнымъ, благодаря гигантскимъ
фортификаціоннымъ сооруженіямъ, исполненнымъ при дѣятель-
номъ участіи иностранныхъ офицеровъ.

Пунктомъ для высадки французскихъ войскъ Діе намѣчалъ
Варну. «Невозможно предположить», добавлялъ онъ, «чтобы въ

¹⁾ Рапортъ полковника Діе отъ 26-го декабря 1853 г. Арх. мин. иностр. дѣлъ.
Карт. Paris 1854 г.

то время, когда турки владѣютъ правымъ берегомъ Дуная, опираясь на Балканы и Черное море, русскій корпусъ осмѣлился бы переправиться черезъ эту рѣку, зная о присутствіи въ Варнѣ французской арміи».

Бабадагскую область занималъ отрядъ въ 24 тысячи, слѣдившій съ особой бдительностью за русскими канонерками въ рукавахъ устья Дуная. «Если», писалъ Діе, «русская армія предполагаетъ перейти рѣку въ ея низовьяхъ, то она встрѣтитъ ужасный ударъ и вѣрное поражение».

Численность турецкихъ войскъ опредѣлялась авторомъ примѣрно въ 280 тысячъ только дѣйствующей арміи. Изъ нихъ сто тысячъ находилось въ лагерѣ подъ Шумлой, 100 тысячъ по линіи Дуная, а остальные въ Видинѣ и Калафатѣ, который имъ признавался неприступнымъ и въ которомъ находились лучшія войска турецкаго генералиссимуса.

Планъ своихъ предстоящихъ операцій Омеръ-паша изложилъ полковнику Діе въ слѣдующемъ видѣ. Онъ предполагалъ окружить русскую армію въ Валахіи и отрѣзать ее отъ Молдавіи, откуда Горчаковъ получалъ все необходимое. Съ этой цѣлью 20 тысячный корпусъ долженъ будетъ двинуться отъ Калафата для атаки русскаго отряда въ Краловѣ, и послѣ нѣсколькихъ ложныхъ маневровъ передъ этимъ городомъ, имѣющихъ цѣлью привлечь сюда наше вниманіе, Омеръ-паша, принявши свой правый флангъ за ось захожденія, быстро двинетъ влѣво всю армію и резервъ для занятія важныхъ дефиле, ведущихъ въ Трансильванію. Чтобы еще болѣе покрыть этотъ маневръ тайной, и окончательно усыпить русскихъ, турки должны были предпринять въ разныхъ пунктахъ теченія Дуная ложныя попытки перехода рѣки. По выясненіи успѣха блестящаго маневра турецкой арміи противъ нашего праваго фланга, Омеръ-паша форсируетъ Дунай между Руцукомъ и Силистріей, и русская армія, атакованная въ голову и въ тылъ, стѣсненная со всѣхъ сторонъ, принуждена будетъ отступить въ Молдавію, преслѣдуемая Омеромъ-пашею во главѣ всѣхъ его силъ.

Въ такомъ видѣ рисовалась обстановка восторженному полковнику Діе.

Но меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого донесенія дѣлился своими впечатлѣніями съ маршаломъ С. Арно и французскій посоль въ Константинополь генералъ Барагэ-д'Илье ¹⁾. Чтеніе этого

¹⁾ Ген. Барагэ-д'Илье марш. С. Арно 15 января и ст. 1854 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1853 г. с. д. № 60.

документа рисуешь въ иномъ свѣтѣ способность Турціи къ единоборству съ Россіей, чѣмъ это представлялось полковнику Діе. «Послѣ моего послѣдняго письма», такъ начинается генераль Баргагэ-д'Илье, «дѣла турокъ приняли оборотъ мало успокоительный». Хотя Константинополь и былъ обезпеченъ отъ нечаяннаго нападенія съ моря, но султанъ только послѣ серьезнаго настоянія французскаго посла приказалъ отпустить деньги для начала работъ по приведенію столицы въ крѣпость 1-го класса. Балканскіе проходы кончали укрѣплять, но заставить турокъ организовать турецкую армію не удалось. Посоль рекомендовалъ торопиться присылкой перваго экспедиціоннаго корпуса генерала Канробера, такъ какъ скоро русская армія перейдетъ въ наступленіе, а Омерь-паша, при всѣхъ его способностяхъ, не въ состояніи одинъ сопротивляться русскимъ. Онъ не сумѣлъ воспользоваться первоначальными выгодами своего положенія и очень замедлил исполненіемъ принятаго плана. «Если Омерь-паша при первой встрѣчѣ не разобьетъ на голову русскихъ, то дѣло султана на половину проиграно» — такъ кончалъ генераль Баргагэ-д'Илье свое письмо.

Въ письмѣ отъ 24 февраля ²⁾ французскій посоль рисовалъ еще болѣе тяжелую картину. «Турція», писалъ онъ, «сдѣлала сверхчеловѣческія усилія, чтобы быть въ состояніи противостоять нападенію Россіи, и между тѣмъ она далека отъ возможности единоборства со своимъ знаменитымъ противникомъ. Дѣйствительно, ея азіатская армія, численностью болѣе 80 тысячъ человѣкъ, дала новое подтвержденіе стараго военнаго принципа, что дисциплина главенствуетъ надъ числомъ войскъ и, брошенная на 40 тысячъ русскихъ, она была на голову разбита; ея румелійская армія до сего времени задерживала русскихъ на Дунаѣ, благодаря хорошимъ оборонительнымъ распоряженіямъ Омера-паши, и даже пріобрѣла тамъ нѣкоторыя преимущества, хотя, надо сознаться, столкновенія до сихъ поръ не были серьезны. Въ настоящее время отоманское правительство сосредоточило на Дунаѣ около 150 тысячъ человѣкъ и не можетъ располагать еще болѣе чѣмъ 30 тысячами, разбросанными частью въ Адрианоуполь, частью въ Константинополь для охраны султана и укрѣпленій Босфора».

Мнѣніе о предстоящемъ ходѣ кампаніи высказывалъ также и австрійскій генераль Гессъ. По его расчетамъ на европейскомъ

¹⁾ Ген. Баргагэ-д'Илье—марш. С. Арно 24 февраля 1854 г. Парижъ. Арх. Воен. Мин.

²⁾ Бар. Мейендорфъ (нашъ посоль въ Вѣнѣ)—канцлеру 15 (27) февраля 1854 г. № 39 Арх. Мин. Ин. Д. 1854 г. Карт. Виеннѣ.

театръ противъ насъ могли дѣйствовать 140 тыс. турокъ и 40 тыс. союзниковъ. Австрійскій генераль считалъ, что при такихъ условіяхъ переходъ нашей арміи черезъ Дунай рискованъ и что дальнѣйшія наши дѣйствія, даже послѣ взятія Силистріи или Рущуга и выиграннаго въ полѣ сраженія, не приведутъ насъ за Балканы. Если бы мы перешли Дунай у Мачина, то турки, по его предположенію, могли сосредоточить 90—100 тысячъ между Варной и Силистріей, но врядь-ли Омеръ-паша, зная о скоромъ прибытіи англо-французскаго корпуса, поторопится одинъ дать намъ сраженіе. Это обстоятельство облегчитъ намъ переправу черезъ Дунай, но послѣ этого и, можетъ быть, во время осады Силистріи намъ надо быть готовыми къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, когда турки, подкрѣпленные союзниками, будутъ гораздо многочисленнѣе насъ.

Генераль Гессъ высказывалъ также предположеніе, что, если мы будемъ продолжать оставаться въ оборонительномъ положеніи, то арміямъ западныхъ державъ нельзя будетъ долго оставаться въ Константинополѣ, и, желая принять участіе въ активныхъ противъ насъ дѣйствіяхъ, они высадятся въ Варнѣ и атакуютъ насъ совместно съ турками въ Валахіи.

Эти весьма, можетъ быть, выгодные съ австрійской точки зрѣнія совѣты, не остались, какъ мы видѣли, безъ вліянія на Паскевича, который настоялъ-таки на своемъ желаніи перейти къ оборонѣ, что дало союзникамъ возможность сдѣлать высадку въ Крыму и перенести войну въ наши предѣлы.

IV.

При обсужденіи предположеній о предстоящихъ военныхъ операціяхъ большое значеніе игралъ вопросъ о возстаніи христіанскихъ племенъ Турціи; поэтому умѣстно будетъ бросить здѣсь бѣглый взглядъ на мѣры, которыя были приняты нами для использованія этого матеріала.

Изъ разнообразныхъ христіанскихъ народностей, составлявшихъ коренное населеніе Европейской Турціи, лишь только болгары были всецѣло преданы Россіи и отъ нея одной ожидали своего освобожденія отъ мусульманскаго ига. Но по своему положенію въ центрѣ Имперіи ихъ болѣе чѣмъ кого-либо давилъ турецкій гнетъ, который за нѣсколько столѣтій успѣлъ почти что совсѣмъ убить въ этой націи способность къ самостоятельному почину въ отвоеваніи себѣ человѣческихъ правъ. [Поэтому рассчитывать на серьез-

ное съ ихъ стороны возстаніе мржно было только при широкой, продолжительной и правильной организаціи его извнѣ, т. е. со стороны Россіи, чего не было сдѣлано въ годы, предшествовавшіе войнѣ, и что не могло быть сдѣлано во время войны до занятія нами болгарской территоріи. Къ тому же болгарское населеніе, сосредоточенное въ центрѣ расположенія турецкихъ армій, могло принести намъ существенную пользу лишь только при наличіи всѣхъ данныхъ великаго народа, способнаго пожертвовать всѣми благами міра на защиту своей родины. Въ такомъ случаѣ партизанская война, сопряженная съ тѣми неудобствами, которыя испытываетъ армія, дѣйствующая среди враждебнаго ей населенія, была бы къ нашимъ услугамъ, но по указаннымъ выше причинамъ болгары того времени не были къ этому подготовлены.

Что касается до Сербіи, которая и по своей величинѣ, и по бѣльшей подготовленности къ самостоятельной политической жизни и, наконецъ, по своему положенію на флангѣ турецкой арміи, дѣйствующей противъ насъ, могла бы оказать намъ наиболѣе существенную помощь, то эта страна находилась уже много лѣтъ подъ двойственнымъ вліяніемъ Россіи и Австріи, при чемъ, благодаря отчасти неустойчивости нашей политики, а отчасти несноровитости нашихъ агентовъ и близкому къ Сербіи сосѣдству Австріи, вліяніе наше въ ней сильно пошатнулось. «Кто бы могъ подумать», всеподданнѣйше доносилъ князь Варшавскій ¹⁾, «что въ Сербіи человекъ (Карагеоргиевичъ), который воспитывался у насъ въ корпусѣ, сталъ первымъ нашимъ врагомъ. Между тѣмъ, онъ сдѣлалъ враждебнымъ намъ народъ, который около ста пятидесяти лѣтъ дѣйствовалъ съ нами и на насъ однихъ надѣялся»...

Боснія и Герцеговина, совершенно разоренныя событіями 1852—53 годовъ, не могли вновь принять участія въ борьбѣ съ турками, а храбрая, но далекая Черногорія, хотя и была готова пожертвовать для общаго дѣла всѣмъ своимъ достояніемъ, но была мала и далека, почему ею можно было воспользоваться лишь при участіи въ возстаніи со стороны сербовъ.

II, наконецъ, Греція, которая по своей величинѣ и по своему положенію, могла бы оказать намъ существенную пользу, но правительство ея и король находились подъ вліяніемъ западныхъ державъ. Впрочемъ, энергичное содѣйствіе этой страны, хотя бы только въ видахъ эгоистичныхъ цѣлей, могло имѣть мѣсто лишь

¹⁾ Всепод. пис. кн. Варшавскаго 12 (24) мая 1853 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1853 г. с. д. № 44.

при успѣшныхъ нашихъ дѣйствіяхъ; симпатіи же простого народа, при отдаленности территоріи отъ театра военныхъ операцій, не могли принести намъ существенной пользы.

Кромѣ этихъ причинъ на успѣшную подготовку участія христіанскихъ народностей въ нашей борьбѣ съ Турціей долженъ былъ повліять также извѣстный уже взглядъ Императора Николая, который опасался встрѣтить въ этомъ святомъ для него дѣлѣ революціонныя попытки наиболѣе горячихъ головъ и считалъ возможнымъ приступить къ нему только при соответственной подготовкѣ подвластныхъ мусульманамъ племенъ воспріять свободное политическое существованіе въ формѣ, обезпечивающей, какъ это существованіе, такъ и спокойствіе сосѣднихъ государствъ. Недружелюбное къ вопросу объ освобожденіи христіанъ отношеніе, и, скажемъ болѣе, противодѣйствіе со стороны Австріи также не должны были остаться безъ неблагопріятнаго вліянія.

Изъ всѣхъ предположеній Государя о мѣрахъ воздѣйствія на Отоманскую Порту видно было, что онъ полагалъ обратиться къ возстанію христіанъ лишь только въ томъ случаѣ, когда упрямство Турціи можетъ повести къ паденію и разложенію этой монархіи. Считая, что такое время еще не настало и что турки не доведутъ своего сопротивленія до такихъ серьезныхъ размѣровъ, Императоръ Николай первоначально подходилъ очень осторожно къ этому щекотливому вопросу и лишь допускалъ участіе мѣстныхъ волонтеровъ въ рядахъ нашей арміи, но по мѣрѣ того, какъ къ спору Россіи съ Турціей примѣшивалась открытая враждебность западныхъ державъ, Государь признавалъ, что возстаніе христіанъ должно осуществиться, хотя, подъ вліяніемъ отчасти канцлера, отчасти другихъ причинъ, благопріятное время было упущено, и это сильное въ русскихъ рукахъ оружіе заглохло безрезультатно.

На просьбѣ князя Горчакова, обращенной къ военному министру тотчасъ по входѣ нашихъ войскъ въ Княжества, о высылкѣ въ Бухарестъ 10 тысячъ ружей для вооруженія въ случаѣ надобности болгаръ или вообще христіанскаго населенія Турціи ¹⁾, Государь начерталъ: *«выдавать ихъ некому»* ²⁾, ибо возбуждать къ возстанію не хочу», а военный министръ добавилъ къ этому, что доставленіе ружей *«можетъ возбудить толки, съ намѣреніемъ Его Величества несогласные»* ³⁾.

¹⁾ Кн. Горчаковъ—воен. мин. 28-го іюля и 27-го іюля 1853 г. № 389. Арх. канц. военн. мин. 1853 г. по сп. в. с. д. № 57 и № 62.

²⁾ Курсивъ подлинника.

³⁾ Воен. мин.—кн. Горчакову 6-го августа 1853 г., № 958, арх. канц. военн. мин. по сп. в. 1853 г. с. д. № 62.

Нѣсколько позднѣе, а именно 30-го сентября, князь Михаилъ Дмитріевичъ вновь затронулъ вопросъ о привлеченіи къ борьбѣ съ турками балканскихъ христіанъ и на этотъ разъ встрѣтилъ со стороны Государя болѣе сочувствія къ своей мысли ¹⁾.

Для того чтобы отвлечь западныя дѣржавы отъ участія въ войнѣ съ нами, Горчаковъ предлагалъ «напугать ихъ» возможностью рѣшительной войны противъ турокъ на будущій годъ съ призывомъ къ оружію и къ свободѣ всѣхъ христіанскихъ народностей Турціи. («Сerte» помѣтилъ Государь). Однако, князь сознавался, что эта мѣра будетъ очень сильная и повлечетъ за собою одно изъ двухъ: или почетный для Россіи миръ, или же принудить насъ завладѣть Болгаріей, а можетъ быть, и окончательно покончить съ турками.

Единственной воинственной націей, на которую можно было рассчитывать, Горчаковъ считалъ сербовъ, но для того, чтобы они возстали, необходимо было или наше присутствіе въ Болгаріи, или же призывъ со стороны Россіи къ ихъ независимости («Такъ и будетъ», помѣтилъ Государь). Въ молдо-валахъ авторъ письма находилъ мало крови въ жилахъ и считалъ, что высшіе классы, которые бредили о романской имперіи, были враждебны намъ. На болгаръ же можно было рассчитывать только тогда, когда мы дойдемъ до подножія Балканъ; до того же времени они за оружіе не возьмутся. Въ провинціяхъ, сосѣднихъ съ Греціей, этерія много поработала надъ народомъ, и, по мнѣнію Горчакова, не было ничего невозможнаго въ томъ, что они возстанутъ раньше нашего къ нимъ приближенія.

Съ этого времени были сдѣланы распоряженія объ увеличеніи молдо-валахскихъ войскъ и начался пріемъ волонтерами болгаръ и грековъ, которые являлись въ обилии, но сербовъ князь Горчаковъ принимать не рѣшался, что вызвало слѣдующую помѣтку Государя отъ 28-го октября: «Отвѣчать, что предоставляется кн. Горчакову приступить къ тому, что ему удобнѣе кажется; ежели формироваться будутъ волонтерныя роты, то можно брать въ нихъ и грековъ, и сербовъ, но стараться *каналій* ²⁾ не брать ³⁾».

1) Кн. Горчаковъ—воен. министру 30-го сентября 1853 г. съ Высоч. на немъ помѣткамн. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

2) Курсивъ подлинника.

3) Донес. кн. Горчакова отъ 30-го сент. 1853 г. № 1301 и помѣтка Государя 10-го октября 1853 г.; донес. кн. Горчакова отъ 20-го октября № 1721 и помѣтка Государя 28-го октября. Арх. канц. воен. мин. по сч. в. 1853 г. с. д. № 62. Письмо Государя къ кн. Горчакову отъ 9 (21-го) октября 1853 г. Собст. Его Вел. библиот. шк. 115. порт. 14.

Въ послѣдующей своей перепискѣ съ Государемъ князь Горчаковъ неоднократно возвращался къ вопросу о возстаніи христіанъ. Такъ, въ письмѣ отъ 13-го декабря ¹⁾ онъ высказывалъ мысль о пользѣ отправки послѣ нашей переправы черезъ Дунай особаго отряда войскъ въ Сербію въ томъ случаѣ, если народъ поднимется противъ турокъ. Онъ полагалъ, что, «увидя русскій мундиръ у себя, сербы бросятся на турокъ, и тогда наше дѣло будетъ ихъ къ сему поощрять, не дѣлая, впрочемъ, никакихъ преждевременныхъ воззваній отъ имени русскаго правительства, чтобы не компрометировать его ни противъ нейтральныхъ державъ, ни противъ самихъ возставаемыхъ племенъ, если бы обстоятельства указали пользу мира съ турками безъ изгнанія ихъ изъ Европы».

Одновременно съ этимъ князь Горчаковъ сообщалъ и о предложении греческой этеріи произвести возстаніе въ ближайшихъ къ Греціи провинціяхъ, но считалъ это преждевременнымъ, какъ по неблагонадежности прибывшихъ въ Бухарестъ представителей, такъ и потому, что возстаніе этеріи на югѣ, противъ воли греческаго правительства, могло имѣть послѣдствіемъ занятіе этой страны войсками враждебныхъ намъ державъ.

Между тѣмъ все усиливающееся недоброжелательство западныхъ державъ, которое успѣло выясниться съ достаточной очевидностью, заставило Императора Николая откинуть свои опасенія относительно привлеченія къ борьбѣ христіанскихъ народностей, и онъ въ собственноручной запискѣ, предназначенной для государственнаго канцлера, высказалъ замѣчательныя по этому поводу мысли. Казалось, преданія Священнаго союза, связавшія Россію по рукамъ и ногамъ, готовы были, наконецъ, порваться, и русскому государственному эгоизму предстояло вступить въ свои законныя права, но и въ данномъ случаѣ злой рокъ воспрепятствовалъ осуществленію благихъ и широкихъ намѣреній Государя.

«Непозволительныя заявленія лорда Абердина», писалъ Императоръ Николай въ своей запискѣ ²⁾, «закрывающія въ себѣ явныя намѣренія затруднить наши дѣйствія на морѣ и дозволить въ то же время туркамъ дѣйствовать противъ насъ этимъ же путемъ ³⁾,

¹⁾ Всепод. письмо кн. Горчакова 13-го декабря 1853 г. Арх. канц. воен. мин. с. д. № 88.

²⁾ Собственноручная записка Императора Николая въ началѣ ноября, 1853 г.

³⁾ Великобританское правительство объявило, что оно ничего не предприметъ противъ положенія, занятаго Россіей въ Княжествахъ на лѣвомъ берегу Дуная, пока война не будетъ перенесена на правый берегъ; затѣмъ Англія предупредила,

вынуждаетъ обратиться къ комбинаціи, способной вести насъ прямо къ цѣли, увеличивъ наши наступательныя средства и обезпечивъ ихъ отъ нападенія англичанъ.

«Кажется, что англійское правительство, взявши сторонѣ турокъ, предвидить, что въ скоромъ будущемъ эта Имперія не въ состояніи будетъ болѣе существовать въ Европѣ, и придумываетъ уже, какимъ образомъ обратить послѣдствія этого изгнанія противъ насъ. Для этого, можетъ быть, оно само станетъ *во главѣ освобожденія европейскіхъ христіанъ* съ цѣлью дать имъ въ будущемъ такое устройство, которое шло бы совершенно въ разрѣзъ съ нашими существеннѣйшими интересами ¹⁾).

«Не представляется ли, слѣдовательно, нашимъ настоятельнымъ долгомъ предупредить этотъ гнусный расчетъ и объявить теперь же всѣмъ державамъ, что, сознавая всю бесполезность общихъ усилій обратить турецкое правительство на путь справедливости и вынужденные къ войнѣ, исходъ которой не можетъ быть опредѣленъ заранѣе, мы остаемся вѣрны провозглашенному уже раньше принципу отказаться, по возможности, отъ всякаго завоеванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что наступило время возстановить независимость христіанскихъ народовъ Европы, подавленныхъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ оттоманскому игу. Принимая на себя починъ этого святого дѣла, мы зываемъ ко всѣмъ христіанскимъ націямъ присоединиться къ намъ для достиженія такой священной цѣли. Дѣло идетъ не только о православныхъ, но о судьбѣ всѣхъ безъ различія христіанъ, подвластныхъ мусульманскому владычеству въ Европѣ.

«Такимъ образомъ, мы провозгласимъ желаніе дѣйствительной независимости молдо-валаховъ, сербовъ, болгаръ, босняковъ и грековъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ этихъ народовъ вступилъ въ обладаніе страной, въ которой живетъ уже цѣлые вѣка и управлялся бы лицомъ, *избраннымъ ими самими изъ среды своихъ же соотечественниковъ*.

«Я думаю, что сдѣланное такимъ образомъ воззваніе или декларация должна произвести быструю перемѣну во мнѣніи всего хри-

что она доставитъ матеріальную поддержку Турціи только въ случаѣ атаки, направленной нами съ моря противъ одного изъ турецкихъ портовъ Чернаго моря.

На депешѣ барона Брунова, сообщившаго это оригинальное рѣшеніе Лондонскаго кабинета, Императоръ Николай 26-го октября 1853 г. написалъ: «C'est infâme. Et les turcs pourraient inopinément passer la rive gauche; voilà un paradoxe digne des Anglais.—Ainsi c'est la guerre avec nous.—Soit».

¹⁾ Куревнѣ подлинника.

стіанскаго міра и привеети его, быть можетъ, къ болѣе правильнымъ понятіямъ объ этомъ важномъ событіи или, по крайней мѣрѣ, освободить его отъ исключительнаго и злонамѣреннаго руководства англійскаго правительства.

«Я не вижу другого средства положить предѣлъ недоброжелательству англичанъ, такъ какъ невѣроятно, чтобы послѣ подобнаго заявленія они рѣшились бы примкнуть къ туркамъ и сражаться вмѣстѣ съ ними противъ христіанъ.

«Разумѣется, послѣ достиженія первоначальной цѣли будущее устройство освобожденныхъ областей должно быть предоставлено общему соглашенію. Несомнѣнно, что оно представитъ еще не мало затрудненій, но я вполне убѣжденъ, что разрѣшеніе ихъ не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій; къ тому же, если успѣхъ увѣнчаетъ *нашу попытку*, то представится болѣе вѣроятія одержать верхъ и въ остальныхъ *нашихъ намѣреніяхъ*.

«Было бы крайне необходимымъ ознакомиться съ намѣреніями этихъ провинцій, отправивъ немедленно на мѣста способныхъ людей, чтобы поскорѣе собрать положительныя данныя о настоящемъ настроеніи этихъ народовъ и о той помощи, которую мы можемъ ожидать съ ихъ стороны.

«Люди, подобные Ковалевскому, были бы для этого неоцѣнимы. Это слѣдовало бы сдѣлать относительно сербовъ и босняковъ, такъ какъ все, что касается до болгаръ, намъ уже извѣстно. Надо также немедленно вызвать сюда депутацію молдаво-валаховъ, составленную изъ наиболѣе разсудительныхъ бояръ и духовенства, чтобы ознакомить ихъ съ нашими намѣреніями на счетъ ихъ будущности и тѣмъ склонить на сторону этого проекта».

Такія смѣлыя и неожиданныя для графа Нессельроде изъ устъ Императора Николая мысли должны были произвести на престарѣлаго канцлера впечатлѣніе нечаянно ударившаго грома. И онѣ таковое произвели. «Я нахожусь подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ послѣдняго разговора, которымъ Ваше Императорское Величество меня удостоили», всеподданнѣйше писалъ графъ Нессельроде 8-го ноября ¹⁾ и просилъ разрѣшенія представить докладъ, въ которомъ онѣ намѣчалъ «подводные камни» на пути приведенія въ исполненіе новаго плана Государа. Канцлеръ находилъ, что время обращенія къ возстанію христіанъ выбрано неудобно и что будетъ гораздо лучше, если это возстаніе появится само собою, какъ слѣд-

¹⁾ Всепод. пис. гр. Нессельроде 8-го ноября 1853 г. Арх. мѣст. иностр. дѣлъ 1853 г. Карт. Доклады.

ствіе военныхъ дѣйствій. Въ видѣ уступки графъ Нессельроде признавалъ возможнымъ немедленно приступить къ нѣкоторымъ подготовительнымъ мѣрамъ. Для убѣжденія Императора Николая канцлеръ прибѣгъ къ старому, испробованному имъ и никогда не дававшему отказа, средству. Онъ выставилъ противорѣчіе проекта Государя съ политическимъ направленіемъ, котораго мы неуклонно придерживались почти полъ столѣтія, и невозможность для консервативной Европы слѣдовать за Россіей по этому новому пути.

Въ обширномъ докладѣ, который былъ приложенъ къ письму, канцлеръ подробно развивалъ свою мысль. Онъ сознавалъ, что освобожденіе христіанъ отъ мусульманскаго ига должно когда-либо совершиться въ силу самой необходимости, и весьма вѣроятно, что появленіе нашихъ войскъ на правомъ берегу Дуная послужить толчкомъ къ общему ихъ возстанію, но преждевременныя попытки ихъ къ этому, до возможности немедленнаго оказанія имъ помощи нашими войсками, поведутъ лишь къ звѣрскому подавленію ихъ турками. Съ другой стороны такой шагъ подрывалъ еще бывшую у графа Нессельроде, надежду покончить обострившуюся распрю на Дунаѣ при помощи дипломатическихъ нотъ и трактатовъ, тогда какъ освобожденіе христіанъ немыслимо безъ паденія оттоманскаго владычества въ Европѣ, на что никоимъ образомъ не согласятся ни Англія, ни Франція. Наши шаги въ этомъ направленіи усилятъ недовѣріе къ намъ всей Европы и дадутъ право упрекать Императора Николая въ томъ, что, подъ видомъ выполненія святой идеи заступничества за своихъ единовѣрцевъ, онъ содѣйствовалъ образованію на Балканскомъ полуостровѣ новыхъ государствъ, которыя подпали бы подъ власть Россіи.

Но что болѣе всего пугало стараго дипломата временъ Священнаго союза и вѣрнаго хранителя его завѣтовъ, такъ это боязнь упрека петербургскому кабинету въ непослѣдовательности и въ измѣнѣ тѣмъ принципамъ, которые руководили русской политикой въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ; короче, канцлеръ боялся, что сильная воля Императора Николая сорветъ, наконецъ, путы австрійской опеки и въ тяжелый часъ наступившей грозной борьбы станетъ руководствоваться лишь интересами собственной страны. Эта часть доклада графа Нессельроде отличалась особой страстностью. Онъ не понималъ, какъ Россія, которая всегда протестовала противъ націоналистическихъ стремленій поляковъ, венгровъ, италіанцевъ, горцевъ Кавказа и даже молдо-валаховъ, сама поды-

метъ знамя возстанія христіанскихъ подданныхъ султана. Правда, балканскія народности освобождались отъ ига мусульманскаго, но это не уменьшало нашей непослѣдовательности, такъ какъ мы противились въ свое время свободѣ этеріи въ Греціи и освободительной пропагандѣ Парижа и Лондона на томъ же Балканскомъ полуостровѣ. «Консервативная Европа, заключаель канцлеръ, будетъ имѣть право возражать намъ словами всѣхъ нашихъ заявленій, въ которыхъ мы постоянно увѣряли, что, вступая въ предѣлы Княжествъ, мы не предпримемъ ничего, что могло бы вызвать возстаніе христіанскаго населенія противъ султана».

По мнѣнію автора доклада, вопросъ представлялся совершенно въ другомъ видѣ, если мы будемъ вынуждены необходимостью вести противъ Порты беспощадную войну, что, весьма вѣроятно, послужить сигналомъ къ поголовному возстанію христіанъ, безъ всякаго съ нашей стороны подстрекательства, и это событіе мы можемъ принять тогда, какъ свершившійся фактъ. При рѣшительномъ движеніи значительныхъ силъ, которыя мы должны будемъ выставить на театрѣ военныхъ дѣйствій, и при согласованіи этого движенія съ возстаніемъ христіанъ, Оттоманская имперія не будетъ въ состояніи выдержать такого удара и перестанетъ существовать. Конечно, Англія и Франція не возьмутъ на себя труда вновь завоевать въ пользу султана шагъ за шагомъ освобожденную уже территорію, защищаемую Россіей и христіанскими народами, готовыми умереть съ оружіемъ въ рукахъ за свою національную независимость. Тогда мы можемъ провозгласить ихъ независимость передъ лицомъ всего міра, и это будетъ носить на себѣ характеръ такого безпристрастія и великодушія, передъ которыми смолкнуть недоброежелательность и недобросовѣстность. Въ настоящее же время канцлеръ предлагалъ ограничиться лишь собираніемъ на мѣстѣ необходимыхъ данныхъ, какъ о размѣрѣ возможнаго возстанія, такъ и необходимой для этого съ нашей стороны матеріальной помощи.

Государь, оставивъ безъ возраженія всю увѣщательную часть доклада, остановился лишь на нарисованной графомъ Нессельроде картинѣ самостоятельнаго возстанія христіанъ, признавъ ее вполне вѣрной и соотвѣтствующей его взглядамъ, такъ какъ проектируемая имъ мѣры онъ предполагалъ примѣнить только послѣ нашего перехода на правый берегъ Дуная.

Въ заключеніе своей записки канцлеръ успокаивалъ Государя, что вся комбинація о возстаніи христіанъ, появившаяся лишь

вслѣдствіе ожиданія коварнаго поведенія англичанъ, которые при неудачной для турокъ войнѣ могутъ взять на себя инициативу освобожденія подвластныхъ имъ племенъ и новаго устройства ихъ на основаніяхъ, враждебныхъ Россіи, есть лишь случай, на который трудно разсчитывать. Турція въ начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ проявила такую силу и энергію, которая не позволяютъ мечтать о скоромъ ея паденіи, и, по мнѣнію канцлера, намъ въ настоящее время слѣдовало главнымъ образомъ обратить вниманіе на то, чтобы увеличить свои силы и этимъ заставить смириться турокъ и нашихъ западныхъ недоброжелателей. Если же дѣла примутъ дурной для турокъ оборотъ, то тогда лишь наступитъ время изыскивать средства противодѣйствовать устройству враждебнаго для насъ быта балканскихъ христіанъ.

Императоръ Николай не соглашался, однако, со взглядомъ своего канцлера и на поляхъ записки начерталъ:

«Я не раздѣляю вашей спокойной увѣренности. Я убѣжденъ, что англичане, такъ мало разборчивые въ средствахъ, не задумаются перемѣнить свою роль, какъ только убѣдятся въ томъ, что шансы войны склоняются на нашу сторону, и съ этой минуты пожелаютъ обратиться въ освободителей христіанъ, чтобы лишить насъ инициативы въ этомъ предпріятіи. Преслѣдуя, безъ всякаго стѣсненія, исключительно свои личные интересы, они постараются придать дѣлу освобожденія такое направленіе, которое, по ихъ мнѣнію, окажется для насъ самымъ вреднымъ. Должны ли мы допустить это? Полагаю, что нѣтъ.

«Провозглашеніе освобожденія должно быть сдѣлано нами лишь *тогда*, когда мы будемъ *навѣрное* знать, что христіане не только желаютъ освобожденія, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, но что они готовы дѣйствовать при нашей поддержкѣ, не щадя жизни и съ напряженіемъ всѣхъ своихъ усилій».

Мнѣніе графа Нессельроде восторжествовало. Все было отложено въ долгій ящикъ, и лишь для успокоенія Государя дѣлались слабыя, разрозненные попытки сношенія съ балканскими христіанами. А между тѣмъ 26-го [декабря баронъ Мейендорфъ донесъ изъ Вѣны, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Константинополя, представители четырехъ великихъ державъ настаиваютъ у Оттоманской Порты на освобожденіи ея христіанскихъ подданныхъ. Императоръ Николай написалъ на этой депешѣ слѣдующія многозначительныя слова: «Вотъ оно, правъ ли я?»

По нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что на желаніе Государя выдвинуть въ нашей борьбѣ съ Турціей вопросъ освобожденія христіанъ оказали извѣстное вліяніе и политическія записки главы московскихъ славянофиловъ М. П. Погодина, къ которымъ, по словамъ Мартенса, Государь началъ серьезно относиться; многочисленныя же помѣтки Императора Николая на этихъ запискахъ подтверждаютъ такое мнѣніе. Съ другой стороны графиня А. Д. Блудова въ своемъ письмѣ къ Погодину, относящемуся къ концу 1853 года, сообщала, что прошеніе болгаръ, доставленное при содѣйствіи Погодина «произвело большое дѣйствіе на Государя, тронуло его до слезъ и первое подало поводъ къ видимому измѣненію во *взглядѣ политическомъ* ¹⁾ на вопросъ восточный. Это измѣненіе», продолжаетъ она дальше, «къ несчастью, никакъ еще не проникаетъ до дипломатіи нашей, и она все находитъ средства сдѣлать вялыми и безцвѣтными самыя хорошія предположенія» ²⁾.

И, дѣйствительно, нельзя не согласиться съ однимъ изъ нашихъ современниковъ, который говоритъ ³⁾, что Императоръ Николай въ то время былъ странно одинокъ въ своей политикѣ. Его дипломатическая канцелярія работала въ идеѣ европейскаго концерта; онъ тоже напряженно работалъ, но совершенно отдѣльно отъ нея, слѣдуя своему чутью русскаго челоуѣка. Въ годину испытаній онъ не нашелъ въ своемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ ни одного живого, дѣйствительно творческаго совѣта; напротивъ, наша дипломатія, соединенная давними традиціями «школы», направляла всѣ свои усилія на то, чтобы разрушить въ Государѣ всѣ пугавшія ея намѣренія, которыя возникали въ немъ изъ яснаго сознанія практической пользы.

Не могли не воздѣйствовать на высказанное направленіе мыслей Императора Николая относительно возбужденія христіанскихъ народностей и донесенія съ мѣстъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ. Съ одной стороны Государю доносили объ усиленной дѣятельности англійскихъ консуловъ въ Болгаріи, которые со времени занятія нами Княжествъ, начали проявлять особую заботливость о болгарскомъ населеніи, увѣряя, что Англія всѣми силами хлопочетъ улучшить ихъ положеніе и совѣтуя не надѣяться

¹⁾ Курсивъ подлинника.

²⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина». Н. Барсукова, кн. XIII, стр. 18.

³⁾ «Дипломатическія школы и практическая политика» С. А. «Новое Время» 13-го января 1900 г., № 8577.

на Россію и не вѣрить ея обѣщаніямъ ¹⁾. Съ другой стороны сообщали, что одно появленіе въ Сербіи нашего агента Фонтана произвело ошеломляющее впечатлѣніе и привело руководителей народной партіи въ восторгъ, но нельзя того же сказать относительно турокъ и лорда Редклифа, «которые очень ясно увидели, что успокоеніе этой страны зависитъ исключительно отъ воли Государя Императора» ²⁾.

Донесенія изъ Аѳинъ характеризовали настроеніе всего населенія Греціи и Румеліи совершенно подготовленнымъ къ сильному и общему возстанію. Духовенство, купечество и многочисленныя тайныя общества вели усиленную пропаганду противъ власти султана; партія этеріи хотѣла даже послать въ Петербургъ особаго делегата ³⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ страна эта была полна политическихъ интригъ и распространяемыхъ противъ Россіи враждебныхъ вымысловъ, хотя греческая пресса выражала въ общемъ симпатіи къ намъ и ненависть къ морскимъ державамъ ⁴⁾. Во главѣ русофильской партіи стояла королева, которая открыто и даже демонстративно выказывала симпатіи къ Россіи, «но чѣмъ королева была отзывчивѣе, тѣмъ король былъ сдержаннѣе, что», какъ доносили Персіани ⁵⁾, «составляло оригинальную противоположность съ благородной откровенностью его августѣйшей супруги». Къ сожалѣнію нашъ дипломатъ очень поздно выяснилъ истинную причину сдержанности короля эллиновъ.

Вообще сообщенія этого дипломата о положеніи Греціи были нѣсколько разнорѣчивыя. Такъ, донося 20-го ноября ⁶⁾ о недовольствѣ лондонскаго кабинета на то, что аѳинское правительство не принимаетъ достаточно энергичныхъ мѣръ, чтобы обезпечить спокойствіе сосѣдней и союзной Турціи, если бы таковому что либо угрожало, онъ утверждалъ, что народъ остается спокоенъ къ возбужденію противъ мусульманъ. По словамъ этого донесенія Персіани, нельзя было разсчитывать на что-либо серьезное, пока наши войска не перейдутъ Дуная, такъ какъ греки боятся своимъ преждевременнымъ движеніемъ ухудшить положеніе остальныхъ христіанъ, подвластныхъ Портѣ.

¹⁾ Арх. канц. воен. мин. по св. в. 1853 г. с. д. № 35.

²⁾ Агрипоуло—Озерову. 14-го (26-го) августа 1853 г. Ад. № 201. Арх. мин. ин. д. 1853 г., карт. С.

³⁾ Персіани—Канцлеру 18-го сентября 1853 г. арх. мин. ин. д. 1853 г. карт. А.

⁴⁾ Персіани—Канцлеру 28-го августа 1853 г. Тамъ же.

⁵⁾ Персіани—Канцлеру 20-го ноября 1853 г. № 961. Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

Въ депешѣ же отъ 4-го декабря 1) нашъ посоль, восхваляя спокойное и созерцательное положеніе, принятое королемъ по отношенію къ надвигающимся событіямъ, присовокуплялъ, что такое поведеніе не удовлетворяетъ страну, которая жалуется на неподвижность своего правительства. Не разобравшись ни въ трудномъ положеніи Греціи, удаленной отъ Россіи и находившейся подъ физическимъ давленіемъ вооруженныхъ силъ морскихъ державъ, ни въ настоящихъ намѣреніяхъ короля, онъ усыплялъ петербургскій кабинетъ тѣмъ, что «король и королева всѣ свои надежды основываютъ исключительно на могущественной поддержкѣ нашего Августѣйшаго Повелителя» 2).

Тѣмъ временемъ на Дунаѣ шли разрозненныя попытки сбора волонтеровъ, возложенныя на генерала Салоса и на гвардейской конной артилеріи полковника Костанду. Хотя князь Горчаковъ и доносилъ, что жители съ энтузіазмомъ встрѣтили вѣсть о формированіи волонтерныхъ баталіоновъ, и поступающимъ въ нихъ было назначено очень большое по тому времени содержаніе отъ русскаго правительства, 3) но къ марту мѣсяцу въ обоихъ Княжествахъ набралось всего 2037 человекъ волонтеровъ 4). Что же касается до принятія на нашу службу греческихъ уроженцевъ, то, не смотря на ту пользу, которую они могли принести нашему черноморскому флоту, къ ихъ приему относились очень сдержанно, такъ какъ Государь въ подобномъ предложеніи этеріи, сдѣланномъ противъ воли греческаго правительства, готовъ былъ, по словамъ графа Нессельроде, скорѣе видѣть гражданскую войну, чѣмъ демонстрацію противъ Турціи въ пользу ея христіанскихъ подданныхъ 5).

Что касается до настроенія жителей Княжествъ, то въ теченіе зимы, которую наши войска провели на лѣвомъ берегу Дуная, оно не измѣнилось въ нашу пользу. Народъ, какъ доносилъ князь Горчаковъ 6), не думалъ о перемѣнахъ въ управленіи и измѣненіе существующаго порядка встрѣтилъ бы съ равнодушіемъ. Избавле-

1) Персіани—Канцлеру 4-го декабря 1853 г. Тамъ же.

2) Тамъ же.

3) Отъ 3 руб. сер. въ сутки—(баталіонному командиру) до 15 коп. (рядовому) причемъ нижнимъ чинамъ выдавалось еще по 11 коп. сер. кормовыхъ въ сутки.

4) Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 95.

5) Кн. Горчаковъ—кн. Меншикову 26-го января 1854 г. № 315. Арх. в. уч. ком. Отд. 2, д. № 4253.

6) Кн. Горчаковъ—воен. министру 27-го января 1854 г. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. с. д. № 60.

ніе отъ подданства Порты его не интересовало, такъ какъ съ 1829 года оно его болѣе не тяготило. Революціонная партія въ Княжествахъ находилась подъ вліяніемъ самыхъ крайнихъ соціальныхъ началъ. Цѣль ея состояла въ образованіи на радикальныхъ основаніяхъ изъ обоихъ Княжествъ, Болгаріи, Бессарабіи и части Трансильваніи особаго Романскаго государства. Чувствуя въ Россіи главную преграду къ такимъ намѣреніямъ, партія эта всегда оставалась нашими врагами. Бояре не имѣли никакого чувства истиннаго патріотизма. Всѣ ихъ помыслы сводились къ достиженію разными происками господарскаго достоинства или прибыльныхъ мѣстъ, для чего выгоднѣе было оставаться подъ главенствомъ турокъ. Если, по мнѣнію князя Горчакова, среди жителей Княжествъ и было какое либо затаенное желаніе, то оно состояло въ томъ, чтобы ихъ области находились подъ общимъ покровительствомъ всѣхъ великихъ державъ.

Въ такомъ положеніи находился ко времени нашей переправы черезъ Дунай вопросъ о столь важномъ для нашего успѣха дѣлѣ, какъ поднятіе возстанія христіанъ съ цѣлью освобожденія ихъ отъ мусульманскаго ига и, какъ видно, въ положеніи далеко не соответствующемъ характеру, мыслямъ и предположеніямъ Императора Николая Павловича.

А. Заіончковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Ночной переполохъ во время движенія къ Наггалмуну.

Не успѣлъ я отойти отъ бивака и двухъ верстъ, какъ позади насъ послышалась перестрѣлка; а не прошло и минуты, какъ до насъ донесся прежде неясный гулъ, а затѣмъ совершенно ясный грохотъ несущагося обоза.

Черезъ минуту онъ уже, сломя голову, мчался мимо насъ. За нимъ гремѣла какая-то батарея, давя и ломая все, что ей встрѣчалось на пути. За батареей мчались во весь духъ какія-то повозки, всадники, лошади безъ сѣдоковъ, бѣжали безоружные люди, а у насъ въ хвостѣ колонны начали кричать: «японская кавалерія, японская кавалерія!...»

Грохотъ и содомъ были страшныя, а съ бивака до насъ доносились трескотня перестрѣлки и залпы. Я и нѣсколько офицеровъ бросились къ хвосту нашей колонны и быстро привели его въ порядокъ.

Чтобы водворить спокойствіе, я велѣлъ нашей музыкѣ играть маршъ, и, слава Богу, звуки его отрезвляюще подѣйствовали на бѣглецовъ и обозы; шумъ прекратился, и люди совершенно успокоились.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1909 г. № 2.

Къ Нангалину мы также подошли съ музыкой, и здѣсь она также успокоила взволнованныхъ.

Намъ показали мѣсто для бивака, и я послалъ въ нашъ обозъ за хлѣбомъ, чаемъ и сахаромъ, но увы обоза не нашли. Оказалось, что, по приказанію ген. Фока, онъ ушелъ прямо въ Артуръ. Что мнѣ было дѣлать? Люди весь день ничего не ѣли и не пили. Палатки и шинели были почти всѣ брошены на мѣстѣ боя, люди шли только съ винтовками и патронами. Пошелъ добывать что-нибудь съѣстное.

Направился, конечно, къ вокзалу. Черезъ окна его было видно, что всѣ комнаты биткомъ набиты офицерами всѣхъ полковъ; тутъ же былъ и штабъ 4-й дивизіи. Еле протискавшись въ буфетную, я увидалъ начальника штаба 4-й дивизіи, подполковника Дмитревскаго, который на мой вопросъ—куда уланы наши обозы, отвѣтилъ, что обозъ нашъ посланъ въ Артуръ самимъ ген. Фомомъ и гдѣ онъ теперь, никто не знаетъ. Тутъ же были командиры 14-го, 13-го и 15-го полковъ. У перваго изъ нихъ выпросилъ 200 пудовъ хлѣба, который былъ, къ моему счастью, погруженъ въ здѣсь же стоящіе вагоны. Черезъ часъ мы его выгрузили и роздали людямъ; каждому пришлось по куску около 4-хъ фунтовъ. Я себѣ взялъ такой же кусокъ; столько же получили и всѣ офицеры. Ёсть было совершенно нечего.

Что имѣлось въ буфетѣ станціи, все было прикончено до нашего прибытія. Удалось мнѣ достать соли, но только для того, чтобы посолить кусокъ хлѣба.

Соснувши на голой землѣ часа три, мы поднялись, чтобы идти дальше. Ночью никто насъ не беспокоилъ. Утро было холодное, туманное.

По маршруту походнаго движенія мы должны были идти въ головѣ колонны, но насъ кто-то перегналъ и заставилъ ждать возможности выступить, по крайней мѣрѣ, часъ.

Къ 12-ти часамъ дня мы спокойно дошли до прохода въ горѣ, укрѣпленнаго окопами, и, сдѣлавши приваль у самаго ущелья, двинулись дальше; шли быстро.

Горная дорога распоряженіемъ ген. Фока была разработана заранѣе и теперь сослужила намъ отличную службу; но какъ мы ни торопились, а обоза нашего догнать не могли, и этотъ день мы просуществовали тѣмъ хлѣбомъ, который добыли въ Нангалинѣ отъ 14-го полка. Ночевали въ живописномъ ущельи и легли спать не поѣвши.

15-го догнали громадный обозъ изъ Дальняго; его сопровождали жители города съ женщинами, дѣтьми и домашними животными. Такъ какъ лошаденки въ повозкахъ были крохотныя, то обозъ этотъ впередъ не двигался и запрудилъ дорогу во всю ея длину.

Шли мы по узкимъ боковымъ дорожкамъ; къ вечеру дошли до большого Шипинзинскаго перевала и догнали, наконецъ, нашъ обозъ.

Въ хорошемъ настроеніи духа расположились бивакомъ, сварили ужинъ, съ аппетитомъ его съѣли и заснули богатырскимъ сномъ.

На слѣдующій день, 16-го мая, нашъ обозъ перегналъ городской, и мы начали подъемъ на переваль. Благодаря тому, что наши обозныя лошади были чудныхъ свойствъ, обозъ быстро преодолѣлъ этотъ переваль, и полкъ къ 12-ти часамъ ночи (сбились съ пути благодаря неточности карты), прибылъ въ окрестности Артура и остановился въ д. Палиджуанъ, гдѣ, по приказанію, мнѣ отданному, должны были пробить три дня для отдыха.

На слѣдующій день, т. е. 17-го мая, къ полку пріѣхалъ генералъ Стессель. Роты быстро выстроились на мѣстѣ своихъ биваковъ, и генералъ всѣ ихъ обошелъ и благодарилъ за молодецкое дѣло. Это сильно ободрило людей (многіе считали, что мы совершили преступленіе, отдавши Кинджоу неприятелю).

Ген. Стессель вызвалъ всѣхъ оставшихся въ строю раненыхъ, чтобы поговорить съ ними, похвалить и наградить по статуту Георгіевскими крестами, но ихъ вышло такъ много (больше 300 человекъ), что генералъ не счелъ возможнымъ роздать такую массу крестовъ. Поэтому приказалъ доктору осмотрѣть ихъ и отдѣлить легко раненыхъ отъ раненыхъ тяжело. Этыхъ послѣднихъ набралось 60 человекъ; имъ и приказано было роздать кресты. Только они и получили награды за Цзиньжоусскій бой, а не раненые тяжело, но отличившіеся мужествомъ и смѣлостью ничего не получили, а ихъ было очень много.

Я уже говорилъ о томъ, что люди изъ боя вышли только съ винтовками; палатки и шинели у большинства остались на мѣстѣ боя. Хорошо, что мы свои громадные запасы почти передъ самымъ сраженіемъ перевезли въ Артуръ, нанявши для складовъ домъ капитана Пригоровскаго. Не медля, все нужное было привезено изъ Артура и роздано людямъ. Съ собой мы пригнали гуртъ скота въ 200 головъ.

Я позабылъ сказать, что кромѣ чисто боевыхъ тревогъ на Кинджоуской позиціи, мы испытывали большія волненія по поводу приказанія собрать весь имѣющійся у жителей скотъ и перегнать его въ тылъ позиціи. Для этого были присланы чиновники съ деньгами, но безъ помощи полка они сдѣлать ничего не могли, и вся тяжесть этой операціи легла на меня.

Къ сожалѣнію, это распоряженіе было сдѣлано тогда, когда непріятель сидѣлъ у насъ уже на носу. Но все же мы успѣли собрать около тысячи головъ и перегнать ихъ въ тылъ нашихъ войскъ, почти къ Артуру.

Отдохнувши три дня, мы двинулись дальше къ Артуру и остановились близъ горы Сиротка въ д. Дяосянь, составляя резервъ полковъ 4-й стр. дивизіи, которая остановилась на позиціи Инчензы, Юпилаза, Куинсанъ и Зеленяя горы.

Войска 4-й дивизіи были усилены отрядомъ изъ сводныхъ ротъ 7-й дивизіи подъ начальствомъ полковника Семенова; этотъ отрядъ и занималъ Зеленяя горы. Дѣйствія его мнѣ точно неизвѣстны, но помню, что много говорили о малой стойкости сборныхъ ротъ. и это было весьма естественно, такъ какъ внутренней спайки въ нихъ не могло быть. Командиры ротъ совершенно не знали своихъ ротъ, а люди своихъ командировъ. Никто не чувствовалъ ответственности за дѣйствія своей части. Эта организація—крупная ошибка ген. Кондратенко. Но какъ бы тамъ ни было, а эта позиція удерживалась нами съ момента занятія 18-го мая и до 15-го іюля, несмотря на то, что она не была укрѣплена заранѣе.

Въ этотъ періодъ времени 5-й полкъ былъ раздѣленъ на части, а я былъ назначенъ начальникомъ лѣваго фланга обороны крѣпости и началъ укрѣплять позицію Угловыхъ горъ и ихъ предгорій, а также и западную часть Волчьихъ горъ отъ Мандаринской дороги до самаго залива «десяти кораблей». На этой послѣдней, у самаго берега, стоялъ мнѣ подчиненный отрядъ капитана Сахацкаго и двѣ команды, расположенныя на берегу залива Луизы.

Въ этомъ отрядѣ были 4 маленькія морскія пушки мичмана Дудкина. Пространство Волчьихъ горъ отъ большой мандаринской дороги и до отряда капитана Сахацкаго занимали и укрѣпляли наши 6-я и 7-я роты; всѣ наши 3 пѣшихъ охотничьихъ команды занимали и укрѣпляли предгорья Угловыхъ горъ, Передовую, Трехголовую и Боковую горы. Угловую гору заняли 9-я и 3-я роты, а Высокую—2-я и 4-я роты. Всѣ онѣ усиленно работали надъ укрѣ-

плениемъ своихъ позицій, подъ руководствомъ своихъ офицеровъ и по моимъ указаніямъ.

Угловыя горы необходимо было сильно укрѣпить, такъ какъ, овладѣвъ ими, непріятель получалъ доступъ къ нашему до крайности слабому западному фронту, овладѣвалъ всей богатой долиной между горами Ляотешань и новымъ городомъ и получалъ возможность наблюдать бухту и новый городъ.

Остальныя роты полка передвигались въ разныя стороны. Иногда, въ минуты опасности для передовыхъ полковъ, выходя за Волчьи горы, 5-й полкъ составлялъ ближайшіе резервы различныхъ частей передовыхъ линій.

Работы наши подвигались очень туго, такъ какъ инструмента было очень мало.

Кромѣ укрѣпленія позицій на меня была возложена постройка сильныхъ блиндажей для резервовъ и огнестрѣльныхъ припасовъ въ самой крѣпости; для этой послѣдней работы я располагалъ двумя ротами 7-й дивизіи и всѣмъ матеріаломъ, находящимся въ городѣ. Но у меня не было ни одного сапернаго офицера, поэтому мнѣ самому пришлось его замѣнять вездѣ и на передовыхъ позиціяхъ, и въ городѣ. Хорошо еще, что гг. офицеры 5-го полка были, вслѣдствіе большой практики, настоящими саперами.

Инструментъ приходилось добывать съ большимъ трудомъ и изъ различныхъ источниковъ; главная масса его получалась отъ начальника инженеровъ крѣпости полковника Григоренко и отъ желѣзной дороги.

Для того количества работъ, которое было возложено на меня, данныхъ мнѣ для того людей было слишкомъ мало, и я просилъ употребить для нихъ весь мой полкъ. Это мнѣ было разрѣшено въ серединѣ іюня, и я перевелъ штабъ полка за Дивизионную гору, гдѣ мы и устроились отлично: разбили большую столовую палатку и открыли дѣйствіе нашей походной кухни.

Частенько къ намъ навѣдывалось и начальство, генералы Кондратенко, Смирновъ и Стессель. Работа шла успѣшно; инструментомъ мы разжились, но перевозочныхъ средствъ было мало.

Имѣя въ виду упорную оборону, нужно было строить массу блиндажей и землянокъ для жилья и кухонь; а для этого нужно было очень много бревенъ и досокъ.

Кромѣ того насъ очень часто беспокоили выходами на передовыя позиціи къ полкамъ 4-й дивизіи.

Собранный мною инструментъ безпрестанно отбирали для другихъ полковъ и уже не возвращали.

Я лично ѣздилъ также довольно часто на рекогносцировки, во время которыхъ успѣлъ близко ознакомиться съ передовыми позиціями и ихъ фортификаціонными постройками.

Генераль Фокъ, кажется, думалъ, что японцы обязательно должны будутъ атаковать нашу позицію по ровному пространству, между горами и моремъ (у д. Инчензы). По крайней мѣрѣ онъ главное свое вниманіе обратилъ на укрѣпленіе этой части позиціи. Но до очевидности ясно было, что атаковать укрѣпленную позицію по ровному полю, подъ страшнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, было очень трудно. Не принимая даже во вниманіе привычки японцевъ къ горамъ, было также ясно, что удобнѣйшимъ пунктомъ атаки были горы, которыя генераль Фокъ хотѣлъ оборонять только одними охотничьими командами.

Тамъ оборона лишалась своей страшной силы—дальняго и даже и ближняго ружейнаго и артилерійскаго огня. Поэтому численное превосходство и инициатива давали японцамъ въ горахъ страшныя преимущества, тѣмъ болѣе, что позиція наша была непомѣрно растянута: около 28 верстъ на пять полковъ 3-баталіоннаго состава (около 10,000 человекъ). Кромѣ всего этого японская артилерія имѣла возможность бить наши окопы, а наша артилерія не видала цѣлей.

Когда я объѣзжалъ позицію около первыхъ чиселъ іюля, то замѣтилъ, что позиція у Инчензы была отлично укрѣплена (окопы были глубокіе съ отличнымъ обстрѣломъ), но горы были оставлены совершенно безъ укрѣпленій.

Я влѣзалъ на Юпилазу—тамъ были расположены двѣ охотничьихъ команды, не помню какихъ полковъ; укрѣпленій, а главное закрытій отъ артилерійскаго огня никакихъ тамъ не было; это большой промахъ; на Юпилазу будетъ направленъ весь артилерійскій огонь противника, и наши люди будутъ оттуда сбиты, а японцы, воспользовавшись этимъ, займутъ гору безъ потерь.

Когда мы влѣзли на эту гору, намъ представился чудный видъ. Вся мѣстность, до самаго Дальняго и его бухты была, какъ на ладони, и днемъ отъ нашихъ взоровъ не могло укрыться ни одно движеніе непріятели.

Важный для позиціи пунктъ гора Юпилаза. Съ потерей ея намъ нужно отходить къ самому Шипинзинскому перевалу. Но непріятель не торопился. Подойдя на дальній ружейный выстрѣлъ

Окрестности горы Юпилазы.

по горамъ (ровную часть позиціи, какъ и слѣдовало ожидать, онъ оставилъ безъ всякаго вниманія), онъ окопался и не торопясь началъ свои дѣйствія.

Въ промежутокъ времени съ момента сближенія, конца мая и до 13-го іюля, онъ сильно потѣснилъ нашъ правый флангъ и заставилъ перемѣнить позицію, а съ 13-го іюля атаковалъ всю ея горную часть.

Весь 5-й полкъ былъ двинуть на помощь. 3-й нашъ баталіонъ значительно раньше былъ взятъ на правый флангъ на Зеленыхъ горы, гдѣ были убиты два нашихъ отличныхъ офицера шт.-кап. Кудрявцевъ и пор. Поповъ.

Отступленіе съ Зеленыхъ горъ 3-й баталіонъ вынесъ на своихъ плечахъ. Въ бояхъ на правомъ флангѣ сводныя роты, какъ это и нужно было ожидать, не показали себя хорошо.

7-го іюля потребовали мой 2-й баталіонъ на 11-ю версту, къ штабу 4-й дивизіи, и онъ ушелъ туда подъ командой капитана Стемневскаго II.

13-го, когда непріятель началъ упорныя атаки, двинули туда и меня съ 1-мъ баталіономъ, которымъ командовалъ капитанъ Стемневскій I, замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ. Утромъ 13-го іюля я съ этимъ послѣднимъ баталіономъ прибылъ къ штабу дивизіи и нашелъ тамъ все наше начальство—генераловъ Стесселя, Фока и Кондратенко. Бой шелъ по всей линіи.

Такъ какъ всѣ позиціи были раздѣлены на участки, и въ каждомъ участкѣ былъ уже свой начальникъ, то я остался свободнымъ зрителемъ всего, что происходило. На 11-ю версту насъ привезли въ поѣздѣ и только-что мы вышли изъ вагоновъ, какъ 1-ю охотничью команду, подъ начальствомъ поручика Костюшко, приказано было двинуть на гору Юпилазу, гдѣ защитники ея отъ непрерывнаго артилерійскаго огня совершенно изнемогли.

Затѣмъ 1-й баталіонъ былъ двинуть къ Шипинзинскому перевалу, гдѣ, судя по силѣ артилерійскаго огня, нужно было ожидать сильной атаки, а у штаба остались только наши 7-я и 8-я роты.

Всей обороной управлялъ генералъ Фокъ.

Дни 13-го и 14-го іюля прошли благополучно, если не считать сильнаго пораненія командира нашей 1-й охотничьей команды поручика Костюшко (въ грудь на вылетъ и масса ранъ въ лѣвое плечо и бокъ). Онъ съ частью своихъ охотниковъ бросился на непріятеля, занявшаго уже часть нашихъ окоповъ на горѣ Юпилазѣ. Это было въ ночь съ 14-го на 15-е іюля. Подъ вечеръ 13-го ген. Стессель послалъ въ городъ телеграмму о томъ, что во весь день всѣ атаки непріятеля успѣха не имѣли.

14-го іюля бой опять шелъ по всѣмъ линіямъ. Зеленяя горы обстрѣливались изъ очень крупныхъ орудій; взрывы бомбъ показы-

Высота 139 (стоятъ люди); вдали слѣва видна гора Юпилава.

вали, что онѣ не менѣе 6" калибра. Нашей артилеріи очень трудно было бороться съ этими орудіями; они стоятъ очень далеко, и ихъ было не видно за складками мѣстности.

Отъ нечего дѣлать поѣхалъ къ моему 1-му баталіону; онъ стоялъ въ резервѣ подѣ крутымъ склономъ, у самаго Шипинзинскаго перевала. Бомбы рѣдко рвались вблизи; онѣ перелетали дальше и поражали камни позади лежащаго оврага.

Наша батарея на самомъ перевалѣ прямо засыпалась японскими снарядами, и шла непрерывная ружейная трескотня. Видимо, патроновъ никто не жалѣлъ. Наши солдаты были совершенно спокойны и иногда даже подшучивали надъ неловкостью японскихъ артиллеристовъ. Такъ прошелъ весь день, и на этотъ разъ позиція стояла крѣпко.

Но на Юпилазѣ дѣла были плохи. Японцы вползли по необстрѣливаемымъ крутямъ на самую гору въ большой массѣ; артиллерійскимъ огнемъ были разрушены всѣ блиндажи, и обваломъ одного изъ нихъ былъ задавленъ славный комендантъ горы подполковникъ Гусаковъ. Всѣ страшно его жалѣли. (Къ слову сказать, онъ былъ единственнымъ штабъ-офицеромъ, помогавшимъ мнѣ организовать оборону тыльной позиціи, чтобы прикрыть наше отступление отъ Кинджоу). Защитники сосредоточились за камнями и разрушенными окопами, имѣя непріятеля въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя.

Въ штабѣ раздавались голоса за оставленіе Юпилазы; дѣйствительно она могла намъ стоить очень дорого. Жалкіе окопы не могли прикрывать людей отъ шимозъ и шрапнели. Но большинству было жаль уступать врагу эту важную для наблюденія за нимъ гору, и потому начальство рѣшило за ночь исправить укрѣпленія и продолжать обороняться.

Часа въ 4 дня наша 8-я рота, со всѣмъ имѣющимся у нея инструментомъ, была направлена на Юпилазу, для исправленія старыхъ и возведенія новыхъ окоповъ; завѣдывать работами былъ назначенъ шт. кап. Сахаровъ, бывшій градоначальникъ Дальняго и производитель желѣзнодорожныхъ и портовыхъ работъ въ этомъ городѣ. (Послѣ оставленія Дальняго, этотъ доблестный гражданинъ и офицеръ не задумался стать въ ряды войскъ, подѣ команду подполковника Жеребцова, командира Портъ-Артурской крѣпостной саперной роты). Въ этотъ день японцы опять не имѣли удачи; всѣ позиціи остались за нами.

16-го числа, очень рано, я былъ разбуженъ страшной канонадой, быстро всталъ и отправился въ штабъ; тамъ уже всѣ были на ногахъ. Чтобы лучше наблюдать за ходомъ боя, ген. Стессель пошелъ, съ нѣкоторыми изъ своей свиты, на вершину ближайшей

горы. Я присоединился къ нимъ. Ген. Фокъ остался въ штабѣ у телефоновъ. При немъ остался и весь его штабъ (адъютанты были новые; старые же, прежде капитанъ Квиткинъ, а потомъ шт.-кап. Ясевичъ пошли въ строй).

Когда мы взошли на гору, намъ представилась чудная и величественная панорама горной страны. Ближайшій къ намъ гребень, занятый нашими войсками, сплошь курился дымками. Въ нѣкоторыхъ его мѣстахъ дымъ застилалъ большія пространства и высоко поднимался къ небу.

На Зеленыхъ горахъ этого дыму было всего больше; тамъ безпрестанно рвались крупныхъ размѣровъ бомбы, а небо было усеяно кругленькими облачками отъ разрывавшихся шрапнелей.

Одновременно внимательное и чуткое ухо ясно различало далекую и неумолчную дробь ружейной пальбы, которую не заглушала ружейная трескотня по всей занятой нами линіи.

Нашъ 1-й баталіонъ еще не былъ израсходованъ, онъ виднѣлся чернымъ пятномъ близъ зигзаговъ дороги, поднимающейся на Шипинзинскій переваль.

На горѣ мы пробыли не больше $\frac{1}{4}$ часа и сошли къ телефонамъ (наблюдать за боемъ лучше у телефоновъ, если даже, какъ въ этомъ случаѣ, они были внизу).

Жаль, что не догадались поставить ихъ на такомъ мѣстѣ, откуда можно было бы и слышать, и видѣть весь бой своими глазами, т. е. на той горѣ, гдѣ мы только-что были.

Внизу насъ встрѣтилъ ген. Фокъ. Конечно, не медля, онъ доложилъ ген. Стесселю настоящее положеніе дѣлъ. Вездѣ наши стояли крѣпко; но на Юпилазѣ было очень плохо. Отъ сосредоточеннаго на этой горѣ артилерійскаго огня, держаться тамъ, не смотря на поправленныя за ночь укрѣпленія, было невозможно. Рѣшили Юпилазу бросить, и, не медля, это приказаніе было туда послано.

Во время рѣшенія этого вопроса, ген. Фокъ, со свойственною ему рѣзкостью, сказалъ: «Ну, Юпилазу держать нельзя; слишкомъ большая убыль. Если даже роты оставлять ее сами, то ничего; а вотъ отдать Зеленныя горы—это подлость, измѣна». Только что онъ это произнесъ, какъ пришла роковая вѣсть, что Зеленныя горы оставляются занимающими ихъ войсками. «Ну теперь нужно отступать со всей линіи», сказалъ ген. Фокъ и отдалъ распоряженіе оставлять позиціи и переходить на новыя: правый флангъ къ Да-

гушаню, центръ близъ 11-й версты, а полки лѣваго фланга на Волчьихъ горы.

Для объединенія власти, мой лѣвый флангъ (отрядъ капитана Сахацкаго) перешелъ въ распоряженіе командира 15-го полка; я съ 5-го полкомъ долженъ былъ не медля занять предгорье Угловыхъ горъ—Угловую и Высокую горы, а также и Дивизионную, съ впереди ея лежащимъ кряжемъ Пань-луньшань. Такимъ образомъ 5-й полкъ запиралъ большой промежутокъ между фортами № 4 и № 5, все время нами укрѣпляемый.

Все начальство, съ ген. Стесселемъ во главѣ, собралось къ зданію штаба 4-й дивизіи (станція на 11-й верстѣ) и спокойно ждало исполненія отданныхъ приказаній.

Вопреки утвержденія нѣкоторыхъ корреспондентовъ, я не замѣчалъ и слѣда какого-либо волненія или беспорядка при этомъ отступленіи. Всѣ были совершенно спокойны, и движеніе войскъ шло правильно, безъ суеты.

Вотъ торжественно, съ развѣвающимися флагами Краснаго Креста показался изъ долины вправо отъ насъ санитарный отрядъ съ ранеными; долго онъ шелъ, сопровождаемый санитарями, докторами и ранеными, могущими идти на своихъ ногахъ. Затѣмъ изъ той же долины показалась колонна резерва. Я вспомнилъ тогда, какое настроеніе вызвали звуки нашей музыки во время ночной паники за Нангалинскими высотами. Мнѣ захотѣлось это повторить.

Испросивши разрѣшеніе у ген. Стесселя, я вызвалъ нашу музыку, стоявшую на бивакѣ около желѣзнодорожной станціи, и звуки чуднаго марша загремѣли въ мрачныхъ горахъ смерти и крови. Отступающія войска свертывались въ колонны, которыя подъ звуки музыки стройно проходили мимо ген. Стесселя. Съ часъ продолжался этотъ церемоніальный маршъ, подъ самымъ носомъ у непріятеля. Но вотъ послѣднимъ прошелъ нашъ славный 3-й баталіонъ, и пронесли убитаго капитана Квиткина—бывшаго адъютанта ген. Фока. На полѣ сраженія 5-й полкъ оставилъ двухъ своихъ лучшихъ офицеровъ и 60 стрѣлковъ. Онъ принялъ на себя всю силу послѣдняго японскаго удара, защищая отступающія роты другихъ полковъ, и не дрогнулъ подъ этимъ натискомъ; чѣмъ я и объясняю то, что мы съ Зеленыхъ горъ отступили въ порядкѣ.

Вотъ описаніе дѣйствій нашихъ ротъ на Зеленыхъ горахъ.

Участіе полка въ бою на Зеленыхъ горахъ выразилось въ слѣдующемъ: Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

I) Отрядъ полковника Дунина, командира 3-го баталіона 5-го В.-С. стрѣлковаго полка въ составѣ 5-й, 6-й, 9-й, 11-й и 12-й

Дунвантанская долина и слѣва вдали часть сопки Куинсанъ.

ротъ и 2-й и 3-й охотничьихъ командъ того же полка и 1-й роты 27 п. былъ расположенъ до боя на Зеленыхъ горахъ и занималъ участокъ, начиная съ долины 3-хъ пулеметовъ (у горки занятой 11-й ротой 27 п.) и кончая отрогомъ, что находился въ $\frac{3}{4}$ версты

отъ д. Водымынь и прикасался съ подошвой горы Куинсанъ. Роты занимали слѣдующія мѣста:

1) На правомъ флангѣ долину 3-хъ пулеметовъ охраняли и занимали 9-я рота и 3-я охотничья команда 5-го п.

2) Рядомъ, лѣвѣе долины 3-хъ пулеметовъ, прикрывая батарею пор. Наумова—2-я пѣшая охотничья команда 5-го полка.

3) Еще лѣвѣе 12-я рота 5-го полка.

4) На самомъ лѣвомъ флангѣ близъ д. Водымынь—11-я рота 5-го полка и въ ближайшемъ за ней резервѣ 1-я рота 27-го полка.

5) 5-я и 6-я роты 5-го полка составляли общій резервъ.

13-го іюля утромъ японцы начали сильно обстрѣливать наши позиціи артилерійскимъ огнемъ, а затѣмъ повели энергичное наступленіе, но въ теченіе дня ничего у насъ не отобрали. Наши стрѣлки, удачно отстрѣливаясь, вездѣ удержали за собой позиціи и отбили японцевъ.

15-го іюля японцы повторили свои энергичныя атаки.

Но успѣхъ ихъ былъ тотъ же, что и наканунѣ. Всѣ наши части остались на своихъ мѣстахъ на этомъ флангѣ.

Тогда японцы предприняли атаку ночью.

Нѣкоторыя роты, правѣе участка полковника Дунина, отступили безъ боя и такъ поспѣшно, что даже не увѣдомили сосѣднія наши роты.

Японцы воспользовались прорывомъ и, зайдя въ тылъ, начали поражать фланговымъ огнемъ сосѣднія части, не знавшія о случившемся и остававшіяся на своихъ мѣстахъ. Роты эти отъ неожиданности терялись и отступали тоже, не давая знать сосѣдямъ о своемъ уходѣ. Такимъ образомъ прорывъ распространился все дальше и, наконецъ, дошелъ до отряда полковника Дунина. Вотъ что мнѣ извѣстно объ этомъ:

9-я рота и 3-я охотничья команда 5-го полка охраняли долину 3-хъ пулеметовъ и имѣли вправо связь съ 11-й ротой 27-го полка. (Въ чемъ участкѣ была 11-я рота 27-го полка—не знаю). 3-я охотничья команда находилась въ сторожевомъ охраненіи, а 9-я рота въ резервѣ за ней.

Утромъ, 15-го іюля часа въ 4, правофланговые посты, державшіе связь съ 11-й р. 27-го п. донесли, что въ той сторонѣ началось отступленіе. Командиръ 9-й роты, шт. кап. Кудрявцевъ, послалъ изъ своей 9-й р. дозоръ на гору, гдѣ находилась 11-я рота 27-го п., съ приказаніемъ узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла. Вскорѣ дозоръ вернулся и доложилъ, что 11-я р. 27-го п.

на горѣ нѣтъ и что гору занимаютъ японцы въ небольшихъ силахъ, но что къ нимъ подходятъ подкрѣпленія. Шт.-кап. Кудрявцевъ сначала не повѣрилъ и хотѣлъ послать еще дозоръ изъ болѣе надежныхъ людей, но въ это время раздались выстрѣлы съ этой горы по направленію его 9-й р. и 3-й ох. ком.; выстрѣлы эти разсѣяли сомнѣнія шт.-кап. Кудрявцева. Онъ сталъ совѣтываться съ начальникомъ 3-й пѣш. ох. команды поручикомъ Чулковымъ и, придя къ заключенію, что, имѣя на горѣ японцевъ, держаться внизу и защищать долину 3-хъ пулеметовъ немислимо, рѣшилъ со своей 9-й ротой, пока не разсвѣло и пока не набралось на горѣ очень много японцевъ, идти и отобрать гору, занявъ которую, возстановить связь съ сосѣдними вправо частями и, такимъ образомъ, заполнить прорывъ. Принимая такое рѣшеніе, штабсъ-капитанъ Кудрявцевъ условился съ подпоручикомъ Чулковымъ поддерживать другъ друга и если придется отступать, то непременно предупредить одинъ другого, а во избѣжаніе недоразумѣній вѣрить только письменнымъ свѣдѣніямъ. Вслѣдъ затѣмъ шт.-кап. Кудрявцевъ приказалъ подпоручику Чулкову съ 3-й охотничьей командой держаться на теперешнихъ мѣстахъ и ждать отъ него приказаній, а самъ $\frac{1}{2}$ роту своей 9-й роты повелъ въ атаку на гору, другой же $\frac{1}{2}$ ротѣ съ заурядъ-прапорщикомъ Шишкинымъ приказалъ слѣдовать за нимъ въ видѣ резерва. Несмотря на адскій огонь, какимъ японцы встрѣтили атакующихъ, штабсъ-капитанъ Кудрявцевъ съ $\frac{1}{2}$ ротой добрался до окоповъ и, крикнувъ «ура!» бросился въ штыки. Ударъ пришелся въ полоборота во флангъ японцамъ. Завязался рукопашный бой. Къ несчастью, въ этой схваткѣ шт.-кап. Кудрявцевъ былъ убитъ, фельдфебель Евлановъ раненъ, когда еще подымался въ гору, многіе стрѣлки выбыли изъ строя, а остальные люди полуроты, не чувствуя себя въ силахъ выбить непріятели, стали отступать, отстрѣливаясь и унося тѣло убитаго командира. Въ темнотѣ люди отступили не по пути наступленія, не на 3-ю пѣшую охотничью команду и свой резервъ, а по направленію общаго отступленія. Резервная полурота 9-й роты, не зная въ чемъ дѣло, но догадываясь по направленію перестрѣлки и шуму двигавшихся людей, объ отступленіи 1-й полуроты, и встрѣченная сильнымъ ружейнымъ огнемъ, стала отступать рядомъ съ полуротой шт.-кап. Кудрявцева и въ томъ же направленіи. Заурядъ-прапорщикъ Шишкинъ, къ сожалѣнію, не догадался увѣдомить о случившемся начальника 3-й пѣшей охотничьей

команды подпоручика Чулкова, который продолжалъ ожидать извѣстій отъ шт.-кап. Кудрявцева, какъ это было условлено. Такъ прошло съ $\frac{1}{4}$ часа или минутъ 20. Наконецъ, съ разсвѣтомъ, стрѣльба японцевъ съ горки сдѣлалась дѣйствительнѣе и чаще.

Отъ отставшихъ и свернувшихъ съ пути отступленія въ сторону 3-й охотничьей команды нижнихъ чиновъ 9-й роты подпоручикъ Чулковъ узналъ о неудачѣ, постигшей 9-ю роту и, понимая всю опасность быть окруженнымъ, приказалъ сторожевымъ постамъ отходить и послалъ увѣдомленіе о положеніи дѣла въ сосѣднюю, находившуюся лѣвѣе его, роту. Боясь за участь пулеметовъ, находившихся сзади, подпоручикъ Чулковъ послалъ къ нимъ 1-й взводъ своей команды; но пулеметовъ на прежнихъ мѣстахъ не оказалось. Когда сторожевое охраненіе присоединилось къ главной заставѣ, подпоручикъ Чулковъ началъ отступление въ большемъ порядкѣ и вскорѣ присоединился къ резерву, гдѣ отступающія части собиралъ и приводилъ въ порядокъ полковникъ Дунинъ.

Онъ находился при резервѣ въ долинѣ 3-хъ пулеметовъ и, узнавъ объ отступленіи ротъ правѣе его участка и объ участи 9-й роты, имѣвшійся у него резервъ направилъ занять сосѣднія вправо высоты, чтобы остановить наступленіе непріятеля и, осадивъ только правый флангъ своего участка, создать новую оборонительную линію отъ дер. Водымынь, черезъ Рыжую гору, черезъ батарею 57 мм. орудій поручика Наумова и дальше по высотамъ безъ названій. Благодаря распорядительности полковника Дунина и мужеству офицеровъ этого отряда, удалось организовать въ этомъ мѣстѣ оборонительную линію и охладить наступательный пылъ японцевъ.

Черезъ короткое время получило приказаніе отъ ген. Фока объ отступленіи.

Пока полковникъ Дунинъ успѣлъ отдать соотвѣтствующія приказанія, отъ ген. Фока получило второе приказаніе—отступать на высоту 86.

Полковникъ Дунинъ отступалъ въ образцовомъ порядкѣ, во многихъ случаяхъ руководя лично цѣпью и, прикрываясь рота ротой, согласно полученнымъ приказаніямъ отъ ген. Фока, постепенно занималъ позиціи: высоту 86, потомъ позицію у д. Хоудзатунъ, у д. Сайджашалинъ и, наконецъ, у 11-й версты. Пропустивъ отступающія части 13-го, 14-го и другихъ полковъ, роты послѣд-

ними отошли за Волчьи горы. Весь отрядъ и, въ особенности офицеры, вели себя выше похвалы. Сдерживая натискъ японцевъ, всѣ роты обнаруживали замѣчательное мужество; такъ, 5-го полка 11-я рота съ 1-й ротой 27-го полка задерживались у д. Водымынь 2½ часа, были окружены съ трехъ сторонъ и затѣмъ пробились, захвативъ по дорогѣ оставленный пулеметь и трехъ раненыхъ стрѣлковъ 26-го полка. 6-я рота, отражая японцевъ частымъ огнемъ и отчаянно удерживая ихъ, чтобы дать отойти другимъ, долго задержалась подъ сильнымъ перекрестнымъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ и въ числѣ другихъ потеряла храбраго своего ротного командира подпоручика Попова, служившаго примѣромъ безавѣтной храбрости для своей роты.

Послѣ очищенія Зеленыхъ горъ, войска ушли для занятія указанныхъ имъ новыхъ позицій, и мы остались у станціи (11-я верста—штабъ 4-й дивизіи), чтобы чѣмъ нибудь съѣстнымъ подкрѣпить свои силы.

Но вдругъ просвистѣла пуля, за ней другая. Вспомнили, что насъ никто не прикрываетъ. Штабные засуетились, обозъ торопливо сталъ запрягаться, и двумъ ротамъ (не помню какого полка) приказали выдвинуться къ сторонѣ непріятеля и задержать его; роты быстро вышли на ближайшую высоту, отдѣлявшую штабъ отъ непріятеля, и перестрѣлка затрещала. Свистъ пуль значительно усилился и очень торопиль запряжку штабного обоза. Продолжать завтракъ на такомъ непріятномъ мѣстѣ признали неудобнымъ, и штабъ съ полусотней казаковъ, сопровождавшихъ ген. Стесселя, тихо, съ остановками для наблюденія, что происходитъ впереди, началъ двигаться къ крѣпости. Я поѣхалъ устраивать полкъ на Угловыхъ горахъ и по дорогѣ поднялся на довольно высокую сопку, чтобы посмотреть, что дѣлается позади. Тутъ я нашелъ нашу батарею, стоящую въ хорошо устроенныхъ окопахъ и направившую свои орудія на станцію 11-й версты. Скоро все успокоилось, и нашимъ войскамъ никто не мѣшалъ занимать новыя позиціи, на которыхъ уже начали куриться походныя кухни.

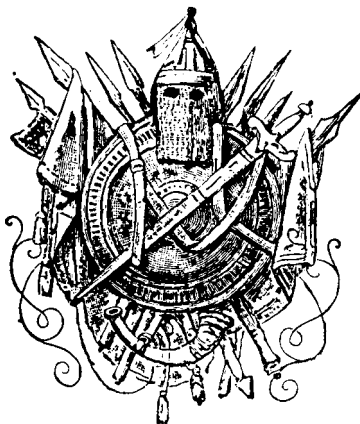
Къ вечеру 17-го іюля 5-й полкъ занялъ свои мѣста, поужиная и спокойно заснулъ, кромѣ людей сторожевыхъ цѣпей, высланныхъ далеко впередъ къ сторонѣ непріятеля. (Я это всегда дѣлалъ, если даже, какъ теперь, впереди насъ были наши войска).

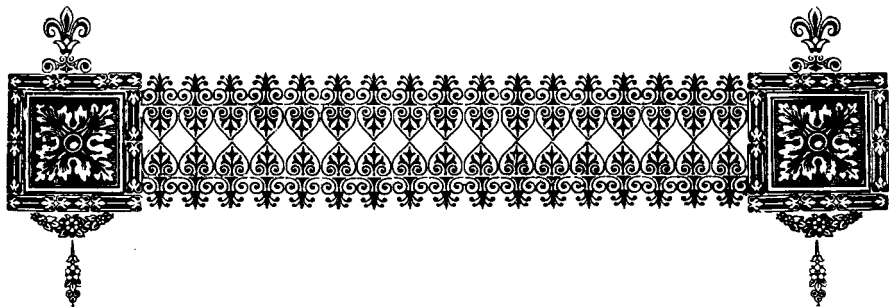
Мой штабъ я расположилъ за Дивизионной горой; не медля устроилась канцелярія и офицерская столовая.

Мѣстность была очень живописная, впереди массы увѣнчанныхъ нашими окопами горъ: Дивизионной, Мертвой и Длинной, слѣва лѣсистые обрывы, а къ сторонѣ форта № 4 небольшой, но свѣтлый ручеекъ съ покрытыми мелкой древесной растительностью берегами.

А. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ

по поводу послѣднихъ изслѣдованій о «Русско-Шведской войнѣ 1808—1809 гг.».

(Продолженіе ¹⁾).

Въ прошлыхъ «замѣткахъ» мы установили путемъ изслѣдованія подлинныхъ архивныхъ документовъ *забытые факты*, доказавъ, что принимавшіяся въ 1807 г. оборонительныя мѣры были направлены исключительно противъ Англии, а не Швеціи, съ которой вести войну и не собирались, задумавъ 14-го января 1808 г. совершить лишь «нѣкоторое предпріятіе къ движенію» въ Шведскую Финляндію.

Посмотримъ теперь, каковы-же были ближайшія политическія обстоятельства, вынудившія Императора Александра I принять послѣднее рѣшеніе...

Переговоры шведскаго короля о союзѣ съ Англійей и о поддержкѣ съ ея стороны (войсками и деньгами), начатыя въ ноябрѣ, продолжались и въ декабрѣ 1807 г., при чемъ окончательно выяснилось, что Швеція можетъ разсчитывать на денежную субсидію и «на основательную поддержку флота». Король, соблюдая

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1909 г., № 2.

Въ предыдущей статьѣ на стр. 109 вкрасась опечатка,—напечатано: «въѣхать въ ротъ непріятелю». а слѣдуетъ читать: «въѣхать въ ротъ непріятелю».

«умѣренность» по отношенію къ Россіи, стремился «полезными отсрочками» выиграть время и создать такую обстановку, при которой возможно было бы «свалить всю отвѣтственность несправедливаго нападенія на Россію», что считалось, по заявленію кабинета-секретаря Адлерберга, *весьма важнымъ*.

Донесенія шведскаго посла Стединга изъ С.-Петербурга, усердно сообщавшаго о нашихъ такъ называемыхъ приготовленіяхъ къ войнѣ со Швеціей и съ затаеннымъ недовѣріемъ относившагося къ министру графу Н. П. Румянцеву, который съ замѣчательною правдивостію поддерживалъ отношенія, — быстро создали крайне ненормальное положеніе. Убѣдить Стединга въ томъ, что мѣры принимаются дѣйствительно противъ Англіи, было невозможно, а поэтому естественно, что въ донесеніяхъ «положеніе дѣлъ обрисовывалось темными красками», а тамъ, по заключенію современныхъ шведскихъ историковъ, обсуждавшихъ донесенія съ точки зрѣнія Стединга, — оказалось, что «*грозная туча надвигалась на Швецію*»... 8-го декабря Стедингъ уже категорически донесъ, что «*нужно быть готовымъ на все*».

Конечно, такія дипломатическія донесенія настраивали шведскаго короля, отличавшагося, по выраженію графа П. К. Сухтелена, *твердостію противною политикъ*, въ нежелательномъ для Россіи направленіи. Въ результатѣ, Стедингъ сыгралъ свою роковую для Швеціи роль до конца, будучи вынужденъ передать ноту отъ 11-го января, въ которой, между прочимъ, опредѣленно подчеркивалось, что Англія можетъ явиться въ Балтійское море «*для выручки кого либо изъ своихъ союзниковъ*». Въ дальнѣйшемъ, «доказательства пристрастія» къ Англіи ¹⁾ стали обнаруживаться болѣе опредѣленно, и, какъ извѣстно, 8-го февраля (27-го января) Шведскій король оформилъ заключенный съ нею союзъ и особымъ трактатомъ.

Полученныя свѣдѣнія объ активныхъ намѣреніяхъ Англичанъ противъ Даніи и о воинственныхъ замыслахъ новыхъ союзниковъ, а также «истощеніе всѣхъ средствъ убѣжденія», — и вынудили Императора Александра I рѣшиться на «*нѣкоторое предпріятіе къ движенію*». Предпріятіе это не было какимъ либо внезапнымъ рѣшеніемъ, а являлось послѣдовательнымъ противу «поведенія ан-

¹⁾ Выраженіе изъ русской деклараціи 10-го февраля 1808 г., которая, какъ будетъ изложено далѣе, получила распространеніе не только по всей Европѣ, но даже *заблаговременно*, до нашего перехода границы. была разослана и по Шведской Финляндіи.

гличанъ» распоряженіемъ. Благодаря политикѣ шведскаго короля, Финляндія, какъ часть Швеціи, переставала быть добрымъ сосѣдомъ, позволившимъ обнажить нашу границу почти отъ всякихъ войскъ и оставить въ беззащитномъ положеніи С.-Петербургъ, какъ это имѣло мѣсто въ 1806—1807 гг., а пріобрѣтала очень важное значеніе, какъ *возможная база для англичанъ*. Парализовать же такое значеніе было для насъ безусловно необходимою, что и разрѣшалось сущностью предпріятія.

Предпріятіе, не имѣвшее завоевательныхъ цѣлей, было послѣднею попыткою повліять на отдававшася въ руки Англій Шведскаго короля, въ желаемомъ и допустимомъ для Россіи смыслѣ, причемъ повліять не «нотами», на которыя перестали въ Швеціи обращать вниманіе, а *внушительной демонстраціей*.

Нашъ исторіографъ, Михайловскій-Данилевскій, игнорировавшій изложенныя оборонительныя противъ Англій мѣры, все таки вполнѣ правильно характеризуетъ побужденія Императора Александра I двинуть войска въ Финляндію, указывая, что «по истощеніи всѣхъ средствъ убѣжденія, надлежало *употребить силу и понужденіе*» (см. описаніе войны, стр. 6). Хотя Михайловскій-Данилевскій, лично не принимавшій участія въ Финляндской войнѣ, «повѣствовалъ о событіяхъ, преданныхъ до него совершенному забвенію», но ему приходилось считаться съ «разказами современниковъ (см. собр. сочин., т. I, стр. 24 и слѣд.)», которые, вѣроятно, близко знали истинное положеніе дѣла «*понужденія*».

Задуманное «предпріятіе» имѣло въ виду «*безкровныя*» дѣйствія, — о чемъ графъ Буксгевденъ имѣлъ особое Высочайшее указаніе. Въ «воззваніи къ финскому солдату», онъ категорически свидѣтельствуетъ: «*Государь повелѣлъ не давать перваго выстрѣла до тѣхъ поръ, пока вы (финны), забывъ свою свободу и пренебрегая миромъ, не обнаружите своей къ намъ враждебности*». Шведскіе историки, приписывая Императору Александру I выраженія: «*заставлю Швецію заключить миръ (съ Франціей), и вы увидите, что она это сдѣлаетъ, не дождавшись и перваго пушечнаго выстрѣла*», будто бы сказанныя въ ноябрѣ 1808 г. въ бесѣдѣ съ генераломъ Савари, — подтверждаютъ, что въ возможность такого «безкровнаго» исхода «понужденія» вѣровали.

Посмотримъ, однако, какими фактами подтверждается справедливость нашего заключенія о томъ, что *даже въ половинѣ января 1808 г. никакихъ помысловъ о войнѣ со Швеціей не было, не смотря на рѣшеніе «предпріяты понужденіе»*.

Къ январю 1808 г., какъ отмѣчено выше, «преданность» Шведскаго короля Англійи опредѣлился окончательно. 9-го (23-го) января графу Румянцеву была передана нота, въ которой хотя и не заключалось отвѣта Швеціи на предложеніе Императора Александра I «приступить къ единственной сѣвернымъ Державамъ свойственной системѣ», но за то имѣлось точное указаніе о союзѣ Швеціи съ Англійей, облеченное въ форму угрозы, что англичане могутъ явиться въ Балтійское море «для выручки кого либо изъ своихъ союзниковъ».

Шведскіе историки, истолковывая это событіе, впадаютъ въ противорѣчіе (см. «шведская война 1808—1809 гг.», ч. I, стр. 47 и 53), утверждая одновременно, что *«этотъ отвѣтъ вызвалъ большую тревогу при русскомъ дворѣ»* и что *«въ Петербургѣ въ это время царило полное спокойствіе»*, а *«русскій кабинетъ, по полученіи шведской ноты, молчалъ»*.

Въ дѣйствительности-же, какъ указано было выше, — *14-го января*, т. е. вслѣдъ за полученіемъ угрозы, было окончательно рѣшено совершить *«нѣкоторое предпріятіе къ движенію»*.

Если исключить этотъ безспорный фактъ, какъ это до сихъ поръ и дѣлалось по различнымъ причинамъ рѣшительно *всѣми* историками, то намъ все таки неясно будетъ недоумѣніе шведскихъ историковъ, заявляющихъ, что и послѣ «большой тревоги» русскій кабинетъ молчалъ и что «ни отвѣтной ноты, ни ультиматума шведскому посланнику (Стединку) передано не было». Послѣдній, какъ упоминалось выше, словно умышленно превращалъ наши мѣропріятія по охранѣ и оборонѣ Балтійскаго побережья въ какія-то военныя приготовленія противъ Швеціи, а поэтому въ наслѣдіе историкамъ оставилъ массу широковѣщательныхъ донесеній.

Въ данномъ случаѣ Стедингкъ, узнавшій о возможности «предпріятія», поспѣшилъ понять, что *«объявленіе войны послѣдуетъ немедленно»*, почему, вмѣстѣ съ тревожнымъ донесеніемъ — «опасность очень велика», сообщилъ Шведскому королю «планъ дѣйствій Россіи», являющійся «нападеніемъ на Финляндію въ трехъ пунктахъ». Вотъ это-то донесеніе отъ 11-го (23-го) января, т. е. *за три дня до начала нашей подготовки «предпріятія»*, и послужило основаніемъ, спустя 100 лѣтъ, для разъясненія тенденціи объ *ультиматумѣ*, который *оказывается было бы своевременнымъ вручить даже до принятія принципиальнаго рѣшенія* — понудить Шведскаго короля, по выраженію въ нашей деклараціи отъ 10-го февраля 1808 г., «не прилѣпляться къ пользамъ Англійи».

Чѣмъ же задуманное предпріятіе къ движенію» отличалось отъ настоящей войны?

Помимо указаннаго выше стремленія «безкровными» дѣйствіями достигъ желаемыхъ результатовъ, не дѣлая «и перваго пушечнаго выстрѣла»,—«предпріятіе» рѣзко отличалось отъ войны своимъ *демонстративнымъ* характеромъ. Вѣдь двумя дивизіями (17-й и 21-й), назначенными въ «предпріятіе», вести войну со Швеціей, очевидно, было невозможно, а между тѣмъ всѣ наши, скажемъ, завоевательныя комбинаціи съ 14-го января основывались на предполагаемыхъ дѣйствіяхъ только этихъ дивизій, изъ которыхъ 17-я, какъ указывалось ранѣе, состояла «*почти вся изъ рекрутъ*». Какъ это ни странно, но мысль о возможности «предпріятія» только двумя дивизіями продержалась до 5-го февраля 1808 г., что подтверждается заявленіемъ самого графа Буксгевдена, который, «не дождавшись» прибытія подкрѣпленій, ходатайствовалъ (см. рапортъ отъ 5-го февраля 1808 г. за № 54) о разрѣшеніи двинуться «*наличными*» 17-ю и 21-ю дивизіями. Полагаемъ, что такое ходатайство графа Буксгевдена, считавшагося уже съ 16-го января *главнокомандующимъ*, при нормальномъ положеніи дѣла веденіи «войны» не могло бы имѣть мѣста. Вотъ почему мы склонны думать, что даже *за три дня до движенія за границу* главнокомандующій чувствовалъ себя какъ бы на распутьи...

Принимая все это во вниманіе, мы никакъ не можемъ признать правильнымъ изложеніе г. Нивѣ (см. «Военн. Сборн.» 1908 г. № 2, стр. 20), повторяющаго выраженія шведскихъ историковъ (см. Шведская война 1808—1809 гг., ч. I стр. 52 и 55) и подчеркивающаго слова Императора Александра I, сказанныя Стендингу на аудіенціи 4-го (16-го) февраля («*Богъ свидѣтель, что я не стремлюсь захватить у васъ (шведовъ) ни одной деревни*»),—страннымъ добавленіемъ, что «*на другой-же день посланъ былъ съ курьеромъ къ Алопеусу (нашему послу въ Швеціи) ультиматумъ для врученія шведскому правительству, а въ Парижъ декларація къ иностраннымъ дворамъ*».

Прежде всего отмѣтимъ, что такъ называемый *ультиматумъ* для вящей тенденціи *изобрѣтенъ шведскими историками*, а по русскимъ архивнымъ даннымъ это была всего *декларация, которая*, по выраженію нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Румянцова, «*состоялась ксательсно настоящаю положенія сношеній*

нашихъ съ Стокгольмскимъ дворомъ»¹⁾). Для большаго закрѣпленія такого существенно важнаго заявленія графа Румянцева, мы укажемъ еще и такой чрезвычайный случай, что декларация наша вошла *въ первое полное собраніе законовъ* (см. т. XXX, № 22. 817) и, конечно, «безъ всякаго въ существѣ измѣненія», какъ это подтверждалось Высочайшимъ манифестомъ отъ 2-го февраля 1833 г.), причемъ полный титулъ такъ называемаго по-шведски ультиматума такой: «*Декларация о положеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Швеціей касательно защиты Балтійскаго моря отъ насильственныхъ дѣйствій англичанъ*».

Не вдаваясь въ тонкости различія такихъ понятій, какъ ультиматумъ и декларация, мы отмѣтимъ, что смѣшеніе ихъ во-едино завершилось лишь въ послѣднее время, причемъ наши переводчики «Шведской войны 1808—1809 гг.», «передавая шведскій трудъ со всѣмъ присущимъ ему тенденціознымъ освѣщеніемъ», почему-то усугубили тенденцію и своимъ примѣрнымъ переводомъ декларации, чѣмъ значительно исказили *русскій* смыслъ ея.

Не проще-ли было воспользоваться готовымъ текстомъ декларации, позаимствовавъ его изъ полнаго собранія законовъ? Не знать же о существованіи декларации въ настоящемъ ея видѣ, по нашему мнѣнію, было бы невозможно, такъ какъ стоитъ только взглянуть въ «Описаніе Финляндской войны въ 1808—1809 гг.» (см. стр. 7), и мы найдемъ указаніе Михайловскаго-Данилевскаго, предупредительно отмѣтившаго XXX томъ Полн. Собр. Зак. съ добавленіемъ *стр. 63*, на которой начало декларации и напечатано.

Мало того, нашъ историографъ въ достаточной степени подчеркнул, что объ ультиматумѣ не было и рѣчи, такъ какъ всего «*состоялась декларация*», причемъ на нѣсколькихъ страницахъ (см. въ «Описаніи Финляндской войны» стр. 510 и слѣд.) убѣдительно «*представилъ дѣло въ настоящемъ его видѣ и единожды навсегда опровернулъ несправедливое обвиненіе, стержъ тѣнь, которою по невѣдѣнію или недоброжелательству омрачаютъ сей періодъ исторіи нашей*».

Къ сожалѣнію, историческая правда къ 100-лѣтію Финляндской войны вновь затуманивается тенденціями, которыя въ доста-

¹⁾ Арх. канц. военн. мин., секр. отд. 1808 г. дѣло № 3/79. *Подлинное* отношеніе графа Румянцева къ графу Аракчееву отъ 13-го февраля 1808 г.—см. на л. 192

точной степени опровергнуты Михайловскимъ-Данилевскимъ еще въ 1841 г., т. е. *67 лѣтъ тому назадъ*.

Хотя «описаніе войны» нашего исторіографа по выраженію И. П. Липранди, и признано *«неудовлетворительнымъ»*, но оно все таки въ данномъ случаѣ, въ вопросѣ о такъ называемомъ ультиматумѣ,—не грѣшитъ противъ истины. Михайловскому-Данилевскому справедливо поставленъ историческій упрекъ, что онъ *«нелегко доискивался до матеріаловъ»*, но это вполне ясно и опредѣленно указываетъ на то важное обстоятельство, что трудъ исторіографа не достаточно отдѣланъ и не вполне законченъ, причѣмъ возможны и пропуски. Въ послѣднемъ намъ пришлось убѣдиться и на этотъ разъ, разбирая вопросъ о деклараціи, который, однако, по существу своему Михайловскимъ-Данилевскимъ разрѣшенъ столь основательно, что новые историческіе факты не только не измѣняютъ приведеннаго выше заключенія о деклараціи, но во всѣхъ отношеніяхъ подчеркиваютъ его непреложность...

По неизвѣстной причинѣ шведскіе историки, распространяясь объ ультиматумѣ, почему то обходятъ молчаніемъ одно, серьезное по своему значенію, повелѣніе Императора Александра I. Русскіе-же историки, не «доискиваясь до матеріаловъ», до сихъ поръ подтверждали отсутствіе такого повелѣнія подобнымъ же молчаніемъ. Послужило ли такое «молчаливое» единодушіе на пользу исторіи, можно судить изъ дальнѣйшаго.

Императоръ Александръ I, рѣшивъ *«нѣкоторое предпріятіе къ движенію»*, Высочайше повелѣлъ графу Буксгевдену *отнюдь не вступать въ шведскую Финляндію, не разославъ предварительно деклараціи*, которая признана нынѣ шведскими историками за ультиматумъ.

Сомнѣваться въ фактъ существованія такого Высочайшаго повелѣнія не приходится, такъ какъ его подтверждаетъ самъ графъ Буксгевденъ, всеподданныѣше рапортуя слѣдующее:

1) 5-го февраля (т. е. за три дня до вступленія въ шведскую Финляндію)—*«неполученіе деклараціи для передачи въ шведскую Финляндію, весьма нужной, — есть причина, что я предозначенную операцію предпріять еще не могъ... Жители же, не бывъ извѣстны въ какомъ намѣреніи войска наши черезъ границы переходить предполагаютъ, находятся въ большомъ страху 1)»...*

¹⁾ Военно-ученый архивъ главнаго управленія генеральнаго штаба. отд. II, № 1651. Всеподданныѣшій рапортъ отъ 5-го февраля 1808 г. за № 51.

2) 6-го февраля (за два дня до перехода границы)— «полученныя мною сего числа отъ министра иностранныхъ дѣлъ деклараціи я сего жъ дня (т. е. 6-го февраля) разослалъ для разглашенія чрезъ людей, мною на сей предметъ нанятыхъ, черезъ всю Швецію, до Або, Біорнеборгъ, Ваза, Тавастузъ и цѣлую Карелію. О чемъ Вашему Императорскому Величеству по долгу моему всеподданнѣйше доношу¹⁾».

Такимъ образомъ, повѣствованія историковъ, въ особенности шведскихъ, о «неожиданномъ нападеніи» и «вѣроломствѣ» русскихъ утрачиваютъ свою тенденціозность, потому что фактъ *заблаговременнаго широкаго распространенія нашей деклараціи*, разосланной не только «иностраннымъ дворамъ, но и по всей шведской Финляндіи, надлежитъ признать документально установленнымъ. «Нахожденіе же» мѣстныхъ жителей «въ большомъ страху» въ достаточной степени умалѣетъ рассказы о *неожиданности... нападенія*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ и значеніе умышленнаго подчеркиванія шведскихъ историковъ (см. Шведская война 1808—1809 гг., ч. I, стр. 56), что нашему послу въ Швеціи Алопеусу «ультиматумъ для врученія шведскому правительству былъ уже отправленъ 17 (5) февраля» и что шведскому послу Стедингу такой же ультиматумъ «былъ врученъ только 21 (9) февраля».

Въ шведской Финляндіи, какъ было доказано выше, такъ называемый ультиматумъ получилъ уже распространеніе *съ шестого февраля*, а слѣдовательно извѣстіе это несомнѣнно могло бы дойти и до Стокгольма. Послѣднее мы утверждаемъ на основаніи показаній шведскихъ историковъ (тамъ же, стр. 59)[†], указывающихъ, что извѣстіе о переходѣ русскими границы (8 февраля) и о подходѣ ихъ къ Гельсингфорской дорогѣ—*«пришло вечеромъ 26 (14) февраля по телеграфу въ Грисельгамъ»*, а этотъ пунктъ, названный почему-то на нѣкоторыхъ картахъ—*Грисельгамъ* и *Грисельгамъ*, находится отъ Стокгольма всего въ 100 верстахъ. Полагаемъ, что тотъ же телеграфъ могъ бы свободно передать извѣстіе и о разсылкѣ какой-то деклараціи для «разглашенія» и при томъ въ тотъ же *шестидневный срокъ... Но исторія умалчиваетъ объ этомъ, а поэтому и мы уклонимся отъ разрѣшенія такой странной загадки. Но почему-же не попытаться найти рѣшеніе этого любопытнаго*

1) Архивъ канцеляріи военнаго министерства, секр. отд., 1807 г., дѣло № 3/79. Всеподданнѣйшій рапортъ отъ 6-го февраля 1808 г., за № 56.

вопроса? Да, потому—что мы, слѣдуя мудрому совѣту Великаго Царя Петра—сколько «не пиши о семъ, ниже толкуй, инаково не будетъ», не находимъ удобнымъ разоблачать «секреты» шведской исторіи, составители которой, видимо, стараются, «чтобы хотя не нарядно, однакожь бы чисто и приборно все было»... и къ 100-лѣтнему юбилею...

Вопросъ о томъ, принадлежитъ ли наша декларация къ числу ультиматумовъ, разрѣшается въ полной мѣрѣ ея содержаніемъ, которое почему-то въ пересказѣ приводится лишь Михайловскимъ-Данилевскимъ, а прочіе русскіе изслѣдователи эпохи 1808—1809 годовъ, удовлетворяясь этимъ, стали въ концѣ концовъ раздѣлять взгляды и шведскихъ историковъ, искони преслѣдующихъ патріотическую цѣль—*«свалить всю отвѣтственность на Россію...»*

Мы уже отмѣтили, что ультиматумъ изобрѣтенъ шведскими историками и утвержденъ русскими переводчиками «Шведской войны 1808—1809 гг.», которые хотя и нашли нужнымъ отмѣтить, когда «ультиматумъ въ главныхъ частяхъ былъ готовъ» (см. тамъ же, стр. 58), но почему-то обошли молчаніемъ подлинное наименованіе нашей деклараціи, установленное, какъ было указано выше, въ 1808 г. и навсегда закрѣпленное въ 1830 г. Не сомнѣваемся въ томъ, что одно это наименованіе заставило бы г. П. А. Ниве отнестись съ большою осторожностью къ историческому «изобрѣтенію...» ультиматума.

Въ виду того, что текстъ нашей деклараціи, какъ упоминалось выше, искаженъ неудачнымъ переводомъ, мы находимъ крайне необходимымъ привести ея содержаніе въ подлинныхъ *русскихъ* выраженіяхъ по разысканному нами печатному, въ 1808 г., оттиску деклараціи ¹⁾, причемъ параллельно приведемъ и *переводный текстъ деклараціи* (въ Шведской войнѣ 1808—1809 гг., ч. I, стр. 56—58), отмѣтивъ курсивомъ пропуски и искаженія.

Подлинный:

„Въ праведномъ негодованіи на насилія, причиненныя Англіею Его Величеству Королю Датскому, Императоръ Всероссийскій, бывъ въ-

Переводной:

„Будучи объятъ справедливымъ негодованіемъ при полученіи извѣстія о насиліи, которое Англія *позволила себѣ* противъ Датскаго Ко-

¹⁾ Арх. канц. воен. мин., секр. отд., 1808 г., дѣло № 3/79, см. лл. 193—196. Декларация была напечатана отдѣльно на русскомъ и французскомъ языкахъ. Два экземпляра печатной деклараціи, «по Высочайшему повелѣнію», графомъ Румянцевымъ были препровождены графу Аракчеву при отношеніи отъ 13-го февраля 1808 года.

рентъ собственнымъ своимъ правиламъ и непоколебимъ въ почительствѣ Его о благѣ Имперіи, какъ скоро узналъ о семъ происшествіи. *предварилъ* тогда же Короля Великобританскаго, что не спесеть Онъ равнодушно всѣхъ *безпримѣрныхъ оскорбленій*, нанесенныхъ Королю, древнему союзнику Россіи. узами родства и дружбы съ Нимъ соединенному.

Его Императорское Величество сообщилъ о сей своей *рѣшительности* Его Величеству Королю Шведскому нотою, врученною Его послу въ 24-й день сентября минувшаго года (1807 г.)⁴.

Въ трактатѣ *положительномъ*, заключенномъ 1780 года между Императрицею Екатериною и покойнымъ Королемъ Густавомъ III, въ такомъ же (т. е. опять-таки положительномъ), заключенномъ 1800 года покойнымъ Государемъ Императоромъ Павломъ и Шведскимъ Королемъ, нынѣ Царствующимъ, постановлено было взаимное и точное обязательство *содержать* Балтійское море, яко закрытое, въ неприкосновенности отъ всякаго *неприязненнаго дѣйствія* и защищать берега его отъ *стѣсненій* и *насилій*, употребляя къ тому всѣ возможные способы.

Его Императорское Величество *силою сизъ постановленій* призналъ Себя не только въ правѣ, но и въ обязанности требовать содѣйствія Швеціи противъ Англіи.

Король Шведскій не отрицалъ обязанностей, выше приведенныхъ, но *отрѣкся* отъ всякаго содѣйствія, доколь арміи французскія не удалятся отъ береговъ Балтійскаго моря и доколь *нѣмецкія* пристани не будутъ отверсты Англинской торговлѣ.

роля, Его Императорское Величество, *вѣрный своему характеру* и воодушевленный постояннымъ рвеніемъ защищать интересы своего государства, *приказалъ объявить (!)* Королю Англіи, что онъ *не намеренъ* быть болѣе равнодушнымъ свидѣтелемъ *безпримѣрнаго позора* и *разбоя (?)*, учиненныхъ противъ Короля, его родственника, друга и стараго союзника Россіи⁴.

Его Императорское Величество сообщилъ Королю свое *рѣшеніе* въ нотѣ, врученной посланнику Швеціи 24-го сентября.

Трактатъ, заключенный въ 1780 году, между Императрицею Екатериною и умершимъ Королемъ Густавомъ III, и *послѣдующій (!)*, заключенный въ 1800 г. между умершимъ Императоромъ Павломъ и нынѣ царствующимъ Королемъ, *содержатъ* взаимное и *форменное* обязательство *поддерживать тотъ принципъ*, что Балтійское море есть закрытое море, *охранять* это море и его берега отъ всякой *враждебности, насилія* и *притѣсненія (!)* и для достиженія этой цели *примѣнять* всѣ *доступныя (!)* средства.

Его Императорское Величество считалъ себя, на основаніи *этихъ двухъ трактатовъ (!)* не только въ правѣ, но и *обязаннымъ* потребовать содѣйствія Швеціи противъ Англіи⁴.

„Король, *правда (!)*, не отрицалъ вышеприведенныхъ *обязательствъ*, но *отказался* отъ всякаго содѣйствія до тѣхъ поръ, пока Французскія арміи *не отойдутъ* отъ береговъ Балтійскаго моря и *Германскіе* порта не будутъ открыты для англійской торговли.

Дѣло настаило въ томъ, чтобъ укротить насилие учиненное Англіею п раздражившее Европу. Императоръ Всероссийскій сплюю трактатовъ требовалъ отъ Короля Шведскаго содѣйствія, въ отвѣтъ на сіе требованіе Монархъ сей предлагаетъ отложить исполненіе трактатовъ до другаго времени, а нынѣ приложить стараніе открыть Англіи торговлю всѣхъ пристаней нѣмецкихъ и словомъ, оказать услугу той самой Державѣ, противъ коей требуютъ защиты. Слѣдовательно нельзя впривычку найти доказательствъ пристрастія Шведскаго Короля къ Великобританіи, какъ тѣ, кои самъ онъ отзывомъ своимъ обнаружилъ.

Его Императорское Величество вторичною нотою отъ 16-го ноября, обративъ вниманіе Короля на разрывъ Россіи съ Англіею, вновь требовалъ его содѣйствія.

Сія нота два мѣсяца оставалась безъ отвѣта; наконецъ, 9-го минувшаго января врученъ министерству Его Императорскаго Величества отзывъ въ томъ же разумѣ составленный, какъ и предъидущій.

Его Императорское Величество не сожалѣетъ о своей умѣренности и напротивъ съ удовольствіемъ видитъ, что въ желаніи склонити Его Величество Короля Шведскаго къ системѣ, которая одна можетъ быть государству его свойственна, истощены были досель все способы убѣжденія; но для блага Своего народа, для безопасности Своей Имперіи, для безопасности, которая есть верховный Его законъ, Императоръ Всероссийскій вменяетъ себя въ долгъ не оставлять далье подъ сомнѣніемъ обязанность Короля шведскаго содѣйствовать Россіи и Даніи противъ Англіи.

Однако, тутъ рѣчь шла объ отмщеніи насилія, учиненнаго Англіею и вызвавшаго негодованіе всей Европы. Когда теперь (!) Императоръ, въ силу трактатовъ, потребовалъ содѣйствія Короля, то получилъ въ отвѣтъ лишь предложеніе отложить до болѣе благоприятнаго (!) времени исполненіе этихъ трактатовъ и предоста-вить (!) Англіи вести торговлю во всѣхъ германскихъ портахъ; словомъ, послужить этимъ самымъ Англіи, противъ которой предполагалось принять оборонительныя мѣры (!). Трудно привести болѣе ясное доказательство преданности къ Англіи, чѣмъ онъ это самъ сдѣлалъ (!).

16-го ноября (ст.ст.) Его Императорское Величество велѣлъ передать Королю Швеціи еще ноту, которой онъ, напоминая о нарушеніи мира съ Англіею, снова потребовалъ содѣйствія Короля.

Однако, на эту ноту въ теченіи двухъ мѣсяцевъ не послѣдовало никакого отвѣта, а отвѣтъ, данный впоследствии и 9 сего мѣсяца (ст.с.) врученный Его Императорскому Величеству (?), имѣютъ одинаковый отпечаток (?).

Далекій отъ мысли упрекнуть себя въ уступчивости (?), Императоръ весьма доволенъ тѣмъ, что онъ по настоящее время испробовалъ все средства, чтобы побудить Его Королевское Величество, Шведскаго Короля, принять единственную систему, благоприятную (?) его владѣніямъ. Но Императоръ, высшей должи(?) коего заключается въ охраненіи безопасности своего народа и государства, не можетъ допустить (?), чтобы вопросъ о содѣйствіи (?) Швеціи въ союзѣ съ Россіей и Даніей противъ Англіи, былъ еще не разрѣшенъ (?).

Узнавъ, что кабинетъ Сентъ-Жемскій, желая страхомъ обратить Данію къ своей системѣ, угрожалъ ей, что Король Шведскій введетъ войска свои въ Зеландію съ тѣмъ, чтобъ въ возмездіе за сей поступокъ присвоить ему обладаніе Норвегіи, узнавъ, что въ то самое время, какъ Король Шведскій оставялъ Императора Всероссийскаго безъ отвѣта, онъ тайно въ Лондонѣ совыщалъ о союзъ съ Англіею, Его Императорское Величество призналъ, что пользы Имперіи Его были бы пренебрежены, если бы при предстоящей между Россіею и Англіею войнѣ, попустило было Королю Шведскому скрывать въ теченіи нѣкотораго времени подъ видомъ наружнаго нейтралитета, истинныя чувства извѣстной его привязанности къ Англіи. Его Императорское Величество не можетъ оставить въ неопредѣлительности расположеній Швеціи къ Россіи и слѣдовательно не долженъ допускать ея нейтралитета.

Расположенія Короля Шведскаго обнаружены, Императору Всероссийскому остается прибѣгнуть безъ отлагательства къ способамъ, кои Провидѣніе Ему ввѣрило именно на тотъ конецъ, чтобъ ими дѣйствовать для сохраненія безопасности Его Имперіи. Его Императорское Величество предваряетъ о семъ Его Величество Короля Шведскаго и всю Европу.

Удовлетворя такимъ образомъ обязанности благосостояніемъ Имперіи на него возложенной, Его Императорское Величество готовъ обратитъ мѣры, нынѣ имъ пріемлемыя, въ простую мѣру предосторожности, если Король Шведскій возжелаетъ, не отлагая времени, соединиться съ Россіею и Даніею.

Императору сообщили (!), что Сентъ-Джемскій кабинетъ въ своихъ попыткахъ побудить угрозою Данію перейти на его сторону, угрожалъ ей тѣмъ, что Шведскій Король пошлетъ свои войска на островъ Зеландъ, и что въ вознагражденіе за это (?) ему будетъ отдана (!) Норвегія. Такъ какъ Императоръ пришелъ теперь къ заключенію (?) что въ то время, когда Король оставялъ его безъ отвѣта и велъ тайные переговоры въ Лондонѣ о трактатъ (?), то Его Величество находитъ, что интересы его государства были бы весьма плохо обезпечены (?), если бы Король Швеціи,—близкій сосѣдь его владѣній (!?!!) — временно, пока разрешится вопросъ о войнѣ между Англіею и Россіею, подъ видомъ фиктивнаго (?) нейтралитета, будетъ скрывать свою преданность (!) Англіи. Его Императорское Величество не можетъ оставить отношеній Швеціи къ Россіи неопредѣленными. Поэтому (?) онъ не можетъ допустить ея нейтралитета.

Такъ какъ образъ мысли Короля вполне опредѣлился (!), то Его Императорскому Величеству предстоитъ (?) безъ замедленія воспользоваться всѣми средствами, ввѣренными ему Провидѣніемъ, для обезпеченія (?) его государства, поэтому онъ извѣщаетъ объ этомъ Короля и всю Европу.

Хотя Императоръ, такимъ образомъ, и выполнилъ то, чего требуетъ отъ него благо его государства, онъ однако готовъ превратить въ мѣру предосторожности шагъ, который онъ намѣренъ сдѣлать, если Король захочетъ безъ замедленія примкнуть къ Россіи и Даніи съ цѣлью закрытія Балтійскаго моря

дабы закрыть Балтійское море Англіи до совершенія морского мира. Его Императорское Величество даже со всемъ участіемъ истиннаго дружества въ послѣдній разъ, приглашаетъ сею Государя, близкимъ союзомъ родства съ нимъ сопряженнымъ, не медлитъ исполненіемъ его обязанностей и приступитъ къ системѣ, которая Державамъ Сѣвернымъ одна можетъ быть свойственна. Въ прочемъ, какую пользу получила Швеція съ того времени, какъ Монархъ ея прильпился къ ползамъ Англіи?

Императоръ Всероссійскій съ чувствительнымъ прискорбіемъ будетъ видѣть разрывъ Швеціи съ Россією, и отъ Его Величества Короля Шведскаго зависить еще рѣшиться, но рѣшиться безъ всякаго промедленія, принять мѣру, которая сохранила бы между обоими государствами тѣсный союзъ и совершенное согласіе⁴.

Не сомнѣваемся, что всякія коментаріи къ изумительному извращенію истиннаго «разума» нашей деклараціи будутъ излишни, такъ какъ параллельное сопоставленіе подлиннаго русскаго текста ея съ текстомъ шведскимъ, нынѣ переданнымъ нашими переводчиками, по ихъ же заявленію (см. предисловіе къ части I «шведской войнѣ 1808—1809 гг.»),—«возможно ближе къ подлиннику»,—слишкомъ убѣдительно и краснорѣчиво говоритъ само за себя. Полагаемъ, что каждый признаетъ, что наши переводчики блестяще справились съ труднѣйшею задачею,—показать какъ слѣдуетъ читать и понимать официальные документы *по-шведски*, а главное—какъ слѣдуетъ ихъ реставрировать, издавая къ 100-лѣтнему юбилею «правдивую», исторію войны, которую, по выраженію покойнаго М. И. Драгомирова, нельзя не сопчислить къ категоріи «подмалеванныхъ».

Не считая нужнымъ входить въ подробный разборъ отмѣченнаго, въ полномъ смыслѣ слова, историческаго недоразумѣнія съ текстомъ нашей деклараціи отъ 10-го февраля 1808 г., мы все

для Англіи до тѣхъ поръ, пока на морѣ миръ не будетъ возстановленъ. Онъ въ послѣдній разъ уговари-ваетъ (?) Короля, своего шурина, съ самою искреннею любовью (?) не колеблясь (?) болѣе въ исполненіи своихъ обязательствъ и принять (?) едпнственную систему, соответ-ственную выгодамъ (!) сѣверныхъ державъ. Кроме того, что же Швеція вымриваетъ (?) отъ того, что ея монархъ сдѣлается (?) преданнымъ (!) англійскимъ интересамъ?

Ничто болѣе не удручило бы Императора, чѣмъ видѣть Швецію и Россію въ разладѣ (?). Отъ Короля Швеціи зависить принять безъ замедленія (!) рѣшеніе (?), которое можетъ сохранить обоимъ государствамъ тѣсный (!) союзъ и полное (!) согласіе

такъ попытаемся указать вѣроятныя причины этого недоразумѣнія, которыя сводятся, главнымъ образомъ, къ слѣдующему:

1) декларация, составленная первоначально, вѣроятно, лишь на русскомъ языкѣ, при переводѣ ея, «для предваренія всей Европы», на французскій языкъ, — конечно, могла утратить *силу истинно - русскихъ выраженій*, но врядь ли была искажена;

2) французскій текстъ декларации, представлявшій видоизмѣненный русскій текстъ ея, при переводѣ на шведскій языкъ подвергся цѣлому ряду редакціонныхъ поправокъ, которыя, вѣроятно, въ достаточной степени уже исказили настоящій русскій текстъ декларации;

3) наши переводчики, задаваясь цѣлью держаться «возможно ближе къ подлиннику», т. е. въ данномъ случаѣ текста декларации *шведскаго* изданія, выпустили послѣднюю, считаясь «съ трудностію шведскаго языка» (см. въ томъ же предисловіи), въ новомъ... *четвертомъ* изданіи.

Конечно, отъ подобныхъ переводовъ текстъ декларации, какъ показываетъ наше параллельное сопоставленіе 1-го и 4-го изданія, не только сильно пострадалъ, но даже оказался «подмалеваннымъ» и мѣстами совершенно искаженнымъ. Однако, нельзя не признать, что роковую въ этомъ отношеніи роль сыграли не наши переводчики, а *шведскіе*, которые заблагоразсудили, судя по тексту декларации въ «шведской войнѣ 1808 — 1809 гг.» (см. ч. I стр. 56 — 58), внести сразу же бросающіяся въ глаза измѣненія.

И дѣйствительно, стоитъ даже поверхностно просмотрѣть только нашъ французскій текстъ (1808 г.) декларации, то мы убѣдимся, что послѣдній сохранилъ русскій смыслъ выраженій, которыя совершенно не носятъ той тенденціозности, какая замѣчается въ приведенной выше переведенной въ 1906 г. декларации. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) Выраженіе «*безпримѣрное оскорбленіе*» было переведено «*spoliation sans exemple*», что далеко не поддается превращенію въ «*безпримѣрный разбой и грабежъ*».

2) Выраженіе «*дѣло настояло въ томъ, чтобъ укрѣпить насиліе*» было переведено «*il était question de réprimer la violence*», что опять таки не даетъ основанія изображать, что «*однако, тутъ рѣчь шла объ отмщеніи (!) насилія*».

3) Выраженіе «предварилъ короля Великобританскаго» было переведено, «*préviint le roi de Grande-Bretagne*», что совершенно не походить на шведское—*«приказалъ объявить королю Англїи»*.

4) Выраженіе трактатами—*«постановлено было взаимное и точное обязательство»* было переведено «*portaient cet engagement réciproque et ferme*», что врядъ ли слѣдуетъ читать такъ: *«содержать взаимное и форменное обязательство»*, потому что между понятїями «точное» и «форменное» дистанція огромнаго размѣра.

5) Выраженіе—отвѣтъ былъ *«врученъ министерству Ею Императорскаго Величества»* было переведено «*a été remise au ministère de la Majesté Impériale*», что никоимъ образомъ не даетъ права извращать фактъ, утверждая, что отвѣтъ *«врученъ Ею Императорскому Величеству»*...

При такихъ условїяхъ не приходится и удивляться, что наша декларация, благодаря шведской редакціонной работѣ, какъ убѣдительно свидѣтельствуютъ курсивы въ приведенномъ выше параллельномъ сопоставленїи, для Швеціи была отчеканена въ желательномъ видѣ, удобномъ для различныхъ толкованїй, *до ультиматума включительно*. Сильно сомнѣваемся въ томъ, что подобное «безконфузное» обращеніе съ документами служило бы на пользу исторїи, правдивости которой все таки слѣдовало бы придерживаться, хотя бы во уваженіе къ 100-лѣтнему юбилею...

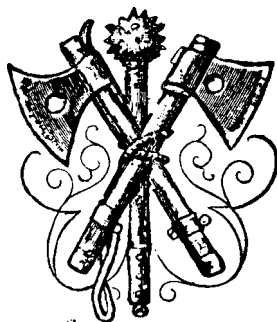
По нашему мнѣнію, подлинный текстъ декларации далеко не походить на ультиматумъ, а представляетъ, выражаясь по современному, лишь *правительственное сообщеніе*, которое самъ графъ Румянцевъ назвалъ состоявшимся *«касательно настоящаго положенїя сношенїй нашихъ съ Стокгольмскимъ дворомъ»*. Если же въ Швеціи между строкъ продолжаютъ читать иное, то нѣкогда на это были свои домашнія причины, которыя, видимо, не желаютъ объяснить и теперь, словно забывая, что именно *истина и не боится свѣта*.

Сомнѣваться же въ томъ, что декларация—лишь правительственное сообщеніе, не приходится не только по духу «разума» ея, но еще и по слѣдующимъ причинамъ: во 1) Высочайшей апробаціи на декларацию нѣтъ; во 2) декларация никѣмъ не подписана и въ 3) заключительныя отмѣтки: «Санктпетербургъ 10-го февраля 1808 г.» и «*Faite à St. Pétersbourg, le 10 Février 1808*».—указываютъ только дату времени.

Но можетъ быть наша декларація лишь маскировала тотъ «отпечатокъ вѣроломства», о которомъ повѣствуютъ шведскіе историки? Опреѣленный и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать только обстоятельства нашего приготовленія къ «нѣкоторому предпріятію къ движенію», къ хронологическому перечню которыхъ и перейдемъ.

А. М. Борисевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О МАНЕВРЕННЫХЪ КРѢПОСТЯХЪ.

Вазь въ Русскомъ Инвалидѣ (см. № 4) стали говорить о «маневренныхъ крѣпостяхъ», то полезно вспомнить слова такого великаго практика въ нашемъ дѣлѣ, какъ Наполеонъ. Думаемъ, что въ крѣпостномъ дѣлѣ мы уклонились отъ требованій стратегіи. Строимъ, усиливаемъ и разрушаемъ крѣпости, не опредѣливъ тѣхъ требованій, какія предъявить къ нимъ извѣстный полководецъ, на извѣстномъ театрѣ, при извѣстной обстановкѣ. Выслушаемъ Наполеона.

Значеніе крѣпостей. (Написано генералу Дежану 27-го іюня 1806 г. С. Клу.). «Необходимо установить понятіе о пользѣ крѣпостей. Существуютъ крѣпости, закрывающія тѣснину, и уже поэтому ихъ характеръ опредѣленъ; есть и складочныя крѣпости (*des places fortes de dépôt*), которыя, будучи въ состояніи заключать въ себѣ большой гарнизонъ и долго сопротивляться, даютъ возможность малочисленной арміи быть усиленной, переформироваться и снова попытать счастья. Въ первомъ случаѣ, для заперанія тѣсины, фортъ или небольшая крѣпость достаточны; во второмъ же случаѣ, складочной крѣпости, требуется большая крѣпость, на которую не надо щадить ни денегъ, ни труда.

Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, есть еще третій, это укрѣпленіе цѣлой границы. Такъ граница отъ Дюнкирхена до Мобежа представляетъ множество крѣпостей различной величины и различнаго качества, расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ, въ трехъ линіяхъ, такъ что физически невозможно пройти, не взявъ нѣсколькихъ. Въ этомъ случаѣ, небольшая крѣпость имѣетъ цѣлью под-

держаніе наводненія, простирающагося отъ одной крѣпости до другой, или запереть проходъ. Тогда, среди этихъ крѣпостей, начинается иной родъ войны. Захватъ обоза, магазина, даютъ очень слабой арміи выгоды и возможность, не состязаясь съ противникомъ и не подвергаясь риску, заставить снять осаду, свести къ неудачѣ дѣйствія противника. Это въ немногихъ словахъ Дененское дѣло, само по себѣ ничтожное, но однако слишкомъ очевидно спасшее Францію отъ большихъ катастрофъ.

Посмотримъ, къ какой изъ этихъ рубрикъ относится Пескъера. Она не есть и не можетъ быть складочною крѣпостью, командуемая со всѣхъ сторонъ, имѣя только силу четырехъ или пяти-бастіонной крѣпости, наконецъ, будучи сосѣдкою Мантуи, которая очевидно имѣетъ значеніе складочной крѣпости. Съ этой точки зрѣнія гораздо лучше сосредоточить въ Мантуѣ артилерію, продовольствіе, гарнизонъ и тратить на нее все, что тратится на Пескъеру, или сдѣлавъ фортъ въ Сень-Жорсѣ, или усиливъ различные пункты вѣроятной атаки. По своей силѣ, Пескъера можетъ быть разсматриваема, какъ имѣющая специальное назначеніе, а именно представляетъ мостъ на Минчіо, но Минчіо настолько малая рѣка, что это не стоитъ и разсматривать.

Какъ граница, линія Эча совершенно не укрѣплена. Если бы предположено было построить крѣпости въ Пескъерѣ, въ Валеджіо, въ Гойто, въ Говерноло и столько же на Эчѣ и въ третьей линіи, въ Лонато, Монтекіаро, Кастильонѣ, Сольферино, то тогда въ Италіи получалась бы граница подобная фландрской; непріятель, хотя бы онъ имѣлъ въ четверо болѣе силъ, не могъ бы пройти, не взявъ двухъ или трехъ крѣпостей.

Но здѣсь, наоборотъ, непріятель оставивъ передъ Пескъерой корпусъ, оставивъ другой передъ Мантуей, перейдетъ рѣку въ Валеджіо и Гойто, или въ другомъ пунктѣ, и продолжитъ свои операціи на Минчіо и на Аддѣ, если у него будетъ превосходство силъ. Заслоняясь отъ этихъ обѣихъ крѣпостей, онъ немного себя ослабитъ, можетъ быть на 14.000 человекъ, что, при предположенномъ нами превосходствѣ его силъ, для него будетъ менѣе чувствительно, чѣмъ для французской арміи выдѣленіе гарнизоновъ Мантуи, и Пескъеры; 3,000 въ Пескъеру и 7,000 въ Мантую, всего 10,000 человекъ. Можно утверждать, что непріятелю нѣтъ надобности оставлять болѣе 14,000, и даже, если сраженіе произойдетъ въ окрестностяхъ Кастильоне или въ равнинахъ Монтекіаро, непріятель, если онъ искусенъ, въ рѣши-

тельную минуту, притянетъ 8,000 человекъ изъ своего наблюдательнаго корпуса, тогда какъ гарнизоны ничего не будутъ въ состояніи сдѣлать, кромѣ вылазокъ противъ легкихъ войскъ, которыя отбѣгутъ передъ ними. Все это мы видѣли въ послѣднія германскія войны, когда большіе гарнизоны, оставленные Австріею въ Филиппсбургѣ, Майнцѣ, Маннгеймѣ, никогда не требовали для наблюденія за собою равнаго числа войскъ.

Однако, если непріятель осадитъ Пескьеру, онъ ее возьметъ въ двѣнадцать дней по открытіи траншей,—что повлечетъ потерю артилеріи, 3,000 человекъ и денегъ, затраченныхъ на оборону этой крѣпости.

Есть ли польза отъ Пескьеры? Нужно ли имѣть въ Пескьерѣ крѣпость? Въ этомъ случаѣ всѣ усиленія лишни. Это другой вопросъ, который мы сейчасъ рассмотримъ.

Если бы мнѣ предложили расположить Пескьеру въ С. Жорсѣ, или въ какомъ другомъ пунктѣ сферы Мантуи, т. е. въ другой такой позиціи, которая не могла бы быть отрѣзана отъ Мантуи, можно было бы имѣть крѣпость равную Пескьерѣ, то нельзя было бы ни минуты колебаться. Пришлось бы придать новую степень силы артилеріи, гарнизонъ большой складочной крѣпости, которая должна дать время арміи отойти, переформироваться и овладѣть превосходствомъ.

Но Пескьера уже существуетъ; она принесетъ большую пользу съ точки зрѣнія наступательной. Ея ограда ставитъ внѣ опасности склады, госпитали, военные запасы; флотилію, которая перевозитъ въ Торболе, и во всѣ пункты озера, войска и боевые припасы; которая особенно благопріятствуетъ арміи, находящейся въ Триентѣ. Пескьера преграждаетъ прямую дорогу изъ Вероны въ Бресцію, служитъ опорнымъ пунктомъ арміи, обороняющей Монте-Бальдо и верхній Эчъ; она поддерживаетъ лѣвый флангъ арміи, дѣйствующей на Минчіо, облегчаетъ возможность двинуть всѣ свои силы на Мантую или произвести другую операцію, представляя обезпеченное убѣжище для войскъ, оставленныхъ въ Манчіо на двое или трое сутокъ, для обмана непріятеля. Хотя Пескьера временной профили, но я называю Пескьеру полевою крѣпостью (*une place de campagne*), которую свѣдущій генераль будетъ очень цѣнить, а генераль — невѣжда не извлечетъ никакой пользы.

Во время дѣлъ при Кастильоне, Пескьера была оставлена съ 500 человекъ, большею частью слабосильныхъ, и предоставлена

своимъ собственнымъ силамъ на 7—8 дней; она дала большую выгоду французской арміи, ибо вмѣсто 500 человѣкъ непріятель предположилъ въ ней 1,500 человѣкъ, и оставилъ передъ нею 4,000 чел. для заслона дѣйствій арміи. И когда, наконецъ, послѣ Кастильоне, одна французская дивизія возвратилась въ Пескьеру, непріятель не могъ ни на минуту замедлить ей переходъ Минчіо, боясь за свой путь отступленія. — Французскій генералъ оставилъ въ ней 500 человѣкъ; генералъ-невѣжда оставилъ бы въ ней 1,000 человѣкъ; но свѣдущій генералъ оставилъ бы только столько, сколько нужно, чтобы не доставить противнику рѣшительнаго превосходства, рассчитывая, что послѣдуетъ еще сраженіе, и что для арміи есть шансы снова сблизиться съ крѣпостью.

Но во всѣхъ этихъ событіяхъ, гдѣ Пескьера играла такую важную роль, предположимъ, что французскій генералъ рѣшился сосредоточить всѣ свои силы въ Риволи, дать тамъ рѣшительное сраженіе; что онъ въ немъ потерялъ убитыми и плѣнными часть своей арміи, что у него нѣтъ надежды получить изъ за Альпъ подкрѣпленій и снова перейти Минчіо, то отдастъ ли онъ гарнизонъ Пескьеры въ плѣнъ? Онъ скорѣе взорвалъ бы два или три бастіона Пескьеры, или по меньшей степени очистилъ бы ее, но не ослабилъ бы ни однимъ человѣкомъ своей арміи.

Если желаютъ знать, что можно ожидать отъ крѣпости полевой (*une place de campagne*) съ временною профилію, пусть взглянуть на событія прошлаго вандемьера; пусть увидятъ, какую пользу принесетъ плохой Веронскій замокъ, давшій владѣніе Эчемъ, а это тотчасъ же дало другой видъ всѣмъ дѣламъ. Леньяно то такая же полевая крѣпость. Если бы, вмѣсто этого, принцъ Карлъ перешелъ Эчъ у Ронко или на иномъ пунктѣ, и разбилъ бы французскую армію, то Веронскій замокъ и Леньяно тотчасъ же пали бы.

Во все это время, пока армія маневрируетъ, стягивая одно крыло, чтобы двинуться на другое, отходить на нѣсколько переходовъ назадъ, чтобы соединиться съ подкрѣпленіями съ Тичино или Адды, или изъ Александріи, или даже Болоньи, во время всѣхъ этихъ маневровъ, у непріятеля нѣтъ ни времени, ни средствъ начать осаду; онъ будетъ блокировать всѣ крѣпости, бросить нѣсколько бомбъ, сдѣлаетъ нѣсколько залповъ полевой артилеріи; этимъ опредѣляется истинная степень силы, которую должна имѣть полевая крѣпость. «Гарнизоны крѣпостей должны быть взяты изъ населенія (изъ національной гвардіи), а не изъ дѣйствующихъ войскъ (К. XXXI, 420).

О заложении крепостей. Въ кампаніи 1644 года, Тюренъ принужденъ былъ отступить къ Филиппсбургу. Онъ не нашель мѣста на Рейнѣ, но воспользовался промежуткомъ между крѣпостью и рѣкою и тутъ расположился.

Вотъ урокъ инженерамъ, не только при заложении крѣпостей, но и при построении мостовыхъ укрѣпленій. Между крѣпостью и рѣкою должно всегда оставлять свободное пространство, чтобы войско, не заключаясь въ крѣпости, и не подвергая ее опасности, могло сосредоточиться и расположиться между нею и мостомъ.

На систему расположенія крѣпостей, предложенную генераломъ Ронья, можно поставить слѣдующіе три вопроса:

1) Какую пользу приносили крѣпости, расположенныя на границѣ Фландріи?

2) Не требуетъ ли предложенная генераломъ Ронья система большихъ издержекъ, большого числа войскъ для гарнизоновъ, и можно ли ее вообще предпочесть системамъ Вобана и Кармонтана?

3) Какимъ способомъ армія должна прикрывать столицу, отступить ли къ столицѣ, непосредственно преграждая непріятелю доступъ къ ней, занять ли въ сторонѣ укрѣпленный лагерь, при одной изъ крѣпостей, или такъ маневрировать, чтобы непріятель не могъ отгѣснить ее ни къ столицѣ, ни къ крѣпости.

Система, принятая для обороны границъ Фландріи, принадлежитъ Вобану, но онъ принужденъ былъ при расположеніи своихъ крѣпостей, сообразоваться съ сооруженными до него на этой границѣ крѣпостями. Онъ возводилъ новыя крѣпости для прикрытія шлязовъ, для распространенія наводненій, для охраненія важнѣйшихъ тѣснинъ, образуемыхъ большими лѣсами и горами.

Въ эпоху неудачъ Людовика XIV, эта система крѣпостей спасла столицу.

Принцъ Евгений Савойскій провелъ цѣлую кампанію въ осадѣ Лилля; осада Ландреси позволила маршалу Виллару дать дѣйствіямъ благопріятный оборотъ. Сто лѣтъ спустя, въ 1793 г. при измѣнѣ Дюмурье, Фландрскія крѣпости вторично спасли Парижъ. Союзники потеряли цѣлое лѣто на осаду крѣпостей: Конде, Валансиенъ, Лекенуа и Ландреси. Въ 1814 году эта же система и линія крѣпостей принесли много пользы. Чтобы миновать ихъ, союзники принуждены, были, съ нарушеніемъ нейтралитета Швейцаріи, идти черезъ тѣсины Юры, и даже при такомъ направленіи должны были отрядить значительную часть арміи (числомъ болѣе всѣхъ гар-

низоновъ) на обложеніе ихъ. II въ кампанію 1815 года крѣпости имѣли большое значеніе. Безъ политическихъ событій въ столицѣ, англо-прусская армія не отважилась бы перейти Сомму до прибытія на Марну русскихъ и австрійскихъ войскъ, и можно утвердительно сказать, что тѣ крѣпости, которыя оставались вѣрными, имѣли много вліянія на ходъ переговоровъ и на дѣйствія союзныхъ монарховъ въ 1814 и 1815 годахъ.

Какъ прикрывать столицу: непосредственно ли, или завятіемъ укрѣпленнаго лагеря въ сторонѣ. Первый способъ надежнѣе; онъ позволяетъ обороняться за рѣками, тѣсинами и пр.; выбирать удобныя позиціи и усиливать себя подкрѣпленіями, между тѣмъ какъ непріятель на каждомъ шагѣ ослабѣваетъ.

Второй способъ—самый невыгодный: армія, занявшая укрѣпленный лагерь, подвергается опасности быть разбитою въ немъ, или по крайней мѣрѣ обложеною непріателемъ, и тогда придется ей пробиваться съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы добыть необходимое довольствіе. Если у непріятеля одною третью больше пѣхоты, артилеріи и кавалеріи, то онъ захватитъ подвозы и, не заключая лагерь герметически, какъ при осадѣ крѣпостей,—до того затруднитъ продовольствіе, что въ лагерѣ распространится голодь.

Остается третій способъ: маневрировать въ открытомъ полѣ, не допуская противнику оттѣснить насъ къ столицѣ и не заключить себя въ укрѣпленномъ лагерѣ. Этотъ способъ требуетъ хорошаго войска, хорошихъ частныхъ начальниковъ и искуснаго главнокомандующаго. Вообще дѣйствія, имѣющія цѣлью прикрыть столицу, или другой пунктъ фланговыми движеніями, предполагаютъ отдѣленіе особаго корпуса для непосредственнаго прикрытія столицы, и влекутъ за собою всѣ невыгоды, сопряженныя съ раздробленіемъ силъ, при дѣйствіяхъ противъ сильнѣйшаго непріятеля.

Можетъ ли система крѣпостей дать неблагоприятному окончанію кампаніи другой оборотъ?

Послѣ сраженія при Тразименѣ и при Каннахъ, римляне лишили своихъ армій и не могли собраться, только нѣсколько человекъ съ трудомъ достигли Рима. А эти сраженія происходили, между тѣмъ, подъ стѣнами римскихъ укрѣпленныхъ городовъ въ немногихъ переходахъ отъ столицы.

Еслибы Аннибалъ со своею арміею имѣлъ въ Италіи ту же участь, то приписали бы ее чрезмѣрному удаленію его отъ столицы и укрѣпленныхъ пунктовъ; однако же послѣ сраженія при

Замѣ, происшедшаго подъ стѣнами Каррагена, онъ лишился арміи подобно, какъ римляне при Каннахъ и при Тразименскомъ озерѣ. Послѣ сраженія при Маренго, генералъ Меласъ потерялъ армію, несмотря на то, что въ его рукахъ было довольно крѣпостей, и по всѣмъ направленіямъ, какъ на примѣръ Александрія, Генуя, Тортона, Фенестрелла, Кони.

Армія Макка стояла на Иллерѣ, въ срединѣ государства, и принуждена была положить оружіе.

А прусская армія, это старое, опытное войско Фридриха, войско, надъ которымъ начальствовали столь опытные генералы, какъ то: герцогъ Брауншвейгскій, Меллендорфъ, Рюхель. Блюхеръ, послѣ пораженія подъ Геною не была въ состояніи совершить отступленіе; въ нѣсколько дней 250,000 чел. сдались, хотя еще существовали резервы: одинъ, стоявшій въ Галлѣ, другой на Эльбѣ, вблизи крѣпостей. И все это случилось въ самой Пруссіи, вблизи столицы.

Если мы намѣрены вступить въ рѣшительное сраженіе, то необходимо имѣть возможно болѣе ручательства за успѣхъ, особенно, когда противъ насъ дѣйствуетъ искусный, великій полководецъ. Горе побѣжденному, потерпѣвшему рѣшительное пораженіе; будь онъ подъ стѣнами крѣпостей, посреди складовъ и запасовъ—горе ему.

Крѣпости полезны, какъ въ оборонительной, такъ и въ наступательной войнѣ. И хотя не могутъ онѣ замѣнить арміи, но все же служатъ единственнымъ средствомъ къ задержанію, замедленію, ослабленію и стѣсненію побѣдоноснаго непріятели.

Подобные вопросы весьма затруднили бы Тюрена, Виллара, Евгения Савойскаго. Давать наставленія о предметахъ, не повѣривъ ихъ на опытѣ,—обыкновенно удѣлъ невѣжества. Какъ будто можно рѣшить уравненіемъ второй степени проблему трансцендентальной геометріи, надъ которою призадумались бы Лагранжъ и Лапласъ.

Всѣ такіе вопросы изъ высшей тактики суть неопредѣленные физико-математическія задачи, которыя допускаютъ нѣсколько рѣшеній, но только не посредствомъ формулъ начальной геометріи».

Этимъ мы могли бы и закончить выписки изъ Наполеоновскихъ соображеній. Но признавая, что крѣпость безъ мужественнаго коменданта ничто, полезно вспомнить и о Наполеоновской инструкціи для крѣпостного коменданта. Приводимъ изъ нея выборки.

«Каждый комендантъ, которому мы ввѣрили одну изъ нашихъ крѣпостей, долженъ помнить, что ему порученъ оплотъ государства или опорный пунктъ арміи, и что одними сутками преждевременная или замедленная сдача крѣпости, можетъ сильно дѣйствовать на защиту государства и на выгоды войска.

И потому онъ не долженъ внимать слухамъ, распускаемымъ непріателемъ, ни извѣстіямъ, сообщеннымъ противникомъ посредственно или непосредственно, ни даже убѣжденіямъ, что армія разбита, что вся Франція покорена. Онъ долженъ столь же упорно противиться такимъ внушеніямъ, какъ и самимъ атакамъ, сохраняя собственное и своего гарнизона мужество.

Онъ долженъ помнить, что военныя узаконенія осуждаютъ на смертную казнь каждаго коменданта, который сдаетъ крѣпость, не принудивъ непріателя употребить всѣ постепенныя осадныя работы, и не отразивъ хоть одинъ штурмъ на главный валъ.

Когда комендантъ полагаетъ, что онъ достигъ крайняго предѣла обороны, то соберетъ совѣтъ и съ нимъ разсмотритъ средства, остающіяся къ оборонѣ.

На совѣщаніи, сначала прочитатъ этотъ параграфъ. Мнѣнія совѣта, или каждаго присутствующаго члена, внести въ журналъ совѣта. Комендантъ приметъ и приведетъ въ исполненіе только самое рѣшительное и мужественное мнѣніе.

Въ капитуляціи онъ не долженъ отдѣлять себя отъ офицеровъ, ни отъ нижнихъ чиновъ; онъ долженъ раздѣлять участь своего гарнизона во время осады и послѣ нея, особливо заботиться объ облегченіи солдатъ, больныхъ и раненыхъ, послѣднихъ преимущественно.

Если по докладу слѣдственной комиссіи, или по особымъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, обнаружится, что комендантъ оборонялъ свою крѣпость, какъ человекъ съ честію, какъ добрый французъ, и какъ вѣрноподданный,—то военный министръ представитъ намъ его при большомъ парадѣ, и вмѣстѣ съ нимъ начальниковъ и тѣхъ изъ подчиненныхъ его, которые наиболѣе отличились при оборонѣ; причемъ мы предоставляемъ себѣ объявить и доказать ему, въ присутствіи войскъ и публики, наше благоволеніе.

Каждый комендантъ, лишившійся жизни при оборонѣ бреши или вала, или умершій отъ ранъ послѣ мужественной обороны, предается землѣ съ почестями командоровъ Почетнаго Легіона. Заслуженная имъ пенсія переходитъ на его жену, а дѣти его по-

мѣщаются на первыя вакансіи въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Мы предоставляемъ себѣ пожаловать дѣтямъ лицъ, убитыхъ, или умершихъ отъ ранъ при оборонѣ крѣпостей,—особую пенсію, и помѣщать ихъ въ казенныя заведенія.

Батарей и наружныя постройки нашихъ сухопутныхъ крѣпостей будутъ впредь называться по именамъ генераловъ, комендантовъ и другихъ военныхъ чиновъ, отличившихся при оборонѣ крѣпостей.

Наконецъ, мы ожидаемъ и желаемъ, чтобы комендантъ подвергся опасностямъ штурма, для продленія обороны и увеличенія потери непріятели. Онъ вспомнить, что французъ не дорожитъ жизнію, когда дѣло идетъ о чести, и эта мысль будетъ руководствовать его и подчиненныхъ при всѣхъ дѣйствіяхъ. И какъ сдача крѣпости будетъ уже крайній предѣлъ всѣхъ усилій и результатъ совершенной невозможности долѣе защищаться, *то мы запрещаемъ ему согласіемъ своимъ ускорить, хоть однимъ часомъ, такое несчастное событіе, или рѣшиться на то подъ предлогомъ честной капитуляціи.*

Мы приказываемъ, чтобы при каждомъ совѣщаніи военнаго совѣта, этотъ рескриптъ былъ громко и внятно прочитанъ».

Можно представить себѣ, какое громадное впечатленіе производило чтеніе такого, въ полномъ смыслѣ, воинскаго творчества на истомленный гарнизонъ. Конечно, такой инструкціи не создаетъ ни одна комиссія. Ее можетъ написать только одинъ человекъ—это полководецъ.

В. Торисовъ.

КАЗАЧЬЯ ЛАВА.

(По поводу „Наставленія для дѣйствій казачьихъ частей лавою“).

Въ рядѣ статей въ «Военномъ Сборникѣ» въ 1893 году и въ изданной мною вслѣдъ за симъ брошюрѣ я старался, на основаніи историческихъ данныхъ, доказать, что казачья лавя представляетъ изъ себя тактику естественной конницы и является драгоцѣннымъ средствомъ для борьбы съ регулярной западно-европейской кавалеріей. Высказанныя въ упомянутыхъ статьяхъ и въ брошюрѣ мысли нашли большое сочувствіе въ казачьей средѣ и послужили поводомъ къ цѣлому ряду отзывовъ не только въ нашей, но и въ иностранной военной литературѣ. Всѣ, безъ исключенія, высказанныя тогда мнѣнія, различаясь въ частности, сходились въ томъ отношеніи, что казачья лавя, примѣненная во всей ея полнотѣ, можетъ не только значительно поднять боевую роль казаковъ, но и стать грознымъ оружіемъ въ борьбѣ ихъ противъ регулярной кавалеріи. Одновременно съ этимъ, по инициативѣ нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ, началось примѣненіе высказанныхъ общихъ принциповъ на практикѣ и выработка построеній и маневренныхъ дѣйствій казачьей лавы въ разныхъ случаяхъ современнаго боя. Вскорѣ, по Высочайшему повелѣнію, была образована комисія для разсмотрѣнія вопроса о казачьей лавѣ въ новой ея постановкѣ и для изданія по этому предмету особаго officialнаго руководства. Результатомъ работъ этой комисіи было изданіе въ 1894 году проекта

«Наставленія и Устава для дѣйствій казачьихъ частей лавами», въ которомъ во всей полнотѣ былъ проведенъ взглядъ на казачью лаву, какъ на особаго рода тактику казаковъ для борьбы съ регулярной кавалеріей. Затѣмъ только въ 1899 году было издано нынѣ дѣйствующее «Наставленіе», которое, какъ то будетъ выяснено ниже, значительно отошло отъ принциповъ, положенныхъ въ основаніе проекта 1894 года.

Практика примѣненія «Наставленія» указываетъ, что было бы полезно вновь пересмотрѣть какъ вопросъ о казачьей лавѣ, такъ и вопросъ о соотвѣтствіи нынѣ дѣйствующаго «Наставленія» съ основной идеей лавы и съ тѣми боевыми задачами, которыя будутъ возлагаться на наши многочисленныя казачьи части. Такой пересмотръ существующаго «Наставленія» для дѣйствій казачьихъ частей лавами въ настоящее время тѣмъ болѣе умѣстенъ, что мы недавно окончили большую войну, изъ опыта которой, вѣроятно, будетъ возможно извлечь нѣкоторыя полезныя указанія.

Пока, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности и выяснить главнѣйшія основанія казачьей лавы, какъ особаго рода тактики естественныхъ конницъ.

На основаніи неопровержимыхъ историческихъ данныхъ можно считать доказаннымъ, что казаки переняли способъ дѣйствій лавою отъ монголо-татаръ, сумѣвшихъ выработать и привести въ строгую систему особую тактику, которую они пускали въ ходъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ противъ всѣхъ своихъ непріятелей, не исключая и рыцарской западно-европейской конницы. Вглядываясь ближе въ причины необычайныхъ погромовъ и завоеваній монголовъ, легко видѣть, что значительная часть ихъ военныхъ успѣховъ должна быть отнесена на долю ихъ тактики, превосходно соображенной какъ съ моральнымъ складомъ характера этой естественной конницы, такъ и съ ея матеріальными данными.

Полный разгромъ и уничтоженіе нашихъ княжескихъ дружинъ на рѣкѣ Калкѣ и рыцарскаго ополченія близъ гор. Лигница, несмотря на отчаянную храбрость побѣжденныхъ, лучше всего показываетъ, какимъ страшнымъ оружіемъ въ рукахъ монголо-татаръ была ихъ тактика. Создателемъ этой тактики былъ геніальный варваръ Чингисъ-Ханъ, сдѣлавшійся изъ ничтожнаго монгольскаго князька обладателемъ половины извѣстнаго тогда міра. Чингисъ-Ханъ называлъ охоту *школою войны* и проводилъ эту идею въ жизнь съ неуклонною послѣдовательностью. На охотахъ, которыя

въ его арміи имѣли значеніе нашихъ маневровъ, монголы дѣлали облаву на какого-нибудь крупнаго звѣря, напримѣръ на медвѣдя, окружая его цѣпью всадниковъ и пуская въ него массу стрѣлъ. Когда звѣрь бросался на одну часть всадниковъ, они скакали отъ него прочь, а другіе напротивъ того насѣдали, осыпая его тучею стрѣлъ. При этомъ всѣ участники этой охоты-маневра кричали: «Лау! Лау!», что на древне-монгольскомъ нарѣчій выражало понятіе стремленія отъ окружности къ центру. При достаточномъ утомленіи звѣря и потерѣ имъ силъ, монголы по сигналу или командѣ бросались на него съ копьями въ рукахъ, причемъ честь перваго удара предоставлялась начальнику. Вотъ, повидимому, зародыши той тактики, которая, доставивъ Чингисъ-Хану и его преемникамъ столько военныхъ успѣховъ, распространилась по всему востоку и въ послѣдующее время была усвоена казаками подъ именемъ Лавы ¹⁾.

Имѣя небольшихъ, хотя сильныхъ и легкихъ лошадей, и не будучи въ состояніи противостоятъ плотному фронту своихъ непріятелей, особенно тяжелой рыцарской кавалеріи, восточная конница еще до столкновенія разсѣивалась и осыпала изъ разсыпного строя атакующихъ рыцарей массою стрѣлъ. Пользуясь быстротой и легкостью своихъ коней, монголы легко уклонялись отъ сомкнутыхъ атакъ рыцарской кавалеріи, которая между тѣмъ сильно терпѣла отъ стрѣлъ и только напрасно утомляла своихъ громадныхъ лошадей. Когда рыцари были достаточно измучены и многія лошади выведены изъ строя, вслѣдствіе полученныхъ ранъ, монголы вдругъ устремлялись на врага и кончали съ нимъ рукопашной схваткой. Въ дополненіе къ описанному боевому приему монгольская конница постоянно прибѣгала на войнѣ къ притворному бѣгству и устройству засадъ.

Венеціанецъ Марко-Поло, путешествовавшій по Монголіи въ XIII столѣтіи, говоритъ о тактикѣ монголовъ слѣдующее: «Когда татары начинаютъ сраженіе, они никогда не вступаютъ съ непріателемъ въ рукопашный бой, а рыцуютъ кругомъ его и пускаютъ стрѣлы сначала съ одной, потомъ съ другой стороны; по временамъ притворяются, будто бѣгутъ, и на бѣгу стрѣляютъ въ преслѣдующихъ и убиваютъ коней и всадниковъ, словно въ битвѣ челомъ къ челу. При такомъ военномъ способѣ непріатель ду-

¹⁾ Тутъ само собой напрашивается заключеніе, что слово «лава» и. пожалуй, «облава» происходятъ отъ древне-монгольскаго «Лау».

маеть часто, что одержалъ побѣду, а на самомъ дѣлѣ проигралъ ее, потому что лишь татары увидятъ, что нанесли ему много вреда, они разомъ обращаются на него, возобновляютъ бой, одолеваятъ прочіе отряды, берутъ ихъ въ плѣнъ, несмотря ни на какія усилія непріятеля».

Изъ разсказа этого очевидца видно, что монголо-татары передъ атакой тщательно *подготавливали* свой ударъ, бросаясь смѣло на непріятеля только тогда, когда по своей многочисленности или другимъ обстоятельствамъ могли рассчитывать на вѣрный успѣхъ.

Другой очевидецъ боевыхъ дѣйствій монголо-татаръ, монахъ Плато-Карпини, такъ описываетъ веденіе боя монголами: «Надлежитъ знать, что, завидя непріятеля, они тотчасъ идутъ на него, и каждый пускаетъ стрѣлы три или четыре. Увидя же, что сломить его трудно, отступаютъ къ своимъ и дѣлаютъ это для обмана, дабы непріятель, погнавшись за ними, попался въ засаду, гдѣ, окружа его, язвятъ и убиваютъ».

Обращаясь къ боевымъ строямъ монголо-татаръ, мы видимъ, что при построеніи значительныхъ силъ наблюдался извѣстный порядокъ, хорошо приспособленный къ тщательной подготовкѣ удара, къ охвату непріятельскихъ фланговъ и къ повторенію ударовъ нѣсколько разъ.

Построеніе коннаго кордуса изъ 40—50 тысячъ всадниковъ въ арміи Тамерлана производилось въ три линіи:

1-я линія—утро псоваго лая—представляла изъ себя цѣпи отдѣльныхъ воиновъ съ небольшими поддержками.

2-я линія, — день помощи, — располагалась въ сомкнутомъ строю на очень большой дистанціи отъ 1-й линіи; частные резервы 2-й линіи располагались *уступами* за правымъ и лѣвымъ флангами ея.

3-я линія, — вечеръ потрясенія, — являлась общимъ резервомъ, состояла изъ тяжело-вооруженныхъ воиновъ и располагалась тоже въ сомкнутомъ строю за серединою боевого порядка.

Дѣйствія описаннаго боевого порядка, какъ указываютъ между прочимъ и живописныя названія его составныхъ частей, заключались приблизительно въ слѣдующемъ: Выдвинувшись значительно впереди общаго резерва, первая линія, — *утро псоваго лая*, наступала на непріятеля, осыпала его стрѣлами, заставляла себя атаковать и затѣмъ разсѣивалась, наводя противника на засады. По истеченіи нѣкотораго времени, въ зависимости отъ силы и искус-

ства врага, вступала въ дѣло вторая линія—*день помощи*, усиливая, гдѣ было нужно, части первой линіи или дѣйствуя сомкнутымъ строемъ изъ засады или противъ достаточно уже разстроеннаго противника. Отступая подъ напоромъ непріятеля, первыя двѣ линіи наводили его на общій резервъ, *вечеръ потрясенія*, который и пускался въ дѣло для нанесенія окончательнаго удара. Атака резерва служила сигналомъ общей атаки въ рукопашную всего коннаго корпуса, въ какомъ бы положеніи ни находились его отдѣльныя части.

Вотъ общій очеркъ боевыхъ дѣйствій монголь, показывающій, что военное искусство ихъ стояло тогда на высокой степени совершенства и было одной изъ самыхъ существенныхъ причинъ ихъ необыкновенныхъ военныхъ успѣховъ. Дѣйствительно, возможность подготовки атаки, построеніе въ нѣсколько линій, уступной порядокъ, употребленіе общаго резерва, умѣнье конницы спѣшиваться для боя, чему есть положительныя историческія свидѣтельства, тщательное развѣдываніе о непріятелѣ, въ связи съ строгой дисциплиной, давали монголамъ большія преимущества въ борьбѣ съ ихъ противниками, особенно съ рыцарской европейской конницей, все военное искусство которой состояло въ стремительномъ ударѣ—шукѣ.

Обращаясь къ военному устройству и способамъ веденія боя крымскихъ татаръ, имѣвшихъ большое вліяніе на сложеніе и развитіе нашего казачества, легко видѣть, что и то и другое сохранило здѣсь полностью свои основныя начала. Хотя военная дѣятельность крымской орды совпала съ періодомъ разложенія монголо-мусульманскаго міра и выродилась въ разбойническіе наѣзды въ сосѣднія страны большею частью внезапно, мелкими партіями, тѣмъ не менѣе основныя черты описаннаго военнаго устройства и тактики монголо-татаръ остались неизмѣнны.

Такъ, Бопланъ говоритъ слѣдующее о способѣ веденія боя крымскими татарами: «если же татары не въ силахъ отразить саблями натиска поляковъ, рассыпаются подобно мухамъ въ разныя стороны, пуская стрѣлы на всемъ скаку и такъ мѣтко, что въ 60-ти и даже въ 100 шагахъ попадаютъ въ непріятеля. Поляки не могутъ ихъ настигнуть, имѣя коней не столь быстрыхъ и поворотливыхъ, какъ татарскіе, а татары, отскакавъ на четверть мили, соединяются, встрѣчаютъ ляховъ строемъ и, при нападеніи ихъ, снова рассыпаются, пуская стрѣлы по прежнему на всемъ скаку черезъ лѣвое плечо (черезъ правое стрѣлять не умѣютъ)».

Имѣя въ виду продолжительную борьбу Россіи съ монголами и съ крымскими татарами и огромное вліяніе, оказанное ими вообще на историческое сложеніе нашего отечества, легко предугадать вліяніе ихъ тактики на образъ дѣйствій русской конницы въ бою. По этому поводу князь Голицынъ въ русской военной исторіи говоритъ слѣдующее: «Въ дѣйствіяхъ своихъ въ бою, русская конница весьма много переняла отъ татаръ, начиная съ лука и стрѣль, которые имѣлъ каждый всадникъ. Передъ началомъ столкновенія русская конница выносилась отрядами впередъ, по указанію князя и, растягивая фронтъ для охвата непріятельскихъ фланговъ, старалась поколебать его массою стрѣль. Если это удавалось, то всадники съ коньями или мечами стремительно бросались въ атаку и опрокидывали противника или вступали въ рукопашный бой. Иногда, если обстоятельства благопріятствовали, конница атаквала противника и безъ подготовки атаки стрѣлами».

Изъ этого видно, что военное искусство монголовъ, распространившись по всей Азіи и Восточной Европѣ, было усвоено не только крымскими татарами, но проникло даже въ русскую конницу московскаго періода исторіи, а потому не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что оно проникло также и въ казачество, столь долгое время боровшееся съ монголо-татарами, привилось тамъ и окончательно вылилось въ формѣ «лавы».

Способъ дѣйствій монголо-татаръ, говоритъ по этому поводу Глазовъ ¹⁾, не пропалъ у насъ безслѣдно; путемъ преемственнымъ онъ передался тѣмъ народамъ, которые замѣнили татаръ, остались на ихъ мѣстахъ и которые путемъ непрестанныхъ столкновеній усвоили ихъ тактику и ею же побивали ихъ. Это и есть наше казачество, основавшееся на югѣ Россіи и долгое время бывшее оплотомъ противъ татарскихъ набѣговъ; понятное дѣло, что среди этой новой естественной конницы возникла и привилась та тактика, которую приходилось испытывать на своихъ плечахъ, и казаки дѣйствительно усвоили ее и окончательно формулировали въ видѣ лавы».

По поводу значенія лавы и дѣйствій казаковъ на западно-европейскихъ театрахъ войнъ въ составѣ русской арміи, въ моей вышеупомянутой брошюрѣ, между прочимъ, говорилось слѣдующее: «Усвоенный казаками отъ восточныхъ народовъ способъ дѣйствій

¹⁾ Глазовъ. Конно-саперное дѣло, стр. 27.

на войнѣ въ періодъ сложенія казачества глубоко проникъ въ ихъ общественную жизнь, повліявъ на укладъ его бывшихъ отношеній и на выработку типическихъ сторонъ характера казака. Продолжительная борьба съ татарами, состоявшая изъ непрерывнаго ряда набѣговъ, въ связи съ вышеуказанной тактикой, повела казака по пути развитія его физическихъ и моральныхъ качествъ, а постоянная необходимость быть готовымъ встрѣтить врага у себя или отправиться въ набѣды выработали изъ него хорошаго сторожа и развѣдчика; главныя основанія нынѣ существующаго полевого устава, въ отношеніи сторожевой службы, практиковались казаками еще въ сторожахъ противъ крымскихъ татаръ²⁾.

Съ укрѣпленіемъ русскаго государства, когда казачество органически вошло въ его составъ, казаки появляются на европейскихъ театрахъ войнъ вмѣстѣ съ нашими регулярными войсками. Тутъ имъ пришлось столкнуться съ другого рода противникомъ, съ регулярной конницей, противъ которой они продолжали примѣнять свой обычный способъ дѣйствій—лаву.

Однако продолжительная борьба съ татарами, военное искусство которыхъ выродилось, вслѣдствіе вырожденія монголо-мусульманскаго міра, въ разбойническіе набѣды, не могла подготовить казаковъ къ войнѣ съ правильно организованной европейской конницей, почему мы видимъ казаковъ въ русской арміи первоначально только въ роли развѣдчиковъ и партизановъ.

Петръ Великій, понимая хорошо все значеніе стратегической дѣятельности конницы, далъ широкое примѣненіе дѣйствіямъ ея впереди фронта нашихъ армій, равно какъ и на сообщеніяхъ шведской арміи, чему способствовало значительное количество казаковъ и калмыковъ, состоявшихъ при арміи.

Однако, въ арміи Петра Великаго и его преемниковъ казаки являются среди нашихъ регулярныхъ войскъ еще неорганизованной силой и продолжаютъ выполнять сторожевую и развѣдывательную службу и стратегическія задачи въ смыслѣ лишенія противника средствъ продовольствія. Великій Преобразователь, вѣроятно, не рѣшился еще наложить руку на эту дикую силу, подчинить ее строгой дисциплинѣ и дать ей правильную организацію, ибо казачество сравнительно недавно было присоединено къ Россіи и было расположено къ бунтамъ и возстаніямъ.

²⁾ Вѣдлєвъ. «О сторожевой и станичной службѣ на Польской украинѣ Московскаго государства», стр. 15. (Уставъ сторожевой службы князя Воротынскаго 1571 года).

Но уже во время семилѣтней войны признано было неудобство такого положенія вещей и предположено было учить казаковъ «конной экзерциціи» и дать имъ однообразную форму обмундированія и вооруженія ¹⁾; однако это тогда не было приведено въ исполненіе. Въ этотъ же періодъ времени сфера дѣятельности казаковъ на войнѣ понемногу расширяется, и въ сраженіи при Гросъ-Эгерсдорфѣ мы видимъ столкновеніе казаковъ съ превосходной фридриховской кавалеріей. Очевидецъ этого боя, Болотовъ, говоритъ, что казаки атаквали конницу принца Гольштинскаго, которая стояла неподвижно, съ обычнымъ гиканіемъ и стрѣльбой изъ ружей, но, не доскакавъ до нея, они повернули назадъ, преслѣдуемые прусской кавалеріей. Болотовъ называетъ ихъ за это «негодными воинами», упуская изъ вида, какъ говоритъ Масловскій, что это былъ одинъ изъ обычныхъ маневровъ казаковъ. И дѣйствительно, казаки навели прусскую кавалерію на 15 совершенно готовыхъ къ бою баталіоновъ при 40 полковыхъ орудіяхъ, которые дали по кавалеріи залпъ, имѣвшій «найвождедѣннѣйшій успѣхъ». Конница принца Гольштинскаго «опрометью назадъ обернулась», а вскакавшіе за нашъ фронтъ, пишетъ Масловскій, попали какъ мышь въ западню. Пѣхота тотчасъ опять сомкнулась, и тѣ-же казаки съ регулярными эскадронами встрѣтили и перерубили всѣхъ до единого человѣка.

Несмотря однако на успѣшныя дѣйствія казаковъ въ семилѣтнюю войну, гдѣ они принимали дѣятельное участіе въ набѣгахъ и въ партизанскихъ дѣйствіяхъ нашей конницы, чувствовалась необходимость, какъ сказано выше, организовать эту силу, дабы предоставить ей возможность бороться съ западно-европейской кавалеріей, къ чему не могла подготовитъ казаковъ борьба съ крымскими татарами, представлявшая изъ себя непрерывную малую войну.

Это было произведено уже въ царствованіе Екатерины Великой во время организаторской дѣятельности свѣтлѣйшаго князя Потемкина, когда изъ казаковъ были сформированы особыя части подъ именемъ «регулярныхъ казачьихъ полковъ» ²⁾.

Упорядоченіе военнаго устройства казачьихъ частей, начатое Потемкинымъ, продолжало совершенствоваться въ послѣдующее время и дало, повидимому, благотворные результаты, почему ка-

¹⁾ Масловскій. «Походъ графа Фермора въ восточную Пруссію. (1757—1759 гг.) стр. 229.

²⁾ Марковъ. «Исторія конницы, ч. IV, стр. 279.

заки начинают играть все болѣе и болѣе выдающуюся роль среди нашихъ вооруженныхъ силъ не только какъ партизаны и развѣдчики, но и какъ настоящая боевая сила. Суворовъ очень цѣнилъ казаковъ и пользовался ими въ широкихъ размѣрахъ на поляхъ сраженій, требуя отъ нихъ атакъ противъ регулярной кавалеріи.

Однако позже значеніе казаковъ обнаружилось только въ Отечественную кампанію, когда казаки, по свидѣтельству самихъ нашихъ противниковъ, стали одной изъ причинъ совершеннѣйшаго истребленія вторгнувшейся въ Россію непріятельской арміи.

Широкое развитіе партизанскихъ дѣйствій въ Отечественную войну доставило казакамъ возможность во всю ширь развернуть неопѣнимыя боевыя качества, пріобрѣтенныя ими въ долгой и кровавой войнѣ съ татарами. Славныя имена нашихъ знаменитыхъ партизановъ: Дениса Давыдова, Фигнера, Сеславина, князя Вадбольскаго и др. неразрывно связаны съ дѣятельностью казаковъ.

И здѣсь, противъ отличной наполеоновской кавалеріи, они примѣняли свой способъ дѣйствій съ полнымъ успѣхомъ. Вотъ, что говоритъ о значеніи казаковъ Моранъ, одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ генераловъ арміи Наполеона.

«Какое чудное зрѣлище представляла эта европейская кавалерія, раскинувшая свои линіи на берегахъ Нѣмана, блестящая сталью и золотомъ на солнечныхъ лучахъ іюньскаго дня и сіявшая пыломъ и храбростью!

Какое горькое воспоминаніе оставили по себѣ тѣ безполезныя, истощившія ее маневрированія, которыя она употребляла противъ казаковъ, прежде презираемыхъ, но сдѣлавшихъ для спасенія Россіи болѣе, чѣмъ двѣ арміи этой имперіи! Ежедневно показывались они на горизонтѣ, растянувъ свою линію на громадномъ пространствѣ, а ихъ ловкіе наѣзники подѣзжали чуть не къ самымъ нашимъ шеренгамъ; мы строились, шли на эту линію, но когда уже совсѣмъ подходили къ ней, она исчезала, и на горизонтѣ снова виднѣлись однѣ березы и сосны; но часъ спустя, когда лошадямъ уже заданъ былъ кормъ, атака начиналась снова; черная ихъ линія опять появлялась, и снова повторялись тѣ-же маневры, прпводившіе къ тѣмъ же результатамъ. И такимъ образомъ, самая лучшая, самая храбрая кавалерія была измучена людьми, которыхъ она считала недостойными для себя противниками, но которые между тѣмъ одни могли спасти государство, нашедшее въ нихъ истинную опору и единственныхъ освободителей.

Къ довершенію нашего огорченія нужно прибавить, что наша кавалерія была многочисленнѣе казаковъ, что она была поддержана самой легкой и доблестной артилеріей и т. д. И несмотря на это, казаки возвратились покрытые славой, съ богатой добычей, на плодородные берега Дона, между тѣмъ какъ поля Россіи были усыяны трупами и оружіемъ нашихъ воиновъ, столь доблестныхъ, неустрашимыхъ и столь преданныхъ славѣ нашего отечества. Вотъ, что значитъ организація, вотъ въ чемъ заключается тайна побѣдъ Чингисъ-хана и Тамерлана... и т. д. ¹⁾».

Несомнѣнно, что цитированный авторъ сильно увлекается въ оцѣнкѣ роли, которую играли казаки въ пораженіи и истребленіи арміи Наполеона; тѣмъ не менѣе это самое преувеличеніе ихъ значенія показываетъ, какъ страшны были казаки для французской регулярной кавалеріи, противъ которой они употребляли свою собственную систему атаки—*лаву*. Не будучи въ состояніи по многимъ причинамъ противостоять плотному фронту французской регулярной кавалеріи, они и не принимали ея сомкнутыхъ атакъ, что подало поводъ Мюрату говорить: «Je charge les cosaques à coups de cravache» ²⁾). Это презрительное выраженіе знаменитаго французскаго маршала показываетъ только то, что онъ совершенно не понималъ системы дѣйствій казаковъ на войнѣ и любимаго ихъ боевого приѣма-обращенія въ притворное бѣгство. Когда же обстоятельства заставляли, казаки, не задумываясь, атаковали даже французскихъ латниковъ, какъ то и было въ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Другой участникъ войны 1812 года, де-Бракъ, одинъ изъ способнѣйшихъ кавалерійскихъ офицеровъ арміи Наполеона, отзывается о казакахъ съ величайшей похвалой и о боевыхъ ихъ дѣйствіяхъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

«Если казаки разсѣиваются при отступленіи тѣмъ болѣе, чѣмъ продолжительнѣе ваши атаки, то не думайте, что они потеряли увѣренность или оробѣли. Нѣтъ, это способъ ихъ отступленія, способъ чрезвычайно опасный для преслѣдующаго ихъ непріятели, которому часто приходится раскаиваться въ своей смѣлости ³⁾».

Какъ извѣстно, обращеніе въ притворное бѣгство составляло одинъ изъ самыхъ употребительныхъ боевыхъ приѣмовъ монголо-

¹⁾ «Военная библиотечка», т. VIII.

²⁾ Фадѣевъ. «Вооруженныя силы Россіи», стр. 144.

³⁾ «Военная библиотечка», т. VIII, стр. 262.

татаръ, чтобы завлечь непріятеля въ данномъ направленіи подъ засаду и дать возможность другимъ частямъ боевого порядка охватить его съ фланговъ. Несомнѣнно, что и де-Бракъ имѣеть въ виду ту же тактику прежнихъ казаковъ, извѣстную подъ общимъ названіемъ лавы.

Роль нашей казачьей конницы въ періодъ войнъ 1813 и 1814 годовъ была громадна. Помимо того, что казаки были «глазами и ушами» союзныхъ армій, они принимали дѣятельное участіе на поляхъ сраженій, продолжая примѣнять свою особую систему атаки противъ французской регулярной кавалеріи.

Капитанъ прусскихъ уланъ Ганцауге приводитъ слѣдующій случай ¹⁾: «19-го августа 1813 года, по окончаніи перемирія, французы начали тѣснить союзниковъ по направленію къ Берлину и Потсдаму.

Полковникъ Балашовъ съ полкомъ Донскихъ казаковъ получилъ приказаніе произвести рекогносцировку по направленію къ Лютенвальду.

Въ это время многочисленный отрядъ непріятельской (французской) конницы вышелъ изъ города и, въ виду войскъ, началъ перестраиваться въ глубокую колонну съ фланкерами, расположенными только на флангахъ.

Казаки *не могли одолеть своихъ многочисленныхъ противниковъ, и такъ какъ они не подвергались опасности при нападении на нихъ*, то и продолжали наступать; французы двигались рысью и, чтобы воспрепятствовать русскимъ прорваться между эскадронами, плотно сомкнулись и понеслись прямо на центръ нашей линіи, которая, *конечно, разомкнулась при этомъ, чтобы окружить ихъ*. Французы, никого не видя передъ собой, остановились; *но неутомимые противники ихъ, растянутые на ихъ флангахъ и стрѣлявшіе въ массу*, въ самое непродолжительное время привели ихъ въ такое замѣшательство, что сдѣлалось невозможнымъ исполнить какое-нибудь построеніе.

Казаки вовсе и не думали о томъ, чтобы своею стремительною атакою разогнать ихъ; они ограничились тѣмъ, что безпокоили ихъ огнемъ и, употребляя по временамъ свои длинныя пики, производили частныя нападенія. Между тѣмъ, передніе ряды французовъ повернулись лицомъ въ поле, вслѣдствіе чего составилось нѣчто вродѣ каре, которое начало защищаться огнемъ изъ

¹⁾ Нолянъ. «Исторія и тактика кавалеріи».

карабиновъ, и стрѣльба продолжалась около $1\frac{1}{2}$ часа. Наконецъ, изъ за Лютенвальда показались головы колоннъ французской пѣхоты, приближавшейся къ полю сраженія; затѣмъ артилерія выѣхала на позицію и, открывъ огонь, избавила отъ опасности цѣлую кавалерійскую колонну. Полковникъ Балашовъ, не будучи никѣмъ преслѣдуемъ; отступилъ со своими войсками на Шарфенбрюкъ».

Эта выписка особенно краснорѣчиво указываетъ на безсиліе регулярной кавалеріи противъ дѣйствій казаковъ лавою, которая является неуязвимой для атакъ сомкнутого строя.

Пѣня успѣшныя дѣйствія казаковъ на войнѣ при примѣненіи ими своей особой тактики, правительство наше относилось съ уваженіемъ къ особенностямъ боевыхъ дѣйствій казаковъ, что и выразилось въ Сводѣ Законовъ 1831 года, гдѣ въ ст. 8163 говорится слѣдующее:

«Въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля построеніе полка (казачьяго) не подчиняется новымъ правиламъ, но удерживается *образъ служенія, издревле введенный, по легкости и простотѣ оборотовъ толико свойственный казакамъ и въ пользу своей опытами утвержденный*».

Далѣе описывались дѣйствія *лавами*. Это же безъ измѣненія перешло въ Сводѣ Законовъ 1859 года, гдѣ и помѣщено въ «Инструкціи Донскимъ казачьимъ полкамъ».

Насколько этотъ образъ дѣйствій глубоко проникалъ въ жизнь казачества, видно между прочимъ изъ того, что онъ обуславливалъ собою даже нѣкоторые организационные вопросы. Такъ, прежняя казачья сотня имѣла десятичное дѣленіе, и десятокъ, подъ начальствомъ урядника или отборнаго казака, представлялъ въ лавѣ особое звено. До снабженія казаковъ общепринятымъ обозомъ, на каждыхъ 10 казаковъ (звено лавы) полагалась одна вьючная лошадь ¹⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что десятичное дѣленіе казачьей сотни взято прямо отъ монголо-татарской конницы, которая дѣлилась тоже на десятки, сотни, тысячи. При этомъ десятокъ представлялъ изъ себя, такъ сказать, *боевую артель съ круговой порукой*, ибо, по монгольскимъ обычаямъ, если хоть одинъ всадникъ убѣгалъ съ поля сраженія, *то весь десятокъ предавался смерти*. Если же весь

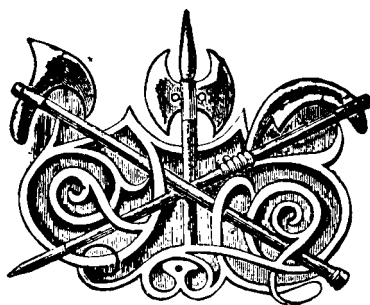
1) Приложение 38 къ ст. 3077, ч. I, кн. 2-я Св. В. Пост. 1859 г., § 238.

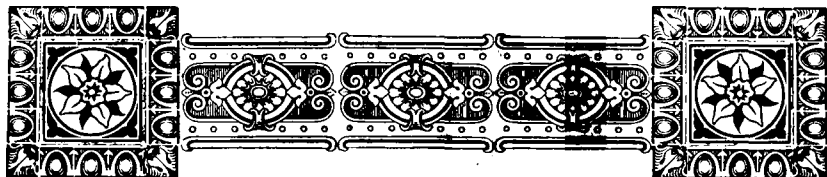
десятокъ удалялся изъ боя, то это считалось не преступленіемъ, а вынужденнымъ маневромъ.

Выяснивъ основные принципы казачьей лавы, какъ тактики, усвоенной казаками вмѣстѣ съ сложеніемъ самого казачества, необходимо сказать нѣсколько словъ о способѣ боевыхъ дѣйствій регулярной кавалеріи.

В. Миткевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тактика въ дѣйствіяхъ подѣ крѣпостями.

(Опытъ историческаго изслѣдованія).

(Продолженіе ¹⁾).

ГП. Вопросъ о взаимномъ соотношеніи родовъ войскъ при дѣйствіяхъ подѣ крѣпостями.

Обращусь теперь къ разсмотрѣнію вопросовъ о взаимномъ соотношеніи родовъ войскъ при осадѣ и оборонѣ крѣпостей и о передовыхъ позиціяхъ. Ихъ освѣщеніе тѣмъ болѣе необходимо, что оно дастъ намъ наиболѣе полную картину предшествовавшаго Русско-Японской войнѣ состоянія ученій о дѣйствіяхъ подѣ крѣпостями, такъ какъ, какъ уже говорено выше, съ виду частные, вопросы эти глубоко затрагиваютъ всю суть обороны, а съ ней вмѣстѣ и дѣйствій подѣ крѣпостями вообще. Кромѣ того мнѣ представлялось наиболѣе умѣстнымъ разсмотрѣть доселе обходившійся мной вопросъ о защитникахъ именно въ совокупности съ этими двумя вопросами, такъ какъ, по моему, всѣ они три вмѣстѣ и затрагиваютъ всего болѣе приложеніе живой силы подѣ крѣпостями.

Какъ уже можно было видѣть изъ предыдущаго изложенія, явленій совершенно новыхъ по самой природѣ своей все долгое развитіе ученія о дѣйствіяхъ подѣ крѣпостями не представляетъ. Въ немъ, какъ и во всемъ, основанномъ на природѣ человѣческой,

¹⁾ См. «Военный Сборн.» 1909 г., № 2.

все повторяемо; иначе говоря, *мѣняются только видъ, вѣтшность, суть же вещей*, какъ бы ее ни называли—началомъ, принципомъ или еще иначе,—*по духу своему неизмѣнна*. Такимъ образомъ, и споры о соотношеніи родовъ войскъ при осадѣ и оборонѣ крѣпостей не новы; не ново и увлеченіе работой того изъ нихъ, который въ данное мгновеніе представляется сдѣлавшимъ наибольшій шагъ впередъ. Еще царь Архидамъ, увидавъ балисты, воскликнулъ: «Пришелъ конецъ военной доблести...» И не тѣ ли же самыя понятія въ умахъ современниковъ порождали (по отношенію къ крѣпостямъ, ибо я ихъ только и имѣю въ виду) сначала появленіе брешь-батарей, затѣмъ рикошетный выстрѣлъ Вобана или его неотвратимое въ своемъ роковомъ развитіи движеніе подступами къ крѣпости, и, наконецъ, появленіе нарѣзной артилеріи съ ея наиболѣе грознымъ успѣхомъ послѣдняго времени—сильнодѣйствующими снарядами и скорострѣльностью?... Каждый разъ въ такое время говорилось, что крѣпостямъ нѣтъ болѣе мѣста, что артилерія, все сокрушая и уничтожая, царить въ крѣпостномъ бою, и что совершенно невозможно приравнять къ ней по смыслу дѣятельности какой либо другой родъ войскъ. И, однако, въ концѣ концовъ крѣпости непосредственно брались въ большинствѣ кровопролитнымъ пѣхотнымъ боемъ, а общимъ начертаніемъ ихъ осады искони было, какъ мы видѣли, производство обвала, а затѣмъ приступъ на него... И все это—увѣчанное безсмертнымъ изреченіемъ Суворова: «Чаще брать крѣпости приступомъ или врываться открытой силой: тутъ меньше потери». Разумѣется, приступомъ, надлежаще подготовленнымъ въ зависимости отъ обстановки даннаго времени...

Мнѣ представляются эти увлеченія *послѣдствіемъ доло существовавшего заблужденія, —полнаго обособленія ученія о дѣйствіяхъ подъ крѣпостями отъ ученія о полевоомъ бою. Разъ существуетъ борьба—она ведется на общихъ началахъ, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась, и учету подлежатъ лишь особенности той, или другой обстановки...* И эти начала прежде всего заключаются въ дружной работѣ всѣхъ направленныхъ къ достиженію данной цѣли силъ, въ подготовкѣ однѣми изъ нихъ условій наиболѣе производительной дѣятельности для другихъ и въ разграниченіи самой ихъ работы по способностямъ исполнителей.

Проводники взглядовъ о главенствѣ артилеріи опираются по преимуществу на Наполеона. «Какъ при осадахъ, такъ и въ полѣ»,—

говорить дѣйствительно величайшій изъ полководцевъ ¹⁾), — «артилерія играетъ первую роль; она сдѣлала совершенный переворотъ. Высокія каменные профили вышли изъ употребленія, потому что онѣ срывались огнемъ непріятельской артилеріи, прикрытой брустверами». Въ другомъ мѣстѣ Наполеонъ высказывается: «Искусство осады заключается въ возможности сосредоточенія наибольшаго числа орудій на однѣхъ и тѣхъ же точкахъ. Въ успѣхѣхъ завязавшейся борьбы можетъ быть увѣренъ тотъ, кто сумѣетъ внезапно и скрытно отъ противника направить на одну изъ такихъ точекъ неожиданную врагомъ силу артилеріи». Но за то и въ своихъ «*Maximes de guerre*», касаясь артилеріи въ полѣ, Наполеонъ говоритъ: «Артилерійскій резервъ долженъ быть употребляемъ въ рѣшительное время и въ большихъ силахъ, ибо при такихъ условіяхъ для противника становится труднымъ осмѣлиться предпринять что либо противъ него».

Мнѣ кажется, что приведенныя изреченія не менѣе указываютъ на однообразіе способовъ въ достиженіи успѣха при примѣненіи даннаго средства въ различныхъ условіяхъ борьбы и на глубокое пониманіе Наполеономъ именно этой общности по духу всякаго вида боевыхъ явленій, нежели на преклоненіе его передъ всемогуществомъ артилеріи, которой, правда, онъ былъ не чуждъ, какъ въ силу своего артилерійскаго происхожденія, такъ и въ силу зарожденія и развитія своей славы именно на почвѣ умѣлаго примѣненія артилерійскаго огня (Тулонъ и друг.). Но развѣ мы не видимъ главнаго урока для себя въ явномъ сходствѣ условій полевого боя и боя подъ крѣпостями изъ 2-й и 3-й сдѣланныхъ только что выписокъ?... И развѣ въ этомъ сходствѣ не величайшій урокъ для здраваго пониманія природы соотношеній родовъ войскъ въ какомъ бы то ни было бою? Другимъ великимъ урокомъ въ отношеніи болѣе трезваго отношенія къ взаимодѣйствию силъ въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями долженъ былъ послужить Севастополь. Всѣ успѣхи артилеріи лишь облегчали здѣсь противнику его медленное продвиженіе впередъ траншеями; продвиженіе же впередъ траншеями облегчало наступленіе артилеріи и само, вновь поддержанное въ конечномъ своемъ теченіи ея успѣхами, сдѣлало возможнымъ *успѣшный приступъ*, — вѣнецъ [войсковой работы при какой бы то ни было обстановкѣ боя. Однако, и послѣ Севастополя споры о томъ, кто важнѣе въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями — артилерія или пѣхота, не только не прекращались, но еще и воз-

¹⁾ Дюссана ОНОЛОТЕКА, Т. 7.

горались съ большей силою при каждомъ шагѣ впередъ въ развитіи средствъ борьбы.

Я не придаю особаго значенія колебаніямъ подобныхъ сужденій въ ту или другую сторону во времена крѣпостей малыхъ, съ ихъ малымъ развертываніемъ силъ и средствъ на тѣсномъ пространствѣ. Пожалуй даже, при тѣхъ короткихъ разстояніяхъ, на которыхъ велась борьба подъ крѣпостями въ эти времена, и при закрѣпленной и за обороной, и за осаждающимъ мертвенности дѣйствій, артилерія дѣйствительно могла казаться главнымъ родомъ войскъ, ибо только съ ея разрѣшенія пѣхота и шла впередъ. Но совершенно иначе обстоитъ по моему дѣло при современныхъ крѣпостяхъ. Здѣсь получаютъ цѣлыя полосы дѣйствій, цѣлыя обширныя поля сраженій. Бой слагается изъ ряда ступеней, по которымъ осаждающій идетъ къ успѣху, обороняющійся—къ задержанію этого успѣха или къ преклоненію предъ нимъ... Кто же вѣрнѣе всего приведетъ къ торжеству, къ исполненію задачи—артилерія или пѣхота?... Первый боевой опытъ съ крѣпостями новаго вида,—война 1870—71 гг.,—далъ отвѣтъ какъ бы въ пользу артилеріи. Ей дѣйствительно принадлежало наиболѣе видное мѣсто въ овладѣніи большинствомъ французскихъ крѣпостей. «*Но*»,—говоритъ Тотлебенъ ¹⁾),—«*слишкомъ смѣлые выводы, дѣлаемые вообще изъ крѣпостной войны французо-германской кампаніи, слѣдуетъ принимать съ большою осторожностью* ²⁾). При оцѣнкѣ дѣйствій этой крѣпостной войны нельзя забывать, что побѣдоносныя прусскія войска, при содѣйствіи превосходной осадной артилеріи, имѣли дѣло, въ большей части случаевъ, со старинными французскими крѣпостями, защищаемыми малочисленными гарнизонами, вооруженными артилеріею, далеко уступавшею по своимъ качествамъ организаціи артилеріи атакующаго, которой французы даже не сумѣли воспользоваться въ должной степени».

Тѣмъ не менѣе, какъ уже сказано выше, въ первое время послѣ войны преклоненіе нѣмцевъ передъ работою артилеріи подъ крѣпостью было полное, получивъ особенное развитіе въ трудахъ Зауера и, до полныхъ крайностей, въ воззрѣніяхъ Шейберта и нѣкоторыхъ другихъ. Только постепенно пѣхотѣ было возвращено ея значеніе, но ненадолго: бомбы-торпедо и скорострѣльность снова, и на этотъ разъ уже рѣшительно, склонили нѣмцевъ на путь признанія артилеріи «Царицей битвъ» подъ крѣпостями.

¹⁾ Величко. «Крѣпости и крѣпостныя желѣзныя дороги».

²⁾ Куревъ мой.

Разсматривая это явленіе съ точки зрѣнія соотвѣтствія съ полевымъ боемъ, нельзя, однако, не видѣть полной послѣдовательности нѣмцевъ. Вѣра въ огонь у нихъ проведена во всемъ воспитаніи войскъ. Полевымъ войскамъ придано по 6-ти-орудійной батарее скорострѣльной артилеріи, въ среднемъ, на баталіонъ пѣхоты, — соотношеніе, еще никогда доселѣ никѣмъ не достигавшееся. Несмотря на общій духъ веденія боя, — наступленіе во что бы то ни стало, — пѣхота до послѣднихъ лѣтъ не трогалась впередъ для удара до тѣхъ поръ, пока своя артилерія не низложила артилерію противника и не потрясла «точекъ прорыва» у непріятели. Для сего артилерія снабжена обыкновенными и бризантными снарядами (всѣ двойного дѣйствія), а по 3 батареи на корпусъ вооружены 10 см. гаубицами. Затѣмъ даже и пѣхота сразу развиваетъ полное напряженіе огня, чтобы этимъ потушить огонь противника и облегчить поддержкамъ удары на непріятельскіе тылъ и флангъ. Короче, огонь, и особенно огонь артилерійскій, — «Feuertaktik», — вотъ основное средство на пути къ успѣху въ полево́мъ бою у нѣмцевъ. Какъ же смотрѣть имъ иначе на бой подъ крѣпостями, гдѣ у артилеріи больше правъ показать свою мощь, гдѣ пѣхота неизмѣримо болѣе безсильна передъ укрѣпленнымъ расположеніемъ противника, и гдѣ, наконецъ, противникъ самъ владѣетъ сильной и умѣло направляемой артилеріей? Ясно, что держась нѣмецкой точки зрѣнія на огонь вообще, надо было признать артилерію главнымъ родомъ войскъ въ крѣпостномъ бою.

Наилучшимъ образомъ переданы были взгляды нѣмцевъ на это дѣло до нашей послѣдней войны Гервиномъ въ его «Крѣпостной войнѣ» изд. 2 и въ книгѣ «Die Festung». Гервинъ, какъ онъ самъ заявляетъ, писалъ строго въ согласіи съ состояніемъ инженернаго и артилерійскаго дѣла въ Германіи и ничего не вносилъ непріятели свѣше. Лучшее доказательство справедливости моихъ словъ — принятіе книги Гервина къ руководству въ германскихъ войскахъ и прекращеніе затѣмъ ея выходовъ въ свѣтъ, какъ только она была переведена на русскій языкъ... Но довольно было бы даже сравнить Гервина съ руководствамъ для военныхъ школъ по артилеріи и фортификаціи ¹⁾, чтобы видѣть, насколько точно придерживался онъ строго казенной стороны дѣла. Вотъ почему, внѣ всякихъ иныхъ соображеній, я устранию ²⁾ упрекъ г. Казбека труду

¹⁾ «Leitfaden für den Unterricht in die Befestigungslehre».

²⁾ Варшавскій военный журналъ 1903 года, № 2.

Гервина въ односторонности: односторонняя не книга, а сама германская «наука побѣждать» того времени, односторонне *полное* преклоненіе нѣмцевъ передъ огнемъ вообще... Я бы сказалъ даже, что едва-ли выгодно было для насъ самихъ указывать нѣмцамъ ихъ ошибку: не въ нашей ли собственной пользѣ было молча видѣть, какъ мощный врагъ все больше и больше уклоняется въ сторону отъ истины въ силу закона естественнаго нарастанія ошибки по мѣрѣ развитія мысли, двинутой съ ложной отправной точки?... По крайней мѣрѣ *нѣмцы съ нами* дѣйствуютъ вездѣ именно такъ ¹⁾.

Относительно книги «Die Festung» укажу съ особымъ подчеркиваніемъ, что «Studien zum Kriegsgeschichte u. Taktik», къ числу коихъ принадлежитъ книга «Die Festung» ²⁾, *суть воспитатели вождей и войскъ въ Германіи*, и потому являются особенно важными для каждаго, кто хочетъ услѣдить за военною мыслью и жизнью въ Германіи.

Для дальнѣйшаго объясненія преклоненія нѣмцевъ передъ артилеріей не забудемъ еще 2-хъ существенныхъ чертъ состоянія у нихъ ученія о дѣйствіяхъ подъ крѣпостями. Первое, что по вопросамъ крѣпостнымъ работаютъ у нихъ почти исключительно артиллеристы, что и вноситъ сильный артилерійскій оттѣнокъ въ работу. Второе, — особенно видное изъ книги «Die Festung», — что нѣмцы, требуя все болѣе способное къ бою, *въ поле*, для рѣшенія тамъ судебъ столкновеній, — *въ крѣпостяхъ оставляютъ лишь войска слабой боевой годности, а подобныя войска всегда нуждаются въ особомъ покровительствѣ артилеріи...* Къ тому же эта послѣдняя въ данномъ случаѣ является едва ли не единственнымъ родомъ войскъ, прошедшимъ болѣе прочную строевую и тактическую подготовку мирнаго времени. Какъ же тогда и не возложить на нее наибольшихъ упованій?... Вообще же, какъ кажется, отношеніе нѣмцевъ къ артилеріи въ борьбѣ за крѣпости до 1904—1905 гг. являлось едва ли не единственнымъ путемъ къ удачному разрѣшенію загадки о томъ бьющемъ въ глаза расколѣ между ученіемъ объ оборонѣ въ полѣ (*«только выжиданіе съ цѣлью перехода въ наступленіе»*) и въ крѣпости (сразу «барахтанье за основными укрѣпленіями»; заранѣе предрѣшено, что крѣпость сдается, надо только протянуть сколь возможно время...), которое такъ рѣзко проводилось нѣмцами въ жизнь, несмотря на отрицаніе ими

¹⁾ См., напримѣръ, «Развѣдчикъ» 1906 г., съ моей статьёй о Мукденскихъ бояхъ

²⁾ См. «Военный Сборникъ» 1905 г., №№ 8, 9 и 10, — мой о ней отзывъ.

самими какой бы то ни было обособленности дѣйствій подъ крѣпостями отъ дѣйствій въ полѣ

Во всякомъ случаѣ, у нѣмцевъ въ бою за крѣпости было твердо установлено, что главенствовала *артилерія*. Пѣхота осаждающаго въ этомъ бою лишь стѣна, которая обезпечиваетъ подходъ тяжелыхъ пушекъ и прикрываетъ дальнѣйшее ихъ движеніе впередъ, довершая затѣмъ своей траншейной или штыковой работой ихъ успѣхи. Артилерія, развернувшаяся въ полосѣ главнаго удара, даже какъ бы выдѣлялась изъ общаго подчиненія строевымъ начальникамъ, подчиняясь *особому лицу* во имя «единства ея дѣйствія», но *сама подчиняя себѣ пѣхоту* и облакая ее лишь на занятіе «прикрывающаго артилерію расположенія». Дѣленіе затѣмъ артилеріи на отдѣлы и участки тоже являлось дѣломъ чисто артилерійскимъ.

Совсѣмъ иначе смотритъ Смекаль, признавая участіе тяжелыхъ и осадныхъ орудій лишь какъ особеннаго средства, придаваемого подъ крѣпостью каждой дивизіи на ея участкѣ. Въ оборонѣ же у нѣмцевъ прививалось, что разъ проиграна артилерійская борьба—все проиграно (какъ это напоминаетъ: «*Прикрытый путь потерянъ—все потеряно!*»), и что вся работа пѣхоты идетъ лишь на то, чтобы подольше обезпечить болѣе выгодныя условія артилерійской борьбы, а вся работа техники и инженернаго искусства на то, чтобы получше [укрыть артилерію (башни) или во-время вывести ее назадъ изъ подъ выстрѣловъ, для продолженія борьбы съ новаго мѣста. Вообще нѣмцы ясно задались цѣлью имѣть поменьше *человѣка* тамъ, гдѣ широко развиты *техника* и закрытія, и гдѣ, по ихъ мнѣнію, можно обойтись не *бойцами*, а *лишь сторожами при пушкахъ, да рабочими руками для траншей и батарей*. По опыту Портъ-Артура я покажу, насколько справедливы эти взгляды; покуда же отмѣчу, насколько они прямое послѣдіе войны 1870—71 гг., когда артилерія и войска второстепенной боевой годности такъ легко овладѣвали французскими крѣпостями... Вспомнимъ кстати, что я уже имѣлъ случай привести отзывъ гр. Тотлебена о шаткости выводовъ о дѣйствіяхъ подъ крѣпостями изъ 1870—71 гг. вообще.

Но въ самой Германіи далеко не всѣ сходились со своими высшими руководителями въ воззрѣніяхъ на исключительное главенство артилеріи въ борьбѣ за крѣпости. «Ежегодникъ Лебеля» за 1901 г., напримѣръ, называетъ эту мысль «пагубной», далеко не одобряя сочиненій, ее проводящихъ, особенно Гервина. «Ежегод-

никъ» впадаетъ, однако, въ другую ошибку, умаляя работу артиллеріи и явно склоняясь къ провозглашенію нераздѣльнаго главенства пѣхоты. Болѣе спокойно и совѣтъ въ духѣ времени судить ф. Бауеръ ¹⁾. Соглашаясь съ важностью артиллеріи, онъ пытается доказать, что и пѣхотный огонь—нынѣ великая сила какъ въ осадѣ, такъ и въ оборонѣ крѣпости, и что многія задачи на общую пользу пѣхота, конечно, должна будетъ рѣшать для облегченія артиллеріи ²⁾; но многія зато можетъ разрѣшить и сама по себѣ... «*Было бы празднымъ трудомъ*», говоритъ ф. Бауеръ въ своемъ заключеніи о значеніи пѣхоты осаждающаго, «*настаивать на преобладаніи работы пѣхоты или артиллеріи подъ крѣпостью*: работа эта почтенна и обширна у нихъ обѣихъ. Однако, больше всего будетъ имѣть данныхъ для успѣха та пѣхота, которая, будучи расчленена и *примѣняема на строго тактическихъ основаніяхъ*, приметъ такой образъ дѣйствій въ борьбѣ, какъ *будто она одна должна принудить крѣпость къ сдачѣ*, и которая въ то же время ни на одно мгновеніе не забудетъ, что побѣда можетъ быть достигнута лишь постояннымъ взаимодействіемъ обоихъ родовъ войскъ».

Далѣе, для пѣхоты обороны ф. Бауеръ признаетъ возможность при храброй стойкости, при разумномъ употребленіи огня, даже и безъ помощи артиллеріи отражать одинъ или нѣсколько приступовъ и во всякомъ случаѣ, даже и при успѣхѣ противника, заставлять покушать его цѣной такихъ жертвъ въ людяхъ, времени и боевыхъ припасахъ, что задачу обороны можно будетъ считать исчерпанной въ достаточной мѣрѣ уже однимъ этимъ. Но всего ярче въ дополненіе къ первой моей выпискѣ выражено общее направленіе взглядовъ германскихъ войскъ относительно огня въ общей оцѣнкѣ поставленной себѣ писателемъ цѣли: «Мы можемъ вкратцѣ такъ свести наши мысли», говоритъ онъ,—«что вліяніе пѣхоты на исходъ (современнаго боя) *благодаря современному ея вооруженію и обученію стрѣльбѣ* ³⁾ при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ возрасти до степени рѣшающей».

Какъ видимъ, въ итогѣ, глубокое, но разумное преклоненіе передъ огнемъ и осторожное обращеніе съ артиллеріей; заканчивается

¹⁾ «Die Infanterie im Festungskriege». Kriegstechnische Zeitschrift 1902 г., №№ 10 и 11.

²⁾ ф. Бауеру именно и принадлежитъ взятое мною выше выраженіе, что пѣхота «крѣпкая стѣна», за которой спокойно располагается и дѣйствуетъ осадная артиллерія.

³⁾ Курсивъ мой.

же вся работа, какъ и слѣдуетъ, восхваленіемъ германской пѣхоты ¹⁾; а основныя положенія служебной постановки вопроса о преобладаніи артилеріи очень ловко обойдены и явственно не опровергнуты.

Въ концѣ концовъ нужно признать, что руководящая Германія рѣшала основать осаду и оборону крѣпостей почти исключительно на артилеріи, и что съ этимъ теченіемъ боролись лишь отдѣльные слабые голоса, а военная среда вообще уже достаточно пропиталась «огнеученіемъ» — à outrance современной германской тактики.

Руководящіе взгляды французовъ на назначеніе разныхъ родовъ войскъ при дѣйствіи подъ крѣпостями составились также подъ впечатлѣніемъ 1870—71 гг., но совсѣмъ на иныхъ основаніяхъ, нежели у нѣмцевъ. Если на нѣмцевъ наиболѣе сильное впечатлѣніе сдѣлалъ Страсбургъ (работа почти одной осадной артилеріи), то въ сердцахъ французовъ живетъ Бельфоръ. Исходя отсюда, питаясь также отчасти еще не вытѣсненными и такъ долго имѣвшими всѣ права гражданства взглядами «позиціонной фортификаціи», съ обширной въ ней работой полевыхъ войскъ, французскіе руководящіе круги избрали путь взаимодействія родовъ войскъ и скорѣе даже уклоненія въ сторону живыхъ дѣйствій, т. е. возложенія главной работы на живыя и подвижныя силы, а не на огонь лишь, и притомъ по преимуществу артилерійскій. Такъ по крайней мѣрѣ понимаетъ осаду и оборону крѣпостей французское «Наставленіе» 8-го февраля 1899 г... А новый французскій уставъ для пѣхоты (1904 г.) имѣетъ *въ глазахъ нѣмцевъ* тотъ недостатокъ, что все еще не отказался вовсе отъ удара. Другимъ показателемъ меньшаго, чѣмъ у нѣмцевъ, преклоненія передъ огнемъ являются сравнительно скромные расчеты артилерійскаго вооруженія крѣпостей ²⁾ въ трудахъ болѣе извѣстныхъ французскихъ писателей. Такъ, Жасе ³⁾ даетъ на 60 клм. обвода крѣпости всего 328 пушекъ и

¹⁾ Кромѣ изложеннаго, въ статьѣ Бауера попадаются мѣста, весьма цѣнныя для сужденія и о другихъ сторонахъ общаго состоянія ученія о дѣйствіяхъ подъ крѣпостями въ Германіи. Такъ, онъ говоритъ, что эта борьба перестала нынѣ быть исключительной областью, что она требуетъ сближенія съ полевой войной, и что, наконецъ, руководство дѣйствіями въ ней пора передать изъ рукъ обособленныхъ въ руки лицъ болѣе широкаго военнаго образованія, а самыя дѣйствія должны быть болѣе свободными и гибкими.

²⁾ Причиной тому, быть можетъ, самое обиліе крѣпостей. <

³⁾ Commandant Josset. «Emploi de l'artillerie dans la défense des places». 1897.

мортирь и 160 пулеметовъ. Сандье ¹⁾—на крѣпость приблизительно того же обвода всего около 700 орудій...

Австрійцы, идя во всемъ за нѣмцами, служебно, вѣроятно, держались однихъ съ ними въ корнѣ взглядовъ на значеніе подъ крѣпостями артилерійскаго огня и огня вообще; по крайней мѣрѣ, въ «Справочной книжкѣ для инженерныхъ офицеровъ» 1902 года общій ходъ осады и обороны крѣпостей очерченъ совершенно по образцу нѣмецкаго, за малыми лишь исключеніями въ отношеніи перваго ихъ проявленія, о чемъ будетъ ниже. Но съ другой стороны у австрійцевъ замѣтна склонность такъ же сдержанно рассчитывать вооруженіе крѣпости, какъ и у французовъ (по Лейтнеру, крѣпость въ 42 кил. обвода получаетъ 640 орудій), а въ замѣчательномъ по своей постановкѣ трудѣ Смекала, въ свое время мною предложенномъ нашимъ читающимъ кругамъ, требованія ввести крѣпостной бой, по духу, совершенно въ рамки полевого боя не сопровождаются указаніями на приподнятое руководящее отношеніе къ тому или другому роду войскъ. Но все же, видимо, высоко даровитый писатель этотъ самъ лично склоняется къ пѣхотѣ.

Въ итогѣ, австрійцевъ можно въ разсматриваемомъ вопросѣ поставить между нѣмцами и французами, — ближе къ послѣднимъ, — если только отсутствіе обсужденія взаимныхъ соотношеній между родами войскъ при осадѣ и оборонѣ крѣпостей не служитъ указаніемъ на властное разрѣшеніе его свыше въ духѣ нѣмецкихъ понятій.

Въ трудахъ бельгійскихъ писателей по крѣпостнымъ вопросамъ видно большое уваженіе къ артилеріи. Первенство ея сквозить вездѣ и во всемъ. Но они не чужды и оборонѣ живой. Можно думать, что и здѣсь пѣхота, если и не возвеличивается, то во всякомъ случаѣ не умаляется чрезмѣрно. Совсѣмъ иное представляетъ трудъ *голландца капитана Коля*, гдѣ настойчиво проводится мысль, что въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостью, какъ и въ полѣ, пѣхота сохраняетъ свое первенство и свое положеніе «царицы полей сраженія»...

Какъ же смотрять у насъ на различные роды войскъ въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостью? Надо думать, что уже одно существованіе у насъ крѣпостной пѣхоты (чего нигдѣ больше нѣтъ) доказываетъ уваженіе наше къ этому роду войскъ. Но съ другой стороны оборона Севастополя, подчеркнувъ значеніе артилеріи и ея

¹⁾ Sandier, Capitaine du génie «Organisation, attaque et défense des places», 1896.

обилія въ крѣпостяхъ, привела многихъ выдающихся писателей по крѣпостнымъ вопросамъ къ убѣжденію, что «значеніе артиллерійскаго огня при оборонѣ крѣпостей» — первенствующее ¹⁾, и что для маневренной крѣпости около 40 в. обвода по внѣшнему поясу нужно до 1,200 орудій, т. е. почти вдвое противъ французскихъ и австрійскихъ расчетовъ.

Но въ средѣ офицеровъ генеральнаго штаба вопросы и взаимоотношенія разныхъ родовъ войскъ при оборонѣ не поднимались. Взгляды нашей почтенной среды, какъ и во всемъ вообще, стремятся захватить дѣло *во всемъ его объемѣ*: задачей ставится объединеніе работы, ея согласованіе, безъ выдѣленія того или другого на первое мѣсто.

«Праздный вопросъ объ іерархіи между родами оружія», — говоритъ г. Г. Казбекъ ²⁾, — «въ наше время слѣдуетъ безповоротно сдать въ архивъ, какъ документъ старой и бѣдной академіи. Мы смотримъ на роды оружія, какъ на равноправныхъ родныхъ братьевъ, одаренныхъ разнообразными орудіями для достиженія одной общей цѣли. На войнѣ временно впереди долженъ быть тотъ родъ оружія, который обладаетъ орудіемъ, необходимымъ для одолѣнія даннаго препятствія. съ тѣмъ, чтобы, исполнивъ свою работу, уступить мѣсто другому, болѣе его приспособленному для исполненія слѣдующей задачи».

«Разные роды оружія составляютъ одинъ живой и гибкій организмъ, въ которомъ работа распредѣляется по закону раздѣленія труда, и во имя этого же принципа можетъ быть рѣчь только о правильной организаціи отрядовъ, соотвѣтственно съ тѣми задачами, кои представляются для рѣшенія. Несомнѣнно только то, что во всѣхъ случаяхъ, кромѣ дальнихъ набѣговъ, пѣхота будетъ преобладать своею числительностью».

«Крѣпостная война составляется изъ ряда эпизодовъ, въ которыхъ достаточно работы для всѣхъ родовъ оружія. Эти работы одинаково почтенны, и потому мы считаемъ неумѣстными эпитеты: чернорабочіе, вспомогательный и проч., употребляемые нѣкоторыми авторами по адресу крѣпостной пѣхоты».

Такого именно способа отношенія къ различнымъ родамъ войскъ г. Г. Казбекъ и придержался въ своей работѣ: «Служба войскъ при атакѣ и оборонѣ крѣпостей». Не забудемъ также упо-

1) Величко. «Исслѣдованіе новѣйшихъ средствъ осады и обороны современныхъ крѣпостей». 1891 г.

2) Варшавскій военный журналъ 1903 года. № 2.

мянуть здѣсь о небольшой, но весьма богатой содержаніемъ статьѣ въ № 2-мъ «Военнаго Сборника» 1903 года. Здѣсь излагаются тѣ выводы, къ которымъ пришелъ *«кружокъ заинтересованныхъ лицъ»*, преимущественно инженеровъ и артиллеристовъ, *въ частныхъ бесѣдахъ своихъ по вопросамъ крѣпостной войны». Въ нихъ уже совершенно нѣтъ указаній на борьбу мнѣній относительно значенія разныхъ родовъ войскъ въ осадѣ и оборонѣ, хотя все изложеніе и имѣетъ въ виду почти исключительно подготовку пѣхоты въ духѣ особенностей борьбы за крѣпости. Въ общемъ, однако, статья носитъ видъ возраженія на «Службу войскъ» г. Казбека.*

Такимъ образомъ, какъ видно изъ изложеннаго, передъ войною 1904—1905 гг. въ оцѣнкѣ относительнаго значенія родовъ войскъ въ борьбѣ за крѣпости, можно было намѣтить 2 главныя теченія. Одно изъ нихъ—официально-германское, рѣзко обозначено, рѣзко стоитъ особнякомъ и проповѣдуетъ главенство артилеріи, съ подчиненіемъ ей всѣхъ прочихъ родовъ войскъ и дѣйствій. Другое—болѣе общее, частью даже захватывающее германскихъ военныхъ писателей (но съ крайне осторожными заявленіями съ ихъ стороны), склоняется къ равноправности всѣхъ сотрудниковъ въ осадѣ и оборонѣ крѣпостей. Наболѣе яркій оттѣнокъ такого отношенія носятъ труды части русскихъ писателей, и его же усматриваю я въ существованіи у насъ крѣпостной пѣхоты; наименѣе яркій—французскія официальные и литературныя данныя, гдѣ бережливость въ артилеріи и усиленная работа пѣхоты *«quand tѣme»*, какъ бы склоняетъ вѣсы въ сторону этой послѣдней. Наконецъ, снова совсѣмъ особнякомъ стоитъ требованіе Коля признать пѣхоту *«царицей полей сраженія»* подѣ крѣпостями,—требованіе, къ которому какъ-то странно примыкаетъ и голосъ такого, казалось бы, высокооцѣннаго источника военныхъ знаній, какъ «Ежегодникъ» Лебеля.

Я рѣшительно присоединяюсь къ прекраснымъ словамъ г. Г. Казбека: *«Праздный вопросъ о главенствѣ между родами войскъ»* дѣйствительно еще въ то время надо было безповоротно *«сдать въ архивъ»*. За освобожденіемъ же отъ него найдется много мѣста для болѣе живой и плодотворной работы,—для оцѣнки и разъясненія условій работы каждаго рода войскъ въ отдѣльности и всѣхъ ихъ въ совокупности въ обстановкѣ современныхъ дѣйствій подѣ крѣпостями. И мы увидимъ, какъ ясно вытекаетъ это и изъ опыта Портъ-Артура.

VIII. Вопросъ о передовыхъ позиціяхъ и защитникахъ крѣпостей до русско-японской войны.

Вопросъ о передовыхъ позиціяхъ обсуждался и обсуждается наиболѣе горячо и страстно. Явились и сторонники «передовыхъ позицій во что бы то ни стало», и непримиримые противники ихъ, и ученіе среднее — «за» въ нѣкоторыхъ случаяхъ, «противъ» — въ другихъ; имѣются голоса за занятіе «въ видѣ исключенія», — и проч...

Да оно и совершенно понятно, разъ самый вопросъ такъ глубоко затрагиваетъ всю сущность обороны. Дѣйствительно, располагаясь сразу на внѣшнемъ поясѣ, обороняющійся можетъ обходиться наименьшими силами и наименьшимъ количествомъ работъ по подготовкѣ своей къ бою, а защитники могутъ быть наименьшей боевой годности (Германія). Но за то какъ облегчается вся задача осады! Безъ боя отдается вся впередилежащая мѣстность. Осаждающій сразу захватываетъ все ему нужное для развитія рѣшительнаго удара. Имѣя передъ собой слабаго духомъ и числомъ врага, онъ и самъ получаетъ возможность явиться подъ крѣпость относительно слабымъ. *Сбереженіе силъ обороны приводитъ, такимъ образомъ, къ сбереженію силъ и осады, и не ясно ли уже отсюда, кто выигрываетъ больше?* Кромѣ того, духъ осаждающаго крѣпнеть въ быстрыхъ успѣхахъ; промежутокъ подготовительный, опасныхъ боковыхъ передвиженій, сокращается; кольцо обложенія смыкается скорѣе, вѣрнѣе и проще. А между тѣмъ всякому изучавшему обложеніе крѣпостей хорошо извѣстно, что борьба въ полномъ смыслѣ слова велась и была, по существу, возможна лишь до смыканія обложенія, и что послѣ того начиналось простое вымираніе защитниковъ въ охватившихъ ихъ тискахъ, съ расчетомъ въ лучшихъ случаяхъ дней сопротивленія по числу остающихся сухарей и зарядовъ.

Наоборотъ, съ выдвиженіемъ впередъ обороны противникъ долженъ овладѣвать съ бою не только главными, но и подготовительными своими позиціями, открывая вмѣстѣ съ тѣмъ свои намѣренія. Вся борьба затягивается на значительно большее время; большее протяженіе обложенія, большая его подверженность ударамъ опирающейся на *равелины за гласисомъ—передовыя позиціи*—обороны затрудняетъ дѣйствія, требуетъ большихъ силъ, отдаляетъ на неопредѣленное время лишеніе обороны тѣхъ просвѣтовъ, черезъ которые проникаетъ къ ней живительный духъ

общенія съ полемъ. *Духъ обороны крѣпнетъ, тактическая спайка растетъ*, врагъ между тѣмъ на глазахъ защитниковъ тратитъ крупныя усилія надъ позиціями, много слабѣйшими, нежели лежащая пока еще далеко сзади главная черта обороны. Наконецъ, выигрывается время на приведеніе въ надлежащее состояніе долговременныхъ и прочихъ укрѣпленій этой черты и ядра. За то подобная широко-наступательная оборона, какъ оно ясно само по себѣ, требуетъ достаточнаго количества войскъ и болѣе высокой ихъ боевой годности. *Короче, вопросъ о передовыхъ позиціяхъ есть вопросъ о духѣ и способѣ всей вообще обороны крѣпости и ея заблаговременной подготовки.*

Гдѣ же ключъ къ разгадкѣ нужнаго или только допустимаго въ этомъ вопросѣ? Гдѣ скрытъ истинный смыслъ вещей, и въ чемъ вѣнецъ обороны крѣпости?

Попытаюсь найти отвѣтъ въ современныхъ ученіяхъ о назначеніи крѣпостей и о защитникахъ. Но прежде брошу взглядъ, насколько законна и естественна вообще оборона сразу на главной оборонительной чертѣ.

Полевого боя, понимая его обширно, въ какое бы то ни было время состоянія военного искусства мы себѣ представить безъ соотвѣтственнаго примѣненія прикрывающихъ частей не можемъ.

Ихъ дѣятельность, заставляя противника раскрыть карты, въ то же время скрываетъ намѣренія своей стороны, даетъ ей время изготовиться къ бою. Быстрота и скрытность, столь настойчиво указываемыя Наполеономъ, Суворовскіе «быстрота, глазомѣръ и натискъ» именно и являются главными средствами наступленія для отнятія у обороны ея могучаго союзника—затяжки боя въ глубину подъ прикрытіемъ передовыхъ частей на передовыхъ оборонительныхъ рубежахъ и опорныхъ точкахъ.

Расчроstrая сказанное, мы и въ стратегіи видимъ прикрытіе главныхъ рубежей и главныхъ силъ передовыми частями, несущими видную, чисто наступательную боевую службу. Въ частности по отношенію къ крѣпостямъ, мы видимъ въ началѣ достовѣрныхъ историческихъ временъ какъ будто одинъ бой на сплошныхъ мертвыхъ препятствіяхъ главной оборонительной черты. Но едва военное и крѣпостное дѣло вышли изъ младенческаго состоянія, ступивъ на черту огнестрѣльнаго оружія, какъ тотчасъ же явилось сознаніе необходимости равелиновъ и прикрытаго пути, значеніе которыхъ я такъ настойчиво подчеркивалъ выше. Затѣмъ,

какъ только прикрытый путь сдѣлался, по смыслу своему и при-
мѣненію, составной частью главной оборонительной черты ¹⁾), ра-
велины сами собой вышли за гласисъ, а послѣ того понадобилось
лишь извѣстное время для постепеннаго, на указанныхъ началахъ.
введенія въ общее сознаніе великихъ мыслей Тартальи, начавъ это
введеніе робкой попыткой Мезьерской школы и закончивъ его
современнымъ фортовымъ поясомъ.

Такимъ образомъ, всегда и вездѣ *сила вещей толкала обо-
рону впередъ по мѣрѣ того, какъ подавалась впередъ главная обо-
ронительная линія*. Иначе говоря, никогда и нигдѣ, по самой
сути вопроса, оборона не считала возможнымъ сразу допускать
врага къ рѣшительному соприкосновенію со своей главной чертой
сопротивленія.

Нынѣ главная оборонительная черта крѣпости—внѣшній по-
ясъ; существуетъ даже уподобленіе фортовъ «бастіонамъ, курти-
нами которымъ можетъ служить главная ограда» ²⁾). То же самое
понятіе проводится и въ книгѣ «Die Festung», этомъ евангеліи
нѣмцевъ по крѣпостнымъ вопросамъ... Что-же касается до взгляда,
что форты уже удовлетворили назначенію отодвинуть противника
отъ ядра, то его я не раздѣляю вовсе. Главная черта сопротивле-
нія—внѣшній поясъ,—это ясно. *Но почему же тогда не явля-
ются общепризнанными законность и необходимость передо-
выхъ позицій, какъ рavelиновъ впереди внѣшняго пояса* ³⁾), это-
го по духу своему прикрытаго пути,—и почему не берутъ верхъ
надъ всѣми возраженіями уроки исторіи, очевидная необходимость
возможно надежнѣе закрѣпить за собой важныя для противника
мѣста и даже сама бьющая въ глаза необходимость прикрыть тѣ,
по мѣткому выраженію г. Н. Сухотина, «готовыя громадныя бре-
ши», которыя представляютъ изъ себя современные промежутки
между фортами?

Отвѣтъ на это, какъ я уже говорилъ, кроется въ современныхъ
опредѣленіи назначенія крѣпости и состояніи ученія о защитни-
кахъ.

Обращусь сначала къ первому изъ нихъ. Въ трудѣ своемъ «Те-
орія современной крѣпостной обороны» г. В. Чекмаревъ приво-
дитъ 11 опредѣленій назначенія крѣпости (или понятія о томъ, что

¹⁾ «Прикрытый путь потерявъ—все потеряно».

²⁾ Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, столбецъ 512.

³⁾ Особенно умѣстныхъ именно *при уподобленіи фортовъ бастіонамъ, а
главной ограды—куртинамъ*.

есть крѣпость). Изъ нихъ наибольшимъ вниманіемъ, особенно въ инженерной средѣ, пользовалось опредѣленіе, что крѣпость должна давать *возможность* оборонять данную стратегическую точку съ *возможно* меньшими силами, *возможно* продолжительное время, приковывая къ себѣ *возможно* большее количество непріятельскихъ войскъ. Справедливо не удовлетворяясь подобнымъ положеніемъ вопроса,—ибо упускалась изъ виду самая суть—*предметъ, подлежащій охраненію крѣпостью*, и *духъ* этого охраненія, г. Чекмаревъ предложилъ свое собственное опредѣленіе, полнѣе выражающее основную мысль, а именно: «Крѣпость есть оборонительная система, предназначенная для обезпеченія, *обладанія* или сохраненія *предмета*, важнаго для арміи, при минимальной затратѣ живой силы»...

Опредѣленіе это немедленно вызвало цѣлую бурю въ инженерной средѣ. Въ немъ увидѣли посягательство на установившіеся взгляды, едва ли не ересь. Голоса болѣе безристрастные поддерживали, однако, г. Чекмарева. Но я считаю необходимымъ войти въ болѣе подробное обсужденія понятія о наименьшемъ числѣ живой силы, господствующей во всѣхъ опредѣленіяхъ крѣпости, не исключая и опредѣленія г. Чекмарева. Прежде всего замѣчу, что *стремленіе достигнуть данной цѣли съ наименьшею затратою силъ далеко не является какой либо особой заслугой крѣпостного дѣла. Это—мировой законъ,—и въ частности наприм., въ родномъ нашемъ военномъ дѣлѣ такое умѣніе при наименьшихъ силахъ достигъ наибольшихъ послѣдствій всегда являлось вѣнцомъ полководческаго дара и торжества духа и воли надъ числомъ и искусственными средствами борьбы.* Такимъ образомъ суть дѣла не въ самомъ стремленіи, а въ томъ пути, которымъ оно проводится въ жизнь по отношенію къ крѣпостямъ. Вотъ здѣсь то я и усматриваю странное смѣшеніе *причинъ со слѣдствіями, цѣли со средствами* для ея достиженія.

Дѣйствительно,—какъ оно впрочемъ и естественно,—разъ крѣпостное дѣло находится всецѣло въ рукахъ инженеровъ, созданіе крѣпости начинается и заканчивается нагроможденіемъ мертвыхъ глыбъ земли, камня и желѣза, и всѣ остальные составныя части пригоняются къ шаблонамъ «обвода фортаго пояса», «протяженія сторожевой линіи», «1 тыс. чел. на версту долговременной позиціи» и т. п., съ крайней ихъ урѣзкой во всѣхъ отношеніяхъ въ пользу наибольшаго горжества строительнаго искусства ¹⁾. Не му-

¹⁾ Вообще нигдѣ нѣтъ такого количества «*нормальныхъ теоретическихъ примѣровъ*», *нормальныхъ теоретическихъ расчетовъ* для того и другого рода «*нор-*

дрено, что при такихъ условіяхъ «минимумъ силъ» получается очень просто и быстро; не мудрено также, что съ подобнымъ «минимумомъ силъ» дѣйствительно нельзя выступать на дѣятельную защиту охраняемаго крѣпостью предмета, а надо закутаться въ туманную загадку «привлеченія къ себѣ наибольшихъ силъ противника на возможно продолжительный срокъ» и всю жизненность борьбы видѣть въ «контръ-апрошахъ», «малыхъ вылазкахъ» и «контръ-атакахъ по сгласированному брустверу»¹⁾.

Мнѣ представляется проведеніе во жизнь назначенія крѣпости совершенно иначе. *Прежде всего всякій истинно-военный человекъ ясно сознаетъ, что крѣпость гораздо болѣе сильное средство въ рукахъ умѣющаго ею пользоваться наступательно, а не только оборонительно...* Затѣмъ, отбросивъ всякія рѣшенія на заранѣе предрѣшенный вопросъ, надо выяснитъ *себѣ, что стратегически и тактически—единственное назначеніе крѣпости—давать полную свободу дѣйствій полевымъ силамъ.* Надо дополнить это значеніемъ крѣпости *политическимъ, какъ залога неотторжимости обезпечиваемыхъ ею земель.* Изъ совокупности изложеннаго *въ связи съ естественными свойствами мѣстности въ подготавливаемой для дѣйствій данною крѣпостью полость* сами собою вытекутъ во время войны всѣ тѣ частныя задачи, которыя должны быть выполнены полевыми войсками, опирающимися на крѣпость, а отсюда и всѣми составными частями обороны крѣпости вообще, ея живой силой въ частности. И только уже послѣ того, съ *тщательнымъ стремленіемъ къ общему взаимодействию силъ и съ еще болѣе тщательнымъ избѣжаніемъ могущаго послѣдовать вреда для этихъ основныхъ задачъ крѣпости,* можетъ быть введена въ расчеты строительная сторона, но именно для сбереженія силъ, за счетъ предоставляемыхъ имъ, въ ихъ распоряженіе, мертвыхъ препятствій... *«Сила крѣпостей не въ валахъ и стѣнахъ, а въ сердцахъ ихъ защитниковъ...* Къ этимъ прекраснымъ словамъ я добавлю выписку изъ

малыхъ теоретическихъ крѣпостей», какъ нѣ крѣпостномъ дѣлѣ, которое отъ этого и уходитъ отъ жизни въ схоластику.

¹⁾ Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ подробной постановкой дѣла отсылаю къ статьѣ г. Ведицко «Инженерная оборона государствъ и устройство крѣпостей» глава II (Инж. журн. 1902 г. № 2, стр. 127). Возьму здѣсь лишь открытое заявленіе, что *«сначала нужно рѣшить, какая крѣпость подлежитъ созданію—маневренная или малая, гарнизонъ же является производной отъ существующей функціи, во всякомъ случаѣ величиною зависимой, и главнымъ образомъ зависимой отъ необходимаго развитія оборонительныхъ сооруженій».*

небольшой, но заслуживающей самаго большого вниманія статьи покойнаго генерала Макѣева (Варшавскій военный журналъ 1902 года № 2, стр. 137—138) относительно необходимости въ корнѣхъ измѣнить существующіе способы созданія крѣпостей и основную постановку крѣпостнаго дѣла вообще.

«Въ наше время»,—говоритъ онъ,—«время массовыхъ армій. задачи крѣпостной обороны значительно разнятся отъ задачъ прежняго времени. Теперь уже нельзя смотрѣть на эти задачи съ *узкой точки зрѣнія «шанцевой войны и рѣшать ихъ по инженернымъ рецептамъ».*

«*При современномъ состояніи военного искусства* ¹⁾ всякія успѣшныя дѣйствія становятся возможными только при правильномъ сочетаніи условій: силы, времени и мѣста, а потому и обороняя крѣпость приходится стремиться къ тому, чтобы главные элементы обороны—войска—были поставлены въ полное соотвѣтствіе съ другими элементами, а также и съ окружающей ихъ боевой обстановкой, безъ чего правильное согласованіе силъ, необходимое для успѣха дѣйствій, не будетъ возможно. И далѣе».

«Въ заключеніе всего изложеннаго, не могу не добавить, что обсуждаемый вопросъ о назначеніи крѣпостей, какъ и многіе другіе подобнаго же рода вопросы, показываетъ, что наше крѣпостное дѣло не вышло еще изъ дебрей старой фортификаціи, и, какъ показываетъ горькая дѣйствительность, прогрессъ этого дѣла будетъ возможенъ только тогда, когда въ подталкиваніи его примутъ болѣе дѣятельное участіе лица строевого состава крѣпостей, отрѣшившіяся отъ мысли, что всѣ усовершенствованія въ области фортификаціи возможны только на почвѣ стараго».

«Этому старому, т. е. отжившей фортификаціи, произнесенъ приговоръ исторіей еще въ день взятія Малахова кургана. И дѣйствительно, гарнизонъ Севастополя, имѣя такихъ сподвижниковъ, какъ адмиралы Нахимовъ, Корниловъ и Истомино, сражался геройски; численный его составъ не измѣнялся, такъ какъ всякая убыль, какъ бы она ни была велика, пополнялась приливомъ свѣжихъ силъ; перевѣсъ силъ былъ, временами, на сторонѣ обороны; запасы артилерійскаго вооруженія и припасовъ были неизсякаемы; продовольствіемъ гарнизонъ снабжался въ изобиліи; оборона велась Тотлебеномъ, съ инженерной точки зрѣнія, классически; такимъ образомъ, всѣ условія для веденія самой идеальной обороны

¹⁾ А я добавлю отъ себя: «какъ и во всѣ его времена».

были налицо, а между тѣмъ крѣпость пала. Что было причиною этого?—пріемы обороны по правиламъ отсталой фортификаціи, обратившейся въ простое техническое искусство и не признающей давно уже измѣнившихся условій боевой обстановки» ¹⁾).

«Все хорошо въ свое время и на своемъ мѣстѣ».

«Въ то время, когда артилерія, по выраженію Монтеня, поражала только уши человѣческія, фортификаціонныя сооруженія при оборонѣ крѣпостей имѣли особо важное значеніе. Съ введеніемъ нарѣзной артилеріи преобладающее значеніе верковъ начало утрачиваться. Въ наше время появились новые факторы, повліявшіе на способы примѣненія фортификаціонныхъ сооруженій при оборонѣ крѣпостей. Считаюсь съ однимъ изъ этихъ факторовъ, дальнобойной артилеріей,—*приходится возводить нынѣ оборонительныя сооруженія главнымъ образомъ только тамъ, гдѣ условія боевого расположенія войскъ и артилеріи того требуютъ* ²⁾: *иначе сооруженія эти, понастороенныя тамъ, гдѣ не нужно, будутъ подводить только войска, ихъ занимающія, подѣ выстрѣлы противника, указывая ему мѣсто, куда слѣдуетъ бить*».

«Для правильнаго же пониманія и выполненія сложныхъ требованій боевой обстановки современнаго обширнаго крѣпостнаго раіона—*необходимы: основательное знаніе всѣхъ свойствъ главнѣйшихъ элементовъ крѣпостной обороны, практическое обученіе войскъ и боевой опытъ*, чего конечно не могутъ дать *одни только техническія познанія, коими обладаютъ наши инженеры*».

Итакъ, я желалъ бы разумѣть за крѣпостью такое назначеніе обезпечить обладаніе или сохраненіе предмета, важнаго для государства, для судьбы войны, для войскъ, при наименьшей затратѣ живой силы,—*гдѣ задачи этой крѣпости широко бы вліяли на расчетъ силъ и ихъ сочетаніе съ мертвыми составляющими частями*, а не наоборотъ, брались бы за основаніе *эти части, къ нимъ подгонялись бы силы*, а затѣмъ уже урѣзывалась бы *и самая задача крѣпости*, съ нарушеніемъ даже основнаго духа обороны, освященнаго вѣками и подсказаннаго кровавымъ боевымъ опытомъ предковъ.

Короче: *крѣпости для войскъ, а не войска для крѣпостей*, и во главѣ всего назначеніе крѣпости—*держаться во чтобы то*

¹⁾ «Сожнутіе инженерами горжи было причиною паденія Малахова кургана». (прим. Маѣева).

²⁾ Курсыявъ мой.

ни стало до заключенія мира, давая полную свободу дѣйствій полевымъ войскамъ, но отнюдь не черпая отъ нихъ указаній на «ограниченное время сопротивленія».

Здѣсь я вхожу въ вопросъ о защитникахъ, — этотъ наисущественнѣйшій для всего крѣпостного дѣла вопросъ. Мы видѣли, что онъ стоитъ на печальной ступени «экономіи силъ до ихъ минимальнаго размѣра». Такое положеніе представляется печальнымъ наслѣдіемъ тѣхъ временъ, когда чрезмѣрное размноженіе крѣпостей, малая численность войскъ и низкій уровень военнаго искусства въ связи съ ничтожными размѣрами самыхъ крѣпостей дѣлали «минимальные гарнизоны» не только естественными, но и неизбѣжными. Чего однако, достигли съ этими безчисленными крѣпостями, разставленными на разстояніи «сферъ удара» ихъ «минимальныхъ», а потому и ничтожныхъ по своей дѣеспособности гарнизоновъ? Ничтожныя, мертвенно обороняемыя крѣпости никого не останавливали, а многіе десятки тысячъ бойцовъ, малодушно спрятанныхъ валами и стѣнами, были потеряны для поля, гдѣ между тѣмъ всегда рѣшалась и будетъ рѣшаться судьба народовъ и государствъ. Достаточно вспомнить Наполеона въ 1814 году, когда онъ исходилъ въ неравной борьбѣ въ полѣ, а между тѣмъ въ крѣпостяхъ оставалось праздыми зрителями свыше 300 тыс. человекъ... Страна, наиболѣе возведшая въ заповѣдь отклоненіе крѣпостного дѣла отъ истинныхъ началъ военнаго искусства, даже и при такомъ *вождѣ*. какъ Наполеонъ, жестоко пострадала за это, какъ 100 лѣтъ передъ тѣмъ пострадала Голандія въ возмездіе за свою пламенную вѣру въ «ультра-пассивныя» преграды въ крѣпостяхъ, пассивныя, однако, и для себя не менѣе, чѣмъ для противника...

Такимъ образомъ, не ясно ли, что сбереженіе силъ достигалось извращеннымъ путемъ, въ ущербъ самому дѣлу, *и что не въ сокращеніи числа защитниковъ до полного ихъ безсилія, а въ сокращеніи числа крѣпостей, въ низведеніи ихъ количества до строго необходимаго и въ обильномъ затѣмъ ихъ снабженіи всѣмъ нужнымъ для борьбы живой и наступательной будетъ залогъ пользы и разумной примѣнимости военно-строительнаго дѣла въ цѣляхъ грядущихъ войнъ?.. Повторяю, крѣпость должна держаться до заключенія мира!..*

Война 1870—71 г. показала, однако, что истина эта не усвоилась. Горькій ея опытъ вновь не повліялъ на улучшеніе крѣпостного дѣла. Разрывъ его съ тактикой все растетъ; есть рѣчь обо всемъ, — бетонъ, бронь, — но нѣтъ живой сознательной рѣчи о че-

ловѣкъ... Даже наоборотъ, какъ мы видѣли, возникали и частью даже осуществились заботы замѣнить воиновъ, защитниковъ крѣпостей, механиками при пушкахъ, запертыми въ желѣзныхъ ящикахъ—башняхъ и совершенно лишенными всякаго живого смысла въ оборонѣ внутренняго пространства крѣпости, довѣреннаго приборамъ и мертвымъ препятствіямъ. (Румынскія линіи по Серету; предложенія Зауера, Мейера, Мужена)...

Любопытно взглянуть, какъ исчислялись до 1904/5 гг. защитники послѣ всѣхъ указаній боевого опыта и въ наличности всѣхъ, по моему, съ очевидностью вытекающихъ изъ сути вещей указаній науки... Наболѣе обстоятельная сводка современныхъ ученій въ этомъ направленіи сдѣлана покойнымъ профессоромъ Энгманомъ въ его статьѣ «Подготовка крѣпостей къ оборонѣ» (Инженерн. журн. 1897 г. № 4). Опускаю пока то, что касается комендантовъ крѣпостей, которыхъ Г. Энгманъ, конечно, находитъ *только между инженерами*, вопреки всей исторіи, которая показываетъ, что истинные борцы за свой долгъ были далеко не всегда инженеры ¹⁾, и что, наоборотъ, даже такіе выдающіеся коменданты инженеры, какъ Тотлебень и Данферъ, оказались далеко не на высотѣ положенія при необходимости широкаго общаго военнаго взгляда (*смыканіе горжи* на Малаховомъ курганѣ; отсутствіе широкаго наступленія въ оборонѣ Севастополя вообще; мертвенное поведеніе *Данфера во время боя* на р. Лизень...) Возьму болѣе подробно лишь непосредственныя сужденія о самихъ защитникахъ. Здѣсь приводится впереди всего изреченіе Вобана: «Крѣпости — это огромныя неподвижныя машины, которыхъ достоинства и способность къ дѣйствию зависятъ исключительно отъ ихъ защитниковъ». Какъ же исчисляются эти защитники? «*Заграницей*»,—говоритъ г. Энгманъ,—«*большей частью назначаютъ по 1 солдату на каждый метръ обвода линіи фортовъ и по 1 орудію на каждые 25 метровъ*» ²⁾. Находя такой способъ «слишкомъ неточнымъ, такъ какъ онъ не принимаетъ въ расчетъ самаго главнаго—мѣстной обстановки», г. Энгманъ рѣшительно склонился къ способу

1) Вспомнимъ хотя бы Пиринейскій полуостровъ 1808—1813 гг. когда попали себя болѣе славными лаврами строевые генералы, случайно попавшіе въ крѣпости, вспомнимъ Масену въ Генуѣ, Рапа въ Данцигѣ, Гнейзенау въ Кольбергѣ, не говоря уже о всѣхъ нашихъ славныхъ защитникахъ крѣпостей до середины XIX в.

2) И уже имѣлъ случай высказаться о подобныхъ приемахъ исчисления.

профес. ген. Кюн¹⁾, «основанному на тщательномъ изученіи мѣстной обстановки крѣпости въ зависимости отъ возможныхъ способовъ атаки ея и соответствующихъ наиболее цѣлесообразныхъ пріемовъ обороны. Отсюда гарнизонъ крѣпости долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ обороны въ томъ видѣ, какъ они вызываются атакой». Можно было бы остановиться на уже сказанномъ, ибо изъ него уже достаточно ясно опредѣляется основная постановка вопроса о гарнизонѣ передовыми руководителями нашего военно-инженернаго дѣла.

Но я остановлюсь еще на расчетѣ силъ для наступательныхъ дѣйствій, обѣщанномъ г. Энгманомъ въ его словахъ, что кромѣ войскъ, охраняющихъ крѣпость отъ приступа (*по мнѣнію г. Энгмана это важнѣйшая задача*), должно оставаться еще достаточно для вылазокъ и иныхъ (какихъ именно—не говорится) самостоятельныхъ дѣйствій... *Расчета этого я однако не нашелъ, и тѣ 6 баталіоновъ, которые положены общей поддержкой для 28 баталіоновъ чисто противъ приступа, цѣликомъ расходуются въ разсматриваемой статьѣ на примѣненіе ихъ чисто мертвеннымъ образомъ въ полосѣ главнаго удара,—съ подробнымъ уже здѣсь расчетомъ въ верстахъ, шагахъ и людяхъ этого мертваго примѣненія... Въ общемъ, сужденія г. Энгмана сведены въ таблицу, изъ которой беру лишь то, что касается пѣхоты.*

П ѣ х о т а.

	Въ фортахъ.	Въ участк. резерв.	Въ оградѣ.	Главн. ре- зерв.	Всего.
	Бат.	Бат.	Бат.	Бат.	Бат.
Германцы	3	10	3	12	28
Генераль Бриальмонъ	14	14	6	12	46
Генераль Кюн	14	14	4	12	44
Генераль Йохеръ	9½	13½	3¾	13¼	40
По нашему ²⁾ расчету	7	18	3	16	44

Но что же говорятъ другіе еще болѣе вѣскіе писатели—военные инженеры? «Гарнизонъ крѣпости» говоритъ г. Величко, «ея живыя силы долженъ быть въ полномъ соответствіи съ силою ея верковъ и вооруженія, составляя одинъ изъ этихъ трехъ насущныхъ элементовъ обороны, безъ наличности которыхъ въ совокупности исчезаетъ и самое понятіе о крѣпости, какъ крѣпкомъ пунктѣ на театрѣ войны».

«Составляя одинъ изъ органовъ обороны, живыя силы должны

¹⁾ «Опытъ раціональнаго опредѣленія величины гарнизоновъ крѣпостей».

²⁾ Т. е. г. Энгмана.

быть подготовлены къ бою за крѣпость и воспитаны въ духѣ славныхъ традицій прошлыхъ блестящихъ оборонъ крѣпостей, всегда связанныхъ съ неослабною энергіей коменданта и въ высшей степени активнымъ образомъ дѣйствій войскъ. *Но эта активность не можетъ и не должна превосходить извѣстныхъ предѣловъ, и ее приходится ограничивать не больше какъ вылазками до района облегающихъ войскъ съ цѣлью затруднить послѣднія, занимая важныя передовыя позиціи и заставляя противника шагъ за шагомъ атаковать каждую пядь земли* ¹⁾, т. е. проявлять того рода активность, которая характеризуетъ собою блестящія обороны малыхъ крѣпостей предшествовавшей эпохи».

«Эта активность носить на себѣ характеръ тактической по отношенію обороны самой крѣпости, и, конечно, она далека отъ той стратегической активности, которая можетъ быть свойственна лишь полевой арміи, находящей въ данной маневренной крѣпости только точку опоры для своихъ операцій на театрѣ войны»... И далѣе: «итакъ, развѣдки о противникѣ, приближающемся къ крѣпости, и служба по сторожевому охраненію, активныя дѣйствія на мѣстности впереди крѣпости ²⁾, оборона передовыхъ пунктовъ и позицій, охрана позицій крѣпостной артилеріи, отстаиваніе главной боевой позиціи крѣпости, бои за укрѣпленія, дѣйствія резервами въ массахъ противъ смѣлаго противника, прорвавшего главную позицію, бой передъ оградой ядра, наконецъ, упорное отстаиваніе послѣдней,—вотъ роль гарнизона большой маневренной крѣпости».

Итакъ, вотъ тотъ путь «непротивленія злу», на которомъ стоитъ снабженіе крѣпостей живой силой по мнѣніямъ нашихъ инженеровъ... Покорись заранѣе судьбѣ и противнику и дѣлай только то, что этотъ послѣдній тебѣ разрѣшаетъ; ничего не дѣлай для *предупрежденія его намѣреній* до обложенія и во время него, для нанесенія ему мощныхъ и сильныхъ ударовъ; прячься скорѣе въ свою *скорлупу*... Но зачѣмъ же тогда 44 баталіона? Не проще ли взять по-нѣмецки всего 28 баталіоновъ, какъ это видно изъ заимствуемой у г. Энгмана таблицы, и притомъ баталіоновъ наименьшей боевой годности? И нѣтъ ли какого либо иного пути, приводящаго къ болѣе цѣльнымъ послѣдствіямъ?.. Для разрѣшенія этого вопроса отсылаю къ статьямъ г. Сухотина въ №№ 5 и 6 «Военнаго Сбор-

¹⁾ Прилично напомнить здѣсь слова Наполеона: «Даже и въ наступательныхъ операціяхъ искусство должно заключаться въ томъ, чтобы давать только оборонительные бои и вынуждать противника атаковать». (Примѣч. г. Величко).

²⁾ Подчеркну, ссылаясь на только что приведенное выше,—не далье черты обложенія...

ника» 1885 года «Вопросы крѣпостной войны» и г. Казбека «Крѣпостные вопросы въ современной военной литературѣ» (Варшавск. воен. журн. 1903 года № 2). Въ первой статьѣ уже упоминавшееся мной глубокое научно-историческое изслѣдованіе привело уважаемаго писателя къ заключенію, что отъ крѣпости съ минимальнымъ гарнизономъ можно ожидать только крайне ограниченной пользы, и тѣмъ меньшей, чѣмъ больше развернется силъ на театрѣ войны; что для приданія крѣпости крупнаго стратегическаго значенія необходима придача ей, съ ея непосредственнымъ гарнизономъ, извѣстнаго приращенія живой силы; что, наконецъ, не должно быть *никакихъ общихъ приемовъ рациональнаго* и т. п. опредѣленія гарнизоновъ крѣпостей, *а единственнымъ путемъ къ тому должно быть избрано изученіе каждой отдѣльной крѣпости, какъ театра борьбы, обладающаго нѣкоторыми особенностями по сравненію съ обыкновеннымъ театромъ дѣйствій, и съ господствующимъ въ этомъ изученіи значеніемъ тактической дѣятельности живой силы въ связи съ мѣстностью.*

Въ итогѣ, всѣ оборонительныя по духу своему дѣйствія должны быть отдѣлены отъ широко наступательныхъ, и для cadaго изъ этихъ двухъ видовъ ихъ должны быть свои особыя войска, причемъ войскъ обороняющихъ (гарнизона, караула, для коего крѣпость—его сдача) должно быть достаточно для проведенія обороны черезъ всѣ фазисы, что и можетъ быть приблизительно ¹⁾ опредѣлено заранѣе, а количество *войскъ наступательныхъ* подлежитъ учету лишь въ зависимости отъ общаго хода дѣла и особенностей мѣстной обстановки подъ данной крѣпостью. Мы видимъ, что и здѣсь главенствуетъ «экономія силъ», но какъ различно отъ инженерныхъ расчетовъ понимается она по духу и сути дѣла!

Наши руководители военно-инженернаго дѣла, конечно, за этими взглядами не пошли; но нѣмцы, какъ видно изъ книги Гервина, взяли ихъ цѣликомъ. Они даютъ, какъ «*наступательную силу*», 1 див. пѣх. по образцу полевой дивизіи (для обыкновенной фортовой крѣпости), и какъ «*оборонительную силу*»—строго до послѣдняго человѣка разочтенное количество «*караула крѣпости*»... «Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ»!..

Передовыя позиціи въ изслѣдованіи ген. Сухотина имѣютъ во всякомъ случаѣ существеннѣйшее значеніе. Не менѣе цѣнятся онѣ и въ статьѣ г. Казбека.

¹⁾ А по моему—и весьма точно: свойства оружія, мѣстность и приемы исчисленія, указанныя у Гервина для расчета числа защитниковъ укрѣпленій вѣдъ «нормальныхъ теоретическихъ расчетовъ», а по дѣйствительной каждый разъ нуждѣ, — дадутъ итоги вполнѣ опредѣленные и жизненные.

«Полезьа крѣпостной войны требуетъ»,—говорить уважаемый писатель:

1) «Широкаго пользованія всѣми случаями для выхода съ подвижною частью гарнизона навстрѣчу осаждающему;

2) Занятія и упорной обороны передовыхъ позицій и

3) Широкаго развитія вылазокъ».

«Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, очевидно, должна быть мѣрка. зависящая, кромѣ нравственныхъ силъ, еще отъ матеріальныхъ средствъ воюющихъ; имѣя это въ виду, казалось бы, на долю теоріи слѣдуетъ отдать только неотъемлемое право рекомендовать коменданту непрерывно хлопотать объ интересахъ обороны, *сущность которой заключается въ выиграть времени*, и напомнить ему, что этотъ выигрышъ лучше всего дается *въ тотъ періодъ осады, который предшестуетъ тѣсному обложенію*.¹⁾ Въ это время противникъ наиболѣе слабъ: силы его разрознены, довольствіе не организовано, а осадныя средства находятся въ движеніи и составляютъ для него источникъ величайшихъ заботъ, онъ дѣйствуетъ ощупью и, конечно, будетъ мечтать о томъ, чтобы обезпечить себя отъ назойливыхъ глазъ бдительнаго врага и усыпить его вниманіе хотя бы на то сравнительно короткое время, которое ему нужно для того, чтобы сосредоточиться, осмотрѣться и остановиться на линіи тѣснаго обложенія. Зато когда довершится обложеніе, онъ уже властный хозяинъ поля сраженія и, располагая превосходствомъ силъ, можетъ увѣренно вести борьбу сильнаго противъ слабого».

«Имѣя ввиду сказанное, можно ли навязывать коменданту крѣпости ту прописную благоразумную осторожность, подъ которою легко читается требованіе запереться въ свою крѣпостную скорлупу и барахтаться въ ней подъ мощнымъ покровительствомъ бетона и огня своей крѣпостной артилеріи, помня въ утѣшеніе девизъ Вобана «être dans les avantages de la place».

«Итакъ, выходъ подвижной части гарнизона изъ крѣпости *видеть передовыхъ отрядовъ*, съ цѣлью встрѣтить противника на ходу, мы считаемъ *первымъ средствомъ для выигрыванія времени*, и потому вполне присоединяемся къ (указаннымъ выше) §§ (38 и 39) французской инструкціи 1899 года. Само собой понятно, что эта операція должна быть совершаема только силами, остающимися за выдѣленіемъ гарнизона, достаточнаго для отбитія нечаяннаго напа-

¹⁾ Пропись моя.

денія на крѣпость ¹⁾; отрядъ этотъ, конечно, не долженъ слишкомъ удалаться, и, вѣроятно, для успѣха не понадобится удаленія отъ фортовой линіи далѣе приблизительно $\frac{1}{2}$ перехода».

«Когда по ходу дѣла передовые отряды отступаютъ отъ крѣпости, имъ необходимо остановиться на такъ называемыхъ передовыхъ позиціяхъ, *заблаговременно укрѣпленныхъ и избранныхъ для обстрѣливанія мѣстъ, необходимыхъ атакующему для устройства своей подготовительной позиціи* ²⁾. Здѣсь, при содѣйствіи главной (фортовой) линіи, требуется уже опорная оборона, дабы заставить противника удалить отъ крѣпости свою подготовительную позицію и тѣмъ самымъ продлить время осады. Изъ этого ясно, что передовыя позиціи даютъ *новое средство для выигрышанія времени*, и пренебрегать этимъ средствомъ было бы непросительно».

«Существуютъ мнѣнія, *по преимуществу инженеровъ*, что въ хорошио устроенныхъ крѣпостяхъ самыя форты замѣняютъ передовыя позиціи; но это мнѣніе грѣшитъ передъ дѣйствительностью: есть крѣпости, гдѣ форты *оставляютъ передъ собою цѣлыя необстрѣливаемые пространства*, для охраненія конхъ отъ попытокъ атакующаго необходимо хотя временное занятіе сосѣднихъ фланговыхъ позицій. Наконецъ, бывають передъ фортовой линіей и такія мѣста, которыя пріобрѣтають случайно важное значеніе только потому, что атакующій выбралъ то, а не другое направленіе. Такія мѣста непредвидѣнно дѣлаются тактическими ключами, и обороняющемуся приходится занимать ихъ, не останавливаясь подчасъ передъ большими жертвами, помня, что эти жертвы окупятся дорогимъ для обороны *выигрышемъ времени*. За примѣрами ходить недалеко, если вспомнимъ позиціи впереди Севастополя (Волынской редутъ) и Бельфора (Першъ). Развѣ эти примѣры недостаточно убѣдительны для того, чтобы считать упорную оборону передовыхъ позицій за *обязательное средство крѣпостной войны*!!.

А. Блчаниновъ.

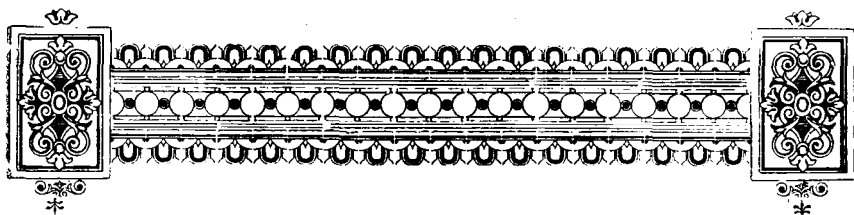
(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Дегизъ почему то считаетъ такія вышнія дѣйствія допустимыми только въ томъ случаѣ, когда въ свободномъ резервѣ имѣется отъ 6 до 12 баталіоновъ пѣхоты.

(Прим. г. Казбека).

²⁾ Пропись моя. Я лично считаю—«для развертыванія осадной артилеріи».

ВЕЛИЧИНА И СОСТАВЪ ГАРНИЗОНА КРѢПОСТЕЙ.

(Продолженіе ¹).

Артилерійскій гарнизонъ не трудно подсчитать послѣ обстоятельнѣйшей разработки этого вопроса Г. Як. Карповымъ, сдѣланной этимъ нашимъ выдающимся артиллеристомъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» за 1905 г. №№ 6, 7, 8 и 9. Нужно только опредѣлить предварительно *вооруженіе данной крѣпости*, такъ какъ ни качества, ни количества орудій различнаго рода, упомянутое изслѣдованіе не коснулось, значеніе же количества, а отчасти и качества въ данномъ случаѣ понятно. Соображенія, опредѣляющія родъ и число орудій въ крѣпостяхъ, давно уже вышли изъ архивовъ соотвѣтствующихъ комитетовъ и комисій, давно уже стали достояніемъ общедоступныхъ учебныхъ руководствъ и тѣмъ не менѣе не перестаютъ быть спорными. Мы охотно мирились съ расчетами вооруженія, насчитывавшими 1000, 1300 и до 1800 орудій на крѣпость, пока не подсчитали стоимости этихъ орудій и въ особенности ихъ боевого комплекта, пока довольствовались назначеніемъ по 8 чел. артилерійской прислуги на орудія дальняго боя и чуть ли не по 3 чел. на орудія противуштурмовыя, ближняго боя. Но вотъ года три тому назадъ появляются въ печати данныя стоимости вооруженія, и оказывается, что на орудіе въ среднемъ надо считать не менѣе 34,000 р., т. е. стоимость крѣпостного артилерійскаго вооруженія составляетъ при приведен-

¹) См. «Воен. Сборн.» № 2.

ныхъ выше количествахъ орудій, соответственно — 34, 44 и 61 миллионъ рублей; это уже вызвало нѣкоторыя опасенія за правильность пути, на которомъ стоитъ вопросъ о числѣ орудій въ крѣпостяхъ. Эти опасенія для многихъ перешли въ полную увѣренность въ неправильности упомянутаго пути, когда г. Як. Карповымъ былъ сдѣланъ впервые подсчетъ личнаго состава крѣпостной артилеріи, основанный на точномъ знаніи *всѣхъ* потребностей ея боевой службы, и оказалось, что для обслуживания, напримѣръ 1,300 орудій крѣпостной артилеріи, ея личный составъ долженъ состоять изъ 16,625 чел. рядовыхъ (по 12 чел. на орудіе въ среднемъ), 1550 фейерверкеровъ, 705 оберъ-офицеровъ, 100 штабъ-офицеровъ и 5 генераловъ (разсчетъ сдѣланъ по даннымъ Як. Карпова мною) Цѣлая дивизія артилеристовъ съ 5 генералами во главѣ!

Не теряя времени на критику того, что сдѣлано другими, постараюсь установить способъ разчета артилерійскаго вооруженія крѣпости наиболѣе распространеннаго типа по возможности свободный отъ упрека въ чрезмѣрномъ количествѣ людей и орудій. Путь къ сокращенію числа крѣпостныхъ орудій, а слѣдовательно и числа людей артилерійскаго гарнизона, указывается основными свойствами обстановки, въ которой работаютъ крѣпостныя орудія дальняго боя, а по отношенію къ орудіямъ ближняго боя необходимо принять во вниманіе въ этомъ случаѣ еще и нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ самихъ орудій. Вооруженіе дальняго боя имѣетъ главной задачей борьбу съ себѣ подобной осадной артилеріей и если бы даже оказалось, что на сторонѣ атакующаго больше новыхъ орудій, крѣпостная артилерія, *даже при меньшемъ числѣ орудій можетъ взять перевѣсъ* если будетъ сдѣлано то, что къ сожалѣнію вовсе не дѣлается или дѣлается лишь въ очень слабой степени, а именно, *если крѣпостная артилерія широко воспользуется своимъ постояннымъ пребываніемъ на полѣ будущей борьбы для подготовки этого поля во всѣхъ отношеніяхъ и для его изученія*. Вооруженіе ближняго боя, имѣющее цѣлью отразить штурмъ, поставлено въ условія еще болѣе выгодныя, чѣмъ вооруженіе дальняго боя: въ то время какъ орудія дальняго боя имѣютъ противъ себя по меньшей мѣрѣ столь же совершенныя орудія осадныхъ батарей, и взаимное истребленіе этихъ двухъ артилерій происходитъ при условіяхъ столь же равныхъ, какъ прежде, вооруженіе ближняго боя, непрерывно совершенствуемое въ смыслѣ скорострѣльности, мѣткости и разрушительнаго дѣйствія, имѣетъ передъ собою все того же человѣка,

идущаго на штурмъ; всякаго рода панцыри и щиты на колесахъ и т. п. приспособленія дѣйствительны противъ пуль, но не противъ гранатъ полевыхъ скорострѣльныхъ орудій и потому существенно дѣла не мѣняютъ.

Трудно, конечно, учесть такую данную, какъ вліяніе степени подготовки поля артилерійской борьбы обороняющимся или степени подготовки личнаго состава на успѣхъ стрѣльбы крѣпостной артилеріи. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что, на примѣръ, *подготовка личнаго состава* имѣетъ огромное значеніе и въ то же время, при равенствѣ прочихъ условій, будетъ всегда тѣмъ выше, чѣмъ меньше этотъ личный составъ, т. е. иначе говоря—чѣмъ меньше орудій: количество всегда и всюду вредитъ качеству. Затѣмъ, въ ряду способовъ подготовки поля артилерійской борьбы обороняющимся въ свою пользу всегда существовалъ такой, какъ *усовершенствованіе закрытій* для крѣпостной артилеріи съ одновременнымъ уничтоженіемъ таковыхъ для осадной, на впереди лежащей мѣстности, и этотъ старый, испытанный способъ, при современныхъ средствахъ разрушенія можетъ получить тѣмъ большее значеніе, чѣмъ эти средства сильнѣе. Наконецъ, въ области усовершенствованія закрытій для орудій, существуетъ такое, какъ *замѣна батарей открытыхъ сверху, батареями бронекупольными*, въ которыхъ это закрытіе доведено до максимума при максимальномъ обстрѣлѣ; этого рода закрытіе доступно уже исключительно только обороняющемуся и, съ точки зрѣнія возможнаго сокращенія числа орудій за счетъ усовершенствованій въ закрытіяхъ, представляетъ оеобенный интересъ, какъ позволяющее прійти по данному вопросу къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ цифровымъ выводамъ; кромѣ того, нужно еще сказать, что этимъ способомъ рѣшенія вопроса широко пользуются въ послѣднее время наши практичные сосѣди германцы.

Сопоставимъ прежде всего стоимость одного орудія съ комплектомъ боевыхъ припасовъ, помѣщеннаго подъ броневымъ куполомъ въ бронекупольной или вѣрнѣе бронебетонной батарее, со стоимостью такого же орудія, установленнаго въ долговременной, открытой сверху батарее:

	Орудіе въ бронекупольной батарее:		Орудіе въ батарее открытой сверху:	
Орудіе 6 дм. 1904 г.	12,000 руб.	} 80 т. р.	12,000 руб.	} 77 т. р.
Лафетъ къ нему.	7,500 "		4,500 "	
1.000 выстрѣловъ.	60,500 "		60,000 "	
Батарея	20,000 "		5,000 "	
Броня съ мех.	150,000 "		—	
Итого	250,000 руб.		82,000 руб.	

Отсюда можно видѣть, что если допустить только тройное превосходство бронекупольной батареи, какъ закрытія, передъ батареей открытой сверху и допустить замѣну 3-хъ орудій послѣдней однимъ орудіемъ въ бронекупольной, то это можно сдѣлать безъ добавочнаго расхода—за ту же сумму денегъ. Если же принять въ расчетъ, что 1 орудіе въ бронекупольной батарее требуетъ 16 чел. прислуги, а 3 орудія въ открытой—48-ми, получимъ разницу въ 32 чел., содержаніе которыхъ будетъ поглощать ежегодно $350 \times 32 = 11,200$ рублей, сумму, которая за 5 только лѣтъ, которые длится обыкновенно постройка крѣпости при наибольшей спѣшности работъ, возрастетъ до 66,000 рублей—средней стоимости двухъ крѣпостныхъ орудій. Между тѣмъ, есть много основаній полагать, что превосходство бронекупольной батареи надъ открытой въ смыслѣ вѣроятности приведенія непріателемъ къ молчанію той и другой, будетъ значительно болѣе, чѣмъ въ 3 раза.

Батарея можетъ быть временно приведена къ молчанію или истребленіемъ ея личнаго состава, или подбитіемъ орудія; первое случается чаще второго. Въ батарее открытой, для выведенія изъ строя всего личнаго состава даннаго орудія, необходимо только, чтобы снарядъ, заключающій въ себѣ не менѣе 2-хъ пудовъ нитроксилина, попалъ въ площадь круга, очерченную вокругъ орудія радиусомъ въ 4 сажени, такъ какъ, не говоря уже объ осколкахъ, бьющихъ на 1,000 и болѣе шаговъ, одно дѣйствіе газовъ при взрывѣ уничтожаетъ все живое на такомъ разстояніи; площадь такого круга будетъ $\frac{22 \times 4^2}{7} = 50$ квадр. саж. Въ батарее бронекупольной, если даже допустить оглушеніе прислуги бомбою, попавшею въ куполь, эта площадь уязвимой цѣли будетъ не болѣе площади купола, радиусъ котораго 1 саж., т. е. не болѣе $\frac{22 \times 1^2}{7} = 3,14$ квадр. саж., т. е. въ *16 разъ меньше*; попаданія и разрывы снарядовъ рядомъ съ куполомъ для него и находящихся подъ нимъ людей завѣдомо безопасны. Для подбитія орудія и лафета въ открытой батарее, достаточно, чтобы снарядъ разорвался хотя бы въ $1\frac{1}{2}$ сажени отъ него, т. е. площадь уязвимой цѣли здѣсь будетъ $\frac{22 \times 1,5^2}{7} = 7$ квадр. саж. Для подбитія орудія или прекращенія его работы при броневомъ куполѣ, нужно чтобы снарядъ попалъ или въ тѣло орудія, иногда торчащее изъ подъ купола, что составляетъ площадь цѣли не болѣе $\frac{1}{7}$ квадр. саж., или въ ложбину между куполомъ и передовой броней, что составляетъ кольцо пло-

щадью не болѣе $1\frac{1}{2}$ квадр. сажени ($\frac{1}{14}$ саж. ширины при 7 саж. длины); цѣль, значить и здѣсь будетъ въ 49—14 разъ меньше, чѣмъ въ открытой батареѣ. На основаніи такихъ грубыхъ подсчетовъ, детализованіе которыхъ можетъ лишь усилить шансы бронезащитнаго купола, можно сказать смѣло, что при равенствѣ прочихъ условій, т. е. при одинаковой маскировкѣ и неподвижности, *орудіе, поставленное подъ броневымъ куполомъ въ среднемъ въ 15 разъ труднѣе принудить къ молчанію, чѣмъ орудіе въ открытой батареѣ.*

Во сколько разъ мѣтче будетъ стрѣльба изъ подъ бронезащитнаго купола, по сравненію со стрѣльбой изъ батареи открытой сверху? На этотъ вопросъ, разъ что у насъ не было сдѣлано даже такого простаго опыта, отвѣтить сколько-нибудь опредѣленно не легко. Однако же нельзя не признать, что мѣткость орудія, поставленнаго подъ броневымъ куполомъ, повышаетъ цѣлый рядъ причинъ, какъ-то: неповреждаемое, твердое и вполне благоустроенное основаніе для стрѣляющаго орудія; механическія приспособленія, не допустимыя въ открытой батареѣ; увѣренность артиллерійской прислуги въ своей полной безопасности. Каждой изъ этихъ причинъ въ отдѣльности довольно, чтобы увеличить мѣткость вдвое, а всѣ вмѣстѣ, онѣ могутъ увеличить ее *разъ въ шесть.*

Представимъ себѣ теперь, что на нѣкоторой позиціи работаютъ рядомъ 15 орудій въ открытой сверху батареѣ и 1 орудіе въ бронекупольной, и пусть каждое изъ нихъ выпускаетъ въ день по 50 снарядовъ. Сообразно установленному выше соотношенію вѣроятностей подбитія или вообще приведенія къ молчанію орудій открытыххъ и бронекупольныхъ, если на выведеніе изъ строя одного открытаго сверху орудія требуется 1 день, то для выведенія изъ строя одного орудія бронекупольнаго потребуется 15 дней, и по прошествіи этого числа дней обѣ батареи, 15-ти-орудійная открытая и 1 орудійная бронекупольная, будутъ безмолствовать. Если сдѣлать подсчетъ, то окажется, что за всѣ, 15 дней, послѣдовательно уничтожаемая (по 1 орудію въ день) открытая батарея успѣетъ бросить въ непріятеля 6,100 снарядовъ, а бронекупольная, дѣйствовавшая до конца 15-го дня, когда то же была подбита выпустить ихъ лишь 750. Съ точки зрѣнія меньшей уязвимости орудій въ куполахъ, слѣдовало бы на каждые 15 орудій открытыххъ имѣть, значить $6,100 : 750 = 8$ орудій въ броневыхъ куполахъ.

Не говоря о томъ, что при такомъ рѣшеніи 15 открытыххъ орудій, полностью приведенныхъ къ молчанію, приравняются 7-ми

орудіямъ въ броневыхъ куполахъ, еще ущѣлѣвшимъ (подбить только одинъ куполь), здѣсь не принята отмѣченная выше большая мѣткость стрѣльбы изъ куполовъ. Если принять ее, напримеръ, какъ сказано выше, въ 6 разъ большую, то 6,100 снарядамъ, брошеннымъ орудіями открытыхъ батарей, отвѣчаютъ $6,100 : 6 = 1,016$ снарядовъ, брошенныхъ орудіемъ броневаго купола, и, слѣдовательно, число броневыхъ куполовъ, противопологаемыхъ 15-ти открытымъ орудійнымъ мѣстамъ, будетъ не 8, а $1,016 : 750 = 1,35$. Отсюда прямой выводъ, что *1 орудіе въ броневомъ куполѣ замѣняетъ 15 : 1,35 = 11 орудій, стоящихъ въ открытыхъ батареяхъ.*

Предположимъ теперь, что вліяніе присутствія столь совершеннаго закрытія при орудіи, какъ броневой куполь, приводитъ лишь къ тому, что въ смыслѣ мѣткости стрѣльбы можно рассчитывать на результаты близкіе къ таковымъ мирнаго времени. Тогда батарея, открытая сверху, находящаяся полностью въ условіяхъ военнаго времени, будетъ стрѣлять по общепринятому масштабу по крайней мѣрѣ *отрое мѣтче мѣтко*. Если остановиться на такомъ предположеніи, исключаяющемъ вліяніе неразрушимаго, твердаго основанія, которое имѣетъ орудіе въ броневомъ куполѣ и вліяніе усовершенствованныхъ способовъ наводки, то 6,100 снарядамъ, выброшеннымъ 15-ю орудіями открытыхъ батарей, будутъ равнозначущи $6,100 : 3 = 2,033$ снаряда батарей бронекупольныхъ, причемъ потребуется имѣть $2,033 : 750 = 2,72$ орудія въ броневыхъ куполахъ наряду съ 15-ю въ открытыхъ батареяхъ. Прямой выводъ отсюда, что *1 орудіе въ броневомъ куполѣ замѣняетъ 15 : 2,72 = 5,5* или кругло *6 орудій въ открытой батарее.*

Имѣя въ виду, что при всей правильности принятаго выше метода расчета, онъ можетъ возбуждать сомнѣнія въ силу крайней неточности и неполноты своихъ основныхъ данныхъ, позволяю себѣ остановиться пока на послѣднемъ болѣе скромномъ соотношеніи числа орудій какъ 1 къ 6. И это тѣмъ болѣе, что при установленной выше финансовой равноцѣнности установки 1 орудія въ бронекупольной батарее 3-хъ орудій въ батарее открытой, мы имѣемъ уже въ данномъ случаѣ *двойную денежную экономію*, къ которой надо еще присоединить *шестерную экономію въ личномъ составѣ*. Такіе результаты настолько серьезны, что обращаю на нихъ особое вниманіе. Это вниманіе, быть можетъ, приведетъ насъ когда нибудь къ такимъ хотя бы элементарнымъ опытамъ, какъ тѣ, которые нужны для повѣрки основныхъ дан-

ныхъ приведеннаго выше разсчета. Вѣдь нужно только составить проектъ бронего купола для выясненія размѣровъ представляемыхъ имъ цѣлей и опредѣлить вліяніе неподвижности основанія и механическихъ приспособленій на мѣткость стрѣльбы изъ орудія въ куполѣ, по сравненію съ другимъ, стоящимъ на деревянной платформѣ земляной открытой батареи. Вѣроятно, на нашемъ Охтенскомъ полигонѣ, гдѣ имѣются всякаго рода орудія и орудійныя установки удалось бы подобрать такіе два образца, которые позволили бы выяснитъ хотя бы вопросъ о сравнительной мѣткости стрѣльбы орудія на колесномъ лафетѣ, стоящаго на платформѣ открытой сверху батареи и другого такого же, дѣйствующаго съ болѣе совершенной установки и болѣе неподвижнаго лафета, какими оно пользуется въ броневомъ куполѣ. До тѣхъ же поръ остается гадать, и ради осторожности, ограничиваться наиболѣе скромными изъ получаемыхъ результатовъ.

Установивъ, насколько можно сократить крѣпостное артиллерійское вооруженіе путемъ замѣны открытыхъ сверху батарей бронекупольными, спѣшу оговориться, что, какъ это будетъ видно и изъ дальнѣйшаго *разсчета вооруженія*, къ такому сокращенію считаю возможнымъ прибѣгнуть лишь для нѣкоторыхъ орудій, которыя по своему назначенію и мѣсту расположенія всегда устанавливаются заранѣе на опредѣленныхъ мѣстахъ и слѣдовательно *неподвижны*. Для всѣхъ прочихъ орудій, которыхъ большинство, необходимо, по моему мнѣнію, сохранить въ полной мѣрѣ драгоцѣннѣйшій способъ дѣйствія—*подвижность*, и потому ни о какихъ броневыхъ куполахъ для нихъ не можетъ быть и рѣчи. Только подвижностью большей части крѣпостнаго артиллерійскаго вооруженія можно достигнуть появленія ея тамъ, гдѣ слѣдуетъ по обстоятельствамъ крѣпостнаго боя, представляющаго собою борьбу съ весьма подвижной нынѣ осадной артилеріей. Таже подвижность крѣпостной артилеріи позволить ей иногда избѣгнуть большихъ потерь со стороны противника, хорошо пристрѣлявашагося къ данному мѣсту. Наконецъ только подвижныя, а не прикованныя къ мѣсту броневыми куполами, орудія могутъ быть направлены изъ данной крѣпости въ другую для ея усиленія, или подъ непріятельскую крѣпость для участія въ ея осадѣ.

Переходя къ *разсчету вооруженія дальняго боя*, этой наиболѣе дорогой и отвѣтственной части современнаго крѣпостнаго ар-

тилерійскаго вооруженія, приходится прежде всего позаботиться о томъ, чтобы дать надлежащій отпоръ артилеріи подготовляющей ускоренную атаку или атаку открытой силой. Для подготовки такой атаки противникъ воспользуется тяжелою артилеріей полевой арміи, усиленной полевыми гаубицами и болѣе легкими образцами осадныхъ орудій. Если въ ускоренной атакѣ будутъ принимать участіе тѣ 4 полевыхъ дивизіи (2 корпуса) и 5 резервныхъ дивизій, которые исчислены были выше, какъ нормальная сила, необходимая для осады крѣпости наиболѣе распространеннаго образца, то артилерія такой осадной арміи на первое время, до прибытія осадныхъ артилерійскихъ полковъ 1-й очереди будетъ нижеслѣдующая:

1) Тяжелая артилерія полевой арміи:

- а) 2 гаубичныхъ баталіона и при нихъ 15 см. гаубицъ . . 32
 б) 2 мортирныхъ " " 21 см. мортиръ . 16

2) Осадная артилерія облегченныхъ образцовъ

3 баталіона:

- а) 3 батареи гаубичныхъ и при нихъ 15 см. гаубицъ . . 18
 б) 6 батарей пушечныхъ " » 10,5 см. пушекъ . . 36
 в) 3 батареи мортирныхъ " » 21 см. мортиръ . . 12

3) полевая (ѣздящая) артилерія.

- б) 2 дивизіона полевыхъ гауб. и при нихъ 10,5 см. гауб. . 36

150

- в) 14 дивизіоновъ полевыхъ скоростр. пуш. 7,5 см. пуш. . 252

- г) 10 дивизіоновъ резервной полевой артил. 9 см. пуш. . 180

432

Итого 582 ор.

Изъ числа этихъ 582 орудій: болѣе или менѣе близкихъ къ осадному образцу 150, изъ которыхъ болѣе подвижныхъ, изготовляемыхъ къ стрѣльбѣ въ нѣсколько минутъ (15 см. гаубицы и 10,5 см. гаубицы) 86, а остальные 64 менѣе подвижны, такъ какъ требуютъ для изготовки къ стрѣльбѣ нѣсколькихъ часовъ (21 см. мортиры и 10,5 см. пушки); полевыхъ пушекъ 432, изъ которыхъ болѣе половины новыхъ и скорострѣльныхъ.

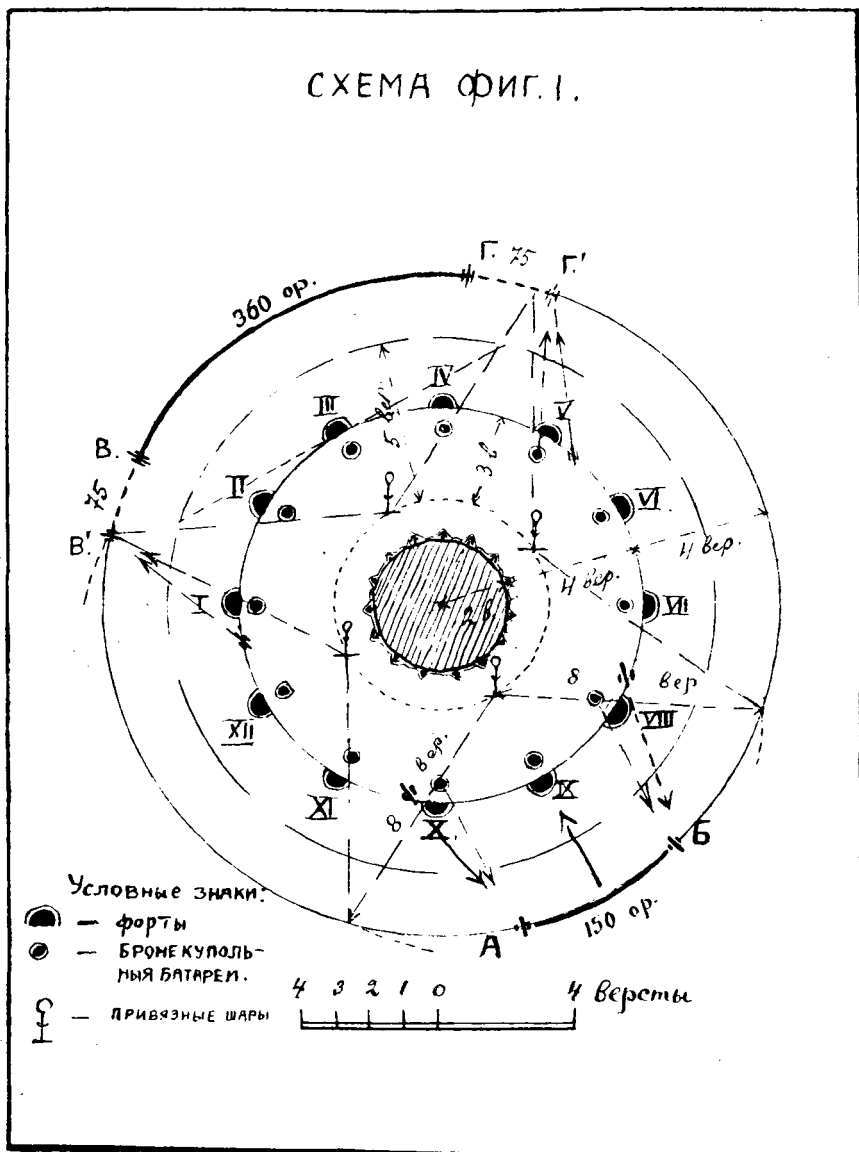
Наименѣе выгодный случай для крѣпостной артилеріи, это когда батареи атаки занимаютъ наиболѣе сосредоточенное расположеніе, такъ какъ въ этомъ случаѣ число участковъ фортоваго пояса, могущихъ отвѣчать на огонь непріятельскихъ батарей, не выходя изъ предѣловъ допустимой боевой дальности стрѣльбы, будетъ наименьшее; трудно будетъ обороняющемуся также развернуть достаточныя силы, разъ что фронтъ обороны, участвующій въ борьбѣ, ограниченъ. Это будетъ особенно справедливо въ первыхъ

бояхъ, всей своей тяжестью лежащихъ на такъ называемую «артилерію постоянного вооруженія линіи фортовъ», всегда болѣе или менѣе неподвижную. Извѣстная степень сосредоточенности расположенія артилеріи атаки вызывается еще желаніемъ имѣть, согласно нормѣ, установившейся повидимому на этотъ счетъ въ послѣднее время за границей, противъ каждаго 25 метровъ атакованной линіи 1 орудіе, дѣйствующее при томъ по кратчайшему направленію. Во всякомъ случаѣ, если бы атакующій, желая избѣгнуть большихъ потерь, являющихся всегда результатомъ скученности, стремясь въ то же время охватить позиціи обороны, отказался отъ сосредоточеннаго расположенія своихъ орудій, то, по объясненнымъ выше причинамъ, для обороны это было бы только выгодно. Сказанное подтверждаетъ схема фиг. 1.

Стремясь къ сосредоточенію лучшихъ своихъ артилерійскихъ средствъ противъ избраннаго участка линіи фортовъ, атакующій можетъ развернуть противъ него 150 орудій осаднаго типа, ограничившись въ другихъ мѣстахъ остальными 432 полевыми орудіями. Согласно упомянутой выше нормѣ, предписывающей имѣть по 1 орудію на 25 м. атакованной линіи или по 40 орудій противъ каждой ея версты, эти 150 орудій могутъ считаться достаточными противъ 3 съ небольшимъ верствъ, составляющихъ участокъ, занятый однимъ фортомъ съ двумя прилегающими къ нему полу-промежутками. Если батареи атаки расположатся, какъ это принято въ послѣднее время, то онѣ займутъ линію АБ. верствъ въ 5 длиной, отстоящую отъ линіи фортовъ версты на 4 и приходящуюся противъ атакованнаго, напримѣръ IX фортоваго участка. Не выходя изъ предѣловъ 5 верстной дальности дѣйствительной боевой стрѣльбы, можно привлечь къ участію въ отвѣтномъ огнѣ лишь три фортовыхъ участка общимъ протяженіемъ въ 9 верствъ, а именно IX атакованный и два съ нимъ смежныхъ VIII и X. На этихъ трехъ участкахъ и должны быть сосредоточены необходимыя для отпора артилеріи атаки средства крѣпостной артилеріи.

Въ отвѣтъ на неподвижныя или мало подвижныя 64 орудія атакующаго, на трехъ дѣйствующихъ фортовыхъ участкахъ можно поставить въ бронекупольныхъ батареяхъ $64:6=10,7$ или кругло 12 орудій, по 4 при каждомъ форту, изъ числа наиболѣе дальнобойныхъ, какъ напримѣръ 6 дм. пушка въ 200 пудовъ для стрѣльбы съ пологой траекторіей, и 8 дм. гаубица для стрѣльбы съ крутою траекторіей; эти орудія съ ихъ куполами должны быть укрыты при посредствѣ соотвѣствующихъ древесныхъ маскирующихъ

насажденій. Съ подвижными 86-ю орудіями атаки лучше бороться столь-же же подвижными крѣпостными орудіями частныхъ артилерійскихъ резервовъ, въ составѣ которыхъ и должно поэтому нахо-

даться не менѣе того же числа полевыхъ 48 лин. гаубиць и 6 дм. гаубиць; можно назначить, напримѣръ съ этою цѣлью въ частные резервы по 3 батареи 48 лин. гаубиць,—т. е. по 12-ти орудій этого рода и по 3 батареи 6 дм. гаубиць, т. е. по 12-ти орудій въ

каждый отдѣлъ, а всего въ 4-хъ, напримѣръ, отдѣлахъ имѣть 48 гаубиць 48 линейныхъ и 48 гаубиць 6 дюймовыхъ, общей сложностью 96 орудій.

II такъ:

- 1) въ постоянномъ вооруженіи линіи фортовъ, въ бронекупольныхъ батареяхъ должно быть по 4 орудія на каждомъ фортовомъ участкѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ фортомъ, а во всѣхъ 12-ти фортахъ это составитъ 6 дм. пушекъ и 8 дм. гаубиць 48 орудій.
- 2) въ частныхъ артилерійскихъ резервахъ подвижной артилеріи по дивизиону (12 ор.) гаубиць 6 дм. и 48 л. въ каждомъ отдѣлѣ, а во всѣхъ 4-хъ 96 »

Итого для противодѣйствія артилеріи ускоренной атаки . 144 орудій.

Согласно тому, что можно видѣть въ любомъ изъ руководствъ по атакѣ и оборонѣ крѣпостей, у насъ принято еще вводить въ частные артилерійскіе резервы не малое количество полевыхъ орудій въ противовѣсъ полевой артилеріи противника, предпринимающаго ускоренную атаку. При введеніи бронекупольныхъ батарей надобность въ этомъ прекращается, такъ какъ полевая артилерія атаки совершенно безвредна для такихъ батарей обороны, сами же отъ огня ихъ могутъ сильно пострадать, и такимъ образомъ, напримѣръ, 36 бронекупольныхъ орудій, не участвующихъ въ борьбѣ съ 150 осадными орудіями атакующаго, будутъ совершенно достаточны для того, чтобы уравновѣсить огонь остальныхъ 432 полевыхъ пушекъ его же, дѣйствующихъ внѣ поля главной атаки: отношеніе 36 къ 432, какъ 1 къ 12 въ данномъ случаѣ вполне допустимо, разъ что одна сторона не страдаетъ отъ огня другой даже при попаданіяхъ. Кромѣ того, нужно принять въ расчетъ еще и тѣ полевая скорострѣльные пушки въ количествѣ до $96 + 48 = 144$, которыя, согласно сказанному выше при разсмотрѣніи вопроса о пѣхотномъ гарнизонѣ, будутъ дѣйствовать въ крѣпости наряду съ пѣхотой въ качествѣ вооруженія противуштурмоваго.

Испытавъ неудачу въ попыткахъ взять крѣпость ускоренной атакой, осаждающій принужденъ будетъ обратиться къ атакѣ постепенной, распадающейся на артилерійскую и инженерную. Изъ сказаннаго выше и схемы фиг. 1, можно видѣть, что хотя бы атакующій расположилъ свои артилерійскія позиціи только передъ однимъ фортовымъ участкомъ (передъ фортомъ IX по линіи АБ., напримѣръ), но отвѣчать ему будутъ всегда еще два, т. е. что *меньше, чѣмъ съ тремя фортовыми участками, атакующій дѣла имѣть не можетъ*. Естественно поэтому, что, при всемъ желаніи сосредоточить средства атаки противъ немногихъ важнѣйшихъ

фортовъ, *атака ведется* обыкновенно не на одинъ и даже не на два, а на три форта или вѣрнѣе *на три фортовыхъ участка*. Протяженіе атакованныхъ трехъ участковъ около 9 верстъ требуетъ $9 \times 40 = 360$ -ти осадныхъ орудій, которыя и займутъ 12-ти верстную линію ВГ. въ 4 верстахъ отъ атакованныхъ фортовъ, имѣющихъ, положимъ, номера II, III и IV. Пользуясь подвижностью тѣхъ 150 орудій осаднаго типа, которыя уже были развернуты на противоположной сторонѣ фортового пояса для ускоренной атаки форта IX (см. фиг. 1.), осаждающій можетъ придвинуть въ одну ночь и ихъ къ полю постепенной атаки, продливъ такимъ образомъ линію ВГ. до точекъ В' и Г', причемъ всѣ $360 + 150 = 510$ его орудій займутъ линію В'Г', имѣющую протяженіе 17 верстъ. Выгода такого сосредоточеннаго расположенія средствъ атаки заключается въ томъ, что при немъ могутъ отвѣчать атакующему огнемъ полной дѣйствительности, т. е. не далѣе чѣмъ съ 5 верстъ, лишь 5 фортовыхъ участковъ и 5 бронекупольныхъ батарей обороны, тогда какъ, при сохраненіи упомянутыми 150-ю подвижными орудіями ихъ прежней отдѣльной позиціи, имъ отвѣчаютъ 3 фортовыхъ участка съ 3-мя бронекупольными батареями, артиллеріи главной атаки отвѣчаютъ 4 фортовыхъ участка съ 5-ю бронекупольными батареями, а всего 7 фортовыхъ участковъ и 8 бронекупольныхъ батарей.

Противъ 510 осадныхъ орудій, развернутыхъ на протяженіи $12 + 5 = 17$ вер., обороняющійся имѣетъ, при условіи стрѣльбы на дистанцію дѣйствительнаго огня, т. е. не болѣе чѣмъ на 5 в., позицію въ 14 в. длиной и на ней 5 бронекупольныхъ батарей. Эти послѣднія батареи, заключающія въ себѣ $4 \times 5 = 20$ орудій въ бронекуполахъ, равноцѣнны согласно принятому выше $20 \times 6 = 120$ орудіямъ открытыхъ сверху батарей. Вслѣдъ за подвижными орудіями осаждающаго, обороняющимся на фронтѣ главной атаки могутъ быть стянуты исчисленные выше 96 орудій частныхъ артиллерійскихъ резервовъ, такъ какъ эти орудія не менѣе подвижны и располагаютъ при томъ и болѣе совершенными, и болѣе короткими путями. Слѣдовательно для равенства силъ, оборона должна имѣть возможность выдвинуть туда же еще $510 - (120 + 96) = 294$ орудія, которыя и нужно имѣть въ главномъ артиллерійскомъ резервѣ. Если принять въ расчетъ упомянутую выше 14 верстную длину позиціи обороняющагося, могущей принять участіе въ борьбѣ съ атакой, то окажется, что $96 + 294 = 390$ орудій, развертываемыхъ имъ на полѣ постепенной атаки въ открытыхъ сверху батареяхъ,

расположатся не болѣе тѣсно, чѣмъ въ атакѣ или чѣмъ это принято вообще, такъ какъ, придерживаясь тѣхъ же нормъ, что и въ атакѣ, т. е. общепринятыхъ 30-ти орудій на версту, обороняющійся могъ бы выставить ихъ не 390, а $30 \times 14 = 420$.

Представимъ себѣ теперь, что у насъ не было бы бронекупольныхъ батарей; тогда очевидно, мы не могли бы сдѣлать указанной замѣны 120 орудій 20-ю и къ полю постепенной атаки обязаны были бы двинуть еще 100 орудій. Общее число орудій обороны на томъ же 14 верстномъ фронтѣ достигло бы, въ открытыхъ сверху батареяхъ, $490 +$ тѣ же 20 постоянного вооруженія, а всего 510 орудій, что для 14 верствъ позиціи является уже числомъ слишкомъ большимъ. Во всякомъ случаѣ вести борьбу 510-ю орудіями скупченными на 14 верстахъ противъ 510-ти орудій, раскинутыхъ на 17-ти верстахъ очень трудно, и рассчитывать въ такой обстановкѣ на успѣхъ рискованно.

Но можетъ быть и вообще равенство въ числѣ орудій на полѣ главной атаки не достаточно обезпечиваетъ благопріятный исходъ обороны? Не нужно ли имѣть хотя полуторное превосходство въ числѣ орудій надъ атакой для уравновѣшенія хотя бы такого крупнаго шанса атаки, какъ возможность дальнѣйшаго, сверхъ приведеннаго выше расчета, увеличенія числа осадныхъ орудій? Мнѣ кажется, что это превосходство *въ крѣпости устроенной и снабженной должнымъ образомъ* можетъ быть достигнуто вѣрнѣе, дешевле и проще: 1) по части инженерной—лучшимъ, чѣмъ у атакующаго устройствомъ закрытій, сообщеній, масокъ и расчисткой обстрѣла; 2) по части артилерійской тщательнымъ изученіемъ и подготовкой поля стрѣльбы, обученіемъ личнаго состава и обиліемъ новыхъ, хорошо снабженныхъ боевыми припасами орудій въ ряду прочихъ орудій крѣпостной артилеріи. Сокращеніе числа орудій является наиболѣе вѣрнымъ изъ всѣхъ путей, ведущихъ къ достиженію перечисленныхъ только что выгодъ по части артилерійской; нигдѣ, можетъ быть, количество не вредило до такой степени качеству, какъ въ крѣпостной артилеріи.

Всего по части артилеріи дальняго боя, крѣпость разсматриваемаго наиболѣе распространеннаго образца требуетъ:

1) Постояннаго вооруженія линіи фортовъ (въ броневыхъ куполахъ, по сосѣдству въ фор-
тахъ, маскированно)	48 орудій.
2) Частныхъ артилерійскихъ резервовъ	96 "
3) Главнаго артилерійскаго резерва	294 "
Итого	438 орудій.

По расчетамъ Г. Як. Карпова на каждое орудіе дальняго боя требуется въ среднемъ по 16 чел. артилерійской прислуги, что составитъ $16 \times 438 = 7,068$ чел. или около 5 баталіоновъ усиленнаго состава.

Переходя теперь къ артилеріи ближняго боя, имѣющей задачу отражать штурмъ стрѣльбою по войскамъ непріятели, припомнимъ, что на основаніи опыта обороны Портъ-Артура, была уже установлена необходимость въ 144 полевыхъ скорострѣльныхъ пушкахъ и 288 пулеметахъ. Эти средства пораженія помѣщаются на барбетахъ во время штурма и въ особыхъ убѣжищахъ до его начала. Нѣкоторыя изъ нихъ будутъ на фортахъ и смежныхъ съ ними позиціяхъ, другія на промежуткахъ; на примѣръ, назначивъ по 4 пушки и 4 пулемета на каждый изъ 12 фортвъ нашей крѣпости, можемъ оставить 96 пушекъ и 240 пулеметовъ для обороны остальныхъ позицій.

Для вооруженія казематированныхъ фланковъ фортвъ, съ цѣлью фланкированія доступовъ къ сосѣднимъ фортамъ и промежуткамъ, назначали до сихъ поръ по 8 орудій на фортъ; но если такъ было при полевыхъ не скорострѣльныхъ пушкахъ, теперь повидимому это число можно сократить до 6-ти. Это составитъ при 12-ти фортахъ $6 \times 12 = 72$ полевыхъ скорострѣльныхъ пушки.

Для обороны рвовъ, по опыту Портъ-Артура, достаточно имѣть по 2—57 мм. скорострѣльныя пушки на каждое направленіе фланкированія. На каждомъ изъ 12 такихъ фортвъ направленіе фланкированія можетъ быть не болѣе 4-хъ; то-же число ихъ будетъ и на каждомъ изъ 15 фронтовъ центральной ограды, при усиленіи ихъ рavelинами. Всего такихъ орудій будетъ, значить $4 \times 2 \times 12 + 4 \times 2 \times 15 = 216$.

Всего по части противуштурмовыхъ средствъ или артилеріи ближняго боя будетъ:

1) Для стрѣльбы съ барбетовъ	144 пол. скор. пуш. и 288 пулем.
2) „ фланкированія промежутковъ	72 пол. скор. пуш. на тумбахъ.
3) „ фланкированія рвовъ	216 пуш. скор. 57 мм.

Итого 432 орудія и 288 пулемет.

Полагая на каждое орудіе въ среднемъ по 6 чел., а на пулеметь по 3 чел., найдемъ, что для обслуживанія средствъ ближняго боя требуется $6 \times 432 + 3 \times 288 = 3,456$ чел. или около 3 баталіоновъ.

Всего такимъ образомъ артилерійское вооруженіе крѣпости наиболѣе распространеннаго образца можетъ быть приведено къ 870 орудіямъ и 288 пулеметамъ, а *величина артилерійскаго гарнизона* опредѣляется въ $7,068 + 3,456 = 10,524$ чел., кругло въ 10,000 чел.. образующихъ 8 крѣпостныхъ артилерійскихъ баталіоновъ существующаго численнаго состава.

Относительно состава, исчисленнаго выше крѣпостнаго артилерійскаго гарнизона, необходимо сдѣлать ту-же оговорку, что и относительно пѣхотнаго: къ крѣпости однажды на всегда приурочивается лишь то, что строго необходимо, все же прочее должно быть способно къ участію въ полевыхъ дѣйствіяхъ на ряду съ полевой арміей. Въ томъ что касается артилеріи дальняго боя, казалось бы можно было рѣшить этотъ вопросъ расквартированіемъ въ крѣпости одного осаднаго полка съ его 200 орудій, артилеріи корпусной хотя одного корпуса въ составѣ 24-хъ полевыхъ 48 лин. гаубицъ и его же армейской артилеріи въ 24 гаубицы 6 дм. калибра; это составитъ 248 орудій, за счетъ которыхъ можно сократить на 200 орудій главный артилерійскій резервъ, назначивъ въ него отъ крѣпостной артилеріи лишь 94 орудія и частные резервы на 48 орудій, оставивъ въ нихъ лишь 48 крѣпостныхъ. По части артилеріи ближняго боя 144 полевые скорострѣльные пушки, дѣйствующія съ барбетовъ, могутъ въ значительной части, если не полностью, состоять изъ орудій тѣхъ трехъ артилерійскихъ бригадъ, которыя будутъ при трехъ дивизіяхъ пѣхотнаго гарнизона; никакихъ особыхъ «вылазочныхъ» батарей тогда не потребуется, многочисленный же конскій составъ упомянутыхъ артилерійскихъ бригадъ послужитъ драгоцѣннымъ подспорьемъ при различнаго рода крѣпостныхъ перевозкахъ.

Очевидно, что указанная выше замѣна части крѣпостной артилеріи болѣе подвижными артилерійскими средствами полевой арміи не можетъ не отразиться на личномъ составѣ крѣпостной артилеріи. Послѣдній выразится вѣроятно лишь тѣми 4-мя крѣпостными артилерійскими баталіонами обычнаго состава въ 1,350 чел., которые требуются для обслуживанія специально крѣпостныхъ орудій и пулеметовъ по расчету $16 \times 190 = 3,040$ чел. для орудій дальняго боя, $6 \times 288 = 1,728$ чел. для орудій ближняго боя и $3 \times 232 = 696$ чел. для крѣпостныхъ пулеметовъ (часть ихъ также даютъ упомянутыя войсковыя армейскія единицы), а всего 5,464 ч. Слѣдовательно количество войскъ иммобилизуемыхъ необходимо оборонять крѣпости или приковываемыхъ къ оборонѣ крѣ-

постей на все время войны, можетъ быть уменьшено не только въ отношеніи пѣхотнаго гарнизона, оставленіемъ въ крѣпости одной дивизіи изъ трехъ, но и въ отношеніи крѣпостной артилеріи, личный составъ которой можетъ быть, указаннымъ выше способомъ, уменьшенъ съ 8-ми баталіоновъ на 3—4 баталіона.

Условія обороны современныхъ крѣпостей на столько усложняютъ эту задачу, что нельзя не стремиться улучшить положеніе обороняющагося всѣми возможными способами. Въ ряду послѣднихъ, указанный выше—включеніе въ крѣпостную артилерію осадныхъ полковъ и артилерійскихъ бригадъ займетъ не послѣднее мѣсто, такъ какъ, безъ дополнительныхъ расходовъ, дать крѣпостямъ давно и безуспѣшно ожидаемую ими новую матеріальную часть. Годныя къ дѣйствию орудія старыхъ образцовъ, съ заготовленными уже для нихъ боевыми припасами, могутъ себѣ найти примѣненіе въ крѣпостяхъ второстепеннаго значенія, на второстепенныхъ стратегическихъ фронтахъ и послужать запасомъ артилерійскихъ средствъ для вооруженія круговыхъ или прямолинейныхъ позицій импровизованнаго, временнаго характера, работающихъ при поддержкѣ значительныхъ силъ полевой арміи.

Инженерный гарнизонъ составляетъ по величинѣ третью группу войскъ, участвующихъ въ оборонѣ крѣпости. Онъ состоитъ изъ саперъ, телеграфистовъ, воздухоплателей, а также минеръ, понтонеръ и желѣзнодорожниковъ, если эти послѣднія три специальности не будутъ возложены на саперъ, чему бывали примѣры и что повидимому вполне возможно. Существуетъ много способовъ для опредѣленія количества людей инженерныхъ войскъ, необходимыхъ для обороны крѣпости, въ особенности саперъ, какъ наиболѣе универсальнаго рода этихъ войскъ; всѣ эти способы приводятъ къ результатамъ довольно близкимъ другъ къ другу.

Останавливаясь прежде всего на историческомъ способѣ рѣшенія данной задачи, можно указать лишь на Севастополь 1854—55 гг., гдѣ не чувствовался недостатокъ въ саперахъ; затѣмъ, косвенное указаніе на этотъ счетъ можетъ дать еще Портъ-Артуръ 1904 г., гдѣ хотя и не было должнаго количества инженерныхъ войскъ у обороняющагося, но за то атакующій имѣлъ ихъ на данное количество пѣхоты столько, сколько нужно, повидимому при современ-

ныхъ условіяхъ крѣпостной войны. Въ Севастополѣ, гдѣ, по свидѣтельству Тотлебена (описаніе обороны г. Севастополя. С. П. Б. 1872 г. ч. II, отд. II, стр. 175, 176 и 331), высылалось отъ гарнизона въ 4½ тыс. чел. пѣхоты на оборонительныя работы ежедневно отъ 5 до 10 тыс. чел., число руководителей саперъ было 1,100 чел., что составляетъ около 3⁰/₀ пѣхоты и отъ 20 до 10⁰/₀ ежедневнаго пѣхотнаго рабочаго наряда; другихъ спеціальностей, кромѣ саперъ, по тогдашнему состоянію техники не было. При осадѣ Портъ-Артура, японцы имѣли при 66 баталіонахъ пѣхоты 19 ротъ саперъ, что составляетъ около 7⁰/₀ отъ пѣхоты и кромѣ того еще 12 ротъ желѣзнодорожныхъ и отряды воздухоплавательный и телеграфный, что могло довести отношеніе числа людей инженерныхъ войскъ къ числу людей отъ пѣхоты до 12⁰/₀ ¹⁾). Примѣняя Севастопольскую норму къ исчисленному выше пѣхотному гарнизону въ 36 тыс. чел., слѣдовало бы назначить саперъ не менѣе 1 тыс. чел. и добавить къ нимъ еще необходимое количество людей инженерныхъ войскъ прочихъ спеціальностей, которыя появились за полу столѣтіе, прошедшее послѣ Севастопольской осады. Придерживаясь болѣе современной нормы, бывшей у японцевъ при осадѣ Портъ-Артура въ 1904 г., слѣдовало бы на тѣ-же 36 тыс. чел. пѣхоты имѣть 2½ тыс. чел. саперъ и еще около 2 тыс. чел. прочихъ специалистовъ, всего же 4½ тыс. чел. инженерныхъ войскъ или *цѣлую саперную бригаду*.

Если взять теперь теоретическіе расчеты, дѣлавшіеся за послѣднее время различными авторами, то наибольшаго вниманія заслуживаетъ расчетъ А. В. фонъ Шварца, сдѣланный имъ на страницахъ «Инженернаго журнала» за 1907 г. ²⁾ подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ осады Портъ-Артура, въ которой названный инженеръ принималъ самое дѣятельное участіе. Сущность его расчета и попробуемъ примѣнить къ частному случаю крѣпости наиболѣе распространеннаго образца, изображенной на схемѣ фиг. 1. На каждомъ изъ 12 фортотъ и 12 промежутковъ необходимо имѣть по отдѣленію саперъ при 2 офицерахъ для исправленія поврежденій, что составитъ 24 отдѣленія или 1½ роты при 48 офицерахъ; на 3-хъ атакованныхъ фортахъ нужно имѣть кромѣ того по 1 взводу

¹⁾ «Борьба за Портъ-Артуръ» приложеніе къ журналу Штрефлера.

²⁾ «Вліяніе данныхъ борьбы за Портъ-Артуръ на устройство сухопутныхъ крѣпостей» А. фонъ Шварца «Инженерный журналъ» 1907 г. №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

минеръ для минныхъ работъ при 4 офицерахъ, что составитъ $\frac{3}{4}$ роты при 12 офицерахъ; при резервѣ атакованнаго отдѣла должно быть по 1 взводу на промежутокъ или 1 рота для экстренныхъ работъ, 1 рота для контръ-апрошныхъ работъ и около $\frac{3}{4}$ роты минеръ, итого $2\frac{3}{4}$ роты; около 25% исчисленнаго выше количества саперъ и минеръ слѣдуетъ добавить на случай потерь и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, что составитъ не менѣе 1 роты; всего саперъ и минеръ требуется $1\frac{1}{2} + \frac{3}{4} + 2\frac{3}{4} + 1 = 6$ ротъ или 1,500 чел., при 80-ти ¹⁾ инженерныхъ и саперныхъ офицерахъ. Кромѣ саперъ и минеръ, по А. В. фонъ Шварцу нужно назначить еще 1 баталіонъ или 1,000 чел. прочихъ инженерныхъ специальностей, такъ что всего требуется инженернаго гарнизона 2,500 чел. при 100 инженерныхъ и саперныхъ офицерахъ.

Приведенныя выше данныя показываютъ, что количество людей въ составѣ инженернаго гарнизона крѣпости наиболѣе распространеннаго образца можетъ колебаться въ предѣлахъ отъ $2\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ тыс. человекъ. Не выходя изъ этихъ предѣловъ и поставивъ теперь опредѣлить, сколько же человекъ инженерныхъ войскъ должно быть въ крѣпости, взятой для примѣра и показанной на схемѣ фиг. 1-й. Опредѣляя число саперъ, необходимо считаться прежде всего съ той ролью ихъ, въ которой они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть замѣнены никакими «войсковыми саперами» или инымъ суррогатомъ инженерныхъ войскъ, а именно съ участіемъ ихъ въ минной войнѣ; затѣмъ останется только добавить необходимое количество саперъ, какъ руководителей рабочихъ, наряжаемыхъ отъ пѣхоты одновременно съ минными на прочія работы и добавить телеграфистовъ, воздухоплавателей и для службы военныхъ сообщеній въ крѣпости. Кромѣ рабочихъ отъ пѣхоты, въ мобилизаціонный періодъ могутъ быть еще наряжаемы рабочіе отъ мѣстныхъ жителей; но въ этотъ періодъ еще не будетъ минныхъ работъ, и потому руководителями для такихъ рабочихъ могутъ служить саперы, предназначенные принять участіе впоследствии въ минной войнѣ.

¹⁾ Кромѣ 60-ти офицеровъ, исчисленныхъ авторомъ расчета при первыхъ $2\frac{3}{4}$ ротахъ, потребуются имѣть ихъ еще не менѣе 20 человекъ при остальныхъ $3\frac{3}{4}$ ротахъ (по 5 на каждую). А такъ какъ при 6 ротахъ будетъ не болѣе 30 саперныхъ офицеровъ, то недостающіе 50 чел. должны быть даны корпусомъ военныхъ инженеровъ крѣпости или замѣнены унтеръ-офицерами.

Для контръ-минной системы трехъ атакованныхъ фортовъ необходимо имѣть въ трехъ смѣнахъ по расчету В. В. Яковлева ¹⁾ 432 чел. саперъ, причемъ авторъ расчета дѣлаетъ оговорку, что «производство минныхъ работъ въ крѣпости можетъ и не ограничиться одними атакованными фортами». Въ силу послѣдней оговорки, представляется болѣе надежной та окончательная цифра количества саперъ для минной обороны крѣпости, которую приводитъ Г. И. Тимченко-Рубанъ въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 274, 1908 г.), которая подымается до 835 чел. (при 21 минной головѣ); въ особенности надежна будетъ она, если округлить ее до 1,000 чел., составляющихъ 4 роты саперъ. Какъ на наибольшій рабочій нарядъ отъ пѣхотнаго гарнизона для производства большихъ оборонительныхъ работъ можно указать на 9 бат. или 9,000 чел., которые образуются $\frac{1}{4}$ частью резервовъ отдѣловъ обороны (2-я очередь пѣхоты гарнизона)—3 бат. и $\frac{1}{2}$ общаго резерва (3-я очередь)—6 бат.; по опыту Севастополя здѣсь необходимо будетъ имѣть 900 чел. саперъ, т. е. еще одинъ баталіонъ. А всего потребуется до 2,000 чел. или 2 бат. или 8 ротъ саперъ.

Кромѣ саперъ, потребуются еще телеграфисты, воздухоплаватели, понтонеры и вообще специалисты для службы связи, наблюденія и сообщеній. При обычномъ устройствѣ телеграфной и телефонной сѣти, включая сюда и телеграфъ искровой, служба связи вполнѣ обезпечивается *одной телеграфной ротой въ 250 чел.* Воздухоплателей можетъ понадобится *до двухъ ротъ* такого же состава, т. е. *до 500 чел.*, такъ какъ, при удаленіи непріятельскихъ осадныхъ батарей до 4-хъ верстъ отъ линіи фортовъ, наибольшей досягаемости наблюденія съ привязнаго воздушнаго шара въ 8 верстъ и удаленія шаровъ отъ линіи фортовъ назадъ версты на три, изъ опасенія шрапнельнаго огня непріятельской полевой артиллеріи, приближающейся къ фортамъ на дистанцію до двухъ верстъ, необходимо, какъ это видно на схемѣ фиг. 1, для непрерывности наблюденія, имѣть по крайней мѣрѣ 4 привязныхъ шара (по одному въ каждомъ отдѣлѣ) кромѣ центральной базы; на каждый шаръ назначаютъ обыкновенно около 100 чел., всего 400 чел., а на центральной базѣ должно быть еще человекъ 100 для работъ на ней и свободныхъ полетовъ. Понтонеръ, если, какъ это обык-

¹⁾ О подготовкѣ крѣпостей къ подземной минной оборонѣ по опыту Портъ-Артура. Спб. 1909.

новенно бываетъ, крѣпость лежитъ на большой рѣкѣ, должно быть не менѣ одной роты въ 250 чел., и, такимъ образомъ, всего для службы связи, наблюденія и сообщеній необходимо имѣть въ крѣпости 1 баталіонъ въ 1,000 чел. смѣшаннаго состава. Если въ крѣпости имѣется еще постоянная сѣть рельсовыхъ путей военнаго назначенія, то въ зависимости отъ ея размѣровъ, для службы на ней въ мирное и военное время потребуется имѣть отъ $\frac{1}{4}$ до 1 желѣзнодорожнаго баталіона, т. е. отъ 250 до 1,000 челов. желѣзнодорожниковъ.

Итакъ, по части инженернаго гарнизона, въ крѣпости къ моменту ея обложенія должно быть 2 баталіона саперъ (они же и минеры), 1 баталіонъ телеграфистовъ, воздухоплавателей и понтонеръ и до 1 баталіона желѣзнодорожниковъ; всего *4 баталіона или 4,000 чел.* Хотя исчисленное количество людей инженерныхъ войскъ и не выходитъ изъ предѣловъ (отъ 2,500 до 4,500 чел.), указываемыхъ расчетами по опыту послѣдней осады Портъ-Артура, но оно такъ рѣзко отличается отъ существующей нормы— 2 саперныхъ роты или 500 чел. саперъ съ телеграфными и воздухоплавательными командами, далеко не достигающихъ и 1,000 ч., что нельзя не остановиться надъ вопросомъ, откуда взять такое количество специалистовъ? Отвѣтъ здѣсь будетъ одинъ: оттуда же, откуда берется и пѣхотный гарнизонъ крѣпости, т. е. изъ арміи.

Было доказано выше, что 36 баталіоновъ пѣхотнаго гарнизона представляютъ собою въ будущемъ лишь 3 дивизіи полевыхъ войскъ, изъ которыхъ одна должна постоянно находиться въ крѣпости и можетъ изъ нея уйти лишь при смѣнѣ ея резервною дивизіей въ случаѣ наступательной войны; другія же двѣ входятъ въ крѣпость изъ состава полевой арміи, дѣйствующей по близости, когда главнокомандующій, *отвѣчающій не только за участь въѣрренной ему арміи, но и крѣпостей, въ районѣ дѣйствій послѣдней находящихся*, признаетъ это необходимымъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ тремя полевыми дивизіями будутъ въ крѣпости и относящіяся къ нимъ части инженерныхъ войскъ. При существующей у насъ организациі, тамъ гдѣ корпусъ, или 2 дивизіи будетъ и саперный баталіонъ, состоящій изъ 3-хъ ротъ саперъ и 1 телеграфной роты; надо думать поэтому, что при 3-хъ дивизіяхъ будетъ по крайней мѣрѣ *4 роты саперъ и 1 рота телеграфная*. За тѣмъ, при наличіи хотя бы тѣхъ только 8-ми понтонныхъ бата-

ліоновъ, которые въ настоящее время входятъ въ составъ нашихъ саперныхъ бригадъ, трудно предположить, чтобы они не въ состояніи были удѣлить по 1 ротѣ въ каждую изъ большихъ крѣпостей, расположенныхъ на значительныхъ рѣкахъ, если эти крѣпости не имѣютъ своей рѣчной роты. Наконецъ, въ крѣпостяхъ уже имѣются воздухоплавательныя отдѣленія, крѣпостныя телеграфныя команды и саперныя роты. Значитъ, подлежатъ сформированію для каждой крѣпости разсматриваемаго наиболѣе распространеннаго образца далеко не всѣ 4 баталіона инженерныхъ войскъ, исчисленныхъ выше, а только: 3 саперныхъ роты, добавляемыхъ къ имѣющейся крѣпостной саперной ротѣ путемъ превращенія ея въ 4-хъ-ротный крѣпостной саперный баталіонъ; 2 воздухоплавательныя роты, развиваемыя изъ крѣпостного воздухоплавательнаго отдѣленія и, если крѣпостныя желѣзныя дороги не будутъ признаны полезнымъ замѣнить болѣе современной комбинаціей переносныхъ рельсовыхъ путей и автомобилей, то придется, быть можетъ, выдѣлить по 1 желѣзнодорожной ротѣ въ каждую крѣпость изъ существующихъ желѣзнодорожныхъ войскъ, развивъ ее въ 2, 3 или 4. Въ общемъ, собственно крѣпостной инженерный гарнизонъ составятъ: 1 крѣпостной саперный баталіонъ и 1 крѣпостной воздухоплавательный полубаталіонъ, всего 1,500 чел., къ которымъ въ военное время будутъ приданы 1 понтонная рота, 1 телеграфная рота, 4 саперныхъ роты и отъ 1 до 4 желѣзнодорожныхъ ротъ. Въ мирное время крѣпостной саперный, или вѣрнѣе, инженерный баталіонъ можетъ состоять изъ 2-хъ саперныхъ ротъ, 1 воздухоплавательной роты и командъ телеграфной, рѣчной и военно-дорожной, при условіи, чтобы его численный составъ былъ не менѣе половины военнаго, т. е. не менѣе 750 чел.

Задача комплектованія крѣпостныхъ гарнизоновъ инженерными войсками существенно облегчается, когда преимущественнымъ мѣстомъ расквартированія нашихъ саперныхъ бригадъ и ихъ частей, а равно и части желѣзнодорожныхъ войскъ будутъ крѣпости. Отъ этого выиграетъ и обученіе инженерныхъ войскъ такой существенной части ихъ спеціального образованія, какъ различные приемы крѣпостной войны. Вѣдь при современной подготовкѣ пѣхоты въ области окопнаго дѣла, если взять эту подготовку, конечно, въ томъ объемѣ, въ какомъ она должна быть, на долю саперъ, какъ главной составной части инженерныхъ войскъ можетъ

выпасть вполне замѣтная и, по примѣру Портъ-Артура, можно сказать, даже рѣшающая роль лишь при атакѣ и оборонѣ крѣпостей.

Кавалерія, по общепринятому воззрѣнію, настолько мало нужна для обороны крѣпости, что нѣкоторые авторы почти отказываются отъ включенія этого рода оружія въ составъ крѣпостного гарнизона, говоря, что для ординарческой службы, напримѣръ, могутъ служить велосипедисты; тѣ, которые смотрятъ немного дальше, допускаютъ въ крѣпости конныя сотни пограничной стражи, хотя едва ли не потому только, что предполагаютъ дать имъ этимъ убѣжище, когда непріятель потѣснитъ ихъ отъ границы; наконецъ, третьи, которыхъ меньшинство, говорятъ, что до обложенія, сила кавалерійской части гарнизона можетъ быть велика, но что какъ только начнетъ угрожать обложеніе, почти всю кавалерію нужно убрать въ армію, оставивъ въ крѣпости лишь 1—2 сотни. Если вникнуть, однако, въ сущность службы войскъ, [назначенныхъ оборонять круговую позицію, называемую крѣпостью, то выходитъ, что кавалерія нужна этимъ войскамъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ всякимъ другимъ, занимающимъ, силою обстоятельствъ, оборонительное положеніе.

Если на дивизію 16-ти-баталіоннаго состава считали до сихъ поръ нормальнымъ имѣть до одного 6-ти-эскадроннаго полка для службы развѣдыванія, охраненія и связи, то нѣтъ основаній отказываться отъ снабженія каждой изъ трехъ исчисленныхъ выше дивизій 12-ти баталіонныхъ кавалеріей въ размѣрѣ до одного полка 4-хъ-эскадроннаго состава. Вѣдь при нормальномъ способѣ веденія государственной обороны, наша армія должна встрѣтить противника, вторгающагося въ наши предѣлы контръ-наступленіемъ всюду, гдѣ къ этому представится хотя какая нибудь возможность, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ это контръ-наступленіе произойдетъ въ тѣхъ же частяхъ пограничнаго пространства, въ которыхъ расположены и главнѣйшія крѣпости. При такой обстановкѣ, очевидно и тѣ дивизіи, которыя лишь при неудачѣ упомятаго контръ-наступленія будутъ оборонять наши крѣпости, не должны оставаться праздными зрителями событій, разыгрывающихся въ ближайшемъ сосѣдствѣ; напротивъ того, онѣ должны принять въ соотвѣтствующихъ полевыхъ дѣйствіяхъ самое рѣши-

тельное участіе и съ своей стороны сдѣлать все возможное для того, чтобы устранить возможность неудачи въ этотъ критическій, хотя и первоначальный періодъ войны. Разъ же являются дѣйствія въ полѣ, то необходима и кавалерія, и весь вопросъ лишь въ томъ, должны ли полевые дивизіи сохранить свою кавалерію послѣ того, какъ онѣ попадутъ въ составъ гарнизона крѣпости?

Сторонники отрицательнаго рѣшенія этого вопроса рисуютъ себѣ повидимому слишкомъ рѣзкими штрихами переходъ отъ полевыхъ дѣйствій къ крѣпостнымъ, который является въ данномъ случаѣ. Если армія сдѣлаетъ свое дѣло, въ чемъ при надлежащей ей подготовкѣ и надлежащемъ руководествѣ ею, мы не имѣемъ право сомнѣваться, то, опираясь на крѣпости, она даже при неудачѣ нашего контръ-наступленія въ первые дни войны, сумѣетъ еще долго вести борьбу съ неприятельскою, на линіи крѣпостей или за линіей ихъ, не допуская гѣмъ самымъ полного обложенія этихъ послѣднихъ, при чемъ она сдѣлаетъ это попутно съ достиженіемъ ею своихъ прямыхъ боевыхъ задачъ. Торопиться избавить отъ кавалеріи тѣ дивизіи, которыя займутъ круговыя позиціи, называемыя крѣпостямъ, значитъ рисковать лишить ихъ слишкомъ рано возможности знать о томъ что дѣлаютъ арміи неприятельская и наша, а слѣдовательно лишить послѣднюю содѣйствія со стороны той весьма внушительной силы, которая соберется въ это время въ многочисленныхъ большихъ крѣпостяхъ. Казалось бы поэтому, что имѣя при трехъ 12-ти баталіонныхъ дивизіяхъ полевыхъ, предназначенныхъ, когда потребуется, оборонять данную крѣпость, три 4-хъ эскадронныхъ полка, лучше предоставить сокращеніе количества этой кавалеріи гарнизона крѣпости обстоятельствамъ, случаю, а самимъ объ этомъ очень не хлопотать. И такъ *до 12 эскадроновъ, т. е. 1,500 чел. всадниковъ*—вотъ кавалерійская часть гарнизона крѣпости разсматриваемаго образца.

Въ итогъ, все сказанное выше по вопросу о величинѣ и составѣ гарнизона крѣпости наиболѣе распространеннаго образца, имѣющей діаметръ внѣшней, главной позиціи въ 12 верстѣ, а окружность около 36 верстѣ, можетъ быть представлено въ видѣ нижеслѣдующей таблицы:

ТАБЛИЦА I.

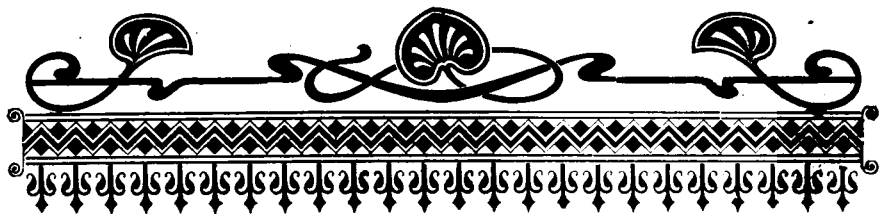
	Число людей въ военное время.	Войсковыхъ частей.			Орудій.		Пулеметовъ.	
		Баталіон.	Эскадрон.	Батарея.	Ближн. боя.	Дальн. боя.		
I. Должно быть всегда въ крѣпости въ распоряженіи ея коменданта:								
1) 1 дивизія полевыхъ войскъ.	14,100	12	4	8	48	—	24	
2) Крѣпостной артилеріи . .	5,400	4	—	—	288	190	184	
3) Крѣпостныхъ инженерн. войскъ	1,500	1 ¹ / ₂	—	—	—	—	—	
Итого . . .	21,000	17¹/₂	4	8	336	190	208	
					526			
II. Должно быть назначено не позже начала обложенія данной крѣпости въ распоряженіе ея коменданта еще:								
1) 2 дивизіи полевыхъ войскъ.	28,200	24	8	16	96	—	48	
2) Корпусной артилеріи . . .	600	—	—	4	—	24	—	
3) Армейской „ . . .	600	—	—	4	—	24	—	
4) Осадной „ . . .	5,000	4	—	38	—	200	32	
5) Полевыхъ инженер. войскъ.	2,500 ¹⁾	2 ¹ / ₂	—	—	—	—	—	
6) Разныхъ командъ	100	—	—	—	—	—	—	
Итого . . .	37,000	30¹/₂	8	64	96	248	80	
					344			
Всего . . .	58,000	48	12	72	432	438	288	
					870			

Гарнизонъ такой величины и такого состава будетъ въ состояніи не только оборонять крѣпость упорно и вполнѣ самостоятельно, но и приметъ участіе въ работѣ главнаго средства государственной обороны—полевой арміи.

Н. Буйницкій

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ томъ числѣ 1 желѣзнодорожный баталіонъ въ 1,000 чел.

КЪ СТОЛѢТІЮ ПОКОРЕНІЯ ФИНЛЯНДІИ.

I.

Вышелъ въ свѣтъ новый томъ «Исторіи Финляндіи», составляемый М. М. Бородкинымъ, извѣстнымъ публицистомъ по «финляндскому вопросу» и изслѣдователемъ исторіи русско-финскихъ отношеній ¹⁾. Обширный томъ въ 600 страницъ, со множествомъ рисунковъ и портретовъ, охватываетъ время Императора Александра I, т. е. событія покоренія Финляндіи (1808—1809 гг.) и первые годы управленія ею русскою государственною властью.

Покоренію Финляндіи, какъ извѣстно, посвящено также капитальное изслѣдованіе К. Ордина, вышедшее въ 2-хъ томахъ, въ 1889 году. Книга г. Бородкина существенно дополняетъ этотъ трудъ.

К. Ординъ, въ противовѣсъ финскимъ историкамъ, изложилъ событія покоренія Финляндіи «главнымъ образомъ, по русскимъ

¹⁾ Перу г. Бородкина принадлежать слѣдующія работы о Финляндіи:—«Балтійская Финляндія и финская Балтика» (1894 г.) «Изъ исторіи ученій финляндскаго государственнаго права» (1895 г.); «Русскій языкъ въ Финляндіи» (1899 г.); «Справка о конституціи Финляндіи» (1900 г.); «Г. М. Армфельтъ и его русско-финскія отношенія» (1901 г.) «Юридическое положеніе Финляндіи» (1902 г.); «Финляндія въ русской печати. Библиограф. указатель», (1902 г.); «О разсказахъ прапорщика Столя» (1903 г.) «Война 1854—1855 г. на финскомъ побережьѣ» (1904 г.); «Современное положеніе русскаго дѣла на финляндской окраинѣ» (1905 г.); «Финляндскій вопросъ» (1905 г.) «Финляндская окраина въ составѣ русскаго государства» (1906 г.); «Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрікова» (1905 г.); «Исторія Финляндіи. Время императора Александра II» (1908 г.) и др.

источникамъ», воспользовавшись неизданными матеріалами государственнаго и другихъ архивовъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, ¹⁾—и довелъ свое изслѣдованіе до Фридрихсгамскаго мира. закончившаго войну 1808—1809 гг.

М. М. Бородинъ раздвинулъ рамки своей исторіи шире, охвативъ ими и время, непосредственно слѣдовавшее за присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи,—и пошелъ въ изслѣдованій событій глубже. Онъ спустился, такъ сказать, въ подпочвенный слой—и устанавливаетъ и освѣщаетъ факты не только по официальнымъ даннымъ, но и по воспоминаніямъ и мемуарамъ современниковъ ихъ, по ихъ частнымъ письмамъ и запискамъ и вскрываетъ намъ, такимъ образомъ, подоплеку не только того, что совершилось, но и того, что должно было совершиться, согласно чаяніямъ, надеждамъ и мечтамъ лицъ, завязывавшихъ узелъ русско-финскихъ отношеній... Здѣсь, въ частныхъ, семейныхъ архивахъ, въ «разсыпанной хранилѣ» литературы о Финляндіи, г. Бородинъ собралъ обширный матеріалъ о менѣе разслѣдованной—политической и бытовой сторонѣ кампаніи 1808—1809 гг.,—о дипломатическихъ переговорахъ, о настроеніи общества, о поведеніи войскъ и т. п. факторахъ историческихъ событій, которые, по справедливому мнѣнію автора, имѣютъ такое же важное значеніе, какъ и успѣхи оружія.

Объ этихъ факторахъ спеціальныя военно-историческія изслѣдованія обыкновенно умалчиваютъ. На нихъ мы теперь и остановимся.

II.

Какъ началась война?

«Отъ копѣчной свѣчки, какъ говорятъ, Москва сгорѣла».

Изъ за такой же «копѣчной свѣчки» Швеція потеряла Финляндію.

Конечно, въ томъ и другомъ случаѣ «копѣчная свѣчка» послужила только послѣднимъ звеномъ въ цѣпи причинъ и слѣдствій...

Сгорѣла Москва въ 1770 году потому, что это была старая, допетровская, деревянная Москва, густо застроенная, и только «богоспасаемая»...

Загорѣлась война между Швеціей и Россіей потому, что первая не могла примириться съ паденіемъ своего политическаго зна-

¹⁾ Архивъ Статсъ-секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго, по собственному признанію К. Ордина, остался для него закрытымъ.

ченія послѣ Великой Сѣверной войны. а послѣдняя считала эту войну незаконченной, ибо «туловищу не доставало руки», какъ об-разно опредѣлили значеніе Финляндіи для Россіи посоль Неполена I при Александрѣ I, Коленкуръ.

Надъ обѣими виталь образъ Великаго Петра.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стояль Онъ думъ великихъ полнъ
И вдалъ глядѣль...

.....
«Отсель грозитъ мы будемъ шведу!»
«Здѣсь будетъ городъ заложонъ»
«На зло надменнолу сосѣду!...»

Вотъ психологическое обоснованіе взаимныхъ отношеній Рос-сіи и Швеціи, уже дважды сражавшихся вновь въ XVIII вѣкѣ, послѣ Ништадтскаго мира.

Вотъ психологическое обоснованіе заносчивости шведскихъ королей, Густава III и Густава IV въ отношеніи великой Екате-рины и Александра I.

Это было проявленіемъ безсильной злобы, когда, на выражен-ное въ 1801 году Императоромъ Александромъ желаніе посѣтить Густава IV въ Стокгольмѣ, послѣдній отвѣтилъ, что «теперь нѣтъ времени заниматься этими пріятными предположеніями»...

Проявленіемъ той же злобы было приказаніе Густава IV въ 1802 году выкрасить въ одну шведскую краску весь мостъ у Аб-борфорса, на пограничной рѣчкѣ Кюмени, одна половина котораго дотолѣ была окрашена въ зеленый, русскій цвѣтъ, а другая—въ синій, шведскій. И это приказаніе было отдано Густавомъ какъ разъ въ тѣ дни, когда въ этомъ Абборфорсѣ происходило свиданіе царственныхъ сестеръ—русской императрицы и шведской коро-левы.

Густавъ IV мотивироваль это тѣмъ, что границею русскихъ владѣній долженъ служить не рукавъ Кюмени между островомъ и берегомъ Финляндіи, а противоположный берегъ рѣки.

Такимъ образомъ, вопросъ о границахъ Швеціи и Россіи былъ снова поставленъ, на очередь... Дѣло дошло до того, что русскій посланникъ покинулъ—Стокгольмъ, а шведскій—Петербургъ... Генераль Клеркеръ получилъ отъ Густава приказаніе стянуть фин-скія войска къ границѣ... А Императоръ Александръ 20-го мая 1803 г. самъ выѣхаль въ Абборфорсъ для обзорѣнія спорной земли, т. е. острова и моста на Кюмени, повелѣвъ въ то же время немед-

ленно привести Кюменегородскую крѣпость въ оборонительное состояніе, воздвигнуть укрѣпленія вдоль всей Кюмени, вооружить гребной флотъ, а сухопутнымъ войскамъ двинуться на шведскую границу.—«Вѣроятно, судьба Финляндіи была бы рѣшена тогда же, замѣчаетъ нашъ историкъ,—если бы Англія не употребила всѣхъ своихъ средствъ». Швеція уступила...

Но не въ характерѣ Густава IV было руководиться пользою своей страны и спокойно и зрѣло опредѣлять свои силы и оцѣнивать политическое положеніе вещей.

Это былъ взбалмошный, грубый, угрюмый и недовѣрчивый человекъ. Онъ подражалъ Карлу XII въ костюмѣ—и воображалъ себя полководцемъ, хотя никто не видалъ его на поляхъ сраженій. Онъ ничего не читалъ, кромѣ воинскаго устава и Библии,—и искренно вѣрилъ, что Наполеонъ—апокалипсическій звѣрь. Онъ своеобразно понималъ свои обязанности монарха—и не стѣснялся посылать Финляндію «ко всѣмъ чертямъ», открыто заявляя, что онъ «слишкомъ хорошъ, чтобы управлять такой сволочью (раск), какъ эта финская нація»...

Дипломатическія сношенія съ такимъ человекомъ представляли, конечно, большія затрудненія. Но занятая борьбою съ Наполеономъ, Россія дѣлала рядъ уступокъ Швеціи, дабы избѣжать окончательнаго разрыва съ нею. Шведскимъ подданнымъ, при ихъ перѣздахъ въ русскихъ владѣніяхъ, были предоставлены преимущества, которыхъ не имѣли другіе иностранцы. Чтобы помочь Швеціи въ неурожайный для нея 1806 годъ, русское правительство не распространило на нее ограничительныхъ постановленій относительно вывоза хлѣба за границу (указъ 13-го ноября 1806 года).

Но на Густава IV ничто это не дѣйствовало. И какъ разъ въ это время, выжидая побѣды Франціи надъ Россіей, онъ отдалъ войскамъ своимъ, расположеннымъ въ шведской Финляндіи, приказаніе быть готовыми выступить въ походъ по первому требованію, чтобы напасть на насъ со стороны Финляндіи.

Однако неудачная для насъ кампанія 1806—1807 гг. окончилась въ Тильзитѣ свиданіемъ соперниковъ—Императоровъ и ихъ совмѣстными мечтами о миролюбивомъ раздѣлѣ между собою владычества надъ міромъ.

По Тильзитскому договору было условлено побудить стокгольмскій, копенгагенскій и лиссабонскій дворы примкнуть къ континентальной системѣ, долженствовавшей, по замыслу Наполеона

закрѣтъ Англіи доступъ на континентъ, т. е. запереть для англійскихъ судовъ свои гавани...

— Я изъ Испаніи справлюсь съ Португаліей, говоритъ Наполеонъ въ Тильзитѣ Александру,—а Вы берите себѣ Финляндію въ вознагражденіе за войну, которую намъ, можетъ быть, придется вести со Швеціей. Правда, шведскій король—Вашъ родственникъ и союзникъ, но по этому именно онъ долженъ слѣдовать Вашей политикѣ—или же, въ противномъ случаѣ,—пострадаетъ. Въ какихъ бы отношеніяхъ случайно къ Вамъ онъ ни былъ,—онъ постоянно Вашъ географическій врагъ. Петербургъ слишкомъ близко къ шведской границѣ; петербургскія красавицы не должны больше изъ домовъ своихъ слышать громъ шведскихъ пушекъ...

Этимъ разговоромъ, замѣчаетъ г. Бородинъ, и была рѣшена участь Финляндіи.

Густавъ IV зналъ обо всемъ этомъ, но упорствовалъ въ своемъ союзѣ съ Англіей и не закрывалъ для нея своихъ гаваней. Онъ не хотѣлъ подчиниться «апокалипсическому звѣрю», онъ ненавидѣлъ Александра I.

Между тѣмъ Наполеонъ, чрезъ Коленкура, настойчиво и энергично требовалъ выполненія Тильзитскаго договора относительно воздѣйствія на Швецію вступленіемъ нашихъ войскъ въ предѣлы шведской Финляндіи.

— „Императоръ Александръ исполнялъ свои тильзитскія обязательства по отношенію къ Швеціи, видимо, неохотно, не слѣпа, а главное—съ непрекращавшейся надеждой, что оружія ему не придется обнажать,—пишетъ г. Бородинъ.—То, что дѣлалось Россіей подъ давленіемъ Франціи, отнюдь не таило въ себѣ коварныхъ замысловъ противъ Швеціи. Наша сосѣдка открыто и честно предупреждалась о требованіяхъ Франціи. Ей опредѣленно предлагался удобный выходъ изъ неблагоприятнаго положенія“...

„Русскіе министры и генералы, продолжаетъ онъ, заявляли Стедингу (шведскому посланнику въ Петербургѣ, пользовавшемуся общою симпатією), что Императоръ противодѣйствуетъ войнѣ со Швеціей и что нація (русская) противъ нея. Русскіе простерли свою сердобольную откровенность такъ далеко, что убѣждали Стединга въ необходимости принять энергичныя мѣры для обороны Финляндіи, дабы страна не была захвачена врасплохъ¹⁾“...

Возникаетъ интересный вопросъ: почему же Императоръ Александръ, поддерживавшій въ Тильзитѣ мечты Наполеона о совмѣстномъ владычествѣ надъ міромъ, медлил теперь съ исполненіемъ тильзитскихъ обязательствъ?

¹⁾ Нерасположеніе «націи» къ войнѣ со Швеціей объясняется тѣмъ, что тильзитское свиданіе поколебало симпатіи къ Александру русскаго общества, мѣропріятіями же правительства возбужденнаго противъ Наполеона. По слухамъ знали, что Франція настаиваетъ на войнѣ нашей съ Швеціей,—и ринили Александра въ недостатокъ характера.

М. М. Бородинъ объясняетъ это такъ:

„Нельзя допустить, чтобы Александръ I вовсе не думалъ о Финляндии и не понималъ значенія ея присоединенія къ Россіи. Вопросъ о Финляндии уже въ 1802 занялъ въ русской политикѣ выдающееся положеніе. и война тогда со Швеціей была отклонена лишь случайно. Кромѣ того извѣстно, что Императоръ въ интимной бесѣдѣ съ генераломъ П. К. Сухтеленемъ обсуждалъ вопросъ о наиболѣе выгодной для Россіи сѣверной границѣ. Сухтеленъ подошелъ къ картѣ и карандашомъ провелъ черту отъ Торнео до океана.—„Полно, полно, сказалъ Государь: эта граница намъ недоступна. Что скажетъ своякъ мой, король шведскій?“ — „Посердится и забудетъ“, отвѣтилъ Сухтеленъ...

„По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, Императоръ Александръ при раздѣлѣ земель въ Тильзитѣ принялъ Финляндію въ видѣ возмездія за испанскую корону, предназначенную дому Бонапартовъ. Моментъ былъ благопріятный. Противъ пріобрѣтенія Финляндии въ другое время могли поднять свои голоса западныя державы, озабоченныя сохраненіемъ европейскаго равновѣсія; теперь же, когда на вѣсы политики брошенъ былъ мечъ Наполеона, никто не могъ воспрепятствовать завоеванію земель, прилегающихъ къ русской границѣ. Императоръ Александръ понималъ, что необходимо было воспользоваться подходящимъ случаемъ.

„Но Государю приходилось считаться съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое далеко не было враждебно настроено къ Швеціи.

— „Валахія и Молдавія—вотъ вознагражденіе, ожидаемое народомъ говорилъ Александръ послу Наполеона,—а этого вы хотите лишить насъ“.

Валахія и Молдавія—вотъ куда были направле ны помыслы повелителя Россіи. Условія времени требовали прежде всего ихъ присоединенія. Но на это Наполеонъ соглашался условно и уклончиво... Его заботы были въ Испаніи; онъ хотѣлъ въ то же время, чтобы Россія не перешагнула за Дунай... Вся миссія его посла въ Петербургѣ сводилась именно къ тому, чтобы разными проектами отвлечь вниманіе Россіи отъ юга, отъ Дуная... И когда онъ общался Александру, что «недалекъ отъ мысли объ экспедиціи въ Индію, отъ мысли о раздѣлѣ Оттаманской имперіи и что его армія соединится съ русской подъ стѣнами Стокгольма, онъ говорилъ все это для того, чтобы отвлечь Александра отъ юга Европы... Но Александръ I былъ очень опытенъ въ вопросахъ обаянія, чтобы позволить обмануть себя этими фантазмагоріями. Въ его глазахъ все выдавало двойную игру Наполеона съ турками, которыхъ онъ тайно поддерживалъ, и со шведами, которымъ онъ угрожалъ только на словахъ“.

(стр. 42—43).

Все это и заставляло Императора Александра медлить и выжидать раскрытія истинныхъ намѣреній Наполеона. Послѣдній продолжалъ настаивать, понуждать, ободрять.

— «Скажите ясно Императору, писалъ онъ Коленкуру, что я желаю всего того, чего онъ хочетъ... Я не буду мѣшать ему завладѣть Швеціей, даже Стокгольмомъ»...

И Швеція была объявлена война.

III.

Какъ къ этому событію отнеслись въ Швеціи? Каково было настроеніе шведскаго общества въ виду грозной опасности?

Ее предвидѣли давно. Еще абборфосская выходка Густава IV, въ 1802 году возбудила въ Швеціи, по словамъ нашего историка, много безпокойства и опасеній большихъ бѣдствій какъ для самаго короля, такъ и для государства.

Ротмистръ Нюландскихъ драгунъ, Карль Меллерсвердъ въ своемъ походномъ дневникѣ отмѣтилъ, что «война начата, благодаря упрямству короля, который образцомъ взялъ для себя Карла XII и строго слѣдовалъ примѣру своего оригинала въ покрое одежды и перчатокъ съ крагами, но далеко отставалъ отъ него въ умственномъ отношеніи и храбрости».

Армфельтъ въ февралѣ 1808 года сообщалъ своему другу Аминову:—«Предстоитъ война съ Россіей, и результатомъ ея будетъ потеря Финляндіи или ея опустошеніе. Его величество король кажется непоколебимъ въ своихъ намѣреніяхъ предоставить Промыслу заботу, которая, по его мнѣнію, ему не принадлежитъ...»

Самъ Аминовъ писалъ въ мартѣ того же года женѣ:—«...долгъ заставляеть меня не поддерживать въ тебѣ надежды на спасеніе Финляндіи въ настоящее время»...

Карль Эрнротъ, отличавшійся въ войнахъ Густава III, также писалъ, что «Финляндія рано или поздно все-таки будетъ принадлежать Россіи, и это тѣмъ-лучше, чѣмъ скорѣе...»

Поручикъ Бракель, также одинъ изъ героевъ войны 1788—1790 гг., высказывался брату, въ письмѣ отъ 11-го февраля 1808 года, въ томъ смыслѣ, что «горсть людей безъ хлѣба и одежды едва ли можетъ, при всемъ желаніи, сопротивляться хорошо вооруженной арміи...»

«Извѣстному» въ нашей литературѣ Ѳаддею Булгарину, въ то время молодому уланскому офицеру и участнику кампаніи 1808—1809 гг., довелось въ то время выслушать отъ одного образованнаго финна-помѣщика слѣдующія слова:—«Въ доказательство, что я не предвижу счастливаго для насъ конца этой войны, вотъ сынъ мой, которому я не позволилъ вступить въ военную службу...»

И другой финнъ-помѣщикъ писалъ своему сыну, равшемуся подъ шведскія знамена:—«Сдерживай себя, безпечный юноша! Война окончится прежде, чѣмъ ты успѣешь выказать свои воен-

ные таланты. То, что должно совершиться, быть можетъ, сбудется раньше, чѣмъ твой мундиръ будетъ готовъ».

Вотъ каково было настроеніе общества въ Швеціи и Финляндіи, когда вспыхнула долго назрѣвавшая война съ Россіей. По словамъ г. Бородкина, образованные и богатые люди, хотя и досадовали на вторженіе русскихъ, хотя и не любили ихъ, ожидая со стороны этихъ «варваровъ» всякихъ эксцессовъ войны, но готовы были почти безъ сопротивленія подчиниться судьбѣ, которая казалась имъ неизбѣжной,—негодую на свое правительство и даже явно ропща на короля.

Пессимистическое настроеніе шведско-финскаго общества имѣло подъ собою почву не только въ личности короля, не только въ пониманіи политическаго положенія Европы, мысленно уже подѣленной въ Тильзитѣ между союзными монархами Франціи и Россіи, но и въ сознаніи неготовности Финляндіи къ оборонѣ.

Защиту Финляндіи составляли прежде всего финскія сухопутныя войска, часть которыхъ (13,752 чел.) выставялась помѣщиками—это поселенныя войска, а часть (6,000 чел.) комплектовалась вербовкою. Войска эти лишь на короткое время собирались для учебныхъ сборовъ. Въ остальное время и солдаты, и офицеры ихъ были болѣе земледѣльцами, чѣмъ воинами. Пѣхота была вооружена гладкоствольными кремневыми мушкетами со штыками. Оружіе было вообще плохо и имѣлось въ недостаточномъ количествѣ. «Случайное совпаденіе обстоятельствъ, рассказываетъ г. Бородкинъ, привело къ тому, что не далѣе какъ въ 1806 г. (стало быть, почти наканунѣ войны), Швеція (видимо, нуждавшаяся въ деньгахъ вслѣдствіе неурожая въ странѣ) продала Россіи и Пруссіи годные къ починкѣ ружья и тесаки въ весьма значительномъ количествѣ». Вѣроятно, вслѣдствіе этого, когда началась война съ Россіей, добровольцамъ-кореламъ, чтобы сдѣлать видъ своего оружія болѣе грознымъ, пришлось придѣлывать къ своимъ охотничьимъ ружьямъ *деревянныя крашенныя штыки*. На вооруженіи артиллеріи состояли пушки разныхъ калибровъ. Кавалерія была вооружена дурными пистолетами. О состояніи хозяйства въ этихъ войскахъ даетъ ясное представленіе слѣдующее письмо начальника штаба шведской арміи, графа Левенгельма генералу Адлеркрейцу:—«Слѣди за комисарами магазинововъ, это самые большіе мошенники, какихъ я встрѣчалъ... Особенно большую пользу ты окажешь арміи, если заставишь зорко слѣдить за транспортами, которые отправляются въ Улеаборгъ, потому что они охотно идутъ

безъ охраны, чтобы по дорогѣ можно было грабить и ссылаться на крестьянъ. Я не умру спокойно, заключаю свое письмо Левенгельмъ, пока не узнаю, что хоть одинъ изъ комисаровъ высѣченъ на пушкѣ до окончанія кампаніи».

Состояніе крѣпостей было также неудовлетворительно. Внутреннія крѣпости стояли незаконченными то по недостатку денегъ на ихъ постройку, то изъ-за взаимныхъ пререканій по поводу ихъ различныхъ военныхъ шведскихъ властей. Приморскія крѣпости—Свартгольмъ и Свеаборгъ, возведены были, главнымъ образомъ, для поддержанія сообщенія со Швеціей во время лѣтнихъ кампаній...

Вообще всѣ планы обороны Финляндіи, выработанные шведскимъ генеральнымъ штабомъ, имѣли въ виду лишь лѣтнее время, хотя ему не разъ указывалось на опасность для Швеціи именно зимняго похода русскихъ.

Такимъ образомъ, шведское общество имѣло всѣ основанія быть недовольнымъ своимъ бездѣятельнымъ правительствомъ и роптать на короля, который только въ послѣднюю минуту, буквально уже наканунѣ объявленія ему войны Россіей, а именно 11-го января 1808 г., учредилъ въ Стокгольмѣ «тайный военно-подготовительный комитетъ». Презрѣніе, питавшееся королемъ къ Финляндіи, выразилось и въ этотъ моментъ въ томъ, что въ составъ его не вошелъ ни одинъ финнъ. Комитетъ этотъ сразу же призналъ, что нападеніе русскихъ на Финляндію зимой является особенно опаснымъ, и потому наиболѣе благоразумнымъ онъ призналъ спасти отъ арміи то, что можно, пославъ въ крѣпости Свартгольмъ и Свеаборгъ столько войскъ, сколько онѣ могутъ вмѣстить, и отведя остальные ея части въ Эстерботнію.

— «Такимъ образомъ, замѣчаетъ нашъ историкъ, комитетъ сразу оставлялъ большую часть Финляндіи безъ боя въ распоряженіе русскихъ. Такое рѣшеніе не предвѣщало ничего хорошаго для Швеціи. Къ оборонѣ приступали робко, почти трусливо, подавленные мыслію о безнадежности сопротивленія».

IV.

Главнокомандующимъ шведскою арміею былъ назначенъ 63-хлѣтній генераль Клингспоръ, предсѣдательствовавшій въ этомъ самомъ «тайномъ военно-подготовительномъ комитетѣ».

Свою военную карьеру этот полководец начал во французской армии, во времена маркизы Помпадуръ, и въ сраженіи при Росбахѣ, въ рядахъ австрійскихъ войскъ, взявъ первый урокъ «въ искусствѣ—отступать». Вернувшись въ Швецію, онъ при Густавѣ III, во время войны 1788—1790 гг., исполнялъ обязанности интенданта и, говорятъ,—недурно. Но его полководческія дарованія подвергались большому сомнѣнію. — «Нужно обладать большимъ умомъ»,—острили про него его соотечественники,—чтобы отыскать человѣка съ такимъ малымъ умомъ, какъ Клингспоръ». — «Изъ всѣхъ офицеровъ шведской армии, Клингспоръ меньше всѣхъ соотвѣтствовалъ своему назначенію», признали впоследствии и шведскіе историки событій 1808—1809 гг.

Какъ же онъ при такихъ своихъ данныхъ получилъ столь отвѣтственное назначеніе? Оказывается, очень просто.

— «Клингспоръ явился ко мнѣ»,—разсказывалъ впоследствии Густавъ IV Армфельту,—«и со слезами на глазахъ говорилъ, что послѣ того, какъ онъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, какъ генералъ-аншефъ, въ мирное время, командовалъ войсками въ Финляндіи, для него будетъ позоромъ, если, при предположеніи возможности войны, его уволить отъ этого командованія и назначать другого на его мѣсто. Онъ былъ такъ жалокъ, и его слезы такъ растрогали меня, что я былъ вынужденъ согласиться на его просьбу, хотя и знаю напередъ, какъ все теперь пойдет...»

И такъ, только благодаря этимъ слезамъ и «жалкому виду», командованіе шведской арміей въ Финляндіи перешло къ Клингспору, не пользовавшемуся ни уваженіемъ, ни довѣріемъ націи и войскъ.

Правда, въ послѣднюю минуту король сдѣлалъ попытку отговорить Клингспора ѣхать къ арміи, но и она ни къ чему не привела. Клингспору предоставлено было право оставить свой постъ, «если онъ найдетъ, что при наступившихъ обстоятельствахъ не въ состояніи нести службу».

Но мелочный, узко самолюбивый Клингспоръ боялся не поражений, не бѣдствій своего отечества, не позора проигранной кампаніи, а пересудовъ стокгольмскаго общества по поводу его отставки,—и поѣхалъ... Поѣхалъ безъ всякой вѣры въ побѣду, открыто заявляя всѣмъ и каждому, что онъ «не беретъ на себя защиту Финляндіи противъ превосходныхъ силъ Россіи», а когда, уже въ дорогѣ, онъ узналъ, что русскія войска перешли границу шведской Финляндіи, то воскликнулъ:—«Пропала Финляндія!»

Стокгольмскія газеты провожали его карриатурами, въ которыхъ Клигспоръ изображался то въ кибиткѣ, наполненной подушками, то верхомъ на ракъ, котораго онъ прищипориваетъ и который отъ того двигается въ привычномъ, попятномъ направленіи.

Чего же могла ждать Швеція отъ такого полководца? Отступленія, пораженія... Съ этого и началась для шведской арміи кампанія, стоившая ей Финляндіи.

Главнокомандующимъ нашей арміи назначень былъ графъ Буксгевденъ, — «одинъ изъ стаи славной екатерининскихъ орловъ».

Къ сожалѣнію, образъ его представляется неяснымъ и противорѣчивымъ въ изображеніи нашего историка. Онъ сообщаетъ о немъ то совершенно излишнія, не идущія къ дѣлу подробности, въ родъ того, что Буксгевденъ былъ женатъ на Наталіи Алексѣевнѣ Алексѣевой, побочной дочери Екатерины II и князя Григорія Орлова, которая «была красавица, блондинка и славилась, какъ превосходная жена», то характеризуетъ его строптивымъ и неуживчивымъ челоуѣкомъ со словъ Оаддея Булгарина и генераль-провіантмейстера арміи, Д. П. Мертваго. Но первый былъ въ то время молодымъ уланскимъ офицеромъ, едва ли имѣвшимъ возможность близко изучить характеръ главнокомандующаго, а второй былъ сторонникомъ Аракчеева, въ то время военнаго министра, съ которымъ Буксгевденъ былъ не въ ладахъ. Но вѣдь и Аракчеевъ былъ не изъ мягкихъ, уживчивыхъ людей! И какъ ни мало далъ г. Бородкинъ въ своей книгѣ данныхъ для характеристики Буксгевдена, мы все же можемъ сказать, что эта его строптивость и неуживчивость были проявленіемъ благороднаго свойства его личности—гражданскаго мужества. Онъ былъ строптивъ съ временщикомъ Аракчеевымъ и неуживчивъ съ такимъ низкимъ интриганомъ и авантюристомъ, какъ баронъ Спренгспортенъ, который, состоя при Буксгевденѣ въ арміи въ качествѣ «свѣдущаго въ финляндскихъ дѣлахъ челоуѣка», претендовалъ на постъ будущаго финляндскаго генераль-губернатора, мнилъ себя стратегомъ, дипломатомъ и администраторомъ и писалъ доносы въ Петербургъ на лицъ, не признававшихъ эти его таланты и гнушавшихся услугъ этого проходимца-предателя.

И въ то время, какъ Клигспоръ, не вѣря въ успѣхъ войскъ, «изъ боязни позора отставки» напрашивался въ главнокомандующіе, — Буксгевденъ, въ разгаръ своихъ военныхъ успѣховъ въ Финляндіи, сложилъ съ себя почетное званіе главнокомандующаго русской арміи, потому что считалъ несомнѣстнымъ съ этимъ до-

стоинствомъ получать отъ временщика Аракчеева грубыя письма. Онъ не пожелалъ допустить «уничтоженія званія главнокомандующаго, почтеннаго отъ всѣхъ и всѣми», и написалъ Аракчееву письмо, въ которомъ высказалъ ему много горькихъ истинъ.

— «Дѣятельность ваша (по попеченію обо мнѣ) удивительная!»—писалъ онъ.—«Неужели источникъ, изъ коего вы почерпаете предметы къ моему вреду, и нынѣ еще не истощился?... Вы мнѣ даете разными случаями почувствовать ваше недоброжелательство... Знаете ли, милостивый государь мой, что есть главнокомандующій? Главнокомандующій есть воинъ, испытанный въ любви къ отечеству, искусившійся въ полѣ брани и служеніемъ своимъ доказавшій преданность Престолу. Ему Государь вручаетъ безопасность, спокойствіе и славу своего государства, ему подчиняетъ Онъ тысячи воиновъ...»

— «Выборъ Буксгевдена въ главнокомандующіе не могъ стязать, по выраженію Ө. Булгарина, никакой критики».

По отзыву же финляндца-современника, Буксгевденъ «былъ самымъ подходящимъ лицомъ, которому русское правительство въ такой критическій періодъ могло довѣрить управление Финляндіей. Онъ былъ справедливъ и добръ по отношенію къ покоренному народу, не забывая своего долга предъ Царемъ. Онъ оказывалъ несомнѣнные примѣры справедливости, когда подавались жалобы на солдатъ, онъ былъ любимъ каждымъ финномъ, которому приходилось имѣть съ нимъ дѣло...»

Въ заключеніе и нашъ историкъ призналъ за Буксгевденомъ «государственный умъ», которымъ онъ, и безъ содѣйствія «эксперта по финляндскимъ дѣламъ и специалиста по части вліянія на умы», Спренгспортена,—«недурно разбирался въ новыхъ условіяхъ и правильно понималъ главное положеніе вещей».

Въ арміи же нашей никогда не забывали, что Буксгевденъ былъ любимцемъ Суворова—и уже одно это сразу создало довѣріе войскъ къ своему вождю.

V.

М. М. Бородкинъ еще въ предисловіи предупредилъ читателей, что онъ очень мало коснется военныхъ дѣйствій,—«лишь настолько, чтобы сохранить связность общаго разсказа и имѣть раму для главной картины своего описанія». Онъ допустилъ исключеніе лишь по отношенію къ Свеаборгу и къ возстанію крестьянъ,

«въ виду той громадной роли, которая выпала на долю этихъ со-бытій».

Однако, о военныхъ дѣйствіяхъ сказано въ настоящемъ трудѣ столь мало и отрывочно, что безъ помощи другихъ источниковъ нѣтъ возможности даже схематически ихъ себѣ представить.

Свеаборгу, правда, посвящена особая глава, содержащая много любопытныхъ свѣдѣній, но подчасъ противорѣчивыхъ и неясныхъ, не проливающихся и на этотъ разъ полного свѣта на темное и загадочное дѣло капитуляціи этой крѣпости.

И чѣмъ больше хочетъ онъ внушить убѣжденіе въ неподкупности свеаборгскаго коменданта, Кронстедта, тѣмъ меньше вѣрится въ нее.

Ужъ очень темно прошлое этого героя!

Въ 1801 году онъ былъ главнымъ начальникомъ шведскаго флота и любимцемъ Густава IV. Его считали «знающимъ и безкорыстнымъ человѣкомъ...» И вдругъ неожиданно для себя, для всего придворнаго общества онъ долженъ былъ покинуть Стокгольмъ и переселиться въ Свеаборгъ. Это и тогда считали «ссылкой», но причинъ опалы не знали и, вѣроятнѣе всего, приписывали взбалмошности короля. И только много лѣтъ спустя эти причины раскрыты были въ «Запискахъ стараго густавіанца», приписываемыхъ нашимъ историкомъ оберъ-камергеру барону Гамильтону. Вотъ, что сказалъ Густавъ IV автору этихъ записокъ, удивленному внезапной опалой Кронстедта.

— Онъ обманулъ и меня, и Императора Павла. Онъ былъ, безъ моего вѣдома, слугою Павла, какъ и моимъ, когда Нельсонъ бомбардировалъ Копенгагенъ, и обманулъ насъ обоихъ, позволивъ англичанамъ купить себя; благодаря именно его интригамъ, шведскій флотъ не вышелъ въ море. Что это такъ—вы можете прочесть у секретаря кабинета, барона Лагербиельке англійскія депеши. Впрочемъ, прибавилъ король, я далъ ему прекрасную «ретираду». Онъ будетъ теперь главнымъ начальникомъ Свеаборга.

Узнавъ о такой «ретирадѣ» измѣнника, «старый густавіанецъ» не могъ подавить своего изумленія и заклиналъ короля никогда болѣе не довѣрять такому человѣку и, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ войны съ Россіей сейчасъ же отозвать его съ этого мѣста. Онъ говорилъ королю, что человѣкъ, подобный Кронстедту, никогда не забудетъ того позора, который онъ навлекъ на себя, и будетъ искать случая мстить... «Благородный король, заключаетъ свой

разсказъ «старый густавіанецъ», убѣдился впослѣдствіи въ справедливости этого предсказанія».

Нашъ историкъ признается, что не знаетъ, насколько правдивъ авторъ приведеннаго разсказа, «такъ какъ имъ допущены нѣкоторыя фактическія неточности» (какія—не указано), но и онъ считаетъ несомнѣннымъ, что въ Свеаборгъ Карль Олафъ Кронстедтъ попалъ «не по своей охотѣ».

Казалось бы, при наличности такого обвиненія, не опровергнутого, а скорѣе подтвержденнаго позднѣйшею его дѣятельностью, нѣтъ мѣста утвержденію, что «комендантомъ крѣпости (Свеаборга) состоялъ вице-адмиралъ Карль Олафъ Кронстедтъ, «лично храбрый и честный офицеръ»...

Въ честности Кронстедта, помимо вышеприведеннаго разсказа «старого густавіанца», можно усомниться и по другимъ даннымъ, приводимымъ нашимъ авторомъ въ примѣчаніи 155-мъ. Разсказывая о томъ, какъ въ Свеаборгѣ обкрадывали шведскую казну, онъ отмѣчаетъ, со словъ Даниэльсона, что «если адмирала (Кронстедта) и не обвиняли прямо въ участіи въ кражѣ, однако, злоупотребленія приписываются прежде всего ему, потому что онъ большею частью находился въ деревнѣ и позволялъ своимъ офицерамъ и другимъ частнымъ людямъ пользоваться средствами казны. Казенные корабли продавались съ аукціона за грошъ, и покупатели могли къ тому же даромъ ремонтировать ихъ на верфи крѣпости... Изъ матеріала, принадлежавшаго крѣпости, воздвигались прекрасные дома въ близъ лежащихъ имѣніяхъ»...

Какая ужъ это честность! Что касается храбрости Кронстедта, то, высказавъ о ней столь категорически сужденіе на одной страницѣ, зачѣмъ же на другой, сосѣдней, признавать, что оцѣнка Кронстедта (по которой вся Швеція и гарнизонъ Свеаборга считали его «орудіемъ спасенія Швеціи») была совершенно неправильной?—«Его точка зрѣнія оказалась ограниченной, характеръ въ высшей степени впечатлительнымъ и нравственное мужество ничтожнымъ».

Задача историка заключается не только въ томъ, чтобы собрать груды противорѣчивыхъ фактовъ и сужденій современниковъ и изслѣдователей по тому же вопросу, но и провести черезъ нихъ свою равнодѣйствующую, устанавливающую единство впечатлѣнія, единство исторической правды.

Но М. М. Бородкинъ, «стараясь дать возможно обильный матеріалъ о первомъ періодѣ нашего обладанія Финляндіей, дабы

читатели сами могли разобратъся въ запутанныхъ русско-финскихъ отношеніяхъ», подчасъ еще болѣе запутываетъ ихъ противорѣчіемъ собраннаго имъ дѣйствительно обширнаго матеріала и отсутствіемъ историческаго критерія для оцѣнки его. И это одинъ изъ существенныхъ недостатковъ интереснаго труда г. Бородкина, проявляющійся у него довольно часто.

Такъ, напримѣръ, сообщивъ на первой страницѣ главы, посвященной Свеаборгу, что къ началу осады этой крѣпости въ погребахъ ея находилось до 6 тыс. пудовъ пороха и значительное количество снарядовъ, что число людей, способныхъ сражаться, доходило до 6,750 чел., что начальствующихъ лицъ было столько, что на 32 солдата приходилось по одному офицеру ¹⁾, что Кронстедту удалось преодолѣть всѣ затруднія по заготовкѣ провіанта для крѣпости и предполагалось, что послѣдняя обезпечена имъ вплоть до открытія навигаціи,—нашъ историкъ дѣлаетъ поспѣшный выводъ, «что къ началу военныхъ дѣйствій Свеаборгъ находился въ весьма благоприятныхъ условіяхъ».

Но далѣе оказывается, что «ко времени войны 1808 г. крѣпость не была во всѣхъ своихъ частяхъ достроена, и это особенно мучило мнительнаго ея коменданта, изнуравшаго свой гарнизонъ какъ поспѣшными постройками по возведенію укрѣпленій, такъ и по вооруженію ихъ;—что къ недостаткамъ крѣпости надо отнести столь существенныя обстоятельства, какъ малую глубину рововъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и незначительную высоту брустверовъ въ другихъ, особенно тѣхъ, которые обращены къ сушѣ, и отсутствіе надежныхъ прикрытій для бомбъ и пр.,—что «Кронстедтъ (въ своемъ донесеніи королю о состояніи Свеаборга) вовсе не говоритъ о недостаткахъ, которые, при одномъ взглядѣ на карту, бросались въ глаза: Скансландъ или Бокгольменъ не были укрѣплены», тогда какъ на этотъ недостатокъ было указано еще въ XVIII столѣтіи даже въ иностранной литературѣ, а Кронстедтъ находился въ Свеаборгѣ уже семь лѣтъ,—и наконецъ, что большая часть гарнизона состояла изъ мало обученныхъ рекрутъ, составъ офицеровъ былъ совершенно неудовлетворительный и недостаточно знакомый съ войною и, вообще, по словамъ «безпристрастнаго» очевидца капитана Бота, «представляя изъ себя гидру о 6,000 головахъ, причемъ каждая имѣла свой интересъ и каждую нужно было особыми мѣрами привлекать, уговаривать или принуждать»...

1) По Ордину (т. I, стр. 383) — на 100 солдатъ — по одному офицеру.

Такую крѣпость, конечно, отнюдь нельзя считать находящеюся «въ весьма благопріятныхъ условіяхъ».

Не считалъ ее такою, по словамъ нашего же историка, и самъ адм. Кронстедтъ.— «Во вѣрнной ему крѣпости онъ видѣлъ замерзшій корабль, взятый на abordажъ непріателемъ. Къ тому же на Свеаборгъ, задолго до войны, у него установился тотъ взглядъ, что онъ неизбежно погибнетъ, если русскіе осадятъ его зимою. Такимъ образомъ, въ душѣ онъ не вѣрилъ въ возможность исполненія порученной ему задачи»...

Это не помѣшало однако Кронстедту доносить королю, что «послѣ того, какъ я успѣлъ привести въ надлежащій порядокъ мои оборонительныя средства, я постараюсь, какъ можно долѣе, не допустить русскихъ взять крѣпость»...

Однако, когда русскими предложено было ему заключить конвенцію, по которой крѣпость должна быть сдана, если до 22-го апрѣля не придутъ подкрѣпленія съ моря, и въ обезпеченіе которой осаждающимъ передавались острова Лонгернъ (Ключевой), Лилла-Эстеръ-Свартэ (Стрѣлковый) и Вестеръ-Свартэ (Госпитальный), у Кронстедта ничего не нашлось болѣе за душой, какъ эти слова, которыя г. Бородкинъ приводитъ по запискамъ Лиліенпарре:— «Господа! Я не трусь и не наемникъ, но я не имѣю другого средства въ запасъ для крѣпости и его величества короля, какъ согласиться на предложеніе».

Между тѣмъ отъ короля Кронстедтъ имѣлъ совершенно опредѣленное указаніе: «жизнью и кровью до послѣдней крайности защищать крѣпость, а въ случаѣ невозможности отстоять послѣднюю сжечь флотъ и уничтожить запасы».

22-го апрѣля Свеаборгъ былъ сданъ русскимъ войскамъ. Ихъ трофеями были: 7,503 челов. военно-плѣнными, 2,033 орудія, 340,000 снарядовъ, 9,000 ружей, 110 судовъ и пр.

За время осады гарнизонъ Свеаборга потерялъ лишь 6 чел. убитыми и 32 чел. ранеными.

Современники, а за ними и историки, объяснили этотъ успѣхъ дѣйствіемъ нашего «золотого пороха».

М. М. Бородкинъ и по этому интересному вопросу не высказалъ опредѣленнаго мнѣнія.

Съ одной стороны, признать дѣйствіе «золотого пороха» ему, какъ будто мѣшаетъ національное самолюбіе, ревнивое къ доблести русскаго оружія, и потому, основываясь на заявленіи руководившаго осадю Свеаборга ген. Сухтелена,—что «самая мысль о по-

стыдномъ подкупѣ чужда была договаривающимся сторонамъ», онъ утверждаетъ, что «дѣло не въ деньгахъ»... — съ другой стороны, онъ не можетъ противостоятъ другимъ, еще болѣе авторитетнымъ свидѣтельствамъ и безспорнымъ документамъ, и потому столь же категорически говоритъ, что «при осадѣ Свеаборга прибѣгали къ помощи и женщинъ, и денегъ».

Мы не будемъ повторять здѣсь общеизвѣстныхъ уже свѣдѣній о роли Анны Бруновъ и г-жи Рейтершельдъ въ капитуляціи Свеаборга, о донесеніи Буксгевдена Государю, что ему «нужны еще и еще деньги для пріобрѣтенія расположенія въ гарнизонѣ», объ указаніи Аракчеева Буксгевдену, что Государь надѣется, что «если страніемъ и опытностью сила золотого пороха ослабила уже нѣсколько пружину военную, то и окончательное уничтоженіе оной должно исполниться», — и перейдемъ прямо къ сообщенію Коленкура о слѣдующемъ «загадочномъ» заявленіи, которое сдѣлалъ ему конфиденціально императоръ Александръ 27-го апрѣля (н. ст.): — «Всѣ финскіе офицеры за насъ. Золотой дождь возымѣлъ свое вліяніе во время перемирія: гарнизонъ сильно обработанъ, и, между нами будь сказано, адмиралъ Кронстедтъ имѣетъ искъ къ казнѣ, который я обязался ему уплатить. Это между нами, конечно, потому что это секретная статья»...

И по этому иску Кронстедтъ получилъ сполна, что удостовѣряется документомъ отъ 9-го декабря 1809 года, за собственоручною подписью императора Александра. Государь повелѣлъ выдать Кронстедту пенсію въ размѣрѣ 4,500 рейхсъ-талеровъ и еще 50,000 рейхсъ-талеровъ, которые онъ лично потерялъ отъ участія своими акціями въ обществѣ спасанія судовъ и грузовъ. Что же касается убытковъ, понесенныхъ адмираломъ по содержанію крѣпости, то ему предписано было предварительно полученія денегъ, представить соотвѣтствующіе счета Спренгспортену (нашли честнаго человѣка!) для изслѣдованія и провѣрки.

Общество спасанія судовъ и грузовъ, какъ сообщаетъ нашъ историкъ, было официальнымъ учрежденіемъ въ Швеціи; такъ какъ общество было монополистомъ и приносило своимъ членамъ большой доходъ, то король, желая обезпечить тому или другому лицу существенный доходъ, самъ назначалъ его акціонеровъ.

Получивъ назначеніе въ Свеаборгъ, Кронстедтъ получилъ отъ короля и нѣсколько акцій этого общества. Почему русская казна платила деньги Кронстедту за это шведское учрежденіе, мы не понимаемъ. Что гельсингфорскіе купцы Гейденитраухъ и Седергольмъ,

изъ шведскаго патріотизма, безъ всякихъ гарантій и залоговъ, взяли на время осады Свеаборга быть банкирами осажденной крѣпости, это понятно, но почему опять таки русское казначейство оплачивало чрезъ Кронстедта этотъ шведскій патріотизмъ, мы не понимаемъ, какъ не понимаемъ и то, почему не сами эти купцы явились кредиторами этой казны, а все тотъ же Кронстедтъ.

О томъ же, за что именно Кронстедту назначена была изъ русскаго же казначейства пенсія, — историкъ нашъ и вовсе умалчиваетъ.

Но мы не сомнѣваемся, что всѣми было бы признано чрезвычайно предосудительнымъ и подозрительнымъ то обстоятельство, если бы, положимъ, послѣ сдачи Портъ-Артура, бывший его комендантъ получилъ отъ Японіи пенсію и возмѣщеніе своихъ личныхъ убытковъ, происшедшихъ отъ капитуляціи крѣпости.

И мы, право, не понимаемъ: во имя чего нашимъ историкамъ нужно до сихъ поръ увѣрять насъ въ неподкупности Кронстедта? Если во имя чести русскаго оружія, которое подъ Свеаборгомъ сыграло менѣе значительную роль, чѣмъ русское золото, то не все ли равно въ сущности, въ чьи карманы оно сыпалось: Егергорна и К^о или Кронстедта, разъ дѣйствіе «золотого пороха» въ данномъ случаѣ такъ же несомнѣнно, какъ отсутствіе мужества въ Кронстедтѣ, его слабость, его податливость чужимъ вліяніямъ и нещепительность въ выборѣ источниковъ и средствъ для возмѣщенія личныхъ своихъ матеріальныхъ убытковъ? Русская военная доблесть засвидѣтельствована столь длиннымъ рядомъ подвиговъ, что бояться умаленія ея отъ признанія, что Свеаборгъ былъ взятъ силой золота, а не силой оружія, не приходится. Вычеркните Свеаборгъ, и у насъ еще останутся Нотебургъ, Хотинъ, Туртукай, Очаковъ, Измаилъ, Прага, Шумла, Рущукъ., Ленкорань, Варшава Карсъ, Ташкентъ, Хива, Шлевна, Геокъ-Тепе и пр. и пр.

Есть и еще версіи причинъ сдачи Свеаборга: по одной изъ нихъ — Кронстедтъ, будто бы, получилъ приказаніе изъ Швеціи сдать крѣпость, такъ какъ тогда уже было рѣшено низложить съ престола короля Густава IV; по другой, будто, самъ Густавъ IV приказалъ Кронстедту сдать Свеаборгъ, какъ Гриппенбергу — Свартгольмъ.

— «Все это были лишь слухи, замѣчаетъ намъ историкъ, цитируя ихъ по запискамъ г-жи Лампе и дневнику Алеопеуса, — въ коихъ небылицы обыкновенно мѣшаются съ истиной. Конечно, не король желалъ паденія Свеаборга и не отъ него исходили прика-

занія сдать крѣпость, но у него было много враговъ, изъ которыхъ нѣкоторые носились съ мыслью объ его низложеніи, а другіе — о бесполезности сопротивленія русскимъ войскамъ».

И вслѣдъ затѣмъ М. М. Бородинъ сообщаетъ, по запискамъ генерала Аминова, что король плакалъ при извѣстіи о паденіи Свеаборга и немедленно повелѣлъ предать Кронстедта полемому суду.

Судъ въ Торнео 11-го февраля 1809 года заочно вынесъ ему и его товарищамъ по сдачѣ крѣпости смертный приговоръ. «Но, замѣчаетъ нашъ историкъ, Кронстедтъ до такой степени былъ спокоенъ душой и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, что выговорилъ себѣ свободный возвратъ въ Швецію, желая тамъ дать отчетъ въ своемъ поведеніи. Его едва отговорили отъ столь рискованнаго шага»...

Когда именно Кронстедтъ расхрабрился вернуться въ отечество, г. Бородинъ не указываетъ, но всякому понятно, что убѣжденному въ правотѣ своихъ дѣйствій Кронстедту слѣдовало проявить это мужество тотчасъ по сдачѣ вѣренной ему крѣпости и поѣхать въ Торнео на судъ, а не въ Петербургъ искать свои протори и убытки по акціямъ общества спасенія судовъ и грузовъ...

VI.

Слѣдующимъ крупнымъ событіемъ въ ходѣ войны нашъ историкъ считаетъ возстаніе крестьянъ.

Обстоятельство это нельзя разсматривать внѣ связи съ духомъ шведскихъ войскъ и поведеніемъ войскъ русскихъ.

Факты, собранные по этимъ вопросамъ нашимъ историкомъ, также весьма разнообразны и также подчасъ противорѣчивы.

Для шведской арміи кампанія началась отступленіемъ безъ боя. Если подобное начало вообще дурно отражается на духѣ всякой арміи, тѣмъ болѣе оно должно было отразиться на духѣ финскихъ войскъ, состоявшихъ изъ торпарей и помѣщиковъ. Офицерскіе «бостели» и солдатскіе «торпы» могли быть очень полезны для прокормленія офицерскихъ и солдатскихъ семействъ, но они не оставляли времени для обученія ратному дѣлу, не создавали боевыхъ интересовъ, воспитывали земледѣльца, а не воина, и вели къ разоруженію страны и пониженію воинскаго духа. Къ тому же офицерское званіе пріобрѣталось въ этой арміи очень просто: оно покупалось...

Въ результатѣ: ротные командиры оказались «то слишкомъ старыми, то слишкомъ неспособными, а иногда то и другое вмѣстѣ», «баталіонные командиры были храбрые и честные люди, за которыми однако ничего замѣчательнаго признать было нельзя»...;— генералы?. Общей характеристики ихъ не дано, но вотъ портреты нѣкоторыхъ, кромѣ Клингспора и Кронстедта, о которыхъ мы уже писали: комендантъ первой сдавшейся намъ шведской крѣпости— Свартгольма—К. М. Гриппенбергъ, послѣ капитуляціи, вступилъ въ русскую службу ¹⁾; Клеркеръ, командовавшій финскими войсками до войны, по отзыву Стединга былъ «наилучшимъ человекомъ подъ небесами, но... старымъ...», и потому, когда подъ Тавастгустомъ къ нему явились пасторы въ тревогѣ за свою беззащитную, бросаемую на произволъ русскихъ паству, и искали у него утѣшенія, —онъ потеръ свой морщинистый лобъ и самымъ плачевнымъ голосъ отвѣтилъ:— «Утѣшеніе! утѣшеніе! Но вѣдь мнѣ самому нужно утѣшеніе!...»; Аминовъ, четвертый постоянный партнеръ «за походнымъ бостоннымъ столикомъ Клингспора, —«производилъ впечатлѣніе брюзги и очень самодовольнаго критика, съ плохо скрытою завистью и враждебностью къ другимъ и съ очень сильнымъ чувствомъ пессимизма и безнадежности въ отношеніи исхода борьбы «противъ подавляющей силы Россіи»; антагонистъ Аминова во время войны и послѣ нея, Адлеркрейцъ, «какъ начальникъ бригады могъ отличиться, но для того, чтобы руководить массами, ему не доставало спокойнаго сознанія военачальника»; между тѣмъ во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ ему суждено было явиться въ роли полководца—и въ ней, подъ Оровайсомъ, —«побѣду сдѣлать пораженіемъ»...

Выгодно отличались отъ нихъ лишь Деббельнъ, фонъ-Веgezакъ и Сандельсъ.

Мы противопоставили имъ: Буксгевдена, Барклай-де-Толли, Багратіона, Кульнева, Тучкова—учениковъ Суворова и будущихъ героев «12-го года».

Начавшаяся война оторвала финскихъ поселенныхъ воиновъ отъ ихъ «бостелей» и «торпъ», а *отступленіе* отдавало ихъ имѣнія въ руки непріятеля. Въ результатѣ появилась «бьернеборгская болѣзнь»—дезертирство изъ рядовъ арміи. Первый ее подмѣтилъ отставной маіоръ Аминовъ, братъ генерала. Прибывъ въ

¹⁾ По словамъ М. М. Бородкина, изъ переписки Буксгевдена можно вывести догадку, что и по Свартгольму мы дѣйствовали «золотымъ порохомъ».

концѣ марта въ Бьернеборгъ съ цѣлью узнать что нибудь о судьбѣ отступающей арміи, онъ, къ своему изумленію, на одномъ общественномъ праздникѣ встрѣтилъ одиннадцать офицеровъ, которые, по словамъ горожанъ, остались здѣсь, послѣ ухода арміи, подъ предлогомъ болѣзни. Подобные же факты занесъ въ свой походный дневникъ и аудиторъ Аспъ.

Явленіе это приняло, наконецъ, такіе размѣры, что Клингспоръ немогъ скрыть его отъ короля и донесъ ему о томъ, что «нѣкоторые офицеры, подъ предлогомъ болѣзни, однако безъ моего согласія или вѣдома, оставались на станціяхъ и въ городахъ, которые я во время отступленія долженъ былъ покинуть». Число такихъ лицъ, по вѣдомости Клингспора, достигло до 64 человекъ.

Но деморализація сказывалось не только среди офицерскаго корпуса. — «Всѣ въ бригадѣ—писалъ полковой священникъ Гольмъ, отъ начальства до солдата, роптали и громко высказывали свое неудовольствіе, что вынуждены были оставить родину, женъ и дѣтей во власти непріятеля, прежде чѣмъ необходимость потребовала этого».

Но на ряду съ этимъ есть не мало свидѣтельствъ и о высокому духу шведско-финскихъ войскъ. Такъ, Меллинъ пишетъ, что «никакія приманки, никакія трудности не могли поколебать твердости солдата». — «Вы не можете себѣ представить, съ какимъ видомъ и веселостью они исполняютъ свои обязанности, свидѣтельствовалъ и Адлеркрейцъ въ письмѣ Аминову, а когда они замѣтили непріятеля, то забыли всѣ трудности и заботы. Никогда въ Швеціи не будетъ такихъ солдатъ и жителей», добавлялъ онъ.

Населеніе Финляндіи, въ массѣ крестьянства, дѣйствительно, было исполнено патріотическаго одушевленія. Не зная того, какъ дешево цѣнить ихъ родину король, оно было вѣрно ему; съ Швеціей оно считало себя связаннымъ всѣмъ своимъ историческимъ прошлымъ,—религіей, законами, учрежденіями, присягой; въ русскихъ же видѣло иноземцевъ, чуждыхъ ему всѣмъ, а въ данномъ случаѣ—завоевателей, вступившихъ въ край и принесшихъ съ собою всѣ бѣдствія войны.

Первоначальные успѣхи русскихъ войскъ и отступленіе шведской арміи, безъ малѣйшей попытки сопротивляться нашествію, капитуляціи Свартгольма и Свеаборга деморализовали его и вынудили подчиниться силѣ обстоятельствъ. Обыватели охотно продавали нашимъ войскамъ свои продовольственные запасы, когда

Буксгевденъ установилъ за нихъ хорошую плату, — и вообще хорошо принимали ихъ.

Способствовало этому и поведение русскихъ войскъ. Финляндскіе и шведскіе историки согласно устанавливаютъ тотъ фактъ, что «болѣе чѣмъ всякія прокламаціи и инныя мѣры, содѣйствовала успокоенію умовъ та дисциплина, которая въ началѣ господствовали въ русскихъ войскахъ. Русское начальство во многихъ случаяхъ строго наказывало за такіе поступки, которые въ то время допускались въ широкихъ размѣрахъ Наполеономъ и его побѣдоносной арміей».

Строгая дисциплина въ войскахъ и ихъ доброе, законмѣрное отношеніе къ населенію присоединяемой къ Россіи Финляндіи было предметомъ особой заботливости Императора Александра.

Еще въ періодъ стягиванія арміи нашей къ границамъ Финляндіи, въ концѣ января 1808 г., Государь выражалъ Буксгевдену надежду, что «со стороны войскъ... сохранено будетъ спокойствіе заграничныхъ жителей». Въ другомъ секретномъ рескриптѣ на имя Буксгевдена объ этомъ говорилось еще болѣе опредѣленно и категорично. — «Опыты прошедшихъ военныхъ дѣйствій увѣрили меня въ томъ справедливомъ мнѣніи, что строгая дисциплина есть душа военной службы, что малѣйшее послабленіе начальника есть первое начало разстройства въ дѣлахъ... Я поручаю вамъ всю власть, какую только признаете вы за нужное употребить... для наблюденія добраго въ войскахъ порядка, дисциплины и сурбординаціи, и надѣюсь отъ васъ, что ожиданіе мое не будетъ тщетно, что никакой слухъ, противный оному, до меня не дойдетъ и что ненавистное названіе «мародѣровъ» не будетъ существовать въ корпусѣ вашемъ».

Рядомъ разумныхъ мѣръ и строгимъ отношеніемъ къ малѣйшему нарушенію «добраго порядка» Буксгевденъ выполнилъ всѣ эти указанія.

Такъ, Гартманъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что въ Борго русскими военными властями сами горажане привлечены были къ наблюденію за порядкомъ; они обязаны были каждый вечеръ и каждое утро въ разныхъ частяхъ узнавать, не производились ли солдатами какія либо насилія и преступленія и обо всемъ узнанномъ тотчасъ же докладывать предсѣдателю суда, а послѣдній уже сообщалъ о нихъ коменданту города. При такомъ порядкѣ вещей никакой проступокъ не оставался безъ возмездія. Алопеусъ раз-

сказываетъ, что именно въ Борго комендантъ приказалъ наказать батогами какъ караульнаго начальника, такъ и капрала за то, что часовой позволилъ себѣ взять у пропущеннаго имъ черезъ заставу 5 копѣекъ... Въ Гамле-Карлебю какой то «усатый коршунъ» похитилъ было дѣвушку дочь трактирщика. Его задержали, и Буксгевденъ приказалъ его разстрѣлять... Онъ былъ помилованъ лишь по просьбѣ самой дѣвушки, ея отца и Кульнева.

При очищеніи нами Умео, всѣ магазины съ аммуниціею, провіантомъ и артилеріею остались нетронутыми и были возвращены шведамъ. «Увезти съ собою взятую добычу, доносить по этому поводу Барклай де Толли,—походило бы единственно на корыстолюбіе, а истребить и привести въ негодность не было бы знакомъ миролюбія»...

Вотъ какъ рыцарски вели войну наши генералы! Понятно, что въ это время «финны лишь опасались ухода русскихъ», какъ занесъ въ свои записки Алонеусъ слова одного юкасскаго крестьянина; а майоръ Аминовъ, имѣніе котораго занято было нашими войсками («3,000 чедовѣкъ, мерзлыхъ, истощенныхъ, голодныхъ, ѣвшихъ что попало»), выражалъ изумленіе, «какъ армія, до того изголодавшаяся, могла содержаться въ столь строгой военной законности, что не учиняла насилій и не производила безпорядковъ, ибо ни одинъ врагъ не бываетъ болѣе жестокъ, чѣмъ голодъ»...

Хочется еще и еще цитировать многочисленныя свидѣтельства современниковъ-финновъ, кропотливо собранныя отовсюду нашимъ историкомъ, чуткимъ къ чести русскаго имени.—всѣхъ этихъ Бладовъ, Маландеровъ, Тигерстетовъ, Бракелей, Аминовыхъ, Клерфельтовъ и др., но мы предпочитаемъ отослать читателей къ самой книгѣ г. Бородкина, знакомство съ которой можетъ наполнить сердце потомковъ гордостью за доблестныхъ предковъ.

«Финскія войска, пишетъ нашъ историкъ, находились въ своей землѣ, и тѣмъ не менѣ случалось, что чужой собственности не щадили». И онъ цитируетъ дневникъ аудитора Аспа, въ которомъ записано:—«Крестьяне начинаютъ жаловаться на насъ (финновъ). Воруютъ у нихъ сѣно. Драгунскіе офицеры получаютъ отъ казны раціоны на каждую лошадь своей части, но вмѣсто того, чтобы выдавать ихъ, драгунамъ отпускается «на чай», дабы они сами кормили своихъ лошадей. Такъ обогащаются на счетъ страны! Кто можетъ поручиться, что и обозныя лошади не кормятся такимъ же способомъ».

Припоминая то, что писалъ гр. Левенгельмъ ген. Адлеркрейцу о шведскихъ интендантахъ (цитировано нами выше), въ этомъ предположеніи много вѣроятія.

Однако съ развитіемъ военныхъ дѣйствій обрисованныя выше взаимныя отношенія нашихъ войскъ и финскаго населенія испортились. И виновны въ этомъ были не наши войска.

Быстрое наступленіе Буксгевдена вслѣдъ за отступавшими по всей линіи шведами заставило нашу армію растянуться до такой степени, что между центромъ ея (кн. Багратионъ) и правымъ флангомъ (ген. Тучковъ I) легла почти вся Финляндія... Между тѣмъ шведская армія, отступая, концентрировалась, численно росла и, наконецъ, сдѣлалась сильнѣе преслѣдовавшей ея арміи,

7-го апрѣля, 1808 г. у Сиккаюкь, совершился переломъ кампаніи.

Десятидневный перерывъ въ дѣйствіяхъ послѣ этого боя, необходимый, чтобы выждать прибытія транспортовъ и подкрѣпленій и дать отдыхъ нашимъ войскамъ, утомленнымъ двухмѣсячнымъ форсированнымъ маршемъ, обнаружилъ предъ шведами критическое положеніе побѣдителей, незначительность ихъ силъ, непрочность ихъ успѣха.

Клингспоръ перешелъ въ наступленіе—и начался періодъ нашихъ неудачъ.

Между тѣмъ какъ разъ въ это время въ краѣ сталъ распространяться Высочайшій Манифестъ отъ 20-го марта «о покореніи шведской Финляндіи и о присоединеніи ея навсегда къ Россіи», а затѣмъ началась и подготовка населенія къ принесенію присяги на вѣрноподданство русскому Государю.

Это былъ психологически ужасно неудачно выбранный моментъ.

Масса легко поддается впечатлѣнію силы и также легко выходитъ изъ подъ ея обаянія, когда счастье измѣняетъ силѣ или эта сила оказывается эфемерной,—непрочной, ненадежной... И вотъ въ тотъ самый момевтъ, когда престижъ русскихъ, какъ побѣдителей-завоевателей страны, палъ, когда вѣра въ ихъ силу, какъ опору для будущей жизни страны, поколебалась,—предъ населеніемъ поставленъ былъ ребромъ вопросъ ихъ совѣсти: можно ли присягать новому государю, не нарушивъ присяги старому,—никакимъ юридическимъ актомъ не отмѣненной?

Прокламации шведскаго короля и Клингспора доказывали, что—нельзя и требовали вѣрности данной ранѣ присягѣ.

Дотолѣ безсильныя, безрезультатныя—пока шведская армія отступала безъ боя,—онѣ теперь, въ эти минуты душевнаго сомнѣнія и одушевленія успѣхами своихъ финско-шведскихъ войскъ, дошли до сердца населенія, нашли въ немъ откликъ—и вся страна заволновалась и поднялась на пришельцевъ-завоевателей.

— Трудно, конечно, прослѣдить, пишетъ нашъ историкъ,—какъ мелкіе ручейки возстанія изъ разныхъ крестьянскихъ захолустій и одинокихъ торпъ образовали одинъ весьма сильный потокъ „вандейской войны“. Устанавливается только, что первыя наиболѣ замѣтныя скопленія вооруженныхъ обывателей были обнаружены около тѣхъ (шведскихъ) десантныхъ отрядовъ, которымъ удалось высадиться, какъ въ Эстерботніи, такъ и на югъ...“

Крестьяне вооружались, чѣмъ могли: охотничьими ружьями, косами, дубинами, топорами и заостренными кольями, къ палкамъ привязывались ножи (пуукко). Мѣстами они воздвигали укрѣпленія, похожія на батареи, съ вымазанными сажей бревнами, которыя издали казались пушками. Одни шайки крестьянъ дѣйствовали самостоятельно, подъ начальствомъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, школьныхъ учителей и пасторовъ, а иногда торпарей, бобылей и чернорабочихъ; другія же состояли при регулярныхъ войскахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ дисциплина этихъ бандъ была такова, что шведскіе генералы и офицеры «теряли голову», не зная, какъ подчинить ихъ своей волѣ и своимъ планамъ и остановить ихъ разнуздавшіеся инстинкты.

— „По признанію самихъ финляндскихъ современныхъ писателей, въ Эстерботніи существуетъ много мѣстныхъ преданій о илѣненіи и часто неразумныхъ и безчеловѣчныхъ избиеніяхъ русскихъ курьеровъ и солдатъ.—Эстерботнійская крестьянская война представляетъ смѣсь любви къ родинѣ, никакаго корыстолюбія, необдуманной спеси и безумной національной ненависти. Не было иногда пощады ни мирному коробейнику, ни предприимчивому маркитанту...“

Едва ли не первыми пострадали гвардейскіе казаки, на которыхъ эстерботнійцы напали неожиданно.

— „И самъ видѣлъ“,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ѳ. Булгаринъ,—„яму, въ которой подъ грудю утолъевъ, найдены кости нашихъ несчастныхъ казаковъ. Говорятъ, что поселяне бросали въ огонь раненыхъ вмѣстѣ съ мертвыми. Нѣкоторые пикеты, явно атакованные, защищались до крайности, но были взяты превышающею силою бунтовщиковъ и изрублены топорами въ мелкіе куски. Находили обезглавленные трупы нашихъ солдатъ, зарытые стоймя по грудь въ землю. Изуродованныя тѣла умерщвленныхъ измѣннически нашихъ солдатъ висѣли на деревьяхъ у большой дороги...“

Крестьяне, оставшіеся въ селеніяхъ и торпяхъ, отказывались отъ поставки лошадей, продажи скота и продовольственныхъ запасовъ. Между тѣмъ партизаны перерыли дороги канавами, завалили ихъ засѣлками, сожгли мосты—и пріостановили движеніе нашихъ транспортовъ. Не получая провіанта, солдаты наши ходили по окрестностямъ добывать себѣ пропитаніе, скребли землю въ поляхъ и огородахъ, отыскивая мерзлые картофель, коренья, грибы... Ихъ подстерегали въ засадахъ и убивали... Все это естественно вызывало озлобленіе въ рядахъ русскихъ войскъ, и они мстили партизанамъ безпощадно. Извѣстенъ случай, когда казаки, поймавъ человѣкъ десять саволакскихъ егерей, загнали ихъ въ яму и закололи пиками.

Но главная драма возстанія разыгралась, по словамъ нашего историка, на улицахъ города Ваза. Въ оборонѣ его вмѣстѣ съ шведскими войсками приняли участіе и обыватели... «Они стрѣляли въ русскихъ изъ оконъ и бросали все, что могло повредить человѣку». Наши солдаты естественно ожесточились, врываются въ квартиры и громили дома и лавки... Вазу стали сравнивать съ Прагою, распускали слухи, что ген. Демидовъ разрѣшилъ солдатамъ грабить, убивать и насиловать... Слухи эти дошли до Государя, и Онъ поручилъ произвести разслѣдованіе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ князю Д. В. Голицыну. Установлено было, что ген. Демидовъ такого приказанія не отдавалъ: — «женщинъ и дѣтей не убивали, а убивали взрослыхъ мужчинъ, сопротивлявшихся и вооруженныхъ». На разграбленіе городъ отданъ не былъ, но такъ какъ солдаты дрались въ улицахъ и домахъ толпами и въ одиночку, то наблюсти за ними было невозможно. Въ такомъ случаѣ, какъ настоящій, эксцессы неизбежны и неотвратимы—и они легли бы пятномъ на русскихъ солдатъ въ томъ только случаѣ, если бы было доказано, что они совершались въ отношеніи безоружнаго, мирнаго населенія, не принявшаго участія въ борьбѣ. Но и рапортъ шведскаго офицера Ульфгельма отъ 27-го іюня 1808 года устанавливаетъ тотъ фактъ, что «горожане Вазы тѣмъ или инымъ способомъ приняли участіе въ ожесточенной уличной схваткѣ, причемъ одни стали на сторону русскихъ, другіе— на сторону шведовъ».

Какъ бы то ни было, Императоръ Александръ, желая облегчить участь пострадавшихъ, послалъ жителямъ Вазы нѣкоторую сумму на возмѣщеніе ихъ матеріальныхъ убытковъ.

Послѣдствія крестьянскаго возстанія были, конечно, ужасны. Вотъ, что цитируетъ нашъ историкъ изъ дневника аудитора Аспа: «2-го августа проѣзжалъ я мимо кирки Куррика къ киркѣ Каухіюки. Дорога непріятная... Ни одного человѣка не видѣлъ, ни одного геймата. Сплошныя развалины и сгорѣвшія деревни... Все сожжено, ограблено, опустошено. Поля скошены, луга потравлены, имущество расхищено, деревни сожжены, жители изгнаны, избиты, повѣшены, убиты. У церкви стояла висѣлица, на которой были повѣшены два человѣка...»

Со стороны шведскаго правительства, съ самаго начала кампаніи не вѣрившаго въ успѣшный исходъ ея, было, по справедливому выраженію Блада, «безумной выходкой» поднимать въ краѣ народное возстаніе, не имѣя для организаціи и вооруженія возставшихъ ни оружія, ни вождей, ни офицеровъ, ни унтеръ-офицеровъ. Не организованныя, не дисциплинированныя, дрекольемъ вооруженныя шайки, во главѣ которыхъ часто стояли, по выраженію того же Блада, «самые худшіе отбросы и распутники деревни», — навлекли на страну величайшее изъ бѣдствій войны — разгромъ и раззореніе ея мирнаго населенія...

Легкомысленно было также видѣть во временномъ успѣхѣ шведскаго оружія надъ русскимъ истинную мощь перваго и безнадѣжное безсиліе втораго.

Мы собрались, устроились, сознали свои ошибки, усилили войска, вызвали на театръ войны новыхъ талантливыхъ вождей, вродѣ гр. Н. М. Каменскаго, — и побѣдоносно перенесли войну на берега самой Швеціи, угрожая даже Стокгольму.

Король былъ принужденъ отречься отъ престола. Швеція признала себя побѣжденной. Финляндія была завоевана — и Фридрихсгамскій миръ закрѣпилъ ее за нами.

VII.

Опускаемъ рядъ интересныхъ страницъ, освѣщающихъ, какъ велись переговоры о мирѣ, и переходимъ къ вопросу о томъ, какъ отнеслись къ отторженію Россіей отъ Швеціи Финляндіи представители всѣхъ трехъ названныхъ странъ.

Шведамъ, конечно, не легко было примириться съ потерей Финляндіи, и они не теряли надежды на возвратъ ея. Понимая, что собственныхъ силъ для этого недостаточно, они стали ждать благо-

пріятныхъ для себя обстоятельствъ и политическихъ комбинацій. Вотъ что, напимѣрь, писалъ своему другу Рейтергольму Стединксъ, подписавшій отъ имени Швеціи Фридрихсгамскій мирный договоръ:

— „Не будемъ однако отчаиваться, мой другъ; въ одинъ прекрасный день оно (Ладожское озеро) будетъ снова нашимъ, но для этого необходимо много лѣтъ хорошаго управленія и экономіи, продолжительный миръ, который не измѣнилъ бы наши права и не притупилъ бы нашу храбрость, а для этой страны (Россіи)—смуты, мятежи, среди подтачивающихъ уже ее пороковъ, войны, побѣды, азиатская роскошь, сатрапы, рабы и полнѣйшій хаосъ, какъ неизбежное послѣдствіе всего этого“...

Этотъ взглядъ умнаго дипломата и ревностнаго патріота пережилъ столѣтіе.

Нашъ историкъ отмѣчаетъ книгу шведскаго генерала Нордсвана, изданную имъ къ столѣтію войны 1808—9 гг., которая заканчивается слѣдующимъ разсужденіемъ:

— „Чему можетъ эта война научить шведовъ? Прежде всего, шведы могутъ научиться тому, что Россія совсѣмъ не такъ опасна, какъ она многимъ казалась въ 1808 году и что многіе еще думаютъ о ней въ настоящіе дни. Теперь, какъ и тогда, имѣются обстоятельства, которыя мѣшаютъ Россіи послать всю или значительную часть своей военной силы противъ насъ. Съ этими обстоятельствами, которыя мы упустили изъ вида изучить, слѣдуетъ теперь близко ознакомиться“...

Въ Финляндіи современники ея присоединенія къ Россіи «единодушно прославили великодушіе Императора Александра I, съ которымъ онъ утвердилъ «конституцію», свободу и преимущества покоренныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они сознавали, что отъ работы будущихъ поколѣній зависитъ начатое дѣло. Въ чемъ же это «дѣло»? Въ сохраненіи и развитіи своей финской національности посредствомъ конституціи. Къ воссоединенію со Швеціей не стремились.

— «Въ этомъ нѣтъ никакой пользы,—писалъ абосскій епископъ Якъ. Тенгстремъ.—Швеція намъ не нужна, только ея желѣзные руды»... Чтобы «сохранить себя націей», по мнѣнію того же епископа, финскому народу «слѣдуетъ укрѣпить и утвердить національный духъ (установиться, какъ нація подъ русскимъ Императорскимъ покровительствомъ), поддерживать лютеранскую религію и совершенствовать торговлю и промышленность, чтобы народъ могъ зависѣть отъ самого себя и пріобрѣсти уваженіе своихъ владыкъ»...

Пути и средства къ этому: сеймъ, образованіе, нравственное совершенствованіе и культъ финскихъ народныхъ героевъ, среди которыхъ герои войны 1808—1809 гг., благодаря талантливому автору «Разказовъ прапорщика Столя», Рунебергу, заняли первенствующее мѣсто.

«Крайне своеобразно», по словамъ нашего историка, отнеслись къ войнѣ и ея послѣдствіямъ сами русскіе...

— «Хотя это завоеваніе было очень полезно,—писалъ Гречъ,— но такъ какъ оно было сдѣлано противъ союзника (?) и родственника, то не одобрялось общимъ мнѣніемъ въ Россіи».

— «Враждебное настроеніе, съ которымъ относились въ Россіи къ союзу съ Наполеономъ, привело къ тому странному явленію, что наступательная война противъ шведовъ, этихъ старинныхъ географическихъ враговъ Имперіи, была громко осуждаема русскими, и успѣхи русскаго оружія почитались безславіемъ. Современникамъ этихъ событій казалось, что Александръ вооружился противъ слабаго сосѣда во исполненіе воли, исходившей отъ ненавистнаго завоевателя и притѣснителя народовъ, Наполеона; въ новомъ приобрѣтеніи усматривали одно только незаконное насиліе»...

— «О, бѣдная Швеція, о бѣдные шведы!»—вотъ, что было слышно со всѣхъ сторонъ послѣ Фридрихсгамскаго мира»; свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ Вигель.

Если въ политическомъ отношеніи война въ Финляндіи не вызвала сочувствія къ дѣламъ ея среди тогдашняго русскаго общества, то въ военномъ—она, по свидѣтельству извѣстнаго поэта-воина Дениса Давыдова,—«во время самого своего разгара не обратила на себя взоровъ ни гражданъ, ни военныхъ людей. Не до того было общему любопытству, утомленному громадными событіями въ Моравіи и восточной Пруссіи, чтобы заниматься войною, въ которой число сражавшихся едва ли доходило до числа убитыхъ и раненыхъ въ одномъ изъ сраженій предшествовавшихъ войнъ... Финляндская война, будучи поглощена событіями еще огромнѣе предшествовавшихъ, погибла въ неизвѣстности»...

Правда, пишетъ шведскій историкъ Йерне, «никакихъ особенно величественныхъ операцій въ этой войнѣ не было; не было ни одного великаго, блистательнаго, навсегда достопамятнаго происшествія... Энергія, по всѣмъ видимостямъ, отсутствовала у предводителей обѣихъ воюющихъ сторонъ. Кровопродитностью эта

борьба не отличалась. Много было допущено безцѣльныхъ и утомительныхъ переходовъ... Подвигамъ было мало мѣста»...

Но какъ бы ни велась война 1808—1809 гг., значеніе ея, по мнѣнію нашего историка, велико, и это значеніе прекрасно опредѣлено въ дневникѣ генер.-лейт. Голенищева-Кутузова, очевидно, не раздѣлявшаго общаго отношенія къ ней, существовавшаго тогда въ Россіи.—«Если бы мертвые чувствовали, пишетъ онъ по поводу извѣстія о Фридрихсгамскомъ мирномъ договорѣ,—то Петръ и Екатерина возрадовались бы, что самое дорогое ихъ стремленіе осуществлено:—Швеція сведена къ нулю. Завоеваніе Финляндіи несомнѣнно самое драгоцѣнное приобрѣтеніе со времени покоренія Крима»...

VIII.

Дѣло устройства новой области на началахъ законодательной, административной и судебной независимости отъ остальной Имперіи началось съ воссоединенія съ нею въ 1811 г. Выборгской губерніи, отнятой у шведовъ еще Петромъ.

Нашъ историкъ, называя этотъ актъ политики Императора Александра I «историческою несправедливостію», весьма подробно рассказываетъ всю закулисную сторону этого дѣла, обдѣланнаго нечистоплотными руками такихъ авантюристовъ, какъ Спренгспортенъ, Армфельтъ, Эренстремъ и др., нашедшихъ себѣ гостепріимный пріютъ на берегахъ Невы, послѣ того, какъ имъ не повезло или стало тѣсно по тѣ сторону Ботническаго залива.

Если съ идеальной точки зрѣнія еще можно признавать логичнымъ воссоединеніе «Старой Финляндіи» съ «Новой», то съ точки зрѣнія практической, обще-государственной нельзя не признать, что это воссоединеніе, совершенное двумя манифестами 11-го декабря 1811 года, было дѣломъ поспѣшнымъ и потому рискованнымъ. Въ лойяльности населенія приобрѣтенной по Фридрихсгамскому миру области мы не имѣли еще достаточно времени убѣдиться; горечь потери Финляндіи еще сильно чувствовалась въ Швеціи; эпоха политическихъ переворотовъ въ царяхъ и царствахъ, совершавшихся властною рукою Наполеона, еще не миновала; отношенія Россіи съ Франціей все болѣе обострялись, и можно было ожидать, что нашъ недавній тильзитскій другъ и союзникъ, под-

стрекавшій насъ къ войнѣ съ Швеціей и къ походу на Стокгольмъ, теперь начнетъ подстрекать нашихъ недавнихъ враговъ къ походу на Петербургъ—да, такъ оно и было...—При этихъ условіяхъ придвигать на разстояніе 45 верстъ границу Финляндіи, совершенно независимой отъ всякаго надзора имперскихъ властей, страны, которая по ѣдкому опредѣленію того же Голенищева-Кутузова «стала княжествомъ господина Армфельта,—того самого Армфельта, который послѣ того, какъ былъ наперсникомъ Густава IV, его закадычнымъ другомъ, теперь сталъ заклятымъ врагомъ Швеціи въ угоду Россіи,—который можетъ быть только русскимъ, чтобы не быть подлецомъ (scélérat)»...—было, дѣйствительно, шагомъ рискованнымъ.

Съ нимъ можно и должно было подождать. Время удалило бы съ арены жизни такихъ людей, какъ Армфельтъ и Спренгспортенъ—и тогда русско-финляндскія отношенія создавались бы чистыми руками русскихъ людей и финляндцевъ, воспитанныхъ, быть можетъ, и на началахъ иного политическаго режима, чѣмъ русскій, но не въ удушливой, отравленной міазмами обмана, лжи, эгоизма и предательства атмосферѣ заговоровъ, въ которой выросли тогдашніе финляндскіе дѣятели.

А каковы они были вотъ ихъ портреты:

Армфельтъ, бѣжавшій изъ Швеціи въ Россію «на ловлю счастья и чиновъ», будучи генераль-адъютантомъ Русскаго Государя, осыпанный его милостями, иначе не называлъ русскихъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ, какъ «сволочь», «скоты», «варвары» и т. д.; будучи докладчикомъ по финляндскимъ дѣламъ у Императора Всероссийскаго, Великаго Князя Финляндскаго, онъ въ то же время желалъ доказать шведскому кронпринцу, Бернадотту свою преданность прежнему отечеству и во время пребыванія послѣдняго въ Або—стремился открыть ему глаза на возможность получить Финляндію обратно.

Такимъ же двойнымъ предателемъ былъ и Спренгспортенъ, еще болѣе темная личность, познакомиться съ біографіей котораго мы отсылаемъ желающихъ къ книгѣ К. Ордина.

Уволенный отъ должности финляндскаго генераль-губернатора, но не лишенный непостижимаго довѣрія Императора Александра, совѣтникъ и экспертъ по финляндскимъ дѣламъ, онъ одновременно писалъ письма ему и королю шведскому; перваго онъ благодарилъ за оказанныя ему милости, а втораго—убѣждалъ въ «неуга-

симомъ рвеніи и горячей любви къ возлюбленной родинѣ» и просилъ позволенія вернуться въ Швецію.

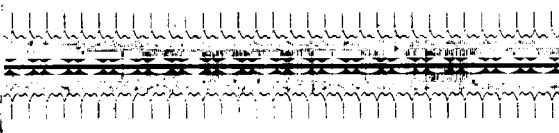
Созданный руками такихъ людей «финляндскій вопросъ» не могъ стать инымъ, какъ «запутаннымъ».

Этому не мало, конечно, способствовалъ загадочный характеръ самого Императора Александра I, политика котораго не знала почти «національныхъ требованій». При немъ, по словамъ нашего безпристрастнаго историка, не скрывающаго увлеченій, ошибокъ и слабости русской власти,—много говорили о «народной волѣ», причемъ не считались только съ волей «русскаго народа». Россія истощалась въ пользу чужихъ народностей и чужихъ интересовъ. Всѣ преимущества отдавались «чужакамъ».

И черезъ всю книгу патріота-историка красною нитью проходитъ здравая, патріотическая мысль: *русское государственное дѣло должны дѣлать русскія руки.*

Вл. Апушкинъ.

ИНВАЛИДЫ.

(Продолженіе ¹⁾).

III.

Завѣщаніе.—Бабушка Дольчиха и ея дѣти.—Суровцевъ.—Гамзатъ-Бекъ.

Кондратій Пвановичъ переживалъ томительное время. Со времени разрыва съ женой онъ перенесъ сильное огорченіе, отказавшись отъ Текинскаго похода, а затѣмъ тяжело отразилась на старомъ служакѣ—отставка. Годы стали покрывать дымкой забвенія служебную обиду, но вспыхнувшая война вновь расколыхала дремавшую боевую натуру Копьева. Былые сослуживцы уже уѣхали въ Маньчжурію.

«Промазалъ Геокъ-Тене, неужели и съ японцами не придется повоевать? А тутъ еще этотъ неожиданный сынъ»... Вотъ что волновало бѣднаго инвалида.

Квартирантка Копьева, акушерка Софья Михайловна, возвратившись поздно ночью съ практики, увидѣла свѣтъ въ квартирѣ домохозяина, чему несказанно удивилась, такъ какъ обыкновенно подполковникъ ложился спать въ десятомъ часу. Старушка не удержалась и заглянула въ окно. Копьевъ писалъ.

На утро онъ отправился на почту. Тамъ предварительно осмотрѣлъ пріемную, нѣтъ ли знакомыхъ и убѣдившись, что никто за нимъ не наблюдаетъ, бережно вытащилъ изъ глубокаго кармана завернутый въ газетную бумагу пакетъ, адресованный въ главный штабъ. То было прошеніе объ опредѣленіи вновь на службу съ

¹⁾ См. «Воен. Сборн.». № 2.

приложеніемъ указа объ отставкѣ и копій къ нему, лично перепи-
санныхъ подполковникомъ. Нѣсколько страницъ, какъ это полага-
ется въ послужныхъ спискахъ, отведено было подробнымъ опи-
саніямъ боевыхъ дѣйствій отрядовъ, въ которыхъ находился
Копьевъ юнкеромъ и молодымъ офицеромъ. Тамъ рѣдко упомина-
лось его имя, больше говорилось о дѣйствіяхъ генераловъ: Евдо-
кимова, Манюкина, Радецкого, Лазарева, Геймана, Врангеля,
князя Меликова. Но старику пріятно было выводить названіе гор-
скихъ ауловъ, среднеазиатскихъ кишлаковъ и турецкихъ деревень,
связанныхъ съ боевой его службой подъ начальствомъ славныхъ
генераловъ. «Неужели не примутъ?! Невозможно»... мелькало у
него въ головѣ.

До полученія желаннаго отвѣта онъ рѣшилъ никому не гово-
рить о прошеніи.

Въ ожиданіи отпращиванія на Востокъ, Копьевъ сталъ тайкомъ
отъ знакомыхъ приготовляться къ походу. Отпустилъ шашку, за-
пасся патронами для револьвера, обновилъ мундиръ у портного
еврея. Старый, еще полковой закройщикъ, Гершневичъ, при этомъ
внезапно предложилъ купить у него совѣтъ новую пару, не взя-
тую заказчикомъ— «шарлатаномъ». «Вамъ понадобится, господинъ
полковникъ, понадобится какъ на войну пойдете». Копьевъ сна-
чала было цыкнулъ на еврея, а потомъ разцвѣлъ. «Янкель все
знаетъ, если ужъ онъ увѣренъ, что я пойду на войну, значить
пойду»...

Долго совѣтовался Кондратій Ивановичъ съ Софьей Петров-
ной—гдѣ и по чемъ холстъ купить для бѣлья, кому отдать шить.
Квартирантка спросила — не думаетъ ли онъ жениться. Копьевъ
внезапно пріосанился, закрутилъ усъ и посмотрѣвъ сказалъ—
«все быть можетъ».

Мысль о молодомъ Копьевѣ не выходила изъ головы, и Кон-
дратій Ивановичъ рѣшилъ передъ уходомъ въ походъ сдѣлать за-
вѣщаніе.

Къ нотаріусу онъ не хотѣлъ обращаться, боялся чужихъ людей,
боялся возможной по его мнѣнію огласки. Онъ хорошо помнилъ,
какъ въ полку, будучи какъ то дежурнымъ, онъ подписывалъ завѣ-
щаніе умиравашаго отъ раны поручика Микулина. Никакого нота-
ріуса не требовалось.

Надо было посовѣтоваться съ Насыпайко.

Послѣ теплаго дождя кустарники покрылись нѣжной зеленью,
трава въ полсадахъ уже поднялась густой щеткой, миндаль-

ныя деревья стояли густо облѣпленные цвѣтами сливочнаго цвѣта, вишневыя деревья начали уже покрываться бѣло-спѣжными бутонами, блѣдно-розовыя гирлянды на яблоняхъ перемѣшивались съ яркимъ цвѣтомъ персиковыхъ деревьевъ.

Тарасъ Петровичъ съ Маріей Николаевной копались у себя въ цвѣтникѣ, высаживали петунью, левкой, горошекъ. Причудливыя головки приса вмѣстѣ съ разноцвѣтными тюльпанами покрывали узорчатымъ ковромъ клумбы. Садикъ, непривѣтливый зимой, теперь такъ и манилъ къ себѣ прохожаго.

— Богъ помочь!

— А, это ты Кондратій Ивановичъ, не сразу отвѣтилъ Насыпайко, обливавшійся потомъ.

Старикъ грузно приподнялся съ земли и съ трудомъ выпрямился.

— Охъ-хо-хо!.. старость не радость. Добрый день. Что жъ стоишь, у калитки? Заходи, гостемъ будешь.

— Меня ужъ извините, голубчикъ, надо высадить всю рассаду, а то пропадетъ... крикнула Марья Николаевна, закутанная въ кисейную чадру.

— Ну, какъ дѣла. Что въ газетахъ?

— Я къ тебѣ по дѣлу, посоветоваться.

Старики пошли въ домъ. Копьевъ объявилъ о своемъ рѣшеніи написать завѣщаніе.

— Дѣло доброе. Для церкви нашей, на поминъ души, должно быть.

— Тамъ увидишь. А вотъ, какъ составить завѣщаніе? Я не хочу у нотариуса.

— Зачѣмъ у нотариуса? Лишнія деньги тратить. Мы дѣло смастеримъ. Для порядка слѣдовало бы священника пригласить. Отецъ Николай боленъ, попъ Іоаннъ разболтаеть, какъ Богъ святы, разболтаеть. Нужны, братъ, свидѣтели.

— Кого же? Софью Петровну?

— Богъ съ тобой! замахалъ руками Тарасъ Петровичъ. Развѣ женщина свидѣтелемъ можетъ быть?.. Ни-ни... Вотъ, Гамзатъ-Бека хорошо бы пригласить. Кстати юристъ... Ну, и я то хорошъ! Онъ магометанинъ, а завѣщаніе начинается съ крестнаго знаменья— во имя отца, сына и святого духа... Нельзя. Зейдлица попроси.

— Не пойдетъ.

— Вотъ тебѣ разъ. Да онъ тебя любитъ. Третьяго еще нужно.

— Зачѣмъ?

— Чѣмъ больше, тѣмъ знаешь крѣпче. Петю, что ли?

— Хорошо. Онъ человѣкъ порядочный.

— Да, вотъ что, Кондратій, скажу тебѣ. Завѣщаніе, самъ знаешь, не письмо написать. Дѣло важное. Нужно, понимаешь, что бы честь-честью. Угостить тамъ... Не для себя, говорю, а передъ людьми неловко.

— Развѣ надо?.. Что же, я ничего, могу...

Копьевъ озабоченный отправился къ себѣ домой.

На горизонтѣ стали вырисовываться новые хлопоты, охлаждавшіе порывъ.

Послѣ разрыва съ женой, у Кондратія Ивановича гостей не бывало никогда. Постепенно и посуда, и столовое бѣлье исчезли почти совсѣмъ. Принять у себя гостей, значило обзаводиться всѣмъновымъ, грозили большіе расходы. Копьевъ рѣшилъ просить Софью Михайловну принять у нее. Квартиры ихъ отдѣлялись темными сѣнцами.

Домикъ съ большимъ садомъ Кондратій Ивановичъ приобрѣлъ при выходѣ въ отставку по настоянію Тараса Петровича, очень дешево. За то и не нарядно было вросшее въ землю зданіе съ небольшими окошечками. Впрочемъ, весной грозди бѣлой душистой акаціи пышно декорировали низенькія стѣнки, и глиняная крыша покрывалась высокорослымъ ячменемъ, среди котораго весело выглядывалъ красный макъ.

Неуютно, непривѣтливо смотрѣли обѣ комнатки, занимаемыя самимъ хозяиномъ, за то у Софьи Петровны все блестяло. Ясно свѣтились стекла въ окошкахъ, лоснились чисто-вымытые полы, ярко зеленѣли листья герани, фукціи, кактусы и олеандра. Гисейныя занавѣски, вязаныя салфетки на столахъ и на комодѣ высматривали совсѣмъ свѣженькими, бѣленькими.

Софья Петровна Дольская занимала три комнаты и кухню. Съ ней жилъ младшій сынъ, больной, малоразвитой молодой человѣкъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, когда Сережѣ было всего два года, а старшему, Виктору десять, ея мужъ, городской врачъ, умеръ отъ бѣлой горячки. Помучилась съ нимъ Софья Петровна, да и замужъ то шла за него неволею. Отцу ея, лекарскому помощнику, бракъ дочери, тихонькой простушки, съ докторомъ представлялся неожиданнымъ счастьемъ. Однако замужество ей не принесло даже и обезпеченія. Мужъ любилъ побракничать и оставлялъ очень мало денегъ безотвѣтной женѣ. Приходилось изворачиваться и урѣзывать во всемъ, что можно было скрыть отъ людского

любопытства. Послѣ смерти Дольскаго не осталось не только капиталовъ, но и пенсіи онъ не выслужилъ никакой, такъ какъ молодость провелъ врачомъ въ частной золотопромышленной компаніи.

Софья Петровна пришлось прокармливать семью трудомъ рукъ своихъ. Выросшая въ медицинской сферѣ, она рѣшилась поступить на акушерскіе курсы. Продала все, что въ уѣздномъ городѣ купили изъ ея плохенькой обстановки, получила пособіе и съ тремя сотнями рублей, вмѣстѣ съ двумя дѣтьми, направилась въ Петербургъ.

Въ вагонѣ третьяго класса Николаевской дороги она познакомилась съ семьей военного врача Вортакховскаго, ѣхавшаго въ Академію за докторской степенью. Вмѣстѣ съ ними она поплелась на Выборгскую сторону, боясь далеко отбиться отъ знакомыхъ. Наняла самую дешевенькую квартиру въ пятомъ этажѣ узкаго дома, уродливо выступавшаго среди окружавшихъ ее деревянныхъ зданій. Водопровода не было. Крутая, грязная лѣстница непривѣтливо вилась мимо дверей, обитыхъ оборванной клеенкой. Послѣ уѣзднаго простора, противно было взбираться куда то на тѣсный чердакъ, среди смрада и кухоннаго чада.

Изъ привезенныхъ денегъ Софья Петровна прежде всего отложила сто рублей на возвращеніе изъ Петербурга. Она ихъ спрятала въ чулокъ и засунула на дно дорожнаго сундука; не сказала даже своему Витѣ, отъ котораго обыкновенно у нее не было тайнъ.

Послѣ взноса за право ученія Вити въ гимназію, покунки посуды и самой незатѣливой поддержанной мебели, у вдовы осталось очень немного на существованіе. А тутъ еще Сережа, несмотря на исполнившіяся два года, не ходилъ и не говорилъ. Приходилось взять для ухода за нимъ дѣвочку подростка.

Какъ тутъ прожить? Вдова съ сыномъ дѣлали выкладки своихъ расходовъ. Доходовъ не предвидѣлось ни откуда.

За квартиру двѣнадцать рублей, дворнику за воду три рубля, на столъ восемнадцать рублей, вотъ ужъ тридцать три, подсчитывала Софья Петровна. А Витя округлялъ: за десять мѣсяцевъ— триста тридцать.

— А на дрова? На дрова рублей тридцать за зиму положьте, прибавляла дворничиха. Хорошая женщина помогала имъ устроиться, входила въ интересы разстроенной жилищки. Она и дѣйствительно оказала громадное содѣйствіе, нашла заработокъ. Дворничиха ре-

комендовала вдову въ качествѣ музыкантши. Въ томъ же домѣ поселился отставной балетный танцовщикъ, который и согласился взять ее къ себѣ акомпаньаторшей для уроковъ.

Софья Петровна не получила никакого почти образованія. Дѣвочкой ходила года два въ нѣмецкій пансіонъ. Въ родительской квартирѣ имѣлось старинное фортепіано, которое главнымъ образомъ и послужило причиной отдачи дочери въ пансіонъ, гдѣ обучали музыкѣ. Дѣвочка оказала способности, и квартира лекарскаго помощника, къ великому его восторгу, стала оглашаться по вечерамъ звуками вальсовъ, полекъ и популярныхъ романсовъ. Однако занятія въ пансіонѣ не долго продолжались, такъ какъ матери нужна была помощница, нянька для сестренокъ и братишекъ. Музыкальное развитіе далеко не пошло.

На семейныхъ вечеринкахъ, скромная, застѣнчивая Соня рѣдко сама танцевала, обыкновенно ее просили «немножечко сыграть», и она покорно, часамъ выколачивала по клавишамъ танцы. Эта наука теперь ей пригодилась. Она уговорилась играть по полтора рубля за два часа, четыре раза въ недѣлю.

Попытки пріискать новую таперскую работу, несмотря на публикацію, не доставили ей за все время пребыванія въ Петербургѣ ни одного новаго приглашенія.

Музыкальный заработокъ и общество семьи врача окончательно прикрѣпили Софью Петровну къ Выборгской сторонѣ, откуда приходилось ежедневно бѣгать въ Повивальный Институтъ къ Калинкину мосту.

Возвратясь домой, отъ усталости она и ѣсть не могла, а черезъ часъ—другой приходилось садиться барабанить на піанино вальсы и кадрили.

Тяжело доставалось вдовѣ; но семья отъ стужи не замерзала, отъ голода не помирала, перебивалась съ хлѣба на квасъ. На курсахъ все, что требовало практическаго приложенія, спорилось, такъ и кишѣло въ рукахъ хлопотливой Софьи Петровны, за то теорія, записки и «лекціи» плохо давались совсѣмъ неподготовленной къ школьному обиходу женщинѣ.

Кое-какъ она сдала экзаменъ на званіе повивальной бабки. Впереди открывался новый трудовой горизонтъ. Въ этому времени и Вортаховскій получилъ докторскій дипломъ и возвращался на Кавказъ. Онъ предложилъ вдовѣ ѣхать съ ними, принять вакантное мѣсто городской акушерки. Не надѣясь на одну частную практику ни въ столицѣ, ни у себя въ уѣздномъ городѣ, Софья Петровна

прельстилась казеннымъ мѣстомъ въ неизвѣстномъ ей Кутанѣ и сейчасъ же согласилась.

Пришлось достать старый чулокъ, распороть его и вынуть за- вѣтную сторублевку...

И понеслись годы, сѣрые, безпросвѣтные, годы утомительной работы, недосыпанія и недоѣданія. Всѣ мысли сводились къ тому, какъ бы внести въ гимназію за Витю, заплатить за квартиру, затк- нуть хотя часть долга лавочнику, отпускавшему на книжку и мясо, и мыло, и булавки.

Витя своимъ прилежаніемъ и успѣхами радовалъ сердце ма- тери, но младшій сынъ, похожій по лицу на отца, печалилъ, при- водилъ въ отчаяніе. Учиться онъ безусловно не могъ, говорилъ даже несвязно. «За что, господи, крестъ на меня наложилъ тяже- лый?!» Убивалась, чуть не ежедневно, вдова, тѣмъ не менѣе больного сына любила, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ старшаго.

Наконецъ Витя уѣхалъ въ Историко-филологическій институтъ. Юноша выбралъ это заведеніе главнымъ образомъ потому, что туда онъ поступалъ казеннымъ полнымъ пансіонеромъ и избавлялъ бѣд- ную мать отъ матеріальныхъ о немъ заботъ.

Сынъ вполне оправдалъ ожиданія матери, отлично кончилъ курсъ. Онъ собирался устроиться учителемъ въ родной ему гимна- зии, но мать, тихая и покорная, на этотъ разъ возстала. Конечно для нее было бы счастье жить вмѣстѣ съ своимъ милымъ умникомъ, но въ медвѣжьемъ углу, въ захолустьи, Витѣ не выбиться на боль- шую дорогу. Такъ она говорила и сыну, и знакомымъ, а въ душѣ, про себя, у нее были еще и другія соображенія. Тутъ, у насъ, его всѣ знаютъ, за «бабушки—Дольчихи сына», такъ при немъ это и будетъ пришпилено.—Очень пріятно! А дома? И квартиру надо большую, и каждый сладкій кусочекъ придется ему дѣлить на насъ троихъ... Да и Сережа много хлопотъ причинитъ занятому чело- вѣку. Нѣтъ, пусть хотя одинъ изъ семьи увидитъ жизнь, пусть остается въ Петербургѣ.

На этомъ рѣшеніи вдова уперлась. Бѣдная Софья Петровна горько по ночамъ плакала, но не показывала сыну вида, какъ тя- жело ей достается это самопожертвованіе.

Викторъ Дольскій уѣхалъ въ столицу. Черезъ нѣкоторое время, наканунѣ Маріи Египетской онъ прислалъ матери въ день ея ро- жденія сто рублей. Софья Петровна журила сына въ письмѣ за расто- чительность, а сама ногъ не слышала подъ собою отъ радости. Смилоствился Господь, послалъ ей «такого» сына... Она, чуть ли

не въ первыйъ разъ послѣ смерти мужа, пригласила гостей на пирогъ. За обѣдомъ только и разговоръ было, что о молодомъ педагогѣ. Отецъ Николай, бывшій духовникъ и законоучитель Виктора, провозгласилъ здравицу за достойнаго гимназіи своей воспитанника, добродѣтельной матери утѣшителя.

Молодой учитель нѣсколько разъ принимался звать мать къ себѣ, въ петербургскую казенную квартиру. Софья Петровна ѣздила на недѣлю погостить къ первенцу, возвращалась всегда съ пригоршней разказовъ о достоинствахъ Вити, о томъ, какъ онъ ее бережетъ, балуетъ, сколько денегъ даетъ. Но была тверда въ своемъ рѣшеніи не связывать, какъ она говорила, сына.

Лѣтъ черезъ шесть послѣ выпуска изъ института Витя женился на генеральской дочкѣ. Софья Петровна была въ большихъ хлопотахъ. Нельзя было ударить лицомъ въ грязь передъ новой родней, пришлось заказать у модистки шелковое платье, синее, по совѣту отца Николая, находившаго этотъ цвѣтъ наиболѣе подходящимъ для учебнаго вѣдомства.

Про пышность свадьбы, про великолѣпіе приданаго бѣлья акушерка долго потомъ рассказывала, хвалила и свою невѣстку, но довольно сдержанно. Ревнивое чувство бессознательно уже прорывалось и у добрѣйшей «бабушки Дольчихи».

Новая семья внесла нѣкоторую разобщенность въ отношеніяхъ матери къ сыну. Софью Петровну не тянуло уже въ Петербургъ, и нѣтъ-нѣтъ у нее проскальзывало словечко осужденія по адресу невѣстки, не достаточно оберегающей Витю отъ переутомленія работой.

Отъ усиленной бѣготни еще въ Петербургѣ у Софьи Петровны стало проявляться расширеніе венъ на ногахъ. Вьючная акушерская работа еще больше содѣйствовала развитію этого недуга. Возвращаясь съ практики, бѣдная труженица лежала пластомъ отъ усталости; ноги, по ея выраженію, обращались въ колодки. Подъ старость еще и спину стало ломить, моченьки нѣтъ, разогнуться трудно, стрѣляло въ бока и лопатки. Но рукъ складывать было нельзя. Старшій сынъ присылалъ сорокъ рублей въ мѣсяць, просить у него больше мать не хотѣла, онъ и самъ при открытой довольно жизни, еле сводилъ концы съ концами, да и сводилъ ли... Этотъ вопросъ иногда не давалъ спать заботливой старушкѣ. А ужъ какъ надрывалъ ее сердце мдадшій, больной Сережа. . Что ждало его впереди?

Одно время, давно уже, въ первый годъ знакомства съ Копьевымъ у Софьи Петровны бродила смутная мысль, устроить сына путемъ своего брака съ подполковникомъ, у котораго, какъ говорили, водились «хорошія деньги». Кондратій Ивановичъ частенько заходилъ къ вдовѣ попить чайку, ласкалъ мальчика, бралъ его съ собой на охоту. Софья Петровна стала заботливѣе относиться къ своему костюму, прикалывала цвѣтные бантики. Тарасъ Петровичъ рѣшилъ слегка подтолкнуть и другую сторону, но подполковникъ такъ рѣшительно и грубо отнесся къ возможности второй женитьбы, что у пріятеля руки опустились. Вдова, присутствовавшая при дружеской бесѣдѣ, поняла, къ чему вель дѣло Насыпайко и, услышавъ жестокую отвѣдь, сгорѣла со стыда.

Софья Петровна не скоро успокоилась, Ей казалось, что весь городъ знаетъ о ея попыткѣ плѣнить подполковника. Чего добраго какойнибудь злой человѣкъ еще сыну сообщить.

Вдова сгоряча хотѣла переѣхать съ квартиры, но почувствовала, что это только подчеркнуло бы ея поражение. Кондратій Ивановичъ въ первое же воскресенье по прежнему явился вечеркомъ выпить чайку, какъ будто ничего и не произошло. Тарасъ Петровичъ сдержался и даже—женѣ не сказалъ о рѣзкой выходкѣ стараго пріятеля. Такъ никогда и не поднималось рѣчи о попыткѣ женить подполковника, но сама Софья Петровна, отъ поры до времени, съ дрожью вспоминала о своемъ неудавшемся кокетствѣ.

Теперь, когда Кондратій Ивановичъ пришелъ посоветоваться съ ней, какъ ему принять гостей и сказалъ, что предстоитъ составленіе и подисаніе завѣщанія, то у вдовы, помимо ея воли, опять заходили въ головѣ планы обезпеченія несчастнаго Сережи. Вдругъ отпишетъ все ему, бѣднячку... Но она отгоняла прочь искушеніе, старалась въ разговорѣ съ домохозяиномъ ничѣмъ не обнаруживать съѣдавашаго ее любопытства.

— Вы ужъ, знаете того, выручите меня Софья Петровна. Разрѣшите принять гостей на Вашей половинѣ.

— Съ моимъ удовольствіемъ. Угощать вѣдь надо чѣмънибудь.

— Да, Тарасъ, увѣряетъ будто необходимо, такой, говорить, порядокъ. Что жъ, порядокъ надо соблюдать. Я не отказываюсь.

— Насчетъ вина вы попросите Тараса Петровича, онъ хорошо это дѣло знаетъ. Сами купите икорки свѣжей у Саркисова, да сардинки, да еще чегонибудь закусить.

Кондратій Ивановичъ заохалъ, въ предвидѣніи расходовъ на вино и закуски.

— Совѣтовать Вамъ не стану, потому завѣщаніе никогда не писала, но полагаю не обойдетесь, Кондратій Ивановичъ, безъ вспрысковъ. Такое вѣдь дѣло—завѣщаніе! Это будетъ посолонднѣ стовора или тамъ имянинъ какихъ нибудь; вчера меня приглашали къ Шамбаевымъ, такъ чего, чего на столъ не было у нихъ поставлено, омарами угощали, ей Богу омарами. Спеку вамъ пироги съ цыплятами и съ фаршемъ.

— Вкусно это выходитъ у васъ.. Очень благодарень. Ну, что дѣлать, надо порядокъ соблюдать честь-честью, взялъ себя въ руки Кондратій Ивановичъ.

Однако, много вѣдь покупать не нужно. Насъ будетъ пятеро: я, вы, Тарасъ Петровичъ, Зейдлицъ и Петя, все свидѣтели. Вамъ, говорятъ, какъ женщинѣ нельзя подписываться. Можетъ и врутъ, да справляться нельзя, не хочу, чтобы благовѣстили по городу о завѣщаніи. Да потомъ, загадочно улыбнулся старикъ, въ завѣщаніи и о васъ будетъ упомянуто...

Софья Петровна зардѣлась маковымъ цвѣтомъ и разсыпалась въ благодарностяхъ. Но затѣмъ опомнилась и прибавила: — Да, Богъ съ вами, Кондратій Ивановичъ. Мужчина вы крѣпкій, всѣхъ насъ еще переживете. Вотъ не знаю, что вамъ въ наслѣдство оставить, очень ужъ много у меня имущества.

Кондратій Ивановичъ, однако, дня не назначалъ и все оттягивалъ. Онъ ждалъ приказа объ опредѣленіи на службу, желалъ ознаменовать это событіе подписаніемъ завѣщанія въ торжественной формѣ.

— Не можетъ быть! Въ одинъ голосъ вскрикнули инвалиды.

— Орудія взяли... Да вотъ же въ телеграммахъ все ясно написано. Наши разбиты подъ Тюренченомъ. Отступаютъ, японцы захватили двадцать восемь орудій, возбужденнымъ голосомъ повторялъ Петя Суровцевъ.

Насыпайко и Копьевъ были совершенно поражены тяжелымъ извѣстіемъ.

— Кто же тамъ командуетъ?

— Чортъ его знаетъ, кто...

— Гдѣ же Куропаткинъ?!

— Должно быть, онъ теперь схватилъ дивизию—другую и летитъ впередъ, навстрѣчу японцамъ. Вотъ хорошо бы взгрѣть ихъ.

— А мнѣ все не вѣрится, господа. Какъ же такъ сдали орудія, да не одно—два, а двадцать во-семь...

Не могу повѣрить, уперся упрямо на своемъ Копьевъ, извѣстно врутъ телеграммы.

— Вотъ какъ отрѣжутъ японцы Портъ-Артуръ, тогда повѣрите. Войскъ у насъ тамъ мало, подвезутъ подкрѣпленія—не скоро, подливаль горечи Суровцевъ.

— Такъ вѣдь японцы! Развѣ имъ можно позволить позорить нашу армію?! Что ты выдумалъ... Покажи телеграмму. Двадцать-во-семь орудій... Господи, Боже мой! Да ты не говори Гамзату, вотъ онъ идетъ. Сраму то сколько!

— Вижу по лицамъ, читали, говорилъ на ходу красивый бекъ. Чортъ знаетъ на что похоже. Ну, и Куропаткинъ же вашъ хваленый... Клянусь Богомъ самого подмываетъ идти на войну.

— Молодецъ Оглы бекъ, кровь заговорила по русски, хотя ты и татаринъ, грустно улыбнулся Тарасъ Петровичъ.

— Обидно, Тарасъ Петровичъ, вы насъ побили, Кавказъ забрали, а теперь васъ какіе то косоглазые япошки бьютъ. Каковы же, значить мы?... А! Тутъ не то, что животь положишь, кишки всѣ позволишь себѣ выпустить, чтобы доказать вашу же силу... Психологія тонкая, однако понятная, рѣзко закончилъ бекъ.

— А вы Петръ Ивановичъ, не собираетесь въ Манчжурію?

— Чего я тамъ не видалъ. И безъ меня много пушечнаго мяса найдется.

— Къ бурамъ же вы ѣздили. Рисковали для нихъ и своею жизнью, и службу бросили.

— Молода была, глупа была... Тихо пробурчалъ Суровцевъ.

— Хорошенькія пѣсни поетъ молодежь. Да и если бы я былъ молодъ, такъ... Эхъ, говорить не хочется, разсердился Тарасъ Петровичъ.

— Если бы Вы теперь молоды были, иначе бы и говорили.

— Не понимаю, зафилософствовался братъ, что то.

— Очень просто. Сейчасъ молодежь пѣсни поетъ иныя, чѣмъ въ ваше время. Конечно молодежь сознательная.

— Ага, понялъ. Нѣтъ, братъ, я на твоёмъ мѣстѣ сейчасъ обратился бы лучше въ безсознательнаго, Ей Богу правда. А то что это за молодость съ расчетомъ, да съ подсчетомъ. Тьфу!.. энергично отплюнулъ Тарасъ Петровичъ.

— Вы, кажется, думаете, что я изъ трусости.

— Я, братецъ ты мой, ни въ особую храбрость, ни въ трусость не вѣрю. Сегодня человекъ овечка—овечкой, а на завтра на стѣну лѣзетъ, лобъ себѣ разбиваетъ. Зналъ я и такихъ, что на завалы

ходили не сморгнувши, а спать ложились, подъ кроватью осматривали, ставни пробовали... Вотъ Аграевъ на брустверь первый взошелъ. И что же. Послѣ войны, на охотѣ, съ ружьемъ отъ двухъ татаръ навтикача пустился, попросту удралъ. Что подѣлаешь!.. подъ какую минуту придется. Главное на людяхъ ли храбрость показывать, или въ тихомолку, въ одиночку. Да еще вотъ важно—по приказу или по собственной... какъ тамъ, по ученому говорится, по этой... ну, чортъ! да, вспомнилъ, по собственной инициативѣ. По приказу идешь бывало, не думаешь. Страшно, не страшно—нужно и конецъ. Понять это слѣдуетъ. Другая исторія, какъ начнешь самъ разсуждать, когда очутишься гдѣ нибудь въ отдѣлѣ, въ охотничьей командѣ, что ли. И отсюда кажется обойдутъ тебя, и отсюда. Да, ну!..—И вспоминать нудно... Мало ты думаешь порядочныхъ людей отъ походовъ желали уклониться? Ого! Держи карманъ шире. Иной, братъ, бывало въ горы въ походъ отправляется точно коза на базарь. Жаль съ домою разстаться. Жена, тамъ, дѣти, все такое—прочее. А какъ втянется—выходитъ самый надежный офицеръ. Или примѣрно и солдаты. Думаешь съ радостью идти въ походъ? Особенно, которые изъ запаса. Какъ же!.. Что же это все трусы?.. Нѣтъ, братъ, трусомъ тебя не считаю, но философію твою не одобряю, не нравится мнѣ, очень—очень не нравится, закачалъ неодобрительно головой Насыпайко.

— И мнѣ не нравится, прибавилъ и Кондратій Ивановичъ.

— Столковаться намъ трудно. Съ какой такой радости полѣзу я на Дальній Востокъ? Зачѣмъ? Почему? Японцы къ намъ въ Кубанскую область забрались, что ли? Въдь мы же сами захватили чужую землю и неизвѣстно для кого; во всякомъ случаѣ не для народныхъ интересовъ... Какіе то тамъ господа захотѣли на счетъ корейцевъ разжиться, а кашу расхлебывать должны миллионы людей. Покорно благодарю! горячо протестовалъ Суровцевъ.

— Петръ Ивановичъ! Съ какого это времени вы повернули такъ круто? Офицеръ, бурскій доброволецъ, хлопоталъ перевестись въ гвардію, попалъ въ контору, теперь уже о войнѣ слышать не хочетъ. Что же это буржуїство или революція? допрашивалъ Суровцева Гамзатъ Бекъ.

— Слушать его не хочу. Очень ужъ образована стала молодежь. Не пойму. Прощайте, будьте здоровеньки! кряхтя поднялся съ клубной скамьи Насыпайко.

— Подожди, и я съ тобой, поспѣшилъ за нимъ Копьевъ.

— Совсѣмъ Петька сдурѣлъ, сердито отплюнулся Насыпайко. Къ Суровцеву и онъ, и Копьевъ, какъ къ сыну ихъ полкового товарища, привыкли относиться покровительственно, продолжали въ немъ видѣть общаго баловня, шустрога Петю.

— Его и не поймешь. То онъ ругаетъ богатыхъ, то самъ хочетъ богатымъ сдѣлаться. Знаю, что сто рублей на ссыльныхъ бухнулъ, послѣ недѣлю въ сухомятку ѣлъ, Софья Петровна мнѣ говорила. А вмѣстѣ съ тѣмъ комерціей занимается. Недавно предлагалъ устроить дѣло. Видишь, услышалъ онъ тамъ гдѣ то, земли можно за даромъ купить и будто въ ней нефть; да денегъ у него не хватаетъ, предлагалъ вмѣстѣ, въ компанію... Мы говорить, купимъ, разобьемъ на участки, и станемъ продавать. Много, говорить, можно нажить. Я его спрашиваю про деньги, про его то есть капиталъ. Смѣется, говорить, «тысяченки три—четыре прикопиль».

— Скажи на милость! удивился Насыпайко, который никогда и одной тысячи не могъ скопить.

— Безъ денегъ, говорить, человѣкъ—не человѣкъ. Нѣтъ въ немъ силы. Я, говорить, держусь французской системы: десять, говорить, процентовъ съ каждой получки въ кубышку, съ внутреннимъ удовольствіемъ сообщилъ Копьевъ.

— Ну братъ съ этимъ процентомъ не много бы ты собралъ изъ офицерской пенсіи. Наша система другая—или все проѣсть, да еще призанять, а если же копить, такъ все ужъ цѣликомъ... А?..

— Только, говорить, купоновъ рѣзать не стану, въ оборотъ деньги пускать надо. Пойми тутъ его. Съ Финкельштейномъ пошелъ отъ меня говорить.

— И выпустить тотъ его въ трубу, рѣшилъ Насыпайко.

IV.

За городомъ.—На войну—въ Тифлисѣ.—Опредѣленіе вновь на службу.—Варгановъ.

Старики инвалиды пошли привычной дорогой за городъ. У Форштада встрѣтилось возвращавшееся съ поля стадо. Тихо подвигались задумчивыя, важныя черныя буйволицы; среди нихъ свѣтлыми пятнами проглядывали разношерстныя коровы, виднѣлись острые козлиные рога, отдѣльно плелся старыи ишакъ съ потертой спиной и прихрамывала гнѣдая лошадь. Въ хвостѣ рогатой колонны красиво рисовался, ревѣлъ и рылъ ногою землю городской быкъ. Тарасъ Петровичъ внимательно осматривалъ стадо, буйволицъ за-

ботливо вытеръ палкой наслоившуюся грязь, спросилъ о здоровьѣ пастуха съ большой сѣдой бородой, въ соломенномъ хохлацкомъ брилѣ на головѣ.

— Спасибо. Недолго ужъ ваше благородіе, пасти осталось, пора къ расчету строиться, отвѣтилъ старый отставной солдатъ и заковылялъ по направленію къ быку, который собирался приступить помѣ брать ворота.

— Ровесникъ намъ вѣдь.

— Какъ же... Старѣемъ сильно. И я что то сталъ не прежній. Откуда взялось, не разберу. Заложить, вотъ тутъ, дыхнуть нельзя, жаловался Копьевъ.

— На охоту станемъ ходить, все пройдетъ. Кровь застоилась.

— Вотъ и сейчасъ что то не по себѣ. Какъ протитали телеграмму, такъ меня точно оппарили, духъ сперло, слова сказать не могу. Хотѣлось оборвать молодца, не могу звука подать.

— Вотъ, стоитъ на молокососа обращать вниманіе... Охота сушить себѣ голову.

Должно быть издалека пріѣхали, не научились еще подмазывать. Обратилъ вниманіе Насыпайко на скрипѣвшую арбу, на которой устроена была кибитка. Среди разнаго вороха узловъ и сундуковъ виднѣлась старуха съ зеркаломъ въ рукахъ, изъ за нее выглядывало хорошенькое личико молодой горянки.

— Съ приданымъ ѣдутъ, точно у русскихъ. Роскошь пошла. Зеркало въ горы тащатъ... Скажи пожалуйста! Неодобрительно качалъ головою Копьевъ.

Старики съ удовольствіемъ пріостановились полюбоваться на встрѣтившагося верхового горца. На высококомъ мягкомъ сѣдлѣ всадникъ сидѣлъ не шелохнувшись. Замѣтивъ, что лошадь его поправилась, онъ приподнялся на стременахъ, хлопнулъ нагайкой и понесся во весь опоръ.

— Недавно бралъ у Агая лошадь. Ъздилъ къ водопаду, сказалъ Копьевъ.

— Что это тебѣ вздумалось?

— Смотръ инспекторскій себѣ закатилъ. Могу ли еще служить?..

Старики свернули съ дороги, направились къ знакомому бугру, на вершинѣ котораго бѣлѣлся вертикально поставленный камень, памятникъ покойному правовѣрному. Навстрѣчу инвалидамъ со степи потянуло запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и полыни.

Трава то прижималась къ землѣ на прогалинкахъ, то высоко поднималась подлѣ мелкихъ кустовъ терновника и шиповника. Ди-

кая спаржа и полевой горошекъ по вѣточкамъ забрались до самыхъ ихъ верхушекъ, среди ковыля разсыпалась бѣлая крупная ромашка и ярко краснѣла гвоздика. Гладкое поле тянулось версты на двѣ, на три, а дальше поднималась зеленѣющая горная гряда, отороченная бѣлымъ каменистымъ гребнемъ. Легкіи дымокъ, вившійся надъ скатами, указывалъ, гдѣ въ могучихъ складкахъ прятались аулы. Сакли, какъ ласточкины гнѣзда, прилѣпились къ горамъ, трудно было ихъ отличить отъ сосѣднихъ скалъ и утесовъ.

Тарасъ Петровичъ усѣлся на траву, сорвалъ цѣлую пригоршню пахучаго чибреца и съ удовольствіемъ впитывалъ его запахъ.

— Гай, гай!... Хорошо.

— Да, воздухъ вольный... Послушай, Тарасъ Петровичъ, что я тебѣ скажу.

— Да ну, брось Петьку. Перебѣсится и все тутъ.

— Не то. Вѣдь я прошеніе объ опредѣленіи на службу послалъ.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Давно уже. Отвѣта все нѣтъ. Безпокоюсь. Ты никому не говори.

— Вотъ возьму да протрублю... Очень всѣмъ интересно знать, какъ нашъ Аника воинъ собирается въ Манчжурію... А, впрочемъ ей Богу молодецъ Кондратій! Проявилъ инициативу. Ей Богу проявилъ. Такъ ты въ походъ, а я на печи останусь... Вотъ чортъ подвелъ какъ. Моя Марья Николаевна, впрочемъ, и думать не позволить...

— Ты—другое дѣло, въ ногу ранень, хромаешь, нестроевое мѣсто передъ отставкой занималъ. А мнѣ, нельзя.

— Подвелъ, братъ Копей Ивановичъ. Чисто сдѣлалъ, тихоня.

— Спать вѣдь не могу, все думаю. А теперь вотъ насъ разбили. Это уже не на водѣ, а на сушѣ. Баталіоны тамъ были стрѣлковые, настоящіе, артилерія. Двадцать восемь орудій въ плѣнъ взяли. Неужели правда?!

— Я, братъ, думать не хочу, а то зареву. Лучше не говори про это. Стыдно по городу идти, стыдно извозчика, стыдно лавочника. И Тарасъ Петровичъ прикрылъ лицо шапкой отъ солнечнаго луча, вырвавшагося изъ за тучъ, на прощаніе, передъ закатомъ.

— Вотъ-вотъ, это самое и у меня въ груди клокочетъ... Э—эхъ!..

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Пойдемъ-ка домой вечерять. Марія Николаевна должно быть уже выглядываетъ меня изъ сада. Куда, думаетъ, старый запропостился? «Спать жинка»...

Запѣлъ было Тарасъ Петровичъ, но сразу же остановился. Оба старика молчаливо потянулись обратно въ городъ.

Какъ не упирался Кондратій Ивановичъ, но Насыпайко затащилъ его къ себѣ ужинать. Запахъ черемши, дикого чеснока, носился не только въ домикѣ, но и въ саду и на улицѣ. Подали тарань съ зеленымъ лукомъ, любимую кавказцами черемшу, жареную въ маслѣ дикую спаржу и вареники съ вкуснымъ домашнимъ сыромъ и сметаной. Все что было въ печи Марія Николаевна сразу выставила собственноручно на столъ.

Тарасъ Петровичъ налилъ изъ граненой «пляшечки» себѣ рюмочку вѣробоя и сейчасъ же наполнилъ до краевъ стаканы мѣстнымъ виномъ.

— По полтора рубля ведро бралъ въ саду у Хораджева. Ну, братъ, и винцо! Буль-буль-буль! Не промѣняю на крымскія, да французскія. Ей Богу, это вино здоровье даетъ, кровь пополняетъ.

Марія Николаевна чрезвычайно хотѣлось заговорить о завѣщаніи, хотѣлось узнать, кому достанется Копьевскій капиталъ; но они сговорились съ мужемъ ни словомъ не намекнуть объ этомъ. Во-первыхъ—дѣло важное, и не для легкой бесѣды, а во-вторыхъ пріятель можетъ подумать, что они рассчитываютъ также на наследство.

Копьевъ, какъ и всегда, почти ничего не ѣлъ, зато самъ хозяинъ отвѣдалъ всего вдосталь.

— Смотри ты у меня ночью расхвораешься. Будешь опять охать, да за живоникъ держаться, останавливала Тараса Петровича жена.

— Стану я Кондратію подражать. Постничать и отъ всего воздерживаться? Дудки! Поболить и перестанетъ, а вареники не каждый день подаютъ. Ну, постная душа, за твое здоровье. Дай же Боже тебѣ здоровому и невредимому вернуться!

— Откуда это? Спросила Марія Николаевна.

— Вотъ видишь, Тарасъ. Не удержался таки, укоризненно замѣтилъ Копьевъ.

— Да, свой человекъ, не разболтаетъ. На войну идетъ Кондратій Петровичъ, вотъ что. Ай да наши!..

— Думаетъ удивилъ, а-жъ нисколички. Кондратія Петровича я хорошо знаю и давно видѣла—не стерпитъ. Только не сманивайте вы въ походъ моего стараго, шутливо замѣтила милая хозяйка. Но внезапно лицо ее омрачилось.

И привѣтливая, оживленная обыкновенно Марія Николаевна внезапно выскочила изъ за стола со слезами на глазахъ и слышно было, какъ она разрыдалась въ другой комнатѣ.

— Ну и оказія... Куда тутъ на войну. Инвалидъ, братъ первой статьи, да и только. Одно слово—двадцатая, какъ прежде у насъ въ полку, женатая рота. Въ слободку на лежанку, а не въ походъ.

Насыпайко насунился и долго потиралъ себѣ затылокъ.

— Марья Николаевна! Да брось, дастъ Богъ все будетъ благополучно. Это она о сынѣ убивается. У насъ такой уговоръ съ нею о сынѣ не говорить, чтобы не дразнить сердце. Вотъ же не выдержала. А касательно службы, отсталъ я здорово. При мнѣ еще и берданокъ не было, а теперь уже скорострѣлки. Не боги, конечно, горшки обжигаютъ, а все какъ то неловко неучемъ передъ другими показаться, да и тянетъ къ старинкѣ. Самъ знаешь новое охотничье ружье центрального боя, что въ подарокъ получилъ, безъ почину вписать на стѣнкѣ. Какъ—на охоту, такъ—за старый самопалъ. Надежнѣе какъ то, не сфальшить.

— Знаешь, того, и я, конечно, отсталъ. Въ мирное время, на смотръ тамъ, что ли, не пошелъ бы; а въ походъ, того знаешь... не то нужно. Равненіемъ тамъ не много возьмешь. Ей Богу пригодится еще на чтонибудь и Кондратій Ивановичъ. Думаю—не подгажу; твердо заявилъ Копьевъ, нѣсколько подвинченный пріятельскимъ угощеніемъ.

Вышла, оправившаяся отъ слезъ, Марья Николаевна, и всѣмъ троимъ выпили по стаканчику краснаго вина за будущаго батальоннаго командира.

Приказа объ опредѣленіи на службу Копьева все еще не было. Старикъ допрашивалъ Тараса Петровича, что ему предпринять.

— Помнишь Панкратьева? Умный человекъ былъ. Какъ бывало что не ладится, онъ сейчасъ на перекладную и былъ таковъ. Въ Тифлисъ съѣздить, поворожить тамъ въ штабѣ, и дѣло въ шляпѣ.

— Думаешь и мнѣ туда ѣхать.

— Что же, въ Манчжурію вѣдь дальше.

— Прогонъ, братъ, не дадутъ. Денегъ то сколько выйдетъ...

— Брось пѣнки снимать. Придется раскошелиться. Э! кто то на крылечкѣ ходить. Добрый человекъ, кто тамъ?!

— Это я, Гамзатъ.

— Входи, гостемъ будешь.

— Пришелъ съ прощальнымъ визитомъ.

— Куда, въ Тифлисъ? Соскучился по клубамъ.

— Нѣтъ, въ Маньчжурію.

— Шути больше. Ты вѣдь не офицеръ.

— Охотникомъ ѣду. Такъ безъ спроса, возьму билетъ до Ляояна и гайда. Тамъ явлюсь Куропаткину.

— Развѣ онъ знаетъ тебя?

— Я его знаю, этого достаточно. У Линевича еще ребенкомъ въ Тифлисъ бывалъ, найду кавказцевъ, Миценко Павла Ивановича знаю.

— Да ты и въ самомъ дѣлѣ не шутишь. Ну, братъ, Гамзатъ— молодчина. Ей Богу молодчина! Давай тебя поцѣлую. Вотъ разодолжилъ. Отецъ, твой, покойникъ, на томъ свѣтѣ порадуетъ за сына. А я думалъ, ты совсѣмъ стрюцкимъ либераломъ сдѣлался; расчувствовался Насыпайко.

— Милый Тарасъ Петровичъ, да развѣ либералы не болѣютъ душой за Россію. Это вы, дѣдушка, напрасно.

— Ну, прости старика, не думалъ.

— Кондратій Ивановичъ, вы бы тряхнули стариной, да вмѣстѣ со мной въ армію, а... Право хорошо бы. Георгіевскій кавалеръ, герой. Такихъ на войнѣ нужно. Дѣла, видите, какъ плохо идутъ. Все отступаютъ, да отступаютъ.

— Что же... быть можетъ и я раскачаюсь... густо покраснѣвъ, отвѣтилъ Копьевъ.

— Клянусь Богомъ вамъ нужно ѣхать. Александръ Ивановичъ Миценко уѣхалъ на войну. Былъ тоже въ отставкѣ, а вотъ не выдержалъ, потянуло.

— Храбрый офицеръ! Другого такого отчаяннаго, не знаю. Если задѣтъ его немного, такъ думаю... да, что тутъ бросится на встрѣчу непріятелю переплывать саженками Черное море. П—и!.. Вспоминать прошлое Копьевъ.

Отъѣздъ Гамзата совсѣмъ взбудоражилъ Кондратія Ивановича. Онъ махнулъ рукой на расходы и уѣхалъ въ Тифлисъ. Билетъ взялъ третьяго класса, питался дорогой однимъ чаемъ. Остановился въ заѣзжемъ домѣ, гдѣ то на Вѣрѣ.

Въ штабѣ ему объяснили, что въ Тифлисѣ ускорить опредѣленіе нельзя, надо ѣхать въ главный штабъ, въ Петербургъ. Однако всѣ успокаивали старика, убѣдительно заявляя, что его, георгиевскаго кавалера, не могутъ не принять вновь на службу. Спросъ на офицеровъ огромный.

Воспользовавшись пребываніемъ въ Тифлисѣ, гдѣ никто его не зналъ, Кондратій Ивановичъ отправился въ магазинъ офицерскихъ вещей, приобрѣлъ себѣ штабъ-офицерскіе эполеты съ шифромъ своего стараго полка и заказалъ погоны; готовыхъ не было.

Хотя онъ и зналъ, что его опредѣлятъ въ другую часть, но на войнѣ, при массѣ переведенныхъ, по его мнѣнію, не обратятъ вниманія на эту вольность. Разставаться же съ роднымъ мундиромъ не хотѣлось. Забравъ драгоцѣнные плечевыя украшенія, онъ чуть не бѣгомъ направился въ свой удаленный отъ центра заѣзжій дворъ. Старикъ заперъ на ключъ конурку и передъ туманнымъ зеркальцемъ примѣрялъ эполеты. Когда то онъ ихъ такъ страстно желалъ, и не дождался, произведенъ былъ въ подполковники лишь съ увольненіемъ въ отставку. И вотъ теперь, не сегодня—завтра, онъ уже подполковникъ, не на ассигнаціи, а настоящій, форменный штабъ-офицеръ. Копьевъ поднялъ плечи и задорно тряхнулъ жирными эполетами. Красота!..

Въ это время кто то грузно проходилъ по корридору, и Кондратій Ивановичъ быстро отскочилъ отъ зеркала, раздѣлся и бережно сталъ укладывать въ коробку эполеты.

Однако, приказъ объ опредѣленіи не появлялся, приходилось не солоно хлебавши покидать Тифлисѣ.

Передъ отъѣздомъ подполковникъ пошелъ въ магазинъ за своими заказанными погонами.

Ему, привыкшему къ своему захолустью, Тифлисѣ казался роскошнымъ городомъ. Онъ ребячески дивился большимъ домамъ. Головинскій проспектъ представлялся старику верхомъ роскоши. Подполковникъ любовался выставками въ витринахъ магазиновъ, и его поражала смѣлость, съ которой входилъ туда разношерстный народъ за покупками. Шальные, должно быть, деньги, думалъ онъ, и невольно принимался съ прискорбіемъ вновь и вновь подсчитывать въ умѣ свои самые ничтожные расходы.

Въ душѣ онъ поругивалъ Тараса Петровича, посовѣтовавшаго ему ѣхать въ Тифлисѣ. Подвелъ подъ расходы, потѣшаться еще будетъ. Выдумалъ, старый, поѣзжай, да поѣзжай. Вотъ и нагрѣлъ рублей на тридцать. Шутка сказать... Грустныя цифровыя выкладки

однако вылетѣли изъ головы передъ дверьми магазина офицерскихъ вещей. Его новенькіе подполковничьи погоны такъ и блестяли въ зеркальномъ окнѣ.

Старикъ храбро шагнулъ въ магазинъ. Пока укладывали попку, онъ взялъ «Русскій Инвалидъ» съ прилавка и внимательно, какъ всегда съ замираніемъ сердца, сталъ проглядывать Высочайшіе приказы. Въ рубрикѣ опредѣляющихся вновь на службу мелькнула знакомая фамилія. Неужели?! Да, да отставной подполковникъ Копьевъ!.. Ну и колдунъ же Тарасъ... Сказалъ въ Тифлисъ все устроится, такъ и вышло... Скажи пожалуйста... мелькнуло въ головѣ подполковника.

Старикъ не выдержалъ и объявилъ приказчику о своей радости.

— Мало полковникъ погонь покупалъ, на шинель—нужно, на старый сюртукъ—нужно, на новый—нужно, на китель—безпримѣнно нужно.

— Нѣтъ, нѣтъ! Заторопился уходить Копьевъ, я пока съ двумя парами обойдусь.

На широкомъ тротуарѣ проспекта старикъ себя почувствовалъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ четверть часа назадъ. Онъ уже иначе сталъ относиться къ отдаію чести на улицѣ и громко поздоровался съ первымъ встрѣтившимся солдатомъ, который растерялся отъ неожиданнаго привѣтствія и возвеличилъ Копьева въ превосходительство.

Боевому офицеру представилось уже поле сраженія, непріятельскія укрѣпленія въ родѣ Карскихъ фортовъ, черкесообразные японцы, и онъ съ своимъ баталіономъ двигается на приступъ редута... Мурашки нервнаго возбужденія забѣгали у него по спинѣ. Вотъ онъ выхватилъ знамя изъ рукъ убитаго знаменщика и бросился впередъ. Вокругъ гремитъ побѣдное «ура»...

Размечтавшійся шестидесятилѣтній юноша и не замѣтилъ, какъ столкнулся съ сестрой своей жены, которую не видѣлъ много лѣтъ.

Востроглазая, юркая старушка узнала сразу свояка. Она окликнула Кондратія Петровича и напоминала о себѣ. Копьевъ задрожалъ отъ страха, такъ напугало его пробудившееся внезапно горькое прошлое. Своячница, не смущаясь нисколько, завела бесѣду о семейныхъ дѣлахъ и стала журить его за безсердечіе къ сыну.

— Къ какому сыну? Вы должны знать, что у меня былъ только одинъ сынъ, Евгений. Онъ умеръ ребенкомъ.

— Я въ ваши интимныя исторіи не путаюсь, знаю, что у меня есть племянникъ родной — Михаилъ Кондратьевичъ Копьевъ, законный вашъ наслѣдникъ. Кстати онъ получилъ назначеніе на Кавказъ, можете встрѣтиться скоро.

— Шишъ съ масломъ получить послѣ меня вашъ племянникъ. Я вотъ на дняхъ подпишу завѣщаніе... но, конечно, не въ пользу вашего племянника, грубо заявилъ раскраснѣйшійся Копьевъ.

— Какая жестокость! Чѣмъ виноватъ бѣдный Миша, что вы не поладили съ женой. Онъ остался сиротой по милости вашей... Да! да!.. Благодаря вамъ, остался безъ отца. Вѣдь не будь сестра связана, она вышла бы замужъ за...

— Мнѣ некогда. Прощайте, рѣзко оборвалъ Копьевъ.

— Скажите, какія дѣла нашель. Да развѣ есть у васъ важнѣе... Мнѣ Миша пишетъ и совершенно правильно. Если бы даже онъ родился внѣ брака, то все таки онъ братъ вашего Евгенія, а такъ какъ тотъ умеръ, то онъ, прямой наслѣдникъ единоутробнаго, замѣщаетъ его. Мнѣ, женщиѣ, это какъ день ясно...

Копьева вдругъ сталъ душить воротникъ, въ глазахъ потемнѣло, и онъ почти рухнулся на скамью.

Подвернувшійся добродушный кенто подхватилъ подполковника и втащилъ въ кондитерскую. Здѣсь старику дали выпить воды, и онъ отправился домой на извозникѣ, что случалось чрезвычайно рѣдко. Добрался онъ къ себѣ совершенно разстроенный.

И опять всю ночь Кондратія Ивановича давилъ кошмаръ. Надъ нимъ потѣшался Михаилъ Кондратьевичъ Копьевъ. Кричалъ ему, старику Копьеву: «пошелъ вонъ!» Выгонялъ изъ его собственнаго дома «на основаніи статьи № такой то»... Копьевъ проснулся въ холодномъ поту. Крикъ продолжался. Видимо кто то буянилъ въ сосѣднемъ духанѣ.

Старикъ рѣшилъ по возвращеніи домой немедленно составить завѣщаніе.

На утро Кондратій Ивановичъ, несмотря на утомленіе, счелъ долгомъ явиться коменданту. Вычистилъ обновленный мундиръ, старательно нацѣпилъ новую колодку съ орденами, расправилъ банты на ленточкахъ, полюбовался на бѣленькій офицерскій крестикъ, затѣмъ приступилъ къ подвязыванію эполетъ. «По новому, кажется у нихъ не полагается на этотъ случай надѣвать, ну, да я по старинному», ворчалъ про себя подполковникъ.

Коменданта ему не удалось видѣть, но за то онъ чувствовалъ, что по улицамъ на мундиръ его съ интересомъ посматривали тиф-

лищы, весьма чувствительные къ знакамъ боевыхъ отличій. Копьевъ почувствовалъ себя вновь истиннымъ офицеромъ, на дѣйствительной службѣ.

Изъ Тифлиса Кондратій Ивановичъ по офицерскому билету выѣхалъ уже во второмъ классѣ. Роскошь, которой онъ въ жизни еще никогда не пользовался.

Дома онъ спалъ всегда на походной кровати, составленной изъ вьючныхъ сундуковъ, а тутъ въ вагонѣ довелось подпрыгивать на пружинномъ диванѣ... «Баловство, одно»...

Горячее южное солнце заливало лучами выгорѣвшую отъ лѣтняго зноя степь, вдали виднѣлось ярко синее море. Копьевъ любилъ югъ, сроднился съ кавказской природой. Онъ присѣлъ у окна и зоркимъ глазомъ ловилъ на горизонтѣ бѣлые паруса и дымки пароходовъ, всматривался въ рѣдкія скалы, прятаншіяся за холмами, пересчитывалъ маячившихъ кой гдѣ верблюдовъ.

— Глазамъ своимъ не вѣрю. Что такое? Почему? Раздался вдругъ громкій голосъ архитектора Вартанова, сѣвшаго на одной изъ промежуточныхъ станцій.

— Опредѣлился на службу. Ѣду на войну.

— Зачѣмъ на войну? Вотъ не видали чего.

— Вы человѣкъ штатскій, а я выросъ и состарился въ полку.

— Какъ можно штатскій! Мой дядя на Гюнибѣ убитъ, дѣдушка подъ Эриванью раненъ. Какъ можно... Душа моя, не успѣете теперь въ сраженіе попасть, — вотъ въ чемъ дѣло.

— Почему такъ?

— Знаешь, какъ у насъ говорить, — почитай пожалуста! Вартановъ развернулъ газету и указалъ на телеграму о началѣ Ляоянскаго сраженія.

— Да, это пожалуй что и такъ... Поспѣешь къ шапочному разбору... Слава Богу вздуютъ, наконецъ, хорошенько ихъ, — перекрестился старикъ.

— Я говорилъ, я говорилъ! Куропаткинъ сосредоточился, укрѣпился, заманилъ японцевъ. Теперь, какъ треснутся сначала хорошенько головой, ошалѣютъ, а тутъ ихъ съ фланговъ и начнутъ... и начнутъ... Воодушевился пылкой и подвижной архитекторъ, выдѣлывая руками быстрые жесты.

— Сегодня приѣду, черезъ два дня гайда въ Маньчжурію.

— А какъ же вы домъ оставите? Довѣренность, что ли, кому дали?

— Правду говоря о домѣ я не подумалъ. Полагалъ запру, ключи отдамъ Софьѣ Михайловнѣ, и все тутъ.

— Эге, какой вы храбрый. Это, отецъ мой, не въ деревнѣ. Знаете, что самое лучшее, сдайте въ аренду домъ Тарасу Петровичу. Будетъ преотлично. Онъ сбережетъ, и никто тогда не посягнетъ къ вамъ сунуться; а то, знаете, всякіе нахалы бываютъ... Возьметъ, да и поселится... Не вѣрите? Увѣрю васъ! Хотите я завтра же оформлю аренду, дѣло по домамъ мнѣ знакомое.

— Вотъ спасибо. Совсѣмъ изъ ума вонъ. Вѣдь повинности платить надо, за чистотой наблюдать, улицу убирать. Ахъ, чортъ! Такъ пожалуйста, Артемій Артемьевичъ.

— Да, и кромѣ дома, вамъ еще много хлопотъ. Не успѣете такъ скоро собраться, прогоны получить. Спрыснуть эполеты нужно. Это, душа моя, какъ хотите, а раскошелиться по штату положено.

— Какіе мои сборы. Я уже давно собрался, прогоны на мѣстѣ въ полеу получу. Правда дѣло одно есть... Приходите завтра объѣхать, вотъ и вспрыснемъ. Милости просимъ.

— Карталинскаго и ка-хе-тын-скаго! Торжественно, точно на эктеніи провозгласилъ Вартановъ и громко причмокнулъ, какъ бы смакуя вино.

— Да!.. Откровенность за откровенность. Вартановъ сдѣлалъ большіе, почти страшные глаза, придвинулся ближе къ подполковнику. Когда я ѣхалъ къ роднымъ, въ вагонѣ познакомился со мной одинъ петербургскій господинъ, узналъ, что я изъ Кутана и все спрашивалъ о Васѣ, о вашихъ средствахъ... Я сказалъ, что вы совсѣмъ байгушъ, нѣтъ у васъ ни копѣйки. Не вѣрите. Когда говорить, наслѣдство получу узнаю... Вотъ почему и объ арендѣ дома заговорилъ я съ Вами. Вы уѣдете, отъ нахала все станется. Я ему отрекомендовался, а онъ, шарлатанъ, мнѣ фамиліи своей не сказалъ. Подбирается кто то къ вашимъ капиталамъ.

Отвѣта не успѣлъ дожидаться Вартановъ, такъ какъ надвигавшаяся быстро съ горъ черная туча повисла надъ ихъ поѣздомъ, и надъ моремъ зарокотали грозные громовые удары. Море недавно такое ласковое, вдругъ потемнѣло. Бѣлая пѣна волнъ красиво змѣилась на черномъ почти фонѣ.

— Смотрите, смотрите какая красота! Закрывая спѣшно окно, указалъ экспансивный Вартановъ на южный край моря.

Какъ будто не хватило въ воздухѣ матеріала, и густая туча не могла покрыть все небо. Тамъ, вдали продолжали литься яркіе лучи и плескалось сине-голубое море...

Гроза долго не унималась. Круглыя молніи бороздили небо, бенгальскимъ огнемъ слѣпили глаза, дождь сердито барабанилъ и по крышѣ, и по окнамъ.

На Кондратія Ивановича, человѣка завѣдомо храбраго, гроза всегда производила какое то гнетущее впечатлѣніе недомоганія. И теперь онъ нахохлился, сдѣлалъ видъ, что задремалъ.

Вартановъ попробовалъ спросить спутника о наслѣдствѣ, но тотъ не отвѣчалъ.

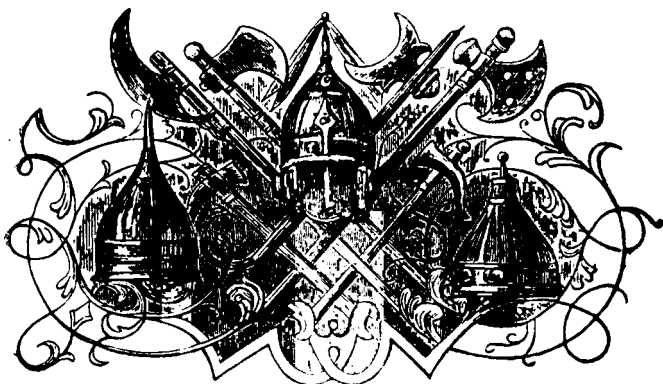
— Скажи на милость. Вотъ спокойный человѣкъ... Господа! Обратился онъ къ пассажирамъ, не хочетъ ли кто въ картишки перекинуться...

В. С. Фривенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Э.Б.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ СТАРИНА.

Письмо Я. И. Ростовцова Фельдмаршалъ Лейтенанту Гауслабу.

Любезный генераль,

Старый мой другъ и товарищъ генераль-адъютантъ баронъ Ливень и полковникъ Вилламовъ передали мнѣ Вашъ поклонъ.

Баронъ Ливень, сверхъ того, сообщилъ мнѣ и лестное мнѣніе Ваше объ организаціи и ходѣ нашихъ Военно-Учебныхъ заведеній.

Мнѣніе это тѣмъ болѣе для меня утѣшительно, что оно есть результатъ не поверхностнаго осмотра, но пристальнаго изученія Вами нашихъ постановленій.

Я не питаю надежды въ скоромъ времени лично поблагодарить и обнять Васъ и потому съ большимъ удовольствіемъ исполняю это, хотя заочно.

Баронъ Ливень передалъ мнѣ слѣдующія Ваши слова: «что Вы видѣли въ Россіи очень много хорошаго, но что болѣе всего удивило и поразило Васъ превосходное состояніе и глубоко-обдуманное законодательство Военно-Учебныхъ заведеній; что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Вы почти тоже самое предлагали Вашему правительству; что оно идей Вашихъ тогда не приняло и что Вы теперь, съ торжествомъ, повторите свои прежнія предположенія, подкрѣпивъ ихъ осуществленіемъ на самомъ дѣлѣ, у насъ, въ Россіи.

Заслуживаемъ ли мы дѣйствительно этого приговора?—если жехотя нѣсколько такъ, то да поможетъ Вамъ Богъ въ Вашемъ полезномъ намѣреніи.

Баронъ Ливенъ мнѣ сказалъ, что, зная хорошо по русски и прочтя все, что издано о нашихъ Военно-Учебныхъ заведеніяхъ, Вы сдѣлали только одно замѣчаніе: не много ли у насъ предметовъ ученія?

Разсматриваемое безотносительно, замѣчаніе Ваше совершенно справедливо.

Много и долго мысль эта тревожила и меня самого; много бессонныхъ ночей проведено мною для уясненія и разрѣшенія этого вопроса, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и размышленій и послѣ *нѣсколькихъ лѣтъ* обсужденія вопроса этого съ покойнымъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, пересоздателемъ Военно-учебныхъ заведеній, Его Высочество глубоко убѣдился, что, если нѣкоторыя неудобства отъ такого объемистаго курса ученія дѣйствительно и есть, то неудобства эти устранить невозможно безъ вреда, *по примѣненію къ Россіи*, еще несравненно большаго.

Вы знаете, почтенный генераль, что въ наукѣ администраціи и въ педагогикѣ нѣтъ ни одной истины, которая была бы безусловно для всѣхъ государствъ и народовъ.

Врядъ ли на чемъ либо справедливость этого вывода оправдывается съ такою очевидностію, какъ на замѣчаніи Вами сдѣланномъ.

Образованность и просвѣщеніе открылись для Россіи только около ста лѣтъ тому назадъ самодержавною волею одного изъ величайшихъ государей въ мірѣ.

Императоръ Петръ I насильно принудилъ насъ учиться.

Его указанію слѣдуютъ неуклонно до сихъ поръ его преемники.

И теперь, еще точно также какъ и при Немъ, правительство есть представитель и единственный двигатель просвѣщенія и науки въ Россіи. Ученія и учебныя заведенія, правительствомъ основанныя и только Имъ, съ огромными пожертвованіями, поддерживаемыя, суть единственные разсадники образованія. Просвѣщеніе у насъ въ массы еще не проникло и общественной жадности еще не составляетъ.

Отъ того. домашнее воспитаніе еще и доселѣ весьма у насъ несовершенно, даже и въ такихъ, нерѣдко, семействахъ, матеріальныхъ средства которыхъ способствовали бы вполне вести его правильно.

Знаніе и образованность поддерживаютъ у насъ и доселѣ только строгими научными требованіями правительства отъ вступающихъ на службу и щедрыми пенсіями ученымъ.

Ослабьте эти требованія и эти пенсіи и просвѣщеніе быстро пойдетъ у насъ назадъ.

Примите во вниманіе и то, что воспитанники нашихъ Военно-Учебныхъ заведеній, *будучи все* дворяне, на основаніи Высочайше дарованныхъ имъ правъ, занимаютъ, по окончаніи курса, самыя разнообразныя положенія въ обществѣ; что изъ ихъ среды Правительствомъ назначаются, впоследствии, лица для замѣщенія самыхъ разнородныхъ, не только важныхъ, но и самыхъ высшихъ мѣстъ, по всемъ безъ изыятія отраслямъ управленія военнаго и гражданскаго; что, выходя изъ государственной службы, они остаются землевладельцами, помѣщиками и избираются своимъ сословіемъ въ судебныя и административныя должности по мѣстному управленію.

Сверхъ того, несправедливо думаютъ иные, что офицеръ или генералъ долженъ быть только военнымъ специалистомъ; нѣтъ, онъ долженъ быть и человѣкомъ, и гражданиномъ, т. е. имѣть развитіе нравственное и знать современный бытъ, законы и исторію своего отечества.

Сообразите все это, и Вы убѣдитесь, что размѣръ учебнаго курса нашихъ кадетскихъ корпусовъ необходимо обуславливается и степенью просвѣщенія Россіи, и нашими нравами, и нашимъ общественнымъ и политическимъ положеніемъ.

Воспитанники поступаютъ у насъ въ кадетскіе корпуса 6, 7, 9½, 10 и 11½ лѣтъ, оканчиваютъ курсъ 18-ти, 19-ти и 20-ти.

Девять или десять лѣтъ школьнаго ученія есть, для огромнаго большинства, единственное въ цѣлой жизни время, посвященное занятію науками.

При поступленіи въ заведеніе, большая часть воспитанниковъ едва умѣетъ читать и очень слабо знаетъ четыре начальныхъ дѣйствія Ариметики; по выходѣ изъ кадетскаго корпуса, большая же часть разстается навсегда съ книгами и даже рѣдко слышитъ о наукѣ потому, что образованіе въ нашемъ обществѣ еще мало разлилось.

Въ корпусѣ онъ долженъ получить образованіе и общее, и спеціально-военное, здѣсь необходимо дать ему *основныя понятія* о многихъ общихъ наукахъ и *раціональныя* по наукамъ военнымъ. Понятія въ общихъ наукахъ дать *только основныя* надобно потому, что выучить имъ вполне въ такомъ сжатомъ объемѣ времени и въ такомъ не зрѣломъ возрастѣ невозможно, а дать ему *эти понятія* необходимо, дабы, оставивъ военную службу и избравъ другое поприще, или почувствовавъ расположеніе къ какой бы то ни было наукѣ, бывший кадетъ могъ учиться самостоятельно и строить нужное ему зданіе на фундаментѣ уже готовомъ, необходимымъ при его новыхъ занятіяхъ.

Сверхъ того, наши корпуса служатъ разсадникомъ для комплектованія трехъ высшихъ специальныхъ Военно-Учебныхъ Заведеній; училищъ: Артилерійскаго и Инженернаго и Военной Академіи—и потому весь курсъ ихъ долженъ быть принаровленъ ко вступительному экзамену въ высшіе (офицерскіе) классы этихъ заведеній, слѣдовательно требуетъ большихъ свѣдѣній и математическихъ, и политическихъ, и военныхъ.

Вотъ причины, почему курсъ нашихъ Военно-Учебныхъ Заведеній такъ разностороненъ.

Часто и долго задавали мы себѣ вопросъ: что бы изъ этого курса можно было выключить, и не находили ничего. Не находили потому, что военной науки ни одной исключить нельзя; общія же науки, въ корпусѣ преподаваемыя, *необходимы всѣ* для цѣлей вышеизложенныхъ. Если же изъ общихъ наукъ исключить нѣкоторыя для того, чтобы остальные преподавались и глубже, и обширнѣе, то это было бы важною ошибкою, крайне вредною для арміи потому, что *и насъ* всякій односторонній ученый специалистъ оставляетъ военную службу и дѣлается индивидуаломъ, собственно для арміи потеряннымъ ¹⁾.

Кромѣ этихъ административныхъ причинъ есть еще и причина педагогическая, почему въ нашихъ Кадетскихъ корпусахъ удѣлится много времени для повторенія уроковъ и для самостоятельныхъ занятій воспитанниковъ невозможно.

Причина эта—недостатокъ въ искусныхъ педагогахъ.

Въ нашихъ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ, состоящихъ изъ двухъ-сотъ, четырехъ-сотъ, шестисотъ и даже изъ тысячи воспитанниковъ, вовсе неподготовленныхъ къ самостоятельному труду воспитаніемъ домашнимъ, свободные отъ классовъ часы проводились бы въ праздности и шалостяхъ, сначала невинныхъ, потомъ предосудительныхъ, а, наконецъ, и вредныхъ, какъ для умственнаго такъ и для нравственнаго образованія!—Чтобъ отвратить это зло, было бы одно вѣрное средство: поручить воспитанниковъ, въѣ классовъ, надзору опытныхъ и просвѣщенныхъ педагоговъ, которые могли бы руководить дѣтей при повтореніи ими уроковъ, при ихъ чтеніяхъ и при другихъ умственныхъ занятіяхъ; могли бы дать имъ полезный совѣтъ и удерживать ихъ (нравственнымъ авторитетомъ), отъ дурныхъ склонностей и шалостей.

При такихъ педагогахъ свободные часы замѣнили бы съ отличною пользою уроки классные и были бы, во всѣхъ отношеніяхъ, истиннымъ для кадетскихъ корпусовъ благодѣяніемъ.

Но гдѣ взять такихъ педагоговъ!

¹⁾ Разумѣется, кромѣ специалистовъ Военныхъ, которыхъ мы стараемся готовить въ большемъ, по возможности числѣ.

Педагогія еще во младенчествѣ не только у насъ, но и у Васъ и во всей Европѣ.

Подъ главнымъ начальствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича состоятъ нынѣ двадцать пять Военно-Учебныхъ Заведеній; въ нихъ воспитывается слишкомъ 8 тыс. дѣтей.

Положите, что на 10-ть или хоть на 15-ть кадетъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, одинъ такой педагогъ, и Вы найдете, что для одного этого вѣдомства потребно 700 или 800 особыхъ гувернеровъ, кромѣ учителей и офицеровъ фронтowych, изъ которыхъ весьма немногіе на это способны. Цифра огромная.

За недостаткомъ такихъ педагоговъ нужно было, по необходимости, сосредоточить ученіе и повтореніе преимущественно въ классахъ и назначить *меньше* часовъ для самостоятельнаго (по теории, а для безотчетнаго по практикѣ) труда кадетъ и всю программу кадетскаго дня распределить такъ, чтобъ воспитанникъ былъ въ непрерывномъ *отчетистомъ* занятіи,—то умственномъ, то физическомъ.

Вотъ главный рычагъ, которымъ два Августѣйшіе брата Государя и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, подняли кадетскіе корпуса.

Все, что я Вамъ говорю, суть факты и убѣжденія, извѣданные на дѣлѣ опытомъ многихъ лѣтъ.

Со всѣмъ тѣмъ, несмотря на всѣ эти условія, учебный курсъ нашихъ Кадетскихъ Корпусовъ былъ бы не только не обширенъ, укладывался бы съ излишкомъ просторно въ данное время, если бъ были въ точности примѣнены къ практикѣ общія начала преподаванія, выраженные въ Высочайше утвержденномъ 24-го декабря 1848 года Наставленіи для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Въ этомъ основномъ законоположеніи для учебной части Кадетскихъ Корпусовъ указаны какъ общее направленіе преподаванія, такъ и главныя руководительныя начала по каждой наукѣ въ особености.

Ко вреду науки и ученія, не только въ Россіи, но и вездѣ, преподаваніе не успѣло еще сбросить съ себя схоластическихъ веригъ и не высвободилось еще изъ средневѣковой рутины. Мелочныя подробности, бесполезные факты, педантическія требованія профессоръ отымаютъ еще и до сихъ поръ отъ рациональнаго преподаванія чрезвычайно много времени, памяти и труда въ ущербъ свѣдѣній, составляющихъ основу науки.

Преподаваніе это, можетъ быть и полезное, чтобъ приготовить односторонне-ученаго, очень вредно въ школахъ, имѣющихъ цѣлю не специальную ученость, а образованіе общее.

Нынѣ, главное наше стараніе состоитъ въ томъ, чтобы, на основаніи вышеозначеннаго Наставленія, упростать самое преподаваніе,

и мы, съ помощію Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича, Слава Богу, въ этомъ отношеніи, идемъ впередъ.

Пока преобразование это не совершится въполнѣ; пока мы не пріучимъ учителей къ болѣе очищенному отъ схоластики взгляду на преподаваніе, до тѣхъ поръ, разумѣется, еще не всѣ препятствія будутъ устранены.

Но если, вѣрные этой цѣли и неуклонно и настойчиво къ ней стремящіеся, мы этого достигнемъ, въ чемъ я имѣю уже надежду твердую, то результаты этихъ усиленныхъ трудовъ будутъ изумительно для насъ благотворны.

Сознавая, однакожь, сами, всѣ неудобства обширнаго учебнаго курса, мы, для сокращенія его и для упрощенія методовъ преподаванія, работаемъ уже 12-ть лѣтъ.

Программы наши, четыре раза, съ тѣхъ поръ, упрощались и постепенно въ этомъ смыслѣ улучшались.

Въ прошедшемъ, 1852 году, Государь Наслѣдникъ, нашъ Главный Начальникъ, рѣшился рискнуть на первую попытку: увеличить *нѣсколько* число часовъ повторенія и самостоятельныхъ занятій для каждаго изъ семи классовъ кадетскаго корпуса.

Преобразование это сдѣлано вслѣдствіе 8-ми лѣтняго систематическаго подготовленія.

Къ двумъ, уже существовавшимъ, высшимъ спеціально военнымъ классамъ прибавленъ Его Высочествомъ, по соизволенію Государя, еще третій, въ который должны поступать только одни лучшіе, по успѣхамъ и нравственности, молодые люди, для окончательнаго, высшаго образованія.

Это дало Его Высочеству возможность перенести въ новый классъ многіе предметы ученія, принадлежащіе къ высшему и спеціально-военному образованію; а чрезъ то курсъ въ остальныхъ семи классахъ разложить гораздо просторнѣе и тѣмъ облегчить его значительно для массы учащихся, особенно въ Математикѣ.

Плоды этого важнаго для насъ преобразованія еще впереди. Оно возымѣетъ силу только съ половины 1854 года и опытъ покажетъ: въ какой мѣрѣ Россія и Военно-Учебныя Заведенія созрѣли для такого шага впередъ и можно ли будетъ, время отъ времени, мало по малу, удѣлять для каждаго класса кадетъ еще часъ за часомъ для занятій самостоятельныхъ?

Извините меня, Генералъ, что письмо мое вышло такъ длинно. Откровеннымъ замѣчаніемъ своимъ Вы коснулись предмета моихъ знятій и моей любви въ теченіе 20-ти лѣтъ.

Баронъ Ливенъ сообщилъ мнѣ также, что Вы, исполненные любознательности, въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, собрали и прочитали все, что могли достать относительно нашихъ Кадетскихъ Кор-

пусовъ. Недоумѣвая: не осталось ли кое что для Васъ и неизвѣстнымъ, я поставляю себѣ въ пріятный, дружескій долгъ доставить къ Вамъ, съ этимъ письмомъ, по возможности полное собраніе главнѣйшихъ постановленій по нашимъ Военно-Учебнымъ Заведеніямъ, а именно:

Наставленіе для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній, Высочайше утвержденное 24-го декабря 1848 года;

III томъ Свода Военныхъ Постановленій;

Приказы объ учрежденіи 3-го спеціальнаго класса;

Наши учебныя программы и конспекты, или инструкціи учителямъ относительно преподаванія;

Наконецъ, краткій отчетъ о положеніи и ходѣ нашихъ Военно-Учебныхъ Заведеній въ нынѣшнее славное Парствование, которому единственно онѣ обязаны теперешнимъ своимъ состояніемъ.

Изъ этого послѣдняго документа Вы узнаете не только исторію нашихъ Кадетскихъ Корпусовъ, но, что гораздо важнѣе, увидите и всѣ подробности ихъ внутренней организаціи, во всѣхъ отношеніяхъ.

Я буду себя считать душевно Вамъ обязаннымъ, если Вы, разсмотрѣвъ всѣ эти данныя, въ особенности же Наставленіе, Приказы о 3-мъ спеціальному классу и Отчетъ, примите на себя трудъ, безъ церемоніи, сообщить мнѣ о Вашихъ при этомъ чтеніи впечатлѣніяхъ, съ тѣмъ же прямымъ, смѣю сказать, дружескимъ военнымъ чувствомъ, съ которымъ я теперь сообщаю Вамъ, что думаю я.

И, всегда, съ глубокою благодарностію принимаю замѣчанія людей просвѣщенныхъ и добронамѣренныхъ и мнѣнія ихъ цѣню всегда высоко.

Какъ былъ бы я счастливъ, если бъ и Вы извлекли, можетъ быть, для Вашей благородной арміи, намъ родной, хоть одну каплю меду изъ нашей недавно сколоченной бочки.

Въ настоящую эпоху Богъ велитъ Австріи и Россіи идти локоть къ локтю.

Примите, любезный Генералъ, искреннее увѣреніе въ моемъ глубокомъ къ Вамъ уваженіи и душевной преданности.

(Подлинное подписалъ) *И. Ростовцовъ.*

14-го февраля 1853 г.

С.-Петербургъ.

Сообщилъ М. М.

Кавалеры ордена Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія за 140 лѣтъ (1769—1909 гг.).

26-го ноября 1769 года Императрица Екатерина II установила специально военный орденъ въ память Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія. Цѣль учрежденія этого ордена была выражена въ статутѣ слѣдующими словами: «какъ россійскія имперіи слава нашпаче распространилась и возвысилась вѣрностію и храбростію и благоразумнымъ поведеніемъ воинскаго чина, то изъ особенной Нашей Императорской милости къ служащимъ въ войскахъ нашихъ, въ отмѣту и награжденіе имъ за оказанную отъ нихъ во многихъ случаяхъ Намъ и предкамъ Нашимъ ревность и службу, также и для поощренія ихъ въ военномъ искусствѣ, восхотѣли Мы учредить новый, военный орденъ и снабдить оный всѣми тѣми преимуществами, кои поспѣшествовать будутъ сему Нашему предпріятію».

Вновь учрежденный орденъ имѣлъ четыре степени и предназначался исключительно для награжденія генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, которые, «во время военныхъ дѣйствій отличили себя особливимъ мужественнымъ поступкомъ» или прослужили въ полевой службѣ 25 лѣтъ со времени производства въ первый офицерскій чинъ. Въ морской службѣ—за 18 кампаній, совершенныхъ въ офицерскомъ званіи.

Съ первыхъ же дней своего существованія орденъ Святого Георгія завоевалъ въ русской арміи особое почетное мѣсто, которое сохраняется за нимъ и до настоящаго времени. Смѣло можно сказать, что память о Георгіевскихъ кавалерахъ свято чтится въ нашей славной арміи, и имена ихъ запечатлѣны навсегда на боевыхъ страницахъ многихъ полковыхъ исторій. Но къ сожалѣнію въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ имена Георгіевскихъ кавалеровъ и доблестные подвиги ихъ съ теченіемъ времени исчезли изъ памяти. Причиной

этого забвенія является, въ большинствѣ случаевъ, неимѣніе свѣдѣній о Георгіевскихъ кавалерахъ.

Въ 1869 году была издана книга въ память столѣтняго юбилея ордена Св. Георгія; въ этой книгѣ между прочимъ былъ помѣщенъ списокъ всѣхъ кавалеровъ со дня основанія ордена. Но списокъ этотъ, служа постояннымъ подспорьемъ при военно-историческихъ работахъ, имѣлъ громадный недостатокъ,— въ немъ были помѣщены только имена и фамиліи Георгіевскихъ кавалеровъ, безъ обозначенія части войскъ ¹⁾.

Возстановленіе въ этомъ спискѣ наименованій полковъ представляетъ для всѣхъ занимающихся собираніемъ матеріаловъ по военной исторіи, а въ особенности по исторіи полковъ, крайне неблагодарный и тяжелый трудъ. Высочайшіе приказы о движеніи офицерскаго состава нашей арміи появились только съ 1796 года; до этого времени всѣ перемѣщенія и производства штабъ и оберъ-офицеровъ дѣлались опредѣленіями военной коллегіи или же распоряженіями начальниковъ дивизіи. Разобраться въ этомъ матеріалѣ, не всегда даже сохранившемся въ нашихъ архивахъ, представляетъ весьма трудную работу, требующую продолжительнаго времени.

Прилагаемый при семъ списокъ кавалеровъ ордена Св. Георгія за 140 лѣтъ, составленный съ указаніемъ частей войскъ и съ краткимъ описаніемъ подвиговъ, облегчитъ эту работу и дастъ возможность многимъ полкамъ воскресить имена своихъ доблестныхъ героев. Въ спискѣ, кромѣ того, приведены еще, по мѣрѣ находенія, и свѣдѣнія о времени смерти Георгіевскихъ кавалеровъ.

Кавалеры ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія ²⁾.

1-я степень.

1. *Румянцевъ-Задунайскій*, графъ Петръ Александровичъ. Генераль-Аншефъ главнокомандующій арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ въ 1770—1774 гг.—27 іюля 1770 года, «Въ турецкую войну, предводительствуя первою арміей и за одержанную надъ непріателемъ 21 іюля 1770 года подъ Кагуломъ знаменитую побѣду».

Умеръ 8-го декабря 1796 г.

2. *Орловъ-Чесменскій*, графъ Алексѣй Григорьевичъ, генераль-Аншефъ, начальникъ флота, посланнаго въ 1770 году противъ Тур-

¹⁾ В. С. Степановъ и Н. Н. Григоровичъ. Въ память столѣтняго юбилея Императорскаго военнаго ордена Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія (1769—1869 г.) С.-Петербургъ 1869 г.

²⁾ Архивъ капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ. Вѣчный списокъ кавалерамъ военнаго ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія.

щи, — 22 сентября 1770 года. — «За храброе и разумное предводительство флотомъ и одержаніе знаменитой при берегахъ Ассійскихъ надъ турецкимъ флотомъ побѣды и совсѣмъ оной истребившій».

Умеръ 27-го февраля 1809 г.

3. *Панинъ*, графъ Петръ Ивановичъ, генераль-аншефъ, главнокомандующій арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ въ Крыму — 8-го октября 1770 года. — «За мужественное и благоразумное предводительство въ вѣрненной ему въ турецкую войну арміей противу столь отчаянно и съ великою силою непріателемъ защищаемой крѣпости Бендеръ и покореніе оной съ ея замкомъ».

Умеръ 15 апрѣля 1789 года въ Москвѣ.

3. *Долгоруковъ-Крымскій*, князь Василій Михайловичъ, генераль-аншефъ, главнокомандующій арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ въ Крыму — 18 іюля 1771 года. «Въ турецкую войну предводительствуя второю арміей и за одержанныя имъ при взятіи Перекопа и Кефы 1771 года іюня 14 и 29 числа знаменитыя побѣды».

Умеръ 4-го февраля 1782 г.

5. *Потемкинъ-Таврическій*, князь Григорій Александровичъ, генераль-фельдмаршалъ, главнокомандующій арміей и флотомъ, дѣйствовавшими противъ турокъ — 16 декабря 1788 года. «Въ воздаяніе усердія къ отечеству, искусства и отличнаго мужества, съ которыми предводительствуя арміею Екатеринославскою и флотомъ на Черномъ морѣ и одержавъ важныя надъ непріателемъ Россіи и всего христіанства поверхности, предуслѣлъ покорить оружію городъ и крѣпость Очаковъ».

Умеръ 5 октября 1791 года. Шефъ Кирасярскаго своего имени полка (нынѣ 4 Драгунскаго Новотроицко-Екатеринославскаго генераль-фельдмаршала кн. Потемкина-Таврическаго полка).

6. *Суворовъ-Рымникскій*, графъ Александръ Васильевичъ, генераль-аншефъ, начальникъ дивизіи — 18 октября 1789 года. «Во всемиловѣйшемъ уваженіи на особенное усердіе, которымъ долговременная его служба была сопровождаема, радѣніе и точность въ исполненіи предложеній главнаго начальства, неутомимость въ трудахъ, предприимчивость, превосходное искусство и отличное мужество во всякомъ случаѣ, наипаче же при атакѣ многочисленныхъ турецкихъ силъ, верховнымъ визиремъ предводимыхъ въ 11 день сентября на рѣкѣ Рымникѣ оказанное, гдѣ онъ съ войсками Россійскими и съ корпусомъ союзника Россіи, Его Величества Императора Римскаго подъ командою принца Саксенъ-Кобургскаго находящимся, совершенную надъ непріателемъ одержалъ побѣду».

Умеръ 6-го мая 1800 года.

7. *Чичаговъ* Василій Яковлевичъ, адмиралъ главнокомандующій Балтійскимъ флотомъ, дѣйствовавшимъ противъ Швеціи — 26-го іюля

1790 года. «Во всемилостивѣйшемъ уваженіи на отличныя заслуги его, когда онъ предводительствуя морскими силами въ Балтійскомъ морѣ, послѣ пораженія непріятели при Ревелѣ, держалъ въ блокадѣ корабельный и галерный флоты въ Выборгскомъ заливѣ, напослѣдокъ 22-го іюня одержалъ надъ ними знаменитую побѣду съ истребленіемъ и плѣненіемъ многихъ непріятельскихъ кораблей, фрегатовъ и другихъ судовъ».

Умеръ 4-го апрѣля 1809 года. Адмиралъ. Единственный во флотѣ кавалеръ ордена св. Георгія 1-й степени.

8. *Репнинъ*, князь Николай Васильевичъ, генераль-аншефъ, командующій арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ. Подполковникъ л.-гв. Измайловскаго полка—15-го іюля 1791 года. «Во уваженіе особливаго усердія, которымъ долговременная его служба была сопровождается, радѣнія и точности въ исполненіи предположеній главнаго начальства, искусства и отличнаго мужества въ разныхъ случаяхъ оказаннаго и особливо при атакѣ съ войсками подъ его командою находящимися арміи турецкой подъ предводительствомъ верховнаго визиря Юсуфъ-паши за Дунаемъ при Мачинѣ въ 28-й день іюня, одержавъ надъ нею совершенную побѣду».

Умеръ въ 1801 году.

9. *Голенищевъ-Кутузовъ*, князь Смоленскій, Михаилъ Илларионовичъ, генераль-фельдмаршалъ. Главнокомандующій всѣми арміями и ополченіемъ, дѣйствовавшими противъ французовъ—12-го декабря 1812 года—за пораженіе и изгнаніе непріятели изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году.

Умеръ 16-го апрѣля 1813 года въ Бунцлау.

10. *Барклай-де-Толли*, Графъ Михаилъ Богдановичъ, генераль-отъ-инфантеріи, главнокомандующій русско-прусской главной арміей, дѣйствовавшей противъ французовъ—19-го августа 1813 года—за пораженіе французовъ въ сраженіи при Кульмѣ 18-го августа 1813 г.

Умеръ 14-го мая 1818 года.

11. *Карлъ, Иоаннъ*, Наслѣдный принцъ шведскій, главнокомандующій сѣверной арміей—30-го августа 1813 года—за пораженіе французовъ въ сраженіи при Денневицѣ 25-го августа 1813 года.

Умеръ 8-го марта 1844 года.

12. *Блюхеръ* князь Вальштатскій, Гебгардтъ-Альбертъ, фельдмаршалъ прусской службы. Главнокомандующій Силезской арміей—8-го октября 1813 года—«за трехъ дневный бой подъ Лейпцигомъ 4-го, 6-го и 7-го октября 1813 года».

Умеръ 1-го сентября 1819 года въ Силезіи.

13. *Шварценбергъ*, князь Карлъ-Филиппъ, герцогъ Круммау генераль-фельдмаршалъ австрійской службы. Главнокомандующій союзными войсками, дѣйствовавшими противъ французовъ—8-го октября

1813 года—за поражение Наполеона въ трехъ дневномъ бою подъ Лейпцигомъ 4-го, 6-го и 7-го октября 1813 года.

Умеръ въ 1820 году.

14. *Веллингтонъ*, герцогъ Артуръ Веллеслей. Генераль-фельдмаршалъ. Главнокомандующій великобританской арміей—28-го апрѣля 1814 года—за успѣшныя дѣйствія противъ французовъ въ войну 1814 года.

Умеръ 14-го сентября 1852 года.

15. *Беннсенъ*, графъ Леонтій Леонтьевичъ, генераль-отъ-кавалеріи. Главнокомандующій польской (резервной) арміей,—22-го іюня 1814 года—за успѣшныя дѣйствія противъ французовъ въ войну 1814 года.

Умеръ 2-го октября 1826 года.

16. *Людвигъ-Антонъ*, герцогъ Ангулемскій, главнокомандующій французской арміей, 22-го ноября 1823 года,—за успѣшное окончаніе войны съ Испаніей.

Умеръ 3-го іюля 1844 года.

17. *Паскевичъ-Эриванскій*, графъ Иванъ Федоровичъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, главнокомандующій кавказской арміей—27-го іюля 1829 года—за взятіе Эрзерума, поражение турокъ при с. Каинлы и Милли-Дюзе и успѣшное окончаніе войны.

Умеръ 20-го января 1856 года. Шефъ пѣхотнаго и егерскаго своего имени полковъ (нынѣ 36-й пѣхотный Орловскій генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго и 84-й пѣхотный Ширванскій Его Величества полки).

18. *Дибичъ-Забалканскій*, графъ Иванъ Ивановичъ генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, главнокомандующій дѣйствующей арміей,—12-го сентября 1829 года,—за успѣшное окончаніе войны съ Турціей въ 1829 году.

Умеръ 29-го мая 1831 года. Шефъ пѣхотнаго своего имени полка (нынѣ 29-й пѣхотный Черниговскій генераль-фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго полкъ). ☞

19. *Радецкий*, графъ Іосифъ, генераль фельдмаршалъ австрійскихъ войскъ, главнокомандующій войсками расположенными въ Италіи—7-го августа 1848 г.—за взятіе города Милана 6-го августа 1848 года.

Умеръ 24-го декабря 1857 года. Шефъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка (нынѣ 7-й гусарскій Бѣлорусскій Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ).

20. *Вильгельмъ I*, король прусскій—26-го ноября 1869 года—Высочайше пожалованъ въ столѣтній юбилей ордена св. Георгія, какъ имѣвшій орденъ св. Георгія 4-й степени за отличіе, выказанное въ войну 1814 года.

Умеръ 9-го марта 1888 года.

21. *Альбертъ*, эрцъ-герцогъ Австрійскій—20-го іюня 1870 года за войну противъ французовъ 1870 года.

Умеръ 7-го февраля 1895 года.—Шефъ 5-го уланскаго Литовскаго (нынѣ 5 уланскій Литовскій короля Виктора Эмануила III полкъ).

22. *Михаилъ Николаевичъ*, Великій Князь, генераль-адъютантъ, Главнокомандующій кавказской арміей—9-го октября 1877 года—«за разбитіе наголову кавказскими войсками подъ личнымъ предводительствомъ Его Высочества арміи Мухтара-паши, въ кровопролитномъ бою 3-го октября 1877 года на Аладжинскихъ высотахъ и принужденіе большей части оной сложить оружіе».

23. *Николай Николаевичъ*, Великій Князь, генераль-адъютантъ, Главнокомандующій Дунайской арміей—29-го ноября 1877 года—«за овладѣніе 28-го ноября 1877 года твердынями Плевны и плѣненіе арміи Османа паши, упорно сопротивлявшейся въ теченіи пяти мѣсяцевъ доблестнымъ усиліямъ находившихся подъ предводительствомъ Его Высочества войскъ».

Умеръ 13-го апрѣля 1891 года.

В. Судрабскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

По поводу отзыва о трудѣ „Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій Русской арміи и флота. Томъ I, 1695—1800 гг.“

Въ январской книжкѣ «Военнаго Сборника»¹⁾ А. Т. Борисевичъ далъ отзывъ о нашемъ трудѣ «Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота; томъ I; 1695—1800 гг.». Этотъ отзывъ можно скорѣе назвать изслѣдованіемъ, настолько серьезно и обстоятельно онъ сдѣланъ. Если я позволяю себѣ сказать А. Т. отъ имени составителей нѣсколько словъ, то вовсе не съ цѣлью возраженій, а лишь какъ объясненіе и отвѣтъ на указанія и пожеланія.

Задача, принятая нами не легкая, и мы ясно сознавали всю трудность ея, тѣмъ болѣе, что кромѣ классическаго труда Д. А. Милютина «Исторія войны 1799 г.» и чрезвычайно подробнаго описанія войны Россіи съ Турціей въ 1736—1739 гг. А. К. Баіова, нѣтъ другихъ сочиненій, котора дали полную картину дѣйствій во время той или другой войны; казалось бы, что бібліотеки Главнаго Штаба и Николаевской академіи Генеральнаго штаба могли быть полезны, но каталоги обѣихъ устарѣли, и первая изъ нихъ еще не приведена въ окончательный порядокъ послѣ пожара; бібліографическихъ указателей нѣтъ, и, такимъ образомъ, составленіе нашей хронологіи осложнялось невозможностью имѣть свѣдѣнія о всѣхъ полезныхъ пособіяхъ; отъ этого зависѣла подробность работы, что и вызвало несомнѣнное заключеніе А. Т., что не было общей редакціи, и составители разнo истолковывали понятіе «военныя дѣйствія». Къ этому надо добавить, что «отсутствіе общей редакціи»—удѣлъ всѣхъ коллективныхъ работъ, чего не избѣгли такіе корифеи военной науки»,

¹⁾ Болѣе краткій отзывъ былъ помѣщенъ въ Литературномъ приложеніи № 1 къ «Русскому Ивланду» отъ 4 января.

какъ Лееръ, Дубровинъ, Куропаткинъ, Гудимъ-Левковичъ, Сухотинъ и Пузыревскій въ своемъ обзорѣ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней.

Цѣль наша была составить не *изслѣдованіе*, а *хронологическій указатель* на основаніи *известныхъ* по каждой войнѣ сочиненій, дополнивъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, особенно когда являлась возможность выяснитъ участіе въ дѣлахъ воинскихъ частей; использовать же всю литературу по каждой войнѣ, во первыхъ, задача изслѣдователя, а, во вторыхъ, трудъ, по объему своему, невозможный, что и есть главная причина пропусковъ, относящихся къ нѣкоторымъ военнымъ дѣйствіямъ; другую причину указалъ А. Т.: «конфузные для исторіи забвенія этихъ годовъ». Отвѣчу теперь по пунктамъ же на пожеланія въ цѣляхъ будущаго улучшенія указателя.

1) Гдѣ возможно былъ и будетъ указанъ въ началѣ кампаній составъ дѣйствующей арміи; вѣдь случается, что части прибываютъ на театръ по открытіи военныхъ дѣйствій, и тогда логичнѣе внести ихъ появленіе на войнѣ въ соответствующую дату.

2) Указывать имена раненыхъ, если даже исторія ихъ не умалчиваетъ, невозможно, особенно за войны новѣйшія, слишкомъ для этого велики арміи и число выбывающихъ изъ строя.

3) Пожалованіе за сраженіе войскамъ особаго отличія — несомнѣнно пропускъ.

4) Приложить схемы, дабы сдѣлать указатель зрячимъ, была и у насъ идея, но пока, за отсутствіемъ средствъ, исполненіе ея болѣе чѣмъ затруднительно.

5) Названія пособій, послужившихъ для составленія указателя, ясно говорятъ, для хронологіи какой войны они послужили матеріаломъ; поэтому отмѣчать въ началѣ войны пособія, это равносильно общему списку, а при подтвержденіи событій ссылками, таковыхъ получится больше чѣмъ текста, почему эта мысль, въ принципѣ исполнѣ справедливая, нами была оставлена.

6) Предисловіе по образцу П. О. Бобровскаго и А. К. Баіова намъ не по силамъ.

7) Даты заимствованы изъ печатныхъ источниковъ, и сомнительность нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть выяснена изслѣдователемъ, къ каковымъ мы не принадлежимъ.

8) Указатель датъ, о которыхъ свѣдѣній не имѣется, можетъ быть приложенъ въ концѣ всего изданія; тогда же можно выполнить и пожеланія А. Т. относительно п. 9 — приложения справки, подъ какими наименованіями слѣдуетъ искать современный полкъ и п. 12 дневникъ военныхъ событій (чему далъ прекрасный образецъ историкъ флота А. Кратковъ).

9) Отмѣтка въ правомъ верхнемъ углу каждой печатной страницы жирнымъ шрифтомъ соотвѣтствующаго года не всегда облегчитъ наведеніе справокъ, такъ какъ одновременно происходили иногда военныя дѣйствія на разныхъ театрахъ, какъ напримѣръ въ 1808—1809 гг.: съ кавказскими горами, съ турками, со шведами; въ подобныхъ случаяхъ, каковыхъ не мало въ жизни русской арміи, врядь ли можно ожидать пользы отъ рекомендуемой отмѣтки.

Исполняя совѣтъ уважаемаго рецензента, раскрываемъ инкогнито редакціи Хронологическаго указателя: М. Д. Поливановъ, А. И. Григоровичъ, Н. Н. Аврамовъ.

М. П.

Обзоръ иностранныхъ журналовъ.

Въ нѣмецкой и французской прессѣ за послѣдній мѣсяць огромное вниманіе было удѣлено вопросу о сравнительныхъ качествахъ орудій французскихъ и нѣмецкихъ заводовъ. Однако, полемика эта зиждится на такихъ сложныхъ основаніяхъ, въ нее замѣшивается столько постороннихъ вліяній, она даетъ такую характеристику и не только пушекъ, но и французской и нѣмецкой прессы, что я постараюсь дать ей освѣщеніе въ особой статьѣ.

Въ «*Militär-Wochenblatt*» (№ 6) небольшая статья посвящена вопросу, какова должна быть тактика сторожевого охраненія на походѣ и при расположеніи на мѣстѣ при встрѣчѣ съ бронированнымъ автомобилемъ. Таковыя имѣются во многихъ европейскихъ арміяхъ; недавно Турція получила 5 такихъ автомобилей. Бронированный автомобиль, съ сильнымъ моторомъ, вооруженный пулеметомъ или скорострѣльной пушкой малаго калибра, иногда будетъ примѣняться для развѣдки, и частямъ сторожевого охраненія надо считаться съ возможностью появленія такого развѣдчика со стороны непріятели. При своей огромной скорости, автомобиль часто успѣетъ появиться раньше, чѣмъ донесеніе о немъ, и причинитъ большія хлопоты передовой кавалеріи, или даже головной ротѣ. Авторъ рекомендуетъ слѣдующія мѣры: дозоры условными сигналами должны предупредить о появленіи автомобиля головной эскадронъ, которому едва хватитъ времени очистить дорогу и скрыться гдѣ нибудь по близости отъ пулеметнаго огня. Какъ только автомобиль пронесется, нужно сейчасъ же загородить подручными средствами дорогу, чтобы отрѣзать ему по возможности путь отступленія. Въ головѣ походной колонны пѣхоты, а можетъ быть и кавалеріи, надо держать одно полевое орудіе для быстрого открытія артилерійскаго огня. Во всякомъ случаѣ желательна наличность въ головѣ колонны патронныхъ двуколокъ, чтобы] быстро за-

городить автомобилю дорогу. Лучше всего, конечно, имѣть самимъ бронированный автомобиль, что дастъ возможность устанавливать соприкосновеніе съ непріятельской пѣхотой. При расположеніи охраненія на мѣстѣ указывается на значеніе требованія полевого устава барикадировать дороги. Чтобы обезпечить заставу отъ неожиданнаго появленія непріятнаго гостя, барикада должна быть устроена нѣсколько впереди и наблюдаться постомъ.

Въ статьѣ «тактическое употребленіе прожектора» Militar-Wochenblatt даетъ ясное освѣщеніе этому вопросу по австрійскимъ источникамъ. Новые образцы прожекторовъ въ Австріи устанавливаются на автомобиляхъ, что значительно увеличиваетъ ихъ подвижность и даетъ возможность широко пользоваться ихъ услугами не только въ крѣпостной и вообще позиціонной, но и въ полевой войнѣ. Современные прожекторы не боятся попаданій ружейныхъ и шрапнельныхъ пуль; помощью электрическаго привода они могутъ управляться наблюдателемъ, который располагается въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ въ сторонѣ.—Прожекторъ можетъ принести значительную пользу, но лишь при условіи, что электро-освѣтительная команда получила не только техническое, но и тактическое обученіе, и если войска умѣютъ пользоваться его услугами. При отсутствіи тактическаго умѣнія прожекторъ можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы. Мнѣ что то не приходилось слышать о производствѣ у насъ давленія тактикой на эту отрасль техники... Совершенно незачѣмъ заводить въ такомъ случаѣ и прожекторы.

Въ Австрійской арміи эта отрасль техники получила весьма большое развитіе.—Изъ встрѣчающихся въ статьѣ указаній отмѣчу возможность мѣшать непріятельскимъ наблюденіямъ съ воздушнаго шара, наводя на корзину шара свѣтовой лучъ прожектора и ослѣпляя такимъ образомъ наблюдателя. Быть можетъ, когда нибудь борьба съ воздушными шарами будетъ вестись посредствомъ тепловаго луча, наводимаго посредствомъ большого зажигательнаго стекла... Предоставлю сію мысль въ распоряженіе изобрѣтателей.

Фавральскій номеръ «Streffleurs Militärische Zeitschrift» посвященъ по преимуществу вооруженнымъ силамъ Сербіи и Черногоріи. Кромѣ обстоятельныхъ очерковъ организаціи армій указанныхъ государствъ, журналъ перепечатываетъ интересный очеркъ тактики и стратегіи черногорцевъ, написанный 11 лѣтъ тому назадъ. Ознакомленію съ войсками своихъ недружелюбно настроенныхъ сосѣдей австрійцы придають большое значеніе.

Трудность операций въ Черногоріи вытекаетъ изъ бѣдности страны—даже воды во многихъ мѣстахъ очень мало, бездорожья, труднодоступности и суроваго климата. Вступленіе непріятельскихъ войскъ не лугаетъ черногорцевъ—они бѣдны, терять имъ почти нечего, скотъ они угоняютъ въ горы, а дома цѣнности не представляютъ.

Къ наступательнымъ операциямъ черногорская армія мало способна. Походы черногорцевъ во время борьбы ихъ съ турками представляли подобіе какого то переселенія народовъ. Выступали построившись рядами, но затѣмъ все разсыпалось на кучки. Кто хочетъ идти, кто хочетъ отдыхаетъ. Укого есть лошадь, тотъ ѣдетъ верхомъ, или навьючиваетъ на нее свои пожитки. Въ такомъ же безпорядкѣ располагаются и на ночлегъ, причемъ каждый батальонъ устраивается по своему усмотрѣнію. Лагерь представляетъ зрѣлище весьма пестрое. На походѣ армія въ 20,000 растягивается на 40 верстъ въ глубину. Переходы вслѣдствіе отсутствія организаціи дѣлаются небольшие, всего 10—12 верстъ. Впрочемъ черногорцы ходитъ умѣютъ и по нуждѣ совершаютъ отступательные марши по 60 верстъ.

Тактика черногорцевъ сводится къ тому, чтобы заставить непріятеля себя атаковать. Бой они предпочитаютъ начинать съ обороны на хорошей позиціи. Мѣстностью они умѣютъ пользоваться прекрасно; тактическая выучка регулярныхъ войскъ въ этомъ отношеніи стоитъ много ниже природнаго инстинкта горцевъ. Типичный, исторически сложившійся методъ боя черногорцевъ заключается въ томъ, чтобы поднудить противника на дистанцію дѣйствительнаго выстрѣла, открыть дружный огонь, развертывая одновременно всѣ силы, утомить и истощить непріятеля, замотать его, заставляя произвести нѣсколько атакъ на быстро очищаемые уступы горъ, и затѣмъ ринуться впередъ и завязать рѣшительную схватку на короткѣ.

При оборонѣ они задерживаютъ высланные на высоты войска противника и ждутъ, пока истощеніе и жажда не сгонятъ противника въ долины, гдѣ они его окружаютъ и заставляютъ съ большимъ трудомъ пробивать дорогу назадъ.

Выводъ: для серьезнаго наступленія черногорское войско не устроено, но оно представляетъ серьезную оборонительную силу. Нельзя рассчитывать подчинить своей волѣ черногорцевъ посредствомъ короткой экспедиціи—военной прогулки; нужно занять гарнизоны на долгое время всѣ важнѣйшія точки,—а для этого нужны большія силы, причемъ встрѣтятся чрезвычайныя трудности въ подвозѣ всего имъ необходимаго.

Значительный интересъ представляютъ впечатлѣнія пѣхотнаго полковника, вынесенныя имъ изъ інформаціоннаго курса на артиллерійскомъ полигонѣ въ 1908 году, помѣщенныя въ томъ же жур-

налѣ. Исключительное вниманіе онѣ сосредоточиваетъ на австрійской полевой пушкѣ образца 1905 года, которая бьетъ съ дистанціонной установкой на 6 верстъ, а на ударѣ—почти на 7.

Руководители-артилеристы ясно обнаружили предпочтеніе къ закрытымъ позиціямъ, но не убѣдили въ этомъ офицеровъ другихъ родовъ оружія. Авторъ считаетъ нужнымъ предварительно рѣшить еще многіе вопросы путемъ опыта стрѣльбы по батареямъ на полу-закрытыхъ и закрытыхъ позиціяхъ; закрытыя позиціи онѣ считаетъ примѣнимыми лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда у артилеристовъ имѣется много времени. Такъ же какъ и въ бояхъ прошедшаго времени, артилерія и теперь будетъ вначалѣ открывать огонь на большую дистанцію, но затѣмъ принуждена будетъ переѣзжать во время самаго боя на вторую позицію, избранную на среднихъ дистанціяхъ, если только захочетъ играть сколько нибудь активную роль.

На полигонныхъ опытахъ для пристрѣлки по полуротѣ въ сомкнутой колоннѣ на удаленіи 5 верстъ требовалось всего 1 минута, послѣ чего рота поражалась дѣйствительнымъ огнемъ. Это могущество артилеріи привело всѣхъ присутствовавшихъ пѣхотныхъ офицеровъ къ выводу, что теперь болѣе, чѣмъ когда либо, пѣхота нуждается въ дивизионной кавалеріи, которая должна нести не только службу развѣдыванія, но и службу охраненія на широкомъ фронтѣ на удаленіи до 8 верстъ передъ фронтомъ колоннъ, чтобы своевременно предупредить наши войска, и дать намъ, а не непріятелю, возможность использовать выгоды внезапнаго открытія огня.

Врагъ для пѣхоты нынѣ становится опаснѣе съ болѣе далекой дистанціи; теперь нужна поэтому сильная дивизионная конница; для обезпеченія ея связи съ пѣхотой нужно уже въ мирное время включить конницу въ организацію пѣхотной дивизіи.

Ввиду важности завязки боя на большихъ дистанціяхъ, нужно практиковаться въ этомъ уже въ мирное время. Такъ какъ на маневрахъ стороны разводятся въ общемъ на разстояніе около 15 верстъ, то, имѣя въ виду желаніе получить донесенія о противникѣ, когда онѣ еще не ближе 6 верстъ, нужно начинать развѣдку дивизионной конницей за полтора часа до выступленія пѣхоты.

Пѣхотѣ придется развертываться на удаленіи въ 6—7 верстъ отъ непріятельскаго расположенія; при прохожденіи этой полосы для укрытія отъ непріятельскаго огня лучшее средство — широкое пользованіе подступами, представляемыми мѣстностью. Примѣняясь къ складкамъ мѣстности, пѣхота двигается въ среднемъ со скоростью одной версты въ 20—30 минутъ; итого пѣхота часто будетъ находиться 2—3 часа въ полосѣ непріятельскаго артилерійскаго огня, прежде чѣмъ сама откроетъ огонь.

«Извѣстія австрійской стрѣлковой школы» на этотъ разъ описываютъ довольно простую стрѣльбу взвода пулеметовъ. Особое вниманіе было обращено на незамѣтное занятіе позиціи и подготовку къ открытію огня. Измѣненіе разстояній дальномѣромъ потребовало— до 1 пункта 1 минуту, до другого—2 минуты; ошибка около 5%. На основаніи измѣненія дальномѣромъ разстоянія до другихъ пунктовъ оцѣнивались на глазъ, причемъ ошибки достигали 12% (900 шаговъ вмѣсто 800). Взводъ въ теченіе 1 минуты 50 секундъ обстрѣлялъ 2 цѣпи—12 движущихся фигуръ, и цѣпь въ 50 лежащихъ фигуръ, изъ нихъ 38 укрытыхъ. Первую цѣпь на 1,400—1,300 шаговъ взводъ обстрѣливалъ 40 секундъ, затѣмъ 20 секундъ перерывъ; вторую цѣпь взводъ обстрѣливалъ 50 секундъ на дистанцію 850 шаг.

Результаты: выпущено 800 выстрѣловъ, попаданій 11%; фигуръ поражено 77%.

Спокойная, доброжелательная критика этого простого упражненія представляетъ значительный интересъ по тому вниманію, которое удѣляется каждой подробности стрѣльбы. При оцѣнкѣ стрѣльбы все время имѣется въ виду поставленная взводу тактическая задача. Руководитель считаетъ, что командиръ взвода поступилъ правильно, укрывъ при стрѣльбѣ на 1,400 шаговъ свои пулеметы между камнями, и не прибѣгнувъ къ помощи щитовъ. Но при борьбѣ съ непріятельской цѣпью нужно было пожертвовать маскировкой и установить щиты для укрытія прислуги.

Въ февральскомъ номерѣ «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine» помѣщено начало статьи генераль-лейтенанта графа фонъ Гаслингена о подготовкѣ войскъ къ войнѣ. Пока говорится только о подготовкѣ офицеровъ, причемъ иногда у автора вырываются окрашенные песимизмомъ мысли. Уставъ, говоритъ онъ, предписываетъ намъ изучать тактику другихъ родовъ оружія и тактику другихъ армій. Кто можетъ сказать, положивъ руку на сердце, что онъ отвѣчаетъ этимъ требованіямъ? Новые уставы имѣютъ ввиду дѣйствія въ связи съ другими родами оружія, и все же знакомствомъ съ другими родами оружія нельзя особенно хвастаться. А можно ли толково готовить войска къ предстоящей имъ боевой работѣ, не зная послѣдняго слова тактики другихъ родовъ оружія? А какъ мало обращаютъ вниманія германскіе офицеры на изученіе другихъ армій? Кое что они знаютъ объ обмундированіи и вооруженіи, но о тактикѣ—меньше всего. Какъ рѣдко въ полкахъ обращаютъ на это вниманіе; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ стремятся использовать опытъ чужихъ армій. Мы (германцы) живемъ въ этомъ отношеніи какъ бы въ сумеркахъ. Изученіе иностранныхъ армій мы предоставляемъ имѣющимъ къ этому призваніе, а сами исключаемъ себя изъ ихъ числа.

Высоко цѣнить себя—это прекрасно, но нужно же составить вѣрное сужденіе и о противникѣ. Правда, уже много лѣтъ у насъ печатаются свѣдущими людьми обстоятельныя статьи о чужеземныхъ арміяхъ и ихъ осеннихъ маневрахъ. Но, къ сожалѣнію, этихъ статей не читаютъ... Современная жизнь складывается такъ, что на все, что не представляетъ жгучаго интереса минуты, обращается очень мало вниманія. И читатель въ эту рубрику незлободневныхъ вопросовъ причисляетъ даже и маневры нашихъ сосѣдей! Основное зло заключается въ томъ, что мы за всѣмъ гоняемся, ничего не усваиваемъ основательно, и перескакиваемъ на другое. Мы не имѣемъ времени остановиться на чемъ либо, что не касается насъ непосредственно.

Не нравится автору и постановка зимнихъ работъ офицеровъ. Офицеръ долженъ разобрать опредѣленный вопросъ и высказать свое сужденіе,—преслѣдуется благая цѣль—приучить къ научному мышленію. На самомъ дѣлѣ у всѣхъ такъ много работы, что эти работы даются только самымъ молодымъ офицерамъ, только что покинувшимъ школьную скамью. Въ прочихъ отдѣлахъ офицерскаго образованія письменностью увлекаются въ ущербъ сущности.

Въ томъ же журналѣ въ статьѣ «О употребленіи полевой артиллеріи по опыту вѣвропейскихъ войнъ» майоръ Зегеръ напоминаетъ, какъ трудно научиться чему-нибудь изъ чужого опыта. Фридрихъ Великій въ своей исторіи семилѣтней войны говоритъ: особенность человѣческой природы заключается въ томъ, что примѣры никого не научаютъ; потомки не вспоминаютъ промаховъ предковъ—каждое поколѣніе хочетъ дѣлать ошибки самостоятельно. Альвенслебенъ, образованнѣйшій корпусный командиръ, черезъ 2 дня послѣ сраженія подъ Марсъ-ла-Туромъ говоритъ: «нельзя наступать подъ огнемъ Шаспо такъ, какъ мы наступаемъ на учебныхъ плацахъ. Бой ясно показалъ, что надо пользоваться складками мѣстности; нужно дать время на артилерійскую подготовку». Неужели онъ не зналъ этого раньше, до своего тяжелаго опыта? Неужели не знакомъ былъ съ дѣйствіемъ современнаго огня Киченеръ, выдающійся боевой англійскій генералъ, когда онъ послѣ неудачной атаки 18-го февраля 1900 года у Паадерберга, приведшей къ тяжелымъ потерямъ, сказалъ: «если бы я зналъ вчера то, что знаю сегодня, я не атаковалъ бы буровъ въ долину рѣки». Почему два такихъ выдающихся генерала говорятъ о простыхъ и извѣстныхъ явленіяхъ, какъ о какихъ-то необычайныхъ открытіяхъ? Отвѣтъ заключается въ томъ, что оба генерала имѣли ранѣе дѣло съ противниками, неважно вооруженными и плохо стрѣлявшими, и дѣйствіе хорошаго ружейнаго огня для нихъ дѣйствительно явилось чѣмъ-то неожиданнымъ. Эти примѣры,

заимствованные авторомъ у полковника Фрейтагъ-Лорингофена, я при-
вожу какъ аргументъ противъ распространеннаго въ Петербургѣ воз-
раженія на Маньчжурскій боевой опытъ: «старо, объ этомъ писали
за много лѣтъ до войны». Обожгитесь сами — и въ этомъ старомъ чув-
ствѣ обжога вы почувствуете для себя много новаго.

Въ январской книжкѣ «Revue militaire générale», редактируемой
генераломъ Ланглуа, помѣщено начало стратегическихъ этюдовъ под-
полковника Мордакь. Въ заслугу автору надо поставить стремленіе
очистить стратегию отъ весьма сомнительной терминологіи, отъ всѣхъ
тѣхъ стратегическихъ ключей, осей, линій пунктувъ; еще маршалъ
Мармонъ указалъ на вредъ, который приноситъ стратегіи это «тех-
ническое шарлатанство» — эта манія изобрѣтать и примѣнять выра-
женія, допускающія весьма различныя толкованія.

Стратегіей, какъ предметомъ преподаванія, занимаются кажется
только у насъ. На Западѣ въ высшихъ военныхъ школахъ признаютъ
даже слушателей-офицеровъ слишкомъ молодыми, недостаточно зрѣлыми
въ умственномъ отношеніи для изученія вопросовъ объ управленіи
такими огромными массами, которыя представляютъ современныя
арміи. На западѣ, принимая во вниманіе условія современной войны,
не даютъ стратегіи мѣста и въ академіяхъ; а у насъ еще недавно
авторитетно предлагали ввести преподаваніе стратегіи даже въ
курсъ юнкерскихъ училищъ. Впрочемъ, все зависитъ отъ того,
что подразумѣвать подъ словомъ «стратегія...» Во Франціи профес-
сора ограничиваются лишь изложеніемъ элементарной и прикладной
тактики; принципы стратегіи излагаются только попутно, при изу-
ченіи исторіи войнъ. Курсы, читаемые во французской академіи
(*école de guerre*), рассылаются въ войсковыя части, очевидно, для вы-
работки единства взглядовъ — и среди нихъ нѣтъ курса стратегіи.
Авторъ считаетъ необходимымъ созданіе для штабъ-офицеровъ осо-
баго курса стратегіи, преподаваніе на которомъ соотвѣтствовало
бы условіямъ современной войны.

Объ ускоренной атакѣ крѣпостей пишетъ П. Дефрасъ, основыва-
ясь на опытѣ осады Портъ-Артура. Какъ извѣстно, большой гер-
манскій генеральный штабъ склоняется къ выводу, что опытъ авгу-
стовскихъ штурмовъ Портъ-Артура, когда судьба крѣпости висѣла на
волоскѣ, говоритъ скорѣе въ пользу ускоренной атаки, чѣмъ противъ
нея. Противоположное мнѣніе энергично поддерживается извѣстнымъ
нѣмецкимъ специалистомъ по осадной войнѣ — Фробеніусомъ. Дефрасъ
полагаетъ, что ускоренная атака возможна и выгодна, если осаждаю-
щій располагаетъ достаточными средствами — современной артиле-
ріей, многочисленной пѣхотой, и прежде всего, хорошими путями

сообщенія; двуколейная желѣзная дорога большой пропускной способности можетъ быстро доставить современныя скорострѣльные орудія; большая часть осадныхъ орудій теперь уже стрѣляетъ безъ платформъ, и стрѣляетъ при томъ такъ быстро, что число орудій можетъ быть сильно сокращено. Такимъ образомъ, затрудненія при развертываніи осадной артилеріи теперь уменьшились; центръ тяжести перенесенъ на подвозъ снарядовъ.

Укрѣпленія Портъ-Артура были много хуже укрѣпленій европейскихъ крѣпостей; но и артилерія японцевъ по своему плохому качеству не можетъ быть совершенно сравниваема съ европейской осадной артилеріей. А какая европейская крѣпость будетъ располагать такимъ прекраснымъ гарнизономъ, какъ Портъ-Артуръ?

При хорошихъ путяхъ сообщенія ускоренная атака возможна, но надо быть готовымъ выпустить въ короткій періодъ времени столько же снарядовъ, какъ и за долгую осаду, и понести такія же потери въ людяхъ. То, что два корпуса сдѣлаютъ въ 4 мѣсяца, 4 корпуса выполнять въ 4—6 недѣль.

Въ статьѣ о примѣненіи кавалеріи для развѣдки въ эпоху Наполеона и теперь капитанъ Ромье отстаиваетъ французскую доктрину о необходимости стратегическаго авангарда; выдѣлять кавалерію, по его мнѣнію, это значитъ обезцѣнивать ее. Развѣдку Наполеонъ велъ солидно, отрядами изъ трехъ родовъ оружія, обращаясь поминутно къ силѣ; современныя (нѣмецкія) идеи о выдвинутыхъ далеко впередъ фронтомъ армій кавалерійскихъ дивизіяхъ, о работѣ небольшихъ офицерскихъ развѣздовъ въ соприкосновеніи съ противникомъ авторъ рисуетъ какъ попытку обернуть противника паутиной. Силу стремятся замѣнить хитростью.

Ромье полагаетъ, что самостоятельная конница отжила свой вѣкъ; конная артилерія, бой въ пѣшемъ строю—все это показываетъ, что конница безсильна внѣ связи съ другими родами оружія—она стремится имъ подражать.

Вести развѣдку и нести службу охраненія впредь не придется на всѣ четыре стороны; задача окружить противника съѣтью кавалерійскихъ частей нынѣ невыполнима. Развѣдка и охраненіе должны вестись лишь на опредѣленныхъ направленіяхъ, слѣдствіемъ чего является необходимость въ стратегическомъ авангардѣ, эшелонированіи силъ и т. п., какъ то полагаетъ французская доктрина.

Капитанъ Кюльманъ сравниваетъ потери въ Маньчжуріи и въ предыдущихъ войнахъ. Процентъ потерь уменьшился, въ особенности, если мы будемъ исчислять его по числу бойцовъ, выбывающихъ въ единицу времени. Въ вѣкъ Фридриха за одинъ часъ боя выбывало

часто значительно болѣе 5⁰/₀; въ эпоху Наполеона потери за одинъ часъ уменьшились до 2—3⁰/₀, съ введеніемъ нарѣзного оружія онѣ уменьшились до 1⁰/₀, а въ Маньчжуріи не всегда достигали и 0,3⁰/₀. За 150 лѣтъ процентъ потерь въ единичу времени уменьшился въ 15 разъ, несмотря на введеніе скорострѣльныхъ образцовъ оружія. Общій процентъ потерь, заставляющій одну изъ сторонъ признать себя побѣжденной, уменьшился только въ 2 раза. Это уменьшеніе процента потерь надо отнести не на уменьшеніе боевыхъ достоинствъ войскъ, не на худшее ихъ военное воспитаніе, а на разлагающее вліяніе дѣйствія современнаго оружія.

Въ февральскихъ книжкахъ «Journal des sciences militaires» капитанъ Густавъ Конье (быть можетъ, псевдонимъ?) въ блестящихъ и полныхъ остроумія статьяхъ встаетъ на защиту резервнаго офицера. Много упрековъ раздается во Франціи по адресу резервнаго офицера, какъ и у насъ по отношенію къ прапорщикамъ запаса. Конье доказываетъ, что эти упреки надо направить не резервнымъ офицерамъ, а офицерамъ дѣйствительной службы, командирамъ полковъ, которые ихъ подготовляли. Неразумно было бы отказываться отъ той энергіи и знаній, которыя воплощаются въ интеллигентныхъ труженикахъ французскаго народа. Порой инженеръ, привыкшій на постройкахъ управлять работой тысячъ людей, или организаторъ современнаго большого магазина новостей, съ тысячами приказчиковъ, кассировъ и т. д., гораздо болѣе соотвѣтствуетъ обязанностямъ, выпадающимъ на войнѣ на офицера, чѣмъ иной офицеръ дѣйствительной службы, всю свою жизнь просидѣвшій въ канцеляріи надъ различными вѣдомостями. Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что въ производствѣ въ офицеры сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ они располагаютъ лучшимъ способомъ пополнить комплектъ: въ XVIII вѣкѣ это было такъ; среди унтеръ-офицеровъ имѣлся огромный контингентъ дѣйствительно выдающихся начальниковъ; когда революція уничтожила глухую стѣну, отдѣлявшую ихъ отъ офицерскаго званія, армія получила сразу обильный источникъ для комплектованія офицерскихъ должностей. Но теперь этой глухой стѣны не существуетъ; любому энергичному унтеръ-офицеру пути въ офицеры не заказаны—онъ можетъ выдержать нетрудный экзаменъ и попасть въ соотвѣтствующее училище. И все энергичное, выдающееся дѣйствительно переливается изъ унтеръ-офицерскаго званія въ офицерское, и нельзя себя тѣшить мыслью о томъ, что среди унтеръ-офицеровъ таится цѣлый кладъ талантовъ и энергіи.

Нѣмцы основываютъ свое управленіе на театрѣ войны на развѣдкѣ самостоятельной конницы, французы—на работѣ авангардовъ

изъ трехъ родовъ оружія (стратегическихъ авангардахъ). Въ этомъ заключается одно изъ существеннѣйшихъ отличій французской доктрины отъ нѣмецкой. Поэтому вполне естественно, что французскіе журналы такъ и пестрятъ статьями, доказывающими, что самостоятельная работа конницы—нѣчто мифическое. Весьма интересную статью о роли конницы въ службѣ развѣдыванія мы находимъ и въ «Journal des sciences militaires». Капитанъ Жанэ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ и капитанъ Ромье, мнѣніе котораго приведено выше. Жанэ находитъ, что подъ впечатлѣніемъ французскихъ неудачъ въ войну 1870—71 гг. успѣшность развѣдыванія нѣмецкой конницы была сильно преувеличена. Несмотря на то, что она въ своей работѣ не встрѣчала помѣхи со стороны французской, цѣнныхъ свѣдѣній она доставила очень мало. Жанэ находитъ, что нынѣ кавалерія должна забыть о дѣйствіяхъ въ отдѣлѣ; онъ цѣликомъ присоединяется къ мнѣнію Наполеона, высказанному въ письмѣ къ Евгенію въ 1809 году, и выражающему и теперь основную идею французской стратегіи:

— «Вы ничего не знали о намѣреніяхъ противника, и вы были совершенно правы, когда выслали къ Коморну за сборомъ свѣдѣній всю вашу конницу. Но напрасно вы ее послали безъ пѣхоты, такъ какъ конница въ отдаленности не можетъ выполнить свои задачи. Ее нужно было выдвинуть съ сильнѣйшимъ пѣхотнымъ авангардомъ».

А. Сблѣчинъ.

Piarron de Mondesir. Fortification cuirassée. Paris, Octave Doin, éditeur. Цѣна 5 франковъ.

Пьеронъ де-Мондесиръ. Броневая фортификація.

Мы переживаемъ такой водоворотъ различныхъ новыхъ вѣяній, намъ приходится считаться съ столь коренными противорѣчіями во мнѣніяхъ признаваемыхъ нами авторитетовъ, что всякую попытку систематизировать существующіе взгляды надо горячо привѣтствовать. Многие споры объясняются исключительно тѣмъ, что люди говорятъ на разныхъ языкахъ. Страшно остро въ наше время ощущается нужда въ хорошей современной энциклопедіи военныхъ знаній. Но не скоро, очевидно, явятся преемники генерала Леера для переработки его совершенно устарѣвшей энциклопедіи.

Авторъ разсматриваемаго труда даетъ такую энциклопедію въ отмежеванной имъ области военныхъ знаній. Исторія брони, исторія захвата ею современнаго положенія ея въ крѣпостномъ дѣлѣ—это вся исторія современнаго военно-инженернаго дѣла. Вся идейная работа военныхъ инженеровъ всѣхъ странъ за послѣднюю четверть вѣка сосредоточилась на вопросахъ о томъ, какъ примѣнять броню, или

какъ попытаться обойтись безъ нея. Всякій военный инженеръ лучше всего характеризуется по своему отношенію къ примѣненію въ крѣпостяхъ металла—борется ли онъ противъ брони, въ какихъ условіяхъ находить онъ нужнымъ обращаться къ броневои защитѣ.

Книга Мондезира, охватывающая тему такого огромнаго содержания, разумѣется представляетъ большой интересъ; по ней легко можно прослѣдить за состояніемъ всего крѣпостнаго дѣла европейскіхъ государствъ.

Разсматриваемая книга не лишена ошибокъ и недосмотровъ. Мондезиръ, повидимому, не находится въ курсѣ послѣдняго слова артиллерійской техники, и данныя его объ артилеріи (въ частности австрійской—ни слова о 24-сантиметровой осадной мортирѣ образца 1897 г.) не блещутъ свѣжестью. Мало останавливается онъ и на данныхъ борьбы за Портъ-Артуръ. Въ списокѣ источниковъ нѣтъ весьма важнаго сочиненія Мюллера—«Исторія крѣпостной войны за 1892—1907 года». За то Мондезиръ имѣлъ возможность ознакомиться съ многими ненапечатанными документами—напримѣръ, съ условіями заказа броневыхъ установокъ, съ выводами различныхъ крѣпостныхъ комиссій; онъ находился въ перепискѣ со многими работниками по разработкѣ куполовъ и броневыхъ башенъ, и это знакомство его съ практикой броневой фортификаціи дѣлаетъ его книгу особенно цѣнной.

Въ первой части своего труда Мондезиръ даетъ очеркъ прошлаго броневой фортификаціи, во второй излагаетъ настоящее ея положеніе. Для насъ русскихъ еще не наступила пора использованія желѣза: мы живемъ въ нашихъ крѣпостяхъ еще въ періодъ каменнаго вѣка.

Вопросъ о брони находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о превращеніи фортовъ въ укрѣпленныя группы. Если мы не хотимъ увеличивать числа защитниковъ и остаемся при небольшихъ фортахъ, намъ нужно въ широкой степени использовать броню, чтобы дать возможность дѣйствовать гарнизону небольшого укрѣпленія подѣ действительнымъ непріятельскимъ огнемъ. Другое средство противъ огня современной могущественной осадной артилеріи заключается въ раздѣленіи средствъ для дальней и ближней обороны, и въ распредѣленіи ихъ по значительной площади. Подѣ огнемъ надо или распылаться, прятаться и пользоваться своей подвижностью, или укрываться подѣ броневые купола. Мугэнъ со своимъ типомъ форта, представляющимъ сплошной бетонный казематъ съ броневой артилеріей и пулеметами, далъ великолѣпную въ своей односторонности разработку одной идеи, а Пionеръ (псевдонимъ)—другой идеи, объ укрѣпленныхъ группахъ. Не безъ удивленія надо замѣтить, что тогда какъ въ нашей литературѣ въ 1908 году возникъ вопросъ о томъ,

кто раньше изобрѣлъ идею укрѣпленной группы, дѣйствительный изобрѣтатель ея, написавшій еще въ 1887 году этюдъ «Форты и меленить», предпочелъ до сегодняшняго дня не раскрывать своего псевдонима. А между тѣмъ нѣмцы подѣ Мецомъ въ широкой степени использовали его идею, дополнивъ ее примѣненіемъ брони и бетона.

Мондезиръ выступаетъ за предѣлы узкаго разсмотрѣнія вопроса о бронѣ. Онъ характеризуетъ германскія, австрійскія, италіанскія, бельгійскія и т. д. идеи созданія крѣпостей; онъ даетъ много цѣнныхъ свѣдѣній о современныхъ германскихъ укрѣпленныхъ группахъ (Feste), о примѣненіи брони въ береговыхъ укрѣпленіяхъ и горныхъ фортахъ. Прекрасно охарактеризованы идеи Зауера и Шумана, извѣстныя у насъ до сихъ поръ лишь въ весьма одностороннемъ освѣщеніи, что такъ печально отразилось на развитіи нашего крѣпостного дѣла. Что особенно цѣнно, это связь съ тактикой, широкое освѣщеніе техническихъ вопросовъ съ тактической точки зрѣнія. Нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія книги Мондезира среди всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ крѣпостному дѣлу.

А. Свѣчинъ.

„Journal of the United Service Institution of India“.

№ 174. Январь 1909.

Въ январскомъ номерѣ журнала Индійскаго военнаго общества напечатаны двѣ статьи, не лишеныя интереса для русскихъ читателей. Статьи эти носятъ заглавія: «Осада Портъ-Артура» и «Поля сраженій сѣверной Италіи».

Первая представляетъ собою лекцію, прочитанную 26 го августа прошлаго года въ военномъ собраніи въ г. Сямлѣ маіоромъ инженерныхъ войскъ Тюиллиромъ (H. F. Thillier).

Авторъ указываетъ на особо военно поучительное значеніе портъ-артурской операціи, такъ какъ со временъ Севастополя, т. е. въ теченіе 50-ти лѣтъ, не было примѣра защиты большой крѣпости, снабженной новѣйшими оборонительными средствами. Съ этой точки зрѣнія Портъ-Артуръ является и вѣроятно долго еще будетъ единственнымъ источникомъ практическихъ данныхъ инженернаго искусства.

Подробно описавъ линію обороны, маіоръ Тюиллиръ переходитъ къ изложенію событій, предшествовавшихъ обложенію крѣпости и самой осадѣ, слишкомъ извѣстныхъ, чтобы ихъ повторять. Мы только позволимъ себѣ остановиться на одномъ характерномъ мнѣніи, высказываемомъ авторомъ по поводу неудачной атаки японцевъ на форты, атаки, которая съ точки зрѣнія здраваго военнаго искусства, должна быть признана безумной.

«Есть основаніе подозрѣвать, что японцы оцѣнили ниже чѣмъ слѣдовало силы и духъ своихъ противниковъ и поддались убѣжденію, что эти послѣдніе не выдержатъ смѣлаго «coup de main». Это подозрѣніе подкрѣпляется тѣмъ фактомъ, что тяжелая артилерія, предназначавшаяся для разрушенія верковъ, къ тому времени еще не прибыла въ армію Ноги. Какъ бы то ни было, японцы дорого заплатили за невѣрную оцѣнку непріятели: они потеряли цвѣтъ своей арміи, понизили до извѣстной степени моральный уровень оставшихся въ живыхъ людей и соответственно повысили духъ защитниковъ крѣпости».

Отдавая должное ошибкамъ японцевъ, авторъ также подробно останавливается на ошибкахъ и недостаткахъ управленія осажденной крѣпостью.

«Настойчивость и согласіе въ дѣйствіяхъ отсутствовали у большинства высшихъ начальствующихъ лицъ. Въ крѣпости царило разногласіе, беспорядокъ (counter-order and disorder), постоянныя тренія и личные счеты между генералами. Несчастливая смерть генерала Кондратенки, чьему примѣру и настойчивости крѣпость была обязана своимъ успѣшнымъ сопротивленіемъ, лишила оборону ея души. При такихъ обстоятельствахъ нельзя удивляться, что побѣда досталась противнику».

Но если высшіе начальники оставляли желать лучшаго, то низшій командный составъ и рядовые бойцы стоятъ выше всякой похвалы.

«Армія, составленная изъ людей такого закала, говоритъ англичанинъ, явится сильнѣйшимъ противникомъ, даже если командованіе ею будетъ полно ошибокъ. Мы сами 50 лѣтъ тому назадъ имѣли случай убѣдиться въ стойкости и выносливости русской природы. Если столкновеніе національныхъ интересовъ сдѣлаетъ насъ снова противниками русскихъ, мы будемъ знать, что духъ бойцовъ сражавшихся при Тотлебенѣ, еще живетъ въ ихъ дѣтяхъ и что въ этомъ случаѣ намъ предстоитъ задача, врядъ ли имѣющая равную по своей трудности».

Этими словами маіоръ Тюиллиръ закончилъ свою лекцію.

Въ статьѣ: «Поля сраженія сѣверной Италіи» (продолженіе) описываются бои: при Треббѣ: 17—20 іюня 1799 года между арміями Суворова и Макдональда; въ декабрѣ 218 г. до Р. Х. между римлянами и Ганнибаломъ и 6-го іюня 1746 г. между австрійцами съ одной стороны и французами и испанцами съ другой. Авторъ проводитъ параллель между первыми двумя сраженіями. Римляне въ 218 г. до Р. Х. занимали ту же позицію, что французы въ 1799. И Ганнибалъ и Суворовъ направили главный ударъ на тотъ флангъ непріятели, который былъ дальше отъ р. По. Обѣ атаки увѣнчались успѣхомъ.

Но дѣйствія русскаго главнокомандующаго авторъ признаетъ болѣе искусными, такъ какъ онъ предупредилъ соединеніе Моро и Македональда, между тѣмъ какъ Ганнибалъ позволялъ слиться двумъ римскимъ отрядамъ передъ самымъ боемъ.

Не лишена интереса краткая характеристика Суворова въ началѣ статьи: «это былъ настоящій русскій, твердо вѣрившій въ силу штыка», и затѣмъ приводится извѣстный отвѣтъ генералиссимуса начальнику штаба австрійской арміи на предложеніе этого послѣдняго произвести рекогносцировку.

Небольшая статья подполковника Трэверса «Объ обученіи развѣдчиковъ въ пѣхотѣ» также останавливаетъ вниманіе читателя. Какъ извѣстно, пѣхотные развѣдчики въ англійской арміи производятъ тщательную развѣдку непріятельской позиціи, нащупываютъ пути наступленія, несутъ службу связи и выполняютъ порученія, требующія особой смѣшленности и спеціальнаго развитія. На обученіе развѣдчиковъ обращается особое вниманіе. Въ упоминаемой нами статьѣ изложена раціональная система выработки спеціалистовъ-развѣдчиковъ. Интересно наставленіе, которымъ авторъ совѣтуетъ снабдить cadaго развѣдчика:

«Будь увѣренъ въ себѣ. Дѣйствуй рѣшительно, но не безразсудно и не очертя голову. Будь самостоятеленъ. Не упускай ничего изъ виду. Двигайся скрытно. При движеніи отъ одного пункта къ другому выбирай лучшій путь. Проходи открытую мѣстность *быстро*. Не скрывайся въ замѣтныхъ издали мѣстахъ. Избѣгай показываться на вершинахъ возвышенностей. Выслѣживай непріятельскіе пути, какъ шикари выслѣживаютъ тропинки звѣрей. Когда находишься въ полѣ зрѣнія непріятели, избѣгай двигаться. Открывъ непріятели, не показывай виду, что сдѣлалъ это. Наблюдай цвѣтъ почвы: не выдѣляется ли на немъ цвѣтъ твоей одежды? Замѣчай характерныя черты мѣстности. Добывай свѣдѣнія, по возможности, отъ *мѣстныхъ жителей*. Чаше оборачивайся назадъ, чтобы запомнить видъ мѣстности, *это поможетъ тебѣ на обратномъ пути*. Блескъ *ружейнаго ствола* на солнцѣ замѣтенъ издали и легко можетъ выдать тебя. Ночью держись низкихъ мѣстъ, чтобы замѣчать непріятели на высотахъ. Всегда убѣждайся, что понялъ полученное приказаніе. Упражняйся въ *опредѣленіи разстояній*, высотъ, ширины рѣкъ, глубины промоинъ. Избѣгай деревень и собакъ. Бери въ плѣнъ непріятели, но не сражайся съ нимъ. Учись *готовить пищу и спать подъ открытымъ небомъ*, но никогда не разводи огня, если есть опасеніе его свѣтомъ выдать себя. Приучай себя просыпаться въ любой часъ ночи. Постоянно занимайся тѣлесными упражненіями. Умѣй перевязывать простыя раны. Будь смѣлъ, ловокъ и хитеръ».

„Journal of the Royal United Service Institution“.

№ 371. Январь 1909.

Январскій номеръ Лондонскаго военнаго общества даетъ много матеріала по военно-морскому дѣлу въ двухъ объемистыхъ статьяхъ, изъ которыхъ одна посвящена вопросамъ тактики линейныхъ кораблей, другая же занимается обзоромъ современнаго состоянія техники кораблестроенія. Обѣ статьи имѣютъ специально морской характеръ.

Изъ остальныхъ статей отмѣтимъ: «Обязательная военная служба въ Босніи и Герцеговинѣ». Это историко-статистическія данныя о введеніи всеобщей воинской повинности въ двухъ бывшихъ турецкихъ провинціяхъ, со времени оккупации изъ Австріей. Во время турецкаго владычества военную службу несли исключительно мусульмане, христіанская же часть населенія была обязана вносить денежную пеню взамѣнъ личной повинности. Австрійцы, обязавъ всѣхъ личной службой, рассчитывали, что такое сравненіе отзовется благопріятно на чувствахъ населенія. Однако они ошиблись въ расчетахъ, т. к., сравнивъ всѣхъ въ обязанностяхъ, они позабыли дать права, и кромѣ того, не приняли въ расчетъ религіознаго антагонизма. Католики и евреи подчинились довольно спокойно новому закону. Но мусульмане ни за что не хотѣли служить подъ начальствомъ христіанъ; православная же часть населенія роптала, находя, что упомянутый законъ болѣе благопріятствуетъ мусульманамъ.

Въ декабрѣ 1881 г. вспыхнуло возстаніе, въ которомъ приняли участіе какъ христіане, такъ и мусульмане славянскаго происхожденія. Хотя офиціально возстаніе было подавлено къ маю 1882 года, однако волненіе продолжалось, и первый наборъ удалось сдѣлать лишь въ 1883 г. Много мусульманъ эмигрировано въ Турцію. Съ тѣхъ поръ, однако, жизнь въ Босніи и Герцеговинѣ вошла въ нормальную колею, по крайней мѣрѣ по офиціальнымъ даннымъ.

Въ случаѣ мобилизаціи Боснія и Герцеговина выставляють:

3 срока дѣйствительной службы . . .	9,660 чел.
9 сроковъ запасныхъ	21,420 „
Всего . . .	31,080 чел.

«Въ возмѣщеніе за обязательную военную службу, пишетъ авторъ, босняки не получили никакихъ правъ. Они ни въ какомъ случаѣ не могутъ назваться австро-венгерскими гражданами. Ихъ выборныя права ограничиваются (и то только для нѣкоторыхъ общинъ) выборомъ общиннаго совѣта. Верховный совѣтъ при намѣстникѣ, имѣющій совѣщательный характеръ, назначается правительствомъ.

«Удивительно, что до сихъ поръ населенію Босніи и Герцеговины, въ возмѣщеніе за обязательство жертвовать, въ случаѣ необходимости, своею кровью за интересы Австро-Венгрии, не было дано никакихъ гражданскихъ и политическихъ правъ».

Затѣмъ слѣдуютъ переводы изъ лебелевскихъ отчетовъ и изъ журнала «Iharbücher für die deutsche Armee und Marine».

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

Изъ годового отчета о дѣятельности Комитета по образованію войскъ за 1908 г.

I.

Обученіе войскъ и связанныя съ нимъ вопросы.

1) *Инициатива*: Въ цѣляхъ развитія инициативы и самостоятельности Военный Министръ далъ слѣдующія указанія Комитету:

1) Воспретить старшимъ вмѣшиваться въ законныя распоряженія младшаго.

2) Установить, что докладчикъ, въ случаѣ незаконныхъ распоряженій начальника, облеченъ правомъ не скрѣплять своей подписью этихъ распоряженій.

3) Провести идею самостоятельности и инициативы во всѣхъ уставахъ и положеніяхъ.

Во исполненіе п. 1-го и 2-го Комитетъ представилъ докладъ Военному Министру, въ которомъ высказалъ слѣдующее:

1) Ст. 24 кн. VII С. В. II. 1869 г. изд. 2 ограждаетъ въ достаточной мѣрѣ права младшихъ начальниковъ въ ихъ распоряженіяхъ, такъ какъ указываетъ, что каждый высшій начальникъ долженъ предоставлять своему подчиненному дѣйствовать и распоряжаться въ предѣлахъ присвоенной ему по закону власти и возложенныхъ на него обязанностей. Поэтому единственное рѣшеніе даннаго вопроса заключается въ подтвержденіи къ исполненію этой статьи.

2) По вопросу о скрѣпѣ бумагъ Комитетъ высказалъ, что въ строевыхъ штабахъ единственнымъ отвѣтчикомъ за содержаніе бумаги по распорядительной, но не хозяйственной, части является начальникъ, подписывающій ее; скрѣпляющій бумагу долженъ нести отвѣтственность за правильность составленія ея по мысли начальника, за

вѣрность справокъ и исправность регистраціи. Отвѣтственность эта прежде всего является передъ начальникомъ, который подписываетъ бумагу.

Докладъ этотъ, по приказанію Военнаго Министра, переданъ въ Главный Штабъ.

Что касается до п. 3 приказанія Военнаго Министра, то мысль, изложенная въ немъ, проводится Комитетомъ во всѣхъ составляемыхъ имъ уставахъ. При этомъ, въ печати раздавались даже голоса о чрезмѣрномъ предоставленіи по новому строевому пѣхотному уставу инициативы исполнителямъ и нижнимъ чинамъ.

Приказомъ по Военному Вѣдомству 1908 г. № 511 на Комитетъ возложено порученіе выработать, для преподаванія высшему командному составу арміи, руководящія указанія для принятія неотложныхъ мѣръ къ развитію у частныхъ начальниковъ инициативы.

Докладъ о способахъ, коими предполагено Комитетомъ осуществить эту задачу, будетъ представленъ въ 1909 г.

2) *Строевой пѣхотный уставъ*. Проектъ Строевого пѣхотнаго устава, бывшій въ 1907 году на заключеніи войсковыхъ начальниковъ и на испытаніи въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ, былъ переработанъ Комитетомъ и 6-го мая отчетнаго года удостоился Высочайшаго утвержденія.

3) *Сборникъ нотъ*. Въ дополненіе къ Строевому пѣхотному уставу изданъ «Сборникъ нотъ пѣхотныхъ сигналовъ, боевъ и маршей». Всѣ ноты пересмотрѣны, проверены, нѣсколько упрощены и изданы въ болѣе удобномъ для пользованія форматѣ.

4) *Наставленіе къ Строевому пѣхотному уставу*. Въ Строевой пѣхотный уставъ вошли только формы и общія правила строевой пѣхотной службы.

Какъ примѣнять эти формы и правила въ каждомъ частномъ случаѣ—предполагено изложить въ Наставленіи къ Строевому пѣхотному уставу.

Наставленіе это составляется начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Михневичемъ, и будетъ разсматриваться Комитетомъ въ началѣ 1909 г.

5) *Сводъ постановленій по обученію войскъ*. Весною отчетнаго года въ войска были разосланы на заключеніе и испытаніе, въ мѣрѣ возможности:

а) Положеніе объ обученіи войскъ, съ перечнемъ годовыхъ занятій.

б) Наставленіе для веденія занятій съ офицерами.

в) Наставленіе для занятій съ военными врачами.

Въ настоящее время эти положенія и наставленія пересматриваются въ комисіяхъ при Комитетѣ на основаніи поступившихъ заклю-

ченій, и отчасти уже поступили на разсмотрѣніе общаго собранія Комитета, послѣ чего будутъ представлены на утвержденіе.

Одновременно съ этимъ перерабатываются въ комисіяхъ:

г) Наставленіе для совокупныхъ занятій войскъ различныхъ родовъ оружія.

д) Правила для посредниковъ.

е) Наставленіе для веденія зимнихъ и лѣтнихъ занятій (по родамъ оружія).

Кромѣ того разсматриваются по родамъ оружія: наставленія для занятій съ молодыми солдатами, съ унтеръ-офицерами и фѣйерверкерами, въ учебныхъ и специальныхъ командахъ.

6) *Уставъ полевой службы.*—7) *Боевое наставленіе для дѣйствій отрядовъ изъ всѣхъ родовъ войскъ.*—8) *Подчиненность сухопутныхъ и морскихъ силъ при совокупныхъ дѣйствіяхъ въ военное время.* По этимъ вопросамъ Комитетъ продолжалъ въ 1908 г. собирать матеріалы для разработки ихъ по окончаніи другихъ болѣе неотложныхъ работъ.

9) *Изданіе уставовъ.* Ст. 123 кн. I Св. В. П. на Комитетъ по образованію войскъ возложено не только составленіе, но и изданіе уставовъ, на что въ распоряженіе предсѣдателя предоставленъ особый денежный отпускъ.

Цѣны, по которымъ продаются Главнымъ Штабомъ уставы войскамъ; очень высоки, что отражается отчасти на слабомъ знакомствѣ нашихъ офицеровъ съ официальными руководствами, о чемъ предсѣдателемъ Комитета было доложено Военному Министру.

Военный Министръ, сочувствуя мысли удешевленія уставовъ, поручилъ предсѣдателю Комитета войти по этому предмету въ соглашеніе съ Начальникомъ Главнаго Штаба.

Начальникъ Главнаго Штаба, входя въ нужды войскъ, также высказалъ готовность къ уменьшенію цѣнъ на уставы, но встрѣчающіяся къ тому препятствія еще не удалось устранить.

10) *Перечень уставовъ для молодыхъ офицеровъ.* По ходатайству Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній составленъ перечень уставовъ и руководствъ, коими должны снабжаться молодые офицеры, выпускаемые изъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ военныхъ училищъ и Пажескаго Его Величества корпуса.

11) *Наставленіе для обученія стрѣльбѣ.* По представленію Комитета, Военный Министръ предписалъ ему согласовать составленный при Управленіи Генерала Инспектора пѣхоты проектъ новаго Наставленія, подъ названіемъ «Уставъ стрѣльбы», со строевомъ пѣхотнымъ Уставомъ и отредактировать его.

По предварительномъ разсмотрѣніи проекта «Устава Стрѣльбы» въ комиссіи, а затѣмъ и въ Комитетѣ, оказалось, что кромѣ несогла-

сованностей со Строевымъ пѣхотнымъ уставомъ, Уставъ стрѣльбы расходится до нѣкоторой степени и съ общимъ духомъ и направлениемъ другихъ Уставовъ и Положеній, а потому Комитетъ призналъ необходимымъ пересмотрѣть весь «Уставъ» съ указанной точки зрѣнія, что и выполнено въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ представителя Генерала-Инспектора пѣхоты; всѣ главнѣйшія измѣненія обсуждались въ Комитетѣ, а редакція въ частностяхъ была поручена особой комиссіи.

Затѣмъ Комитетъ представилъ Военному Министру докладъ о результатахъ своей работы и перечень главнѣйшихъ пунктовъ, въ которыхъ обнаружена несогласованность «Устава стрѣльбы» съ другими положеніями по сбученію войскъ; переработка «Устава» закончена и отдана въ печать; въ началѣ 1909 года онъ будетъ представленъ въ окончательномъ видѣ.

12) *Императорскіе призы за стрѣльбу.* Разсмотрѣвъ составленный въ Главномъ Штабѣ проектъ Правилъ награжденія войсковыхъ частей особыми Императорскими призами за стрѣльбу.

Замѣчанія Комитета на проектъ препровождены въ Главный Штабъ.

13) *Стрѣлковая подготовка въ военноучебныхъ заведеніяхъ.* При обсужденіи вопроса о слабой стрѣлковой подготовкѣ молодыхъ офицеровъ, въ Комитетѣ было указано на необходимость поднять стрѣлковое дѣло въ военныхъ и юнкерскихъ училищахъ и ввести обученіе стрѣльбѣ въ старшихъ классахъ кадетскихъ корпусовъ.

Докладъ о томъ препровожденъ, по приказанію Военнаго Министра, въ Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній, для представленія Его Высокопревосходительству соотвѣтствующихъ соображеній.

14) *Цвѣтные очки для стрѣльбы.* Вслѣдствіе ходатайства окулиста Кронштадтскаго порта о принятіи для войскъ цвѣтныхъ очковъ, облегчающихъ прицѣливаніе на дальнія разстоянія, Комитетъ снесся съ Главными Управленіями—Военно-медицинскимъ и Артилерійскимъ, и на основаніи полученныхъ отзывовъ высказался о непримѣнности цвѣтныхъ стеколъ для стрѣльбы въ пѣхотѣ.

Вопросъ же о примѣненіи ихъ въ артилеріи уже былъ разрѣшенъ Главнымъ Артилерійскимъ Управленіемъ.

15) *Служба связи.* Комитетъ разработалъ проектъ Положенія о службѣ связи въ войскахъ и разослалъ его на заключеніе войсковыхъ начальниковъ.

Къ концу отчетнаго года этимъ заключеніямъ сдѣлана сводка, которая и послужитъ матеріаломъ для окончательной редакціи Положенія.

Выходъ послѣдняго предполагается къ веснѣ 1909 года.

16) *Полевая оптическая сигнализация*. Разработано и объявлено при приказѣ по Военному Вѣдомству 1908 г. № 79 «Положеніе о полевой оптической сигнализаци», замѣнившее собою Положеніе, объявленное въ приказѣ по Военному Вѣдомству 1904 г. № 579.

Въ основу системы, вмѣсто прежней семафорной сигнализаци, принята сигнализация по азбукѣ Морзе.

Затѣмъ Циркуляромъ Главнаго Штаба 1908 г. № 118 было разрѣшено начальникамъ дивизій и командирамъ артилерійскихъ бригадъ дополнять, въ предѣлахъ необходимости, таблицы знаковъ оптической сигнализаци, не нарушая общей системы и не усложняя, безъ нужды, обученія нижнихъ чиновъ.

17) *Дѣленіе нижнихъ чиновъ на разряды по обученію*. Въ предыдущемъ году Комитетъ разработалъ проектъ Положенія о дѣленіи нижнихъ чиновъ на разряды по обученію, руководствуясь желаніемъ установить систематическое, прогрессивное обученіе и уменьшить число слабо обученныхъ нижнихъ чиновъ въ арміи.

По приказанію Военнаго Министра, проектъ Положенія былъ разосланъ на заключеніе старшихъ войсковыхъ начальниковъ.

Большинство изъ нихъ, не отрицая пользы подобнаго раздѣленія на разряды, высказало, однако, что мѣра эта въ настоящее время не можетъ быть осуществлена; препятствіемъ тому служатъ: большіе наряды на караульную и полицейскую службу, командировки, низкіе штаты и нѣкоторыя ненормальныя условія жизни и расквартированія войскъ.

Эти соображенія приняты большинствомъ Комитета, и разсматриваемая мѣра не приведена въ исполненіе.

18) *Наставленіе войскового инженернаго дѣла*. Наставленіе для войскового инженернаго дѣла проектировано Комитетомъ по слѣдующей программѣ:

- I. Свѣдѣнія для рядового и унтеръ-офицера пѣхоты.
- II. Свѣдѣнія для рядового и фейерверкера въ артилеріи.
- III. Свѣдѣнія обязательныя для офицера.

Подготовительныя работы возложены на комиссію подъ предѣтельствомъ генералъ-адъютанта Прескотта.

Въ отчетномъ году составлена и Высочайше утверждена 6-го іюня ч. I—Свѣдѣнія для рядового и унтеръ-офицера пѣхоты.

29-го іюля Государю Императору благоугодно было объявить благодарность Генералъ-Адъютанту Прескотту за этотъ трудъ.

Свѣдѣнія для рядовыхъ и фейерверкеровъ артилеріи составлены въ той же комиссіи, и въ концѣ декабра приступлено къ окончательной редакціи ихъ. Проектъ этотъ будетъ представленъ на утвержденіе въ началѣ 1909 г.

Свѣдѣнія, обязательныя для офицеровъ—составляются и будутъ закончены къ лѣту 1909 г.

19) *Испытаніе блиндажей на полмонахъ.* Въ связи съ работами по наставленію для войскового инженернаго дѣла возникъ и вопросъ о пробиваемости блиндажей и навѣсовъ артилерійскими снарядами. Вслѣдствіе неимѣнія достаточнаго матеріала для сужденія по этому вопросу, Комитетъ обратился въ Главное Инженерное Управление съ просьбой произвести соотвѣтствующія испытанія. Это было осуществлено въ теченіе лѣтнихъ занятій отчетнаго года, и результаты опытовъ начали поступать въ Декабрѣ. Они послужатъ матеріаломъ для составленія офицерской части Наставленія.

20) *Обученіе войскъ инженерному дѣлу.* Приказомъ по Военному Вѣдомству 1907 г. № 315 установленъ новый порядокъ командированій пѣхоты въ саперныя бригады. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ округахъ, кромѣ этого способа, лѣтомъ 1908 г. было установлено ознакомленіе войскъ съ инженернымъ дѣломъ путемъ командированія туда офицеровъ и нижнихъ чиновъ отъ саперныхъ частей. Такъ какъ эти командированія принесли войскамъ значительную пользу, то Комитетъ проектировалъ включить въ Положеніе объ обученіи войскъ указанія и этого способа, въ дополненіе къ командированію въ саперные лагеря. Право примѣнять его предполагается предоставить Командующимъ войсками въ округахъ.

Проектъ этотъ встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны представителя Главнаго Инженернаго Управленія, указывавшаго на затруднительность подобныхъ командировокъ для инженерныхъ войскъ и на достаточность командированія пѣхоты въ саперные лагеря.

Тотъ же взглядъ изволилъ высказать и Августѣйшій Генераль-Инспекторъ инженерныхъ войскъ въ рескриптахъ на имя Военнаго Министра и Предсѣдателя Комитета отъ 18-го декабря.

Комитетъ вновь обсудилъ этотъ вопросъ и не нашелъ возможнымъ измѣнять свое первоначальное рѣшеніе.

Вопросъ этотъ представляется на разрѣшеніе Военнаго Министра.

21) *Инженерное дѣло въ артилеріи.* Комитетъ призналъ необходимымъ командированіе артилерійскихъ офицеровъ въ саперные лагеря послѣ артилерійскихъ сборовъ, въ періодъ общихъ работъ саперныхъ баталіоновъ. Мѣра эта должна способствовать установленію тѣсной связи артилеріи и инженерныхъ войскъ, столь необходимой вслѣдствіе характера современныхъ сраженій.

22) *Конно-саперныя команды.* Вопросъ возникъ въ Комитетѣ при обсужденіи вопроса—слѣдуетъ ли обучать кавалерію окопному дѣлу. Такъ какъ въ Военный Совѣтъ былъ представленъ отъ Генераль-Инспектора кавалеріи проектъ Положенія о конно-саперныхъ командахъ, то Комитетъ рѣшилъ предварительно ознакомиться съ нимъ.

Разсмотрѣніе его было поручено особой Комиссіи, при участіи представителей Главнаго Штаба, Штаба Генераль-Инспектора кавалеріи и Главнаго Инженернаго Управленія.

Комитетъ, выслушавъ докладъ комиссіи, призналъ проектъ этотъ не вполне разработаннымъ и передалъ его въ другую комиссію, подъ предсѣдательствомъ Начальника Штаба Генераль-Инспектора кавалеріи, которая предположила организовать обученіе инженерному дѣлу кавалеріи на совершенно иныхъ, чѣмъ было въ конно-саперныхъ командахъ, основаніяхъ. Комитетъ согласился съ этимъ предположеніемъ, и вновь составляемый проектъ будетъ рассмотрѣнъ въ 1909 году.

23) *Электроосвѣтительные приборы.* Вслѣдствіе запроса Главнаго Инженернаго Управленія о снабженіи войскъ электроосвѣтительными приборами Комитетъ высказался за слѣдующій порядокъ снабженія.

1) 75 снт. прожекторами снабдить корпуса, по расчету 1 на дивизію и 1 на штабъ корпуса;

2) 35 снт. прожекторами—пѣхотныя части, пока по 1 на полкъ и отдѣльный баталіонъ, стремясь къ дальнѣйшему увеличенію ихъ.

3) 75 снт. прожекторами—артилерію, по 1 на бригаду,

4) 75 снт. прожекторами, оборудованными какъ конное орудіе—кавалерію, по 1 на дивизію.

5) Корпусныя станціи включить въ составъ инженерныхъ войскъ, а войсковыя—составляютъ принадлежность войскъ.

Кромѣ того высказано пожеланіе о снабженіи пѣхоты, кавалеріи и артилеріи ручными освѣтительными приборами, по 3—4 на роту и эскадронъ и по 1 на орудіе.

Объ этомъ постановленіи комитета сообщено Главному инженерному управленію съ просьбой выработать Наставленіе для пользованія прожекторами.

Кромѣ того Комитетъ просилъ начальника 1-й саперной бригады возложить на кого либо изъ подчиненныхъ ему офицеровъ выработку проекта Наставленія для тактическаго примѣненія прожекторовъ и препроводить его для разсмотрѣнія въ Комитетъ.

24) *Пила-ножевка.* Вопросъ о введеніи въ число носимаго пѣхотнаго шанцеваго инструмента пилы-ножевки разсматривался въ 1907 г., и Комитетъ высказался противъ этого введенія.

Въ отчетномъ году Главное Инженерное Управленіе вновь возбудило этотъ вопросъ.

Комитетъ высказалъ, что снаряженіе солдата должно прежде всего удовлетворять требованіямъ боевымъ, для чего въ него входятъ лопата, топоръ и кирко-мотыга; случаи употребленія пилы-ножевки въ бою составляютъ исключеніе, а потому онъ остался при прежнемъ своемъ рѣшеніи.

25) *Наставленіе для обученія войскъ гимнастикѣ и фехтованію.* Работы Комитета по этому вопросу начались еще въ 1907 г.

Къ концу апрѣля 1908 г. были составлены: «Наставленіе для обученія войскъ гимнастикѣ» и «Наставленіе для фехтованія». Первое изъ нихъ не могло быть, какъ предполагалось Комитетомъ, разослано войскамъ на заключеніе вслѣдствіе задержки въ изготовленіи рисунковъ гимнастическихъ упражненій; второе—было разослано.

Осенью отчетнаго года, на заключеніе Комитета, по приказанію Военнаго Министра, поступилъ проектъ «Наставленія для обученія гимнастикѣ», составленный на гимнастическихъ курсахъ, учрежденныхъ при л.-гв. Гусарскомъ Его Величества полку и объявленный къ руководству въ войскахъ Петербургскаго военнаго округа. Проектъ этотъ былъ рассмотрѣнъ комиссіей при участіи представителя отъ л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка. Комиссія ввела въ этотъ проектъ нѣкоторыя измѣненія.

Какъ самый проектъ, такъ и измѣненный были отправлены на заключеніе Военно-медицинскаго Ученаго Комитета, который не нашелъ возможнымъ допустить ихъ къ обращенію въ войскахъ, такъ какъ они разработаны не вполне согласно съ основами физиологіи и здравоохраненія.

Вслѣдствіе такового мнѣнія Военно-медицинскаго ученаго Комитета, Комитетъ не нашелъ возможнымъ подвергать дальнѣйшему обсужденію эти проекты и возобновилъ прерванныя работы по Наставленію для обученія войскъ гимнастикѣ, составленному въ началѣ отчетнаго года. Въ настоящее время проектъ этотъ находится на рассмотрѣніи Военно-медицинскаго Ученаго комитета.

«Наставленіе для фехтованія и рубки», которое должно составить II часть «Наставленія для гимнастики» въ настоящее время редактируется и будетъ представлено на утвержденіе въ началѣ 1909 г.

26) *Главная гимнастическо-фехтовальная школа.* Проектъ главной гимнастической школы разработанъ въ Комитетѣ и представленъ въ Военный Совѣтъ на рассмотрѣніе. Школа рассчитана на 100 офицеровъ и предполагается къ открытію съ осени 1909 г.

27) *Фехтовальныя принадлежности.* Озабочиваясь распространеніемъ искусства владѣнія холоднымъ оружіемъ въ войскахъ и имѣя въ виду Высочайше утвержденный 11-го апрѣля 1907 г. уставъ «Обученіе штыковому бою», Комитетъ еще въ 1907 г. снесся съ Главнымъ Артилерійскимъ Управленіемъ о необходимости выработать образцы фехтовальныхъ принадлежностей и нормы отпуска ихъ войскамъ.

Принадлежности эти, выработанныя въ офицерской стрѣлковой школѣ, испытывались въ офицерскомъ фехтовальномъ залѣ. Къ концу отчетнаго года въ Комитетѣ имѣлись свѣдѣнія, что испытаніе это

закончено, и нынѣ ожидается заключеніе по нимъ Артилерійскаго Комитета.

Что же касается до нормы отпуска, то Комитетъ, на запросъ Главнаго Артилерійскаго Управленія, высказался за желательность производить этотъ отпускъ не натурою, а деньгами.

28) *Предоставленіе Варшавскому гимнастическому залу правъ.* На запросъ Главнаго Штаба о предоставленіи Варшавскому гимнастическому залу правъ на выдачу свидѣтельствъ на преподаваніе гимнастики и массажа Комитетъ высказался отрицательно, такъ какъ теперешняя программа гимнастическо-фехтовальнаго зала не вполне отвѣчаетъ требованіямъ для подготовки учителей гимнастики.

29) *Стрѣльба артилеріи черезъ головы.* Вопросъ этотъ возникалъ въ Комитетъ и въ 1907 году, но разрѣшенію его въ положительномъ смыслѣ препятствовало затрудненіе Главнаго Артилерійскаго Управленія выработать вполне безопасный снарядъ.

Тѣмъ не менѣе, Комитетъ, придавая этой стрѣльбѣ большое воспитательное значеніе, продолжалъ работать въ этомъ направленіи.

Въ 1908 г., на основаніи мнѣнія Главнаго Артилерійскаго Управленія, Комитетъ высказался за допустимость стрѣльбы черезъ головы снарядомъ съ вышибной трубкой двойнаго дѣйствія, о чемъ и сообщено означенному Управленію.

30) *Женевская конвенція.* Въ цѣляхъ ознакомленія офицеровъ съ конвенціей объ улучшеніи во время войны участи больныхъ и раненыхъ Комитетъ вошелъ съ ходатайствомъ объ объявленіи ея въ приказѣ по В. в., что и было исполнено; кромѣ того, сущность этой конвенціи будетъ включена въ «Полевой уставъ».

31) *Земельные участки для занятій и маневровъ.* Главный Штабъ препроводилъ въ Комитетъ переписку о несоотвѣтствіи существующихъ нормъ земельныхъ участковъ, отводимыхъ для занятій войскъ, съ потребностями этихъ послѣднихъ.

Комитетъ, признавъ вопросъ этотъ подлежащимъ его компетенціи, приступилъ къ сбору матеріаловъ, запросивъ о томъ командующихъ войсками въ округахъ. Отвѣты начали поступать въ концѣ отчетнаго года. Въ началѣ 1909 г. вопросъ будетъ разработанъ въ особой комиссіи для внесенія его въ Комитетъ.

II.

Организаціонные и Административные вопросы.

32) *О начальникъ и старшемъ.* Вслѣдствіе отсутствія въ существующихъ узаконеніяхъ точныхъ опредѣленій понятій начальника и старшаго, Комитетъ разработалъ при участіи Главнаго Военно-суднаго Управленія проектъ ст. ст. 22¹, 22², 22³ и 24⁴ кн. VII С. В. II.

Соотвѣтствующее представленіе въ Военный Совѣтъ послѣдуетъ въ началѣ января 1909 г.

33) *Определеніе старшинства по должности и по чину.* Вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ о существующемъ противорѣчии между ст. 4 устава Полевой службы и ст. 50 устава Комитетъ, по сношеніи съ Главнымъ Военно-Суднымъ Управленіемъ, разъяснилъ, что ст. 50 устава Дисциплинарнаго передаетъ права начальника старшему въ чинѣ лишь въ томъ случаѣ, если взаимныя отношенія военнослужащихъ не опредѣлены точнымъ образомъ; между тѣмъ ст. 4 Полевого устава точно опредѣляетъ эти взаимоотношенія, а потому противорѣчія между названными статьями не усматривается, о чемъ и объявлено въ циркулярѣ Главнаго Штаба за № 135.

34) *Взаимныя отношенія между военными властями.* Военный Министръ возложилъ на Комитетъ разработку и дополненіе существующихъ статей Устава Гарнизонной Службы, касающихся взаимныхъ отношеній военныхъ властей.

По этому вопросу комитетъ запросилъ командующихъ войсками въ округахъ. Полученный матеріалъ разрабатывается.

35) *Увѣковѣченіе подвиговъ нижнихъ чиновъ въ мирное время.* На запрос Главнаго Штаба—насколько желательно установленіе общаго для всей арміи порядка увѣковѣченія подвиговъ, совершенныхъ нижними чинами въ мирное время, Комитетъ высказался, что въ виду крайняго разнообразія подвиговъ и обстановки, въ которой они совершаются, представляется затруднительнымъ дать какія либо точныя указанія, а потому начинъ въ этомъ дѣлѣ слѣдовало бы передать въ руки частныхъ начальниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо принять мѣры къ обезпеченію пенсіями семей убитыхъ или увѣчныхъ, причемъ оклады пенсій не должны быть выше, чѣмъ за раны и смерть въ военное время.

36) *О значеніи крѣпостного флага.* Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе статьи г. Петрова «Крѣпостной флагъ», напечатанной въ № 7 «Русскаго Инвалида» за 1908 г. Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть разработать вопросъ о примѣнимости указываемыхъ авторомъ мѣръ для поднятія значенія крѣпостного флага.

Предварительно Комитетъ запросилъ по этому поводу мнѣніе командующихъ войсками въ округахъ и комендантовъ крѣпостей и затѣмъ, на основаніи полученныхъ отзывовъ, выработалъ рядъ мѣръ, которыя должны способствовать поднятію значенія крѣпостного флага въ глазахъ защитниковъ крѣпости, а именно:

1) Установить вмѣсто нынѣшняго крѣпостного флага—военный крѣпостной флагъ, поднимаемый въ мирное время отъ утренней до вечерней зари съ особыми церемоніями, а въ военное время—всегда развѣвающийся надъ крѣпостью.

2) Установить, что молодые солдаты крѣпостного гарнизона приводятся къ присягѣ въ виду крѣпостного флага.

3) придать крѣпостному флагу другой рисунокъ, отличный отъ нынѣ принятаго.

Постановленіе это, прежде представленія его на утвержденіе, отправлено въ послѣднихъ числахъ декабря отчетнаго года на заключеніе Главнаго Крѣпостнаго Комитета.

37) *Окружные стрѣлковыя курсы.* Учрежденные въ 1908 г. окружные стрѣлковыя курсы распространены на 1909 г. кромѣ Московскаго и Виленскаго округовъ еще и на Варшавскій и Кіевскій, о чемъ отъ Комитета было сдѣлано представленіе въ Государственную Думу.

Кромѣ того, по приказанію Военнаго Министра, Комитетомъ составлены соображенія о распространеніи въ 1910 году этихъ курсовъ на Петербургскій и Приамурскій военные округа.

38) *Прапорщичьи запаса.* Комитетъ разработалъ до нѣкоторой степени порядокъ прохожденія службы вольноопредѣляющимися I разряда и прапорщиками запаса, и, по приказанію Военнаго Министра, препроводилъ эту работу въ Главный штабъ.

Въ настоящее время заканчиваются работы по пересмотру программъ, которыя будутъ представлены на утвержденіе въ началѣ 1909 г.

39) *О прохожденіи службы вольноопредѣляющимися.* На запросъ Главнаго Штаба о прохожденіи службы вольноопредѣляющимися, Комитетъ предложилъ слѣдующія мѣры:

1) Проводить черезъ войска вольноопредѣляющимися всѣхъ желающихъ поступить въ военныя и юнкерскія училища не изъ кадетскихъ корпусовъ.

2) Обязательный пріемъ вольноопредѣляющихся отмѣнить, предоставивъ рѣшеніе этого вопроса командиру части.

3) Ограничить число вольноопредѣляющихся какой либо нормой;

4) Вольноопредѣляющихся на собственномъ содержаніи сохранять только въ кавалеріи и конной артилеріи.

5) Образовательнаго ценза не повышать.

6) Отправлять въ училища лишь тѣхъ вольноопредѣляющихся, которымъ служба считается съ 1-го октября предыдущаго года.

7) Проходить службу въ тѣхъ полкахъ, куда вольноопредѣляющіеся приняты.

8) Воспретить всѣмъ жить на частныхъ квартирахъ.

9) Предоставить начальнику части распределять вольноопредѣляющихся по ротнѣ или составлять особую команду.

10) Обязать вольноопредѣляющихся, не удостоенныхъ къ отправленію въ училище или исключенныхъ оттуда, дослуживать установленный закономъ срокъ.

11) Держать вольноопредѣляющихся вполнѣ на положеніи нижнихъ чиновъ и сохранить нынѣ существующій порядокъ посѣщенія ими офицерскихъ собраній.

40) *Школы подпрапорщиковъ.* Работы по пересмотру Положенія о подпрапорщикахъ и программъ для подготовки ихъ были начаты въ 1907 г.

Въ настоящее время, по приказанію Военнаго Министра, всѣ вопросы организационнаго характера, относящіеся до прохождения службы подпрапорщиками, переданы въ Главный Штабъ

На обязанности Комитета осталось составленіе программъ для школъ подпрапорщиковъ и опредѣленіе правъ подпрапорщиковъ въ отношеніи внутренней службы.

Программы будутъ рассмотрѣны Комитетомъ въ началѣ 1909 г.

Вопросы о правахъ подпрапорщиковъ включены въ проектъ Устава Внутренней службы.

41) *Отмена премій за подготовку прапорщиковъ запаса.* Вопросъ этотъ возбужденъ Главнымъ Штабомъ.

Исходя изъ того, что преміи приводятъ къ снисходительному отношенію къ экзаменуемымъ и что на занятія съ прапорщиками запаса слѣдуетъ смотрѣть какъ на служебныя, Комитетъ высказался за отмену премій.

42) *Учебные сборы запасныхъ ратниковъ государственнаго ополченія.* На запросъ Главнаго Штаба о порядкѣ выполнения учебныхъ сборовъ запасныхъ и ратниковъ Государственнаго ополченія Комитетъ высказалъ:

1) Продолжительность учебныхъ сборовъ *запасныхъ* установить въ 6 недѣль, допустивъ сокращеніе этого срока не болѣе какъ на 2 недѣли.

2) Призывать запасныхъ въ учебные сборы во время состоянія ихъ въ I категоріи запаса; 2-й сборъ назначать позднѣе, чтобы запасный переходилъ во II категорію съ освѣженными познаніями.

3) Установить для пѣхоты отпускъ патроновъ въ половинномъ размѣрѣ противъ принятаго для нижнихъ чиновъ дѣйствительной службы; для артилеріи—сохранить нынѣ существующій отпускъ снарядовъ.

Для ратниковъ государственнаго ополченія.

1) Продолжительность учебныхъ сборовъ установить въ 6 недѣль.

2) Призывать ихъ два раза въ первые 4 года состоянія въ ополченіи.

4) Число патроновъ установить тоже, что и для запаса.

Кромѣ того Комитетомъ былъ рассмотрѣнъ вопросъ о привлеченіи нижнихъ чиновъ запаса въ учебные сборы на время маневровъ, чтобы дать войсковымъ начальникамъ практику въ командованіи частями усиленнаго состава.

Вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія Комитетъ не могъ принять, такъ какъ и этотъ способъ, и донинѣ существующій, имѣютъ свои выгоды и недостатки. Между прочимъ, было высказано, что цѣль учебныхъ сборовъ заключается не въ подготовкѣ начальника, а въ освѣженіи познаній одиночнаго солдата.

Чтобы примирить эти противорѣчія было предложено ставить запасныхъ на 2 недѣли маневровъ въ общій строй и затѣмъ сводить ихъ въ отдѣльныя части для одиночныхъ занятій.

Мнѣніе это препровождено въ Главный Штабъ.

43) *О вице-унтеръ-офицерахъ.* Нѣкоторые войсковые начальники возбудили ходатайство объ установленіи званія вице-унтеръ-офицера. Въ это званіе должны производиться тѣ изъ окончившихъ курсъ учебной команды нижнихъ чиновъ, которые назначаются вр. и д. взводныхъ унтеръ-офицеровъ. Мѣра эта предлагалась въ цѣляхъ поднятія ихъ авторитета въ глазахъ нижнихъ чиновъ.

Большинство командующихъ войсками высказалось противъ этой мѣры и большинство членовъ Комитета присоединилось къ этому взгляду.

44) *Учебныя команды.* Въ 1907 г. было разрѣшено назначить въ учебныя команды пѣхоты и кавалеріи по 25% молодыхъ солдатъ, окончившихъ первоначальный курсъ обученія.

Вслѣдствіе благоприятныхъ результатовъ этого опыта, а также имѣя въ виду возрастаніе числа грамотныхъ, поступающихъ въ войска, Комитетъ возбудилъ ходатайство объ увеличеніи этой нормы до 50%, о чемъ и объявлено въ приказѣ по Военному Вѣдомству 1908 г. № 383.

Комитетъ не нашелъ препятствій къ распространенію приказа по Военному Вѣдомству 1907, № 178 о назначеніи въ учебную команду молодыхъ солдатъ около 25% ея состава и на учебныя команды обозныхъ войскъ, о чемъ и сообщено Главному Штабу, въ отвѣтъ на его запросъ.

Въ виду того, что нѣкоторые нижніе чины послѣдняго призыва, назначаемые въ учебныя команды, не оканчиваютъ успѣшно ускоренный курсъ этихъ командъ, но въ тоже время по своимъ нравственнымъ качествамъ вполнѣ достойны быть унтеръ-офицерами, Комитетъ вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи начальникамъ частей оставлять такихъ нижнихъ чиновъ въ учебныхъ командахъ на второй годъ. Мѣра эта была одобрена Военнымъ Министромъ и сообщена командующимъ войсками предписаніемъ Главнаго Штаба отъ 9 февраля № 11481.

45) *Пополненіе командъ носильщиковъ.* Вопросъ возбужденъ Штабомъ Виленскаго округа вслѣдствіе перехода отъ 4-хъ къ 3-хъ лѣтнему сроку службы.

Комитетъ установилъ, что необходимо пополнять команды носильщиковъ съ такимъ расчетомъ, чтобы ежегодное увольненіе въ за-

Шашка препровождена въ Главное Артилерійское Управление для составленія чертежей и описанія.

Кромѣ того Комитетъ разработалъ правила носки шашки, причѣмъ кавалерійскимъ офицерамъ Высочайше разрѣшено носить внѣ строя и службы: сабли—гусарскимъ, уланскимъ и драгунскимъ полкамъ, и палаши—драгунскимъ, переименованнымъ изъ кирасирскихъ.

Проектъ соответствующаго приказа по Военному Вѣдомству представленъ на утвержденіе Военнаго Министра 17-го декабря.

50) *Солдатская шашка.* Въ связи съ работами Комитета объ офицерской шашкѣ Государю Императору было доложено о необходимости облегчить солдатскую шашку, на что послѣдовало Его Императорскаго Величества согласіе.

Нынѣ вопросъ этотъ находится въ разработкѣ Главнаго Артилерійскаго Управленія. Вмѣстѣ съ симъ названное Управление разрабатываетъ и образецъ ножны солдатской шашки.

51) *Ручныя гранаты.* Предполагая дать правила употребленія въ бою ручныхъ гранатъ, Комитетъ снесся съ Главными Управленіями—Артилерійскимъ и Инженернымъ, причѣмъ оказалось, что оба эти Управленія вырабатываютъ образцы гранатъ совершенно самостоятельно. По докладѣ Комитета о необходимости объединить это дѣло, Военный Министръ приказалъ всю работу сосредоточить въ Главномъ Артилерійскомъ Управленіи.

52) *Вооруженіе строевыхъ чиновъ артилеріи.* Вопросъ возбужденъ Главнымъ Артилерійскимъ Управленіемъ.

Комитетъ высказался за вооруженіе:

1) Пѣшей артилеріи—кинжаломъ и револьверомъ съ приставнымъ прикладомъ.

2) Конной—шашкой и револьверомъ съ приставнымъ прикладомъ.

3) Горной: пѣшей—какъ пѣшей артилеріи; конной—какъ конной артилеріи.

4) Осадной и крѣпостной—винтовками. О чемъ и было сообщено Главному Артилерійскому Управленію.

53) *Вооруженіе нестроевыхъ.* На соответствующій запросъ Главнаго Артилерійскаго Управленія о вооруженіи нижнихъ чиновъ, находящихся въ строевомъ расчетѣ пѣхоты внѣ общаго строя, и нестроевыхъ, Комитетъ высказался въ принципѣ за необходимость этой мѣры, предложивъ вооружить:

1) Знаменщиковъ—оружіемъ присвоеннымъ имъ нынѣ по званію;

2) Драгунскими винтовками: обозные баталіоны, обозныхъ въ пѣхотѣ и артилеріи, артилерійскіе парки, нестроевыхъ кавалеріи (кромѣ шашки); въ казачьихъ войскахъ—казачьей винтовкой и шашкой; въ конной и казачьей артилеріи обозныхъ приравнять къ кавалеріи и казакамъ; инженерныя войска и саперъ—къ пѣхотѣ.

3) Денщиковъ вооружить какъ строевыхъ своей части.

Писарей: въ пѣхотныхъ штабахъ, корпусныхъ и армейскихъ—драгунскими винтовками; въ кавалеріи и казакахъ—винтовкой и шашкой; мастеровыхъ въ артилеріи приравнять къ обознымъ.

Фельдшеровъ, надзирателей больныхъ и санитаровъ полевыхъ госпиталей не вооружать ничѣмъ.

О такомъ постановленіи Комитета было сообщено въ Главное Артилерійское Управленіе.

54) *Вооруженіе барабанщиковъ ружьями.* По докладѣ въ 1907 г. ходатайства Комитета объ отѣнѣннѣ барабанщиковъ, Комитету было поручено обсудить вопросъ о вооруженіи ихъ ружьями.

Вооруженіе это и способы носки винтовки за плечомъ были испытаны въ теченіе лѣтнихъ занятій войскъ во всѣхъ округахъ, причемъ по единогласному заявленію Командующихъ войсками, ружье только обременяетъ излишне барабанщика.

Комитетъ, имѣя въ виду, что на барабанахъ нынѣ боевыхъ сигналовъ не подается и что они служатъ только для цѣлей мирнаго времени, возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы барабаны въ походъ не брались и барабанщики ставились въ общій строй; для этого обучать ихъ стрѣльбѣ изъ ружей на общихъ основаніяхъ съ прочими.

Докладъ о томъ препровожденъ, по приказанію Военнаго Министра, въ Главный Штабъ для составленія Всеподданнѣйшаго доклада.

55) *Вооруженіе командъ конныхъ развѣдчиковъ въ пѣхотѣ.* Ходатайство Командующаго войсками Приамурскаго округа о вооруженіи нижнихъ чиновъ командъ конныхъ развѣдчиковъ въ пѣхотѣ шашками и драгунскими винтовками отклонено Комитетомъ на томъ основаніи, что эти команды предназначаются для дѣйствій въ пѣшемъ строю, а не въ конномъ, о чемъ и было сообщено въ Главное Артилерійское Управленіе.

56) *Вооруженіе лазаретныхъ командъ.* Вопросъ возбужденъ инспекторомъ госпиталей Петербургскаго военнаго округа.

Комитетъ призналъ, что въ вооруженіи этихъ нижнихъ чиновъ надобности не усматривается, о чемъ было сообщено въ Главный Штабъ.

57) *Конкурсъ на снаряженіе:* 1-го февраля отчетнаго года окончился срокъ представленія предметовъ офицерскаго и солдатскаго снаряженія на конкурсъ, объявленный въ предыдущемъ году.

Къ этому времени въ Комитетъ было получено 35 образцовъ солдатскаго снаряженія, 7—офицерскаго, и нѣкоторое количество отдѣльныхъ предметовъ, какъ-то: патронныя сумки, котелки, фляги, палатки, плащи-накидки и т. п.

Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ этихъ образцовъ въ особой конкурсной комисіи, Комитетъ демонстрировалъ ихъ передъ войсковыми начальниками Петербургскаго гарнизона и затѣмъ избралъ три образца солдатскаго снаряженія: передѣланное по системѣ полковника Гребнера нынѣ существующее мѣшечное снаряженіе; снаряженіе американской фирмы Милльсъ и комбинированное снаряженіе изъ ранца юнкера Чугуевскаго юнкерскаго училища Ильинскаго и ранцевыхъ ремней и патронныхъ сумокъ капитана фонъ-Гериха, и два офицерскаго: подбесаула Постникова и американской фирмы Милльсъ.

Всѣ эти предметы были заказаны попеченіемъ Комитета и разосланы въ 7 войсковыхъ частей, по выбору командующихъ войсками округовъ: Петербургскаго, Варшавскаго, Кіевскаго, Туркестанскаго, Иркутскаго и Кавказскаго.

Въ ноябрѣ отчетнаго года эти войсковыя части представили свои заключенія, изъ коихъ оказалось, что ни одно изъ полныхъ испытывавшихся солдатскихъ снаряженій не можетъ быть принято въ войска, а потому конкурсъ признанъ Комитетомъ несостоявшимся и преміи за снаряженіе не подлежащими къ выдачѣ.

Представленіе о томъ Военному Министру утверждено 24-го декабря.

Вмѣстѣ съ заключеніями своими объ испытывавшихся образцахъ снаряженія, нѣкоторыя войсковыя части представили выработанные ими собственные образцы солдатскаго снаряженія, съ ходатайствомъ разсмотрѣть ихъ уже внѣ конкурса; подобное же ходатайство поступило и отъ американской фирмы Милльсъ относительно ихъ образца снаряженія № 2. Кромѣ того, въ Комитетъ было доставлено снаряженіе, выработанное въ Главномъ интендантскомъ управленіи.

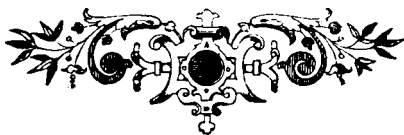
Изъ этихъ образцовъ, Комитетъ остановился на трехъ, и вошелъ съ представленіемъ къ Военному Министру о разрѣшеніи продолжить испытаніе въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ.

24-го декабря представленіе это утверждено и передано для исполненія въ Главное интендантское управленіе; но въ виду заявленія главнаго интенданта, что вопросъ о перемѣнѣ снаряженія крайне важно рѣшить теперь же, такъ какъ необходимо весной дѣлать заказъ его, вопросъ этотъ былъ перерѣшенъ особой комисіей изъ состава Комитета, при участіи главнаго интенданта. Комисія остановилась на мысли: принять образецъ, скомбинированный изъ образца, проектированнаго техническимъ комитетомъ главнаго интендантскаго управленія и образца, представленнаго штабсъ-капитаномъ Величковскимъ.

Постановленіе это сообщено главному интендантскому управленію.

58) *Пригонка ружейнаго ремня.* Вслѣдствіе принятія въ строевомъ пѣхотномъ уставѣ приѣма «на ремень» для носки винтовки за плечомъ, Комитетъ, при содѣйствіи Офицерской стрѣлковой школы, выработалъ новый способъ пригонки ружейнаго ремня. Государю Императору благоугодно было одобрить этотъ способъ, о чемъ и сообщено въ Главное Артилерійское Управленіе для составленія чертежей и описанія пригонки. Эти послѣдніе еще не объявлены, такъ какъ въ Офицерской стрѣлковой школѣ еще не выработаны способы прорѣзки ложи для продѣванія ремня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Обзоръ мѣръ, принятыхъ въ 1908 г. по устройству корпуса офицеровъ западно-европейскихъ армій.

Германія.—Пополненіе некомплекта.—Мѣры по подготовкѣ офицеровъ.—Медленность чиновпроизводства.—Улучшеніе матеріальнаго положенія.—*Австро-Венгрія.*—Военно-учебныя заведенія.—Новое положеніе о чиновпроизводствѣ.—Увеличеніе содержанія.—Новыя правила объ офицерскихъ бракахъ.—*Франція.*—Подготовка офицеровъ постоянной службы и резерва.—Сверхкомплектъ офицеровъ.—*Италія.*—Увеличеніе денежнаго довольствія.—Производство.—Советы чести.—Новыя мѣры, принятыя въ Турціи, Болгаріи, Швейцаріи и Испаніи.—Заключеніе.

Устройство корпуса офицеровъ продолжаетъ оставаться въ большинствѣ западно-европейскихъ армій предметомъ тщательныхъ заботъ, и каждый годъ приносить новыя мѣропріятія, относящіяся до личнаго состава, которому ввѣрено командованіе и управленіе арміями. Въ Западной Европѣ общепризнана и въ теоріи, и на практикѣ, тѣсная связь, существующая между духомъ армій и духомъ ихъ корпуса офицеровъ, всесторонне оцѣнено воздѣйствіе на моральныя качества переменнаго состава армій ея постоянного элемента, избравшаго военную службу своей профессіей. Признается тамъ также сложность выработки военного духа въ корпусѣ офицеровъ при нынѣшнихъ условіяхъ общественной и политической жизни, трудность борьбы съ вліяніями, понижающими боевыя качества офицерскаго персонала, необходимость внимательно слѣдить за требованіями жизни по отношенію къ устройству корпуса офицеровъ. Не менѣе серьезной причиной преобразованій служитъ и непрекращающееся развитіе военнаго дѣла, которое требуетъ все болѣе разнообразныхъ и обширныхъ знаній. Разумѣется, не вездѣ усилія соотвѣтствуютъ трудностямъ задачи, и почти нигдѣ достигаемые результаты не даютъ желаемаго удовлетворенія, но работа идетъ повсюду съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ.

Германское высшее военное управление издавна славится чуткостью къ новымъ требованіямъ жизни и службы отъ корпуса офицеровъ и умѣньемъ находить наиболѣе подходящіе мѣры къ поддержанію офицерскаго состава на желаемой высотѣ. Но, именно благодаря такимъ своимъ качествамъ, оно лучше другихъ должно понимать значеніе препятствій, съ которыми ему приходится бороться для достиженія цѣли. Численность германскихъ офицеровъ постоянно растетъ; штатный составъ ихъ ежегодно увеличивается вслѣдствіе сформирования новыхъ войсковыхъ частей и учрежденія новыхъ должностей, и первое препятствіе, съ которымъ встрѣчается германское высшее военное управление въ разсматриваемомъ дѣлѣ, состоитъ въ затруднительности укомплектованія корпуса офицеровъ до штатнаго состава. Въ 1908 г. бюджетная численность германскихъ офицеровъ возрасла на 354 чел., между тѣмъ въ началѣ года изъ 7,727 подпоручиковъ, положенныхъ по штатамъ, недоставало болѣе 700 челов. Некомплектъ достигалъ 10 проц. и существовалъ преимущественно въ пѣхотѣ. Для устраненія некомплекта была принята мѣра довольно рѣшительная, но обоюдоострая. Командирамъ полевыхъ артилерійскихъ полковъ было предписано не принимать на службу въ качествѣ кандидатовъ въ офицеры молодыхъ людей, пожелавшихъ служить въ полевой артиллеріи, а направлять ихъ въ пѣхотныя части. Удалась ли эта мѣра, печать не сообщаетъ; остается также невыясненнымъ, не повліяла ли она на укомплектованіе офицерами полевой артиллеріи. Некомплектъ существуетъ и въ военно-врачебномъ персоналѣ, бюджетная численность котораго тоже постоянно увеличивается и въ 1908 г. возросла на 15 человѣкъ. Въ одной прусской арміи недоставало въ прошломъ году 250 врачей; пришлось приглашать частныхъ врачей и даже призывать изъ резерва. Всѣ эти мѣры не болѣе, какъ паліативы, и вопросъ о покрытіи некомплекта офицеровъ и врачей въ германской арміи остается открытымъ.

Первоначальная подготовка къ офицерскому званію не подвергалась какимъ либо измѣненіямъ—Въ берлинскую военную академію выдержало вступительный экзаменъ 666 поручиковъ и подпоручиковъ, изъ нихъ принято 133 чел., слѣдующимъ образомъ распредѣляющихся по родамъ оружія: 89 пѣхоты, 10 кавалеріи, 19 полевой артиллеріи, 5 крѣпостной артиллеріи, 4 піонерныхъ войскъ и 1 морской пѣхоты.—Въ военно-техническую академію принято: на крѣпостной артилерійскій курсъ 45 челов., въ отдѣлъ оружія 42 чел., на піонерный курсъ 43 чел., на инженерный курсъ 5 чел., въ отдѣлъ сообщеній 22 чел. Въ военно-медицинской академіи число слушателей увеличено на 60 чел. въ видахъ устраненія некомплекта военныхъ врачей.—На заграничныя командировки офицеровъ съ цѣлью изученія иностранныхъ языковъ было отпущено 45,000 руб.—Генералы, полковые и баталіонныя командиры крѣпостной артиллеріи привлечены къ посѣщенію пѣ-

хотной и артилерійской стрѣлковыхъ школъ, а генералы другихъ родовъ оружія во время пребыванія въ стрѣлковой школѣ полевой артилеріи обязаны посѣщать также и стрѣлковую школу крѣпостной артилеріи.—Приняты мѣры къ подготовкѣ офицеровъ, назначаемыхъ въ составъ полковыхъ судовъ: лица эти извѣщаются о предстоящемъ назначеніи за три мѣсяца впередъ, и имъ дается возможность ознакомиться съ военными законами и военнымъ судопроизводствомъ.—Крѣпостныхъ поѣздокъ офицеровъ генеральнаго штаба было произведено двѣ: въ 1-мъ (Кенигсбергъ) и 17-мъ (Данцигъ) армейскихъ корпусахъ.—Въ общемъ офицерскомъ запасѣ образованъ специальный корпусъ офицеровъ-автомобилистовъ, такъ какъ личный составъ общества автомобилистовъ-охотниковъ недостаточенъ для нуждъ арміи въ военное время, когда предвидится значительное развитіе военно-автомобильнаго движенія.

Медленность чинопроизводства продолжаетъ оказывать неблагоприятное воздѣйствіе на служебную годность германскаго корпуса офицеровъ, хотя высшее военное управленіе съ обычной рѣшимостью удаляетъ изъ арміи офицеровъ (почему либо не атестованныхъ къ повышенію. Въ 1907—1908 гг., согласно официальнымъ даннымъ, условія чинопроизводства нѣсколько улучшились лишь въ старшихъ чинахъ. Старшій изъ генераль-лейтенантовъ былъ произведенъ въ 1905 года, между тѣмъ какъ въ предшествовавшемъ году были на службѣ генераль-лейтенанты, произведенные въ 1902 г. Чинопроизводство генераль-маіоровъ и полковниковъ не ускорилося; старшіе генераль-маіоры произведенны въ 1905 г. а полковники 1904 г. Чинопроизводство подполковниковъ и маіоровъ замедлилося; въ пѣхотѣ, кавалеріи и полевой артилеріи старшіе подполковники были произведены въ періодъ съ іюня по сентябрь 1905 г., а маіоры—въ сентябрѣ 1901 г. Наоборотъ, капитанскій составъ арміи сталъ моложе: старшіе капитаны были произведены, въ пѣхотѣ, въ январѣ 1897 г. (въ 1907 г. были капитаны, произведенные въ іюлѣ 1895 г.), въ кавалеріи—въ іюнѣ 1897 г., и въ полевой артилеріи—въ мартѣ 1897 г. Въ поручики производятся быстрѣ всего въ кавалеріи, гдѣ старшіе поручики получили этотъ чинъ въ январѣ 1901 г. Для ускоренія чинопроизводства какихъ либо новыхъ мѣръ не принималось, и вообще чинопроизводство офицеровъ германской арміи попрежнему основывается въ большей степени на обычаяхъ, чѣмъ на законѣ.

Матеріальное положеніе офицеровъ продолжаетъ озабочивать высшее военное управленіе, и прошлый годъ принесъ въ этомъ отношеніи нѣсколько новыхъ мѣръ. Какъ извѣстно, въ 1906 г. было постановлено назначить 190 старшимъ подполковникамъ по 540 руб. въ годъ добавочныхъ, если они не командуютъ полками, такъ какъ между содержаніемъ баталіонныхъ командировъ, получаемымъ этими подполковниками, и содержаніемъ командировъ полковъ, получаемымъ ихъ болѣе счастливыми

товарищами, существуетъ большая разница. Въ 1908 г. высшее военное управленіе потребовало, чтобы мѣра эта была распространена на всѣхъ подполковниковъ, прослужившихъ въ чинѣ не менѣе шести лѣтъ; въ Пруссіи такихъ подполковниковъ насчитывается 270. Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, парламентъ постановилъ, что 235 подполковниковъ прусской арміи должны получать добавочныя деньги.—Затѣмъ кредитъ на пособія офицерамъ увеличенъ на 59,750 руб.—Наконецъ, былъ поднятъ и рассмотрѣнъ вопросъ объ увеличеніи жалованья всѣмъ офицерамъ до капитановъ включительно. Сущность составленнаго по этому предмету проекта заключается въ слѣдующемъ: первоначальныя оклады жалованья уравниваются во всѣхъ родахъ оружія и затѣмъ увеличиваются прогрессивно. Въ настоящее время жалованье подпоручиковъ измѣняется по родамъ оружія отъ 604 до 740 руб., смотря по тому служить ли подпоручикъ въ пѣхотѣ, въ конныхъ родахъ оружія, или въ специальныхъ войскахъ; поручики получаютъ по 885 руб., штабсъ-капитаны по 1,594 руб., и капитаны по 2,157 р. По новому расписанію первоначальный окладъ младшихъ офицеровъ составить 703 руб., затѣмъ каждые четыре года онъ будетъ увеличиваться на 140 руб. пока не достигнетъ 984 руб., причемъ производство изъ подпоручиковъ въ поручики не будетъ имѣть значенія для увеличенія жалованья. Первоначальный окладъ капитановъ 1-го и 2-го классовъ установленъ въ 1,875 руб. и черезъ каждые четыре года долженъ увеличиваться на 270 руб. и по прослуженіи восьми лѣтъ въ чинѣ достигнетъ высшаго размѣра въ 2,437 руб. Первоначальный проектъ предусматривалъ четвертую прибавку для младшихъ офицеровъ, такъ что послѣ 12 лѣтъ службы они получали бы по 1,125 руб. жалованья. Прибавка эта, оправдываемая продолжительнымъ пребываніемъ офицеровъ въ младшихъ чинахъ (по общему правилу, 16 лѣтъ), была, однако, отклонена союзнымъ совѣтомъ; министръ финансовъ нашель, что она противорѣчитъ нѣкоторымъ постановленіямъ законопроекта о жалованьи гражданскимъ чинамъ, тоже вносимаго въ рейстагъ.

Въ *Австро-Венгрии* были приняты въ прошломъ году довольно многочисленныя мѣры по устройству корпуса офицеровъ.

Состоявшаяся въ 1907 г. реорганизація штабовъ и учрежденныхъ для ихъ укомплектованія академій получила практическое выполненіе. Приѣмъ въ академію генеральнаго штаба значительно сократился; къ приѣму было допущено только 113 офицеровъ, между тѣмъ какъ прежде допускалось по 300 челов.; произошло это, какъ извѣстно, вслѣдствіе того, что бывшая военная академія преобразована въ специальную академію генеральнаго штаба. Принято было 40 офицеровъ. Въ артиллерійскую академію (высшіе курсы) поступило 16 офицеровъ, а въ инженерную (высшіе курсы) 10 офицеровъ.—Число низшихъ военно-реальныхъ школъ увеличилось двумя, одной

въ Австрія, другой въ Венгрія, такъ что всего теперъ имѣется восемь такихъ школъ, комплекующихъ высшія военно-реальные школы.—Обращено вниманіе на развитіе обученія иностраннымъ языкамъ офицеровъ генеральнаго штаба, причемъ изучаются языки: русскій, греческій, албанскій, болгарскій и японскій.

О чиновпроизводствѣ офицеровъ издано новое положеніе, которое хотя и не измѣняетъ дѣйствующую систему, но вноситъ въ нее нѣкоторыя поправки. Требования для производства въ офицеры постоянной службы сохранены прежнія. Основной порядокъ чиновпроизводства—по старшинству; относительно производства строевыхъ оберъ-офицеровъ порядокъ этотъ примѣняется за однимъ только исключеніемъ: подпоручики, окончившіе академію генеральнаго штаба и признанные годными къ службѣ генеральнаго штаба, производятся за отличіе въ поручики. Случаи примѣненія этого правила будутъ, впрочемъ, не многочисленны, такъ какъ почти всѣ офицеры кончаютъ академію поручиками. Изъ штабъ-офицерскихъ чиновъ только чины майора и подполковника могутъ быть даны за отличіе офицерамъ, не принадлежащимъ къ составу штабныхъ т. е. генеральнаго штаба, артиллерійскаго и инженернаго штабовъ. Открывшіяся вакансии въ этихъ чинахъ замѣщаются— $\frac{4}{5}$ по старшинству и $\frac{1}{5}$ —за отличіе, причемъ капитаны и майоры могутъ быть представлены къ производству за отличіе лишь въ томъ случаѣ, если они занимаютъ мѣсто въ первой четверти списка по старшинству.—Въ корпусѣ генеральнаго штаба и въ штабахъ артиллерійскомъ и инженерномъ производство во всѣ чины происходитъ по старшинству, причемъ офицеры генеральнаго штаба остаются въ своемъ корпусѣ и во время цензоваго командованія частями.

Оцѣнивая вѣроятныя послѣдствія новаго положенія на быстроту чиновпроизводства, мѣстная печать разсматриваетъ этотъ вопросъ отдѣльно по отношенію къ офицерамъ корпуса генеральнаго штаба и отдѣльно по отношенію къ строевымъ офицерамъ. Въ академію генеральнаго штаба офицеры поступаютъ на четвертомъ—седьмомъ году службы, а выходятъ на седьмомъ—десятомъ году; производятся въ капитаны, отбывъ цензовое командованіе, на 10—13 году службы; затѣмъ производство этихъ офицеровъ будетъ идти уже по корпусу генеральнаго штаба, исключительно по старшинству, въ слѣдующемъ порядкѣ: черезъ девять лѣтъ въ майоры, черезъ четыре года—въ подполковники, черезъ три года—въ полковники, и черезъ шесть лѣтъ—въ генералъ-майоры. Производство строевыхъ офицеровъ идетъ гораздо медленнѣе; окончаніе съ отличіемъ успѣхомъ корпусныхъ школъ или прохожденіе двухъ курсовъ академіи генеральнаго штаба, или какія либо отличія не дадутъ преимуществъ въ отношеніи чиновпроизводства. Различіе въ быстротѣ служебнаго движенія строевыхъ офицеровъ можетъ проявиться лишь съ производ-

ствомъ въ маіоры. При такихъ условіяхъ строевые офицеры не могутъ достигнуть чина полковника ранѣе 35 лѣтъ службы, слѣдовательно, въ лучшемъ случаѣ, 55 лѣтъ отъ роду. Чинъ генераль-лейтенанта они могутъ получить лишь въ видѣ исключенія. Такимъ образомъ, въ высшіе чины и впредь, какъ и теперь, будутъ производиться почти исключительно офицеры генеральнаго штаба и штабовъ артилерійскаго и инженернаго. Мѣстная печать считаетъ обстоятельство это неблагопріятнымъ для интересовъ арміи и, признавая урегулированіе чиновпроизводства за отличіе достоинствомъ новаго положенія, ставитъ ему въ упрекъ сохраненіе прежняго рѣзкаго различія въ служебной карьерѣ штабныхъ и строевыхъ офицеровъ.

Положеніе вносить нѣкоторыя измѣненія и въ правила о чиновпроизводствѣ офицеровъ резерва. Производство однолѣтнихъ вольноопредѣляющихся, сдавшихъ экзаменъ съ отличіемъ, прямо въ подпоручики резерва отмѣнено, такъ какъ это ставило ихъ въ слишкомъ благопріятное положеніе относительно другихъ сверстниковъ, которымъ приходится ожидать производства не менѣе четырехъ лѣтъ. Условія производства подпоручиковъ резерва въ поручики облегчены; теперь отъ нихъ требуется только трехмѣсячная добровольная служба, вмѣсто шестимѣсячной, сверхъ трехъ учебныхъ сборовъ. Выходящіе въ отставку подпоручики постоянной службы могутъ быть произведены въ поручики резерва, если прослужили не менѣе года въ офицерскомъ званіи, а не четырехъ, какъ требовалось до сихъ поръ, или отбыли учебный сборъ, получивъ хорошую аттестацию.

Право ходатайства, при увольненіи въ отставку, о производствѣ въ слѣдующій чинъ, предоставленное до сихъ поръ только тѣмъ офицерамъ, которые были внесены въ первую шестую часть списка по старшинству, даровано всѣмъ офицерамъ, находящимся уже въ отставкѣ, если оставшіеся на службѣ ихъ сверстники будутъ произведены. Для самихъ отставныхъ офицеровъ новый чинъ имѣетъ характеръ почетнаго, но пенсія его семьѣ будетъ исчисляться по окладамъ содержанія по новому чину.

По официальнымъ даннымъ, относящимся къ 1907 г., средняя продолжительность службы австрійскихъ офицеровъ въ различныхъ чинахъ выражалась, по родамъ оружія, слѣдующими цифрами:

	Генераль- ный штабъ.	Пѣхота.	Кавале- рія.	Полевая артилерія.
Младшій офицеръ (подпоручикъ и поручикъ)	10 ¹ / ₂	17	16	17 ¹ / ₂
Капитанъ	9	13	13 ¹ / ₂	13 ¹ / ₂
Маіоръ	4	5	4 ¹ / ₂	5 ¹ / ₂
Подполковникъ	3	3	3	3

Въ австрійскомъ ландверѣ сроки эти менѣе на одинъ, два года, а въ венгерскомъ—на одинъ, три года.

Полковники оставались въ чинѣ по шести лѣтъ, генераль-маіоры—по четыре года, генераль-лейтенанты—по шести лѣтъ.

Принимая мѣры къ упорядоченію чиновпроизводства, высшее военное управленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботится и объ его ускореніи. Въ этихъ видахъ, финансовая смѣта военнаго вѣдомства на 1908 годъ предусматривала учрежденіе въ каждомъ пѣхотномъ полку новой должности штабъ-офицера и капитана, и упраздненіе должностей трехъ поручиковъ или подпоручиковъ. Штатъ кавалерійскаго полка увеличился на одного штабъ-офицера, командира запаснаго кадра и сократился на одного ротмистра. Вслѣдствіе уменьшенія численности младшихъ офицеровъ сократилось и число подпрапорщиковъ на 1,118 челов., что должно повести къ ускоренію чиновпроизводства также и лицъ этой категоріи.

Матеріальное положеніе офицеровъ улучшилось вслѣдствіе увеличенія денежнаго довольствія. Новые оклады жалованья были уже приведены въ «Военномъ Сборникѣ» (№ 11 за 1908 г.). Здѣсь замѣтимъ лишь, что по новому росписанію оклады измѣняются въ зависимости отъ продолжительности пребыванія въ чинѣ, и принципъ этотъ въ особенности широко примѣненъ къ окладамъ жалованья капитановъ. Основаніе это, какъ выше сказано, получило примѣненіе и въ проектѣ новыхъ окладовъ жалованья германскихъ офицеровъ. Напомнимъ, равнымъ образомъ, что по мнѣнію обще-имперскаго военнаго министра и нынѣшніе оклады недостаточны, что необходимо еще увеличить деньги на обмундированіе вновь произведеннымъ подпоручикамъ и дать молодымъ офицерамъ средства на обзаведеніе хотя разъ въ теченіе всей службы полнымъ новымъ обмундированіемъ и снаряженіемъ, что нужно увеличить пособія на обзаведеніе лошадьми, прогонныя и подъемныя деньги. Такимъ образомъ, въ планъ будущихъ преобразованій по военному вѣдомству входятъ въ Австро-Венгріи проекты дальнѣйшаго улучшенія матеріальнаго положенія офицеровъ.

Въ прошломъ году вошли въ силу новыя правила объ офицерскихъ бракахъ, утвержденныя 10-го декабря 1907 г., и внесшія существенныя измѣненія въ дѣйствовавшій по этому предмету порядокъ. Въ австро-венгерской арміи издавна принято, чтобы число женатыхъ офицеровъ не превышало извѣстной нормы. По новымъ правиламъ, изъ общаго офицерскаго состава могутъ быть женатыми: въ генеральномъ штабѣ, въ артилерійскомъ и инженерномъ штабахъ, въ пѣхотѣ, кавалеріи, инженерныхъ войскахъ, обозныхъ войскахъ, санитарныхъ частяхъ, и въ вешевомъ вѣдомствѣ — половина офицеровъ; въ ремонтныхъ заведеніяхъ, изъ состава продовольственныхъ офицеровъ, въ аудиторіатѣ, въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, въ интендантствѣ и т. д. — двѣ трети офицеровъ. Такимъ образомъ, дѣйствовавшія до сихъ поръ нормы нѣсколько увеличены; въ войскахъ могла быть женатыми только четвертая часть офицеровъ, а изъ хозяйственно-административнаго состава — половина. Кромѣ того, отмѣ-

нено воспрещеніе жениться капитанамъ, причисленныхъ къ генеральному штабу, но число женатыхъ ограничено одной пятой всего состава. Воспрещеніе жениться сохранило силу относительно офицеровъ лейбъ-гвардейской роты и эскадрона, слушателей военной академіи, кавалерійской школы, аппликаціонной военно-медицинской школы и кандидатовъ на военно-учебныя должности. Вступленіе въ бракъ генераловъ и полковниковъ обще-имперской арміи не ограничено численной нормой, не существуетъ она и въ ландверѣ относительно всего офицерскаго состава.

Брачный реверсъ измѣняется въ зависимости отъ служебнаго положенія офицеровъ. Бумаги должны приносить не менѣе 4% дохода съ капитала, опредѣленнаго для каждаго чина; если онѣ приносятъ меньше, то капиталъ долженъ быть увеличенъ на соответствующую сумму. Прежде реверсъ вносился въ запасную кассу подлежащаго военнаго министерства; теперь онѣ остается въ части или учрежденіи и долженъ быть обращенъ въ именныя свидѣтельства. Размѣры реверсовъ установлены слѣдующіе: для подпоручика—60,000 кронъ (крона=39 коп.), поручика—50,000 кронъ, для капитановъ: генеральнаго штаба—60,000 кронъ, остальныхъ—40,000 кронъ; для маіоровъ: генеральнаго штаба—50,000 кронъ, остальныхъ—30,000 кронъ; для подполковниковъ и полковниковъ генеральнаго штаба—50,000 кронъ; остальные подполковники и полковники освобождены отъ взноса реверса. Размѣръ реверса, требуемаго отъ строевыхъ офицеровъ, имѣющихъ менѣе 30 лѣтъ отъ роду, увеличивается на 50%. Въ общемъ, реверсъ повышенъ для подпоручиковъ, уменьшенъ для капитановъ и маіоровъ и сохраненъ въ прежнемъ размѣрѣ для поручиковъ. Интенданты и военные инженеры-строители подлежатъ дѣйствию правилъ о резервѣ наравнѣ съ остальными офицерами.

Во *Франціи* мѣры, принятыя въ прошломъ году по устройству корпуса офицеровъ, относились почти исключительно до подготовки какъ офицеровъ постоянной службы, такъ и резерва.

Уже въ 1907 г. было приступлено къ обширнымъ преобразованіямъ въ военно-учебномъ дѣлѣ съ цѣлью добиться, такъ называемаго, единства происхожденія офицеровъ, которые до сихъ поръ подраздѣляются на двѣ главныхъ группы: 1) на выпускаемыхъ изъ С.-Сирской и Политехнической школы, и 2) и на производимыхъ изъ унтеръ-офицеровъ, окончившихъ курсъ въ специально устроенныхъ для этой цѣли школахъ. Основная идея названныхъ преобразованій заключается въ томъ, чтобы поднять духовное развитіе офицеровъ второй категоріи и поставить его на одинъ уровень съ развитіемъ офицеровъ первой категоріи. Дѣлается это не только въ интересахъ арміи вообще и корпуса офицеровъ въ частности, но и вслѣдствіе побужденій политическаго характера. По словамъ доклада, представленнаго военнымъ министромъ президенту республики, демократиче-

скія идеи, все болѣе проникающія во французскіе законы и учрежденія, требуютъ, чтобы составъ корпуса офицеровъ былъ однообразенъ. Сообразно этому требованію, курсъ С.-Сирской военной школы сокращенъ до одного года, такъ какъ предварительно будущіе воспитанники школы обязаны прослужить годъ въ своихъ частяхъ и получить тамъ практическую подготовку. Преподаваніе въ школѣ установлено исключительно теоретическое. По истеченіи года воспитанники производятся въ подпоручики и командуются въ аппликационную школу; такихъ школъ устроено по одной на каждый родъ оружія. Результаты выпускного экзамена изъ этихъ школъ опредѣляютъ старшинство молодыхъ офицеровъ. Въ эти же школы поступаютъ и подпоручики, произведенные изъ унтеръ-офицеровъ по окончаніи соответствующихъ школъ, такъ что окончательное испытаніе установлено общее для обѣихъ категорій офицеровъ. Учебный годъ какъ въ С.-Сирской, такъ и въ С.-Мексанской школахъ начинается теперь одновременно, съ 1-го октября. Молодые люди, готовящіеся въ кавалерійскіе офицеры, будутъ поступать съ 1909 г. не въ С.-Сирскую школу, а прямо въ Сомюрскую.

Установленная во Франціи новая система подготовки къ офицерскому званію въ извѣстномъ сборникѣ Лебеля названа превосходной и во многомъ превосходящей систему, принятую въ Германіи. Пробывъ годъ въ войскахъ, молодые люди получаютъ въ теченіе слѣдующаго года теоретическое образованіе, а на третій годъ уже спеціально готовятъ къ службѣ въ войскахъ избраннаго ими рода оружія, послѣ чего возвращаются въ свои части.

Центральнымъ учрежденіемъ для руководства всѣми военно-учебными заведеніями, исключая военной академіи, служитъ вновь учрежденная постоянная инспекція военныхъ школъ, подчиняющаяся непосредственно военному министру.

Вмѣстѣ съ примѣненіемъ изложенной системы подготовки къ офицерскому званію принимались мѣры къ тому, чтобы облегчить унтеръ-офицерскому составу достиженіе офицерскаго званія. Въ арміи устроены многочисленныя войсковыя школы, назначенныя спеціально для подготовки лицъ, желающихъ достигнуть офицерскаго званія. Въ прошломъ году былъ принятъ для этихъ школъ новый учебный планъ, согласно которому обученіе въ нихъ подраздѣлено на низшее и среднее. Програма того и другого обнимаетъ французскій языкъ, математику, исторію и географію, а въ среднемъ отдѣленіи къ этимъ предметамъ присоединяется физика и химія. Къ начальному обученію допускаются нижніе чины всѣхъ званій, хорошо атестованные и прослужившіе не менѣе года, а къ послѣдующему только унтеръ-офицеры, прослужившіе не менѣе двухъ лѣтъ и уже обладающіе свѣдѣніями, требуемыми отъ лицъ первой категоріи. Школы для первоначальной подготовки имѣетъ каждая часть; занятія въ школахъ на-

чинаются въ октябрѣ и длятся восемь мѣсяцевъ, по три раза въ недѣлю. Школы второй категоріи—гарнизонныя; обученіе въ нихъ продолжается цѣлый годъ, тоже по три раза въ недѣлю. Выдержавшіе экзаменъ переводятся въ слѣдующую категорію войсковыхъ школъ, уже специально дающихъ подготовку къ поступленію въ военно-учебныя заведенія. Преподаваніе въ войсковыхъ школахъ производится молодыми офицерами, освобождаемыми отъ другихъ занятій.

Изъ числа мѣръ, относящихся до послѣдней подготовки офицеровъ, слѣдуетъ сказать, прежде всего, о новой програмѣ вступительныхъ испытаній въ военную академію. Существеннымъ измѣненіемъ въ прежнихъ постановленіяхъ по этому предмету является подраздѣленіе испытаній въ корпусныхъ штабахъ на два разряда, и каждый изъ нихъ будетъ производиться въ срокъ, указанный военнымъ министромъ. Первое испытаніе продолжается два дня и производится изъ трехъ предметовъ: тактики, исторіи (первый день) и фортификаціи (второй день); по тактикѣ и исторіи исполняется одна работа, по фортификаціи—двѣ. Тактическая работа состоитъ въ разрѣшеніи задачи, требующей знанія основныхъ положеній о производствѣ маршей, о размѣщеніи войскъ, объ охранительной службѣ, и о распоряженіяхъ къ бою; на исполненіе работы дается три часа. Работа по исторіи должна имѣть отношеніе къ одной изъ кампаній, вѣдѣнныхъ въ Европѣ съ 1789 г., и заключаться, главнымъ образомъ, въ сужденіяхъ о причинахъ и слѣдствіяхъ войны. Экзаменуемому предоставляется выборъ изъ двухъ задачъ. По фортификаціи, какъ сказано, исполняются двѣ работы, причемъ въ одной обсуждается какой либо общій вопросъ, а другая состоитъ въ рѣшеніи данной задачи; на эти работы дается три часа. Исполненныя работы разсматриваются особой комисіей, въ Парижѣ, и въ официальномъ военномъ изданіи объявляются офицеры, допущенные ко второму испытанію.

Второе испытаніе продолжается три дня. Въ первый день испытанія производятся по тактикѣ (четыре часа) и географіи (два часа); по тактикѣ требуется рѣшить задачу на дѣйствіе отряда изъ трехъ родовъ оружія силою не болѣе бригады. Во второй день испытанія производятся изъ законовѣдѣнія и администраціи (два часа), военной гигиены (два часа), и нѣмецкаго языка ($1\frac{1}{4}$ часа), причемъ по нѣмецкому языку требуется сдѣлать переложеніе съ французскаго на нѣмецкій и переводъ съ нѣмецкаго на французскій. На третій день испытаніе оканчивается черченіемъ ($1\frac{1}{2}$ часа). По оцѣнкѣ той же комисіей работъ, исполненныхъ на второмъ испытаніи, въ официальномъ изданіи объявляется, кто изъ офицеровъ допущенъ къ устному экзамену, который производится въ Парижѣ по тактикѣ и нѣмецкому языку; вмѣстѣ съ тѣмъ комисія провѣряетъ у экзаменующихся искусство въ верховой ѣздѣ.

Относительное значеніе предметовъ, изъ которыхъ производится испытаніе, опредѣляется ихъ коэффициентами, которые установлены слѣдующіе: по фортификаціи—6, по тактикѣ, исторіи и организаціи войскъ—5, географіи—4, законовѣднію, администраціи, черченію—3, по нѣмецкому языку, гигиенѣ и верховой ѣздѣ—2. Общая пригодность офицера къ службѣ генеральнаго штаба оцѣнивается особо, и насколько серьезно значеніе, ей придаваемое, видно изъ того, что для нея установленъ коэффициентъ 6.

Въ аппликаціонную кавалерійскую школу были нѣсколько разъ командированы изъ строя штабъ и оберъ-офицеры для ознакомленія съ современными взглядами на дѣйствія кавалеріи въ военное время и на подготовку кавалерійскихъ частей къ боевой службѣ.—Офицеры инженерныхъ войскъ командировались въ другіе роды оружія для изученія совокупнаго образа дѣйствій съ пѣхотой и артилеріей.—Были приняты нѣкоторыя частныя мѣры къ развитію въ арміи изученія иностранныхъ языковъ.—Въ университетскихъ городахъ попрежнему открывались курсы для офицеровъ, желающихъ пополнить общее образованіе.—Подготовка офицеровъ резерва и территоріальной арміи, по указаннымъ въ законѣ о пополненіи арміи 1905 г. правиламъ, получаетъ большую систематичность и законченность.

Французская армія, благодаря широкому доступу въ корпусъ офицеровъ нижнихъ чиновъ общаго срока службы, не только не знаетъ офицерскаго некомплекта, но имѣетъ даже сверхкомплектъ офицеровъ. Бюджетная численность французскаго корпуса офицеровъ превышаетъ штатную, и высшему военному управленію приходится принимать мѣры къ сокращенію офицерскаго состава. Изданный въ 1905 г. законъ разрѣшилъ увольнять въ отставку съ пенсіей капитановъ и баталіонныхъ командировъ, прослужившихъ не 30 лѣтъ, какъ установлено основнымъ закономъ, а 25 лѣтъ. Дѣйствіе закона о преждевременномъ увольненіи съ пенсіей было ограничено двумя годами, но такъ какъ желающихъ воспользоваться предоставляемыми имъ преимуществами оказалось немного, то сила закона была продлена до марта прошлаго года. вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось продлить и полномочія военнаго министра на увольненіе въ трехгодичный отпускъ безъ содержанія извѣстнаго числа офицеровъ, дабы этимъ путемъ покрыть расходы по содержанію сверхкомплектныхъ офицеровъ.

Въ *Италіи* въ прошломъ году было значительно увеличено денежное довольствіе офицеровъ, преимущественно, младшихъ чиновъ. Законъ 6-го іюля установилъ новые оклады жалованья и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнилъ различіе, существовавшее ранѣе между окладами офицеровъ различныхъ родовъ оружія, замѣнивъ разницу назначеніемъ добавочнаго содержанія карабинерамъ, младшимъ офицерамъ артилеріи и инженерныхъ войскъ, не получающихъ фуражныхъ денегъ, врачамъ и ветеринарамъ. По новымъ окладамъ назначено въ годъ: генера-

ламъ 5,550 руб. жалованья и 1,125 руб. добавочныхъ, генераль-лейтенантамъ 4,500 руб. жалованья, генераль-маіорамъ 3,750 руб., полковникамъ 3,000 руб. (добавочное содержаніе: въ карабинерахъ 825 руб., въ медицинскомъ вѣдомствѣ 150 руб.), полковникамъ: прослужившимъ болѣе пяти лѣтъ 2,625 руб. (добавочныя: въ карабинерахъ 787 руб., въ медицинскомъ вѣдомствѣ 112 руб.); прослужившимъ менѣе пяти лѣтъ—2,250 руб. (добавочныя: въ карабинерахъ 787 руб., въ медицинскомъ вѣдомствѣ 112 руб.); маіорамъ: прослужившимъ болѣе пяти лѣтъ—2,062 руб. (добавочныя: въ карабинерахъ 712 руб., врачамъ 112 руб.); прослужившимъ менѣе пяти лѣтъ—1,875 руб. (добавочныя: въ карабинерахъ 712 руб., врачамъ 112 руб.); капитанамъ: послѣ 10 лѣтъ службы въ чинѣ или 25 лѣтъ общей службы—1,800 руб. (добавочныя: въ карабинерахъ 562 руб., врачамъ 112 руб., ветеринарамъ 75 руб.); прослужившимъ болѣе пяти лѣтъ—1,650 руб. (добавочныя: въ карабинерахъ 562 руб., врачамъ 112 руб., ветеринарамъ 75 руб.); прослужившимъ менѣе пяти лѣтъ—1,500 руб. (добавочныя: въ карабинерахъ 562 руб., врачамъ 112 руб., ветеринарамъ 75 руб.); поручикамъ: послѣ 15 лѣтъ службы въ чинѣ—1,350 руб. (добавочныя: въ карабинерахъ 402 руб., въ артилеріи, инженерныхъ войскахъ, врачамъ и ветеринарамъ 75 руб.); послѣ 15 лѣтъ общей службы—1,312 руб. (добавочныя въ показанномъ выше размѣрѣ); послѣ 10 лѣтъ—тѣ же оклады, что и послѣ 15 лѣтъ; послѣ пяти лѣтъ 1,050 руб. (добавочныя въ показанномъ выше размѣрѣ), и не прослужившимъ пяти лѣтъ—900 р. (добавочныя въ томъ же размѣрѣ); подпоручикамъ 750 р. (добавочныя: въ карабинерахъ 300 р., въ артилеріи, инженерныхъ войскахъ, врачамъ и ветеринарамъ 75 р.).

Чинопроизводство младшихъ офицеровъ урегулировалось примѣненіемъ закона 14-го іюля 1907 г., установившаго, что подпоручики всѣхъ родовъ оружія производятся въ поручики послѣ трехъ лѣтъ службы; производство за отличіе сохранено лишь для тѣхъ подпоручиковъ артилеріи и инженерныхъ войскъ, которые съ успѣхомъ сдали экзамены въ аппликаціонной школѣ. Извѣстное значеніе имѣетъ учрежденіе при военномъ министрѣ специальной комисіи, на обязанности которой лежитъ разсмотрѣніе прошеній и жалобъ, подаваемыхъ военнослужащими, пострадавшими отъ примѣненія дѣйствующихъ законовъ. Военному министру предоставлено передавать на разсмотрѣніе комисіи и другія прошенія, къ нему поступающія. Учреждены совѣты чести для разрѣшенія личныхъ столкновеній, возникающихъ между военнослужащими. Участіе этихъ совѣтовъ обязательно во всѣхъ случаяхъ, когда истощены всѣ другія средства примиренія. Въ пѣшихъ войскахъ принято новое походное обмундированіе изъ сѣро-зеленаго сукна.

Въ *Турціи* обновленіе государственнаго строя пока еще мало отразилось на устройствѣ арміи вообще и въ частности корпуса офицеровъ, игравшаго столь выдающуюся роль въ переходѣ страны къ

новому режиму. Изъ немногихъ мѣропріятій, принятыхъ въ прошломъ году по разсматриваемому вопросу, слѣдуетъ отмѣтить имѣющее значеніе и для корпуса офицеровъ упраздненіе высшей инспекторской комисіи, засѣдавшей во дворцѣ подъ предсѣдательствомъ султана, и не зависѣвшій отъ военнаго министра. Комисія эта оказывала большое вліяніе на весь ходъ военныхъ дѣлъ Турціи и, обыкновенно, мѣшала развитію и упроченію турецкаго военнаго устройства. Къ составу комисіи принадлежали: восемь маршаловъ, 34 генерала, 27 штабъ-офицеровъ и три оберъ-офицера. Въмѣсто этой комисіи образована другая, менѣе многочисленная, засѣдающая въ военномъ министерствѣ подъ предсѣдательствомъ военнаго министра и получившая названіе военнаго совѣта. Состоитъ она изъ маршала Ахмедъ Мухтара паши, бывшаго главнокомандующаго арміей, дѣйствовавшей въ Малой Азіи въ войну 1877—1878 гг., маршала Эдхемъ паши, бывшаго главнокомандующаго эссалійской арміей въ войну съ Греціей, начальника артилеріи, начальника генеральнаго штаба, командира 1-го армейскаго округа и инженернаго генерала.

До послѣдняго времени всѣ турецкіе офицеры имѣли право на полученіе продовольственной дачи въ натурѣ; составъ этой дачи увеличивался по чинамъ. Въ прошломъ году было рѣшено замѣнить дачу кѣ натурѣ денежнымъ отпускомъ и соотвѣтственно увеличить оклады жалованья. По новымъ окладамъ турецкіе офицеры должны получать въ мѣсяць: младшіе офицеры 48 руб., капитаны 80 руб., вице-маіоры 100 руб., маіоры 120 руб., подполковники 160 руб., полковники 200 руб., генераль-маіоры 240 руб., генераль-лейтенанты 322 руб., и маршалы 562 руб. Генералы и маршалы получаютъ, кромѣ жалованья, добавочныя по должности.

Военный министръ рѣшилъ издавать военную газету официальнаго характера и въ ней помѣщать всѣ сообщенія, относящіяся до арміи и подлежащія по существу своему опубликованію. Первый номеръ новой газеты вышелъ 1-го сентября; въ немъ помѣщенъ приказъ командиру императорской гвардіи и всѣмъ командирамъ отдѣльныхъ частей, расположенныхъ въ столицѣ, о точномъ соблюденіи подъ угрозой тяжелыхъ наказаній слѣдующихъ правилъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ въ турецкой арміи: 1) офицеры обязаны при встрѣчѣ отдавать другъ другу честь; 2) нижніе чины обязаны отдавать честь офицерамъ; нарушеніе этого правила не будетъ терпимо; 3) на состояніе одежды, въ которой появляются на улицахъ офицеры и солдаты, надлежитъ обращать строгое вниманіе.

Группой офицеровъ генеральнаго штаба съ подполковникъ Османомъ Сенаибеемъ во главѣ, предпринято изданіе военнаго журнала, который началъ выходить въ свѣтъ съ 10 го сентября ежемѣсячно. Журналъ называется «Asker» (солдаты) и по мысли издателей долженъ руководить возрожденіемъ арміи.

Въ *Болгаріи* высшее военное управленіе было озабочено пополненіемъ некомплекта въ составѣ офицеровъ постоянной службы. Съ этой цѣлью, въ началѣ 1907—1908 учебнаго года былъ открытъ училищъ, подготовляющій офицеровъ резерва, особый курсъ, названный отдѣленіемъ военного училища. На курсъ принимались молодые люди общаго срока службы съ образованіемъ не ниже средняго для подготовки къ офицерскому званію, причемъ имѣлись въ виду назначать ихъ исключительно въ пѣхотныя части. Курсъ просуществовалъ 16 мѣсяцевъ и въ концѣ прошлаго года былъ закрытъ. На курсъ было принято 200 слушателей; изъ нихъ 172 произведены въ подпоручики пѣхоты, 15 выпущены подпрапорщиками и будутъ произведены въ подпоручики по истеченіи шести мѣсяцевъ, а восемь человекъ возвращены въ свои части, гдѣ и должны дослужить остающійся имъ до двухъ лѣтъ срокъ. Послѣдствіемъ этой мѣры было то, что весь прошлогодній выпускъ изъ Софійскаго военного училища поступилъ въ войска специальныхъ родовъ оружія.

Въ прошломъ году въ Болгаріи были приняты, равнымъ образомъ, нѣкоторыя мѣры къ улучшенію подготовки офицеровъ резерва пѣхоты.

Въ *Румыніи* былъ измѣненъ дѣйствовавшій до тѣхъ поръ порядокъ чинопроизводства, о чемъ было сообщено въ «Военномъ Сборникѣ» при изложеніи основныхъ началъ новой организаціи румынской арміи (см. «Военный Сборникъ» 1908 г. № 10).

Въ *Швейцаріи* было издано новое положеніе о чинопроизводствѣ, внесшее нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствовавшія по этому предмету правила. Производство изъ подпоручиковъ въ поручики происходит по старшинству, но всѣ слѣдующіе чины офицеры получаютъ исключительно за отличіе, причемъ при выборѣ отличившихся придерживаются порядка старшинства. вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ офицеры, за немногими указанными въ положеніи исключеніями, должны, для полученія слѣдующаго чина, прослужить въ предыдущемъ не менѣе четырехъ лѣтъ и прокомандовать на четырехъ учебныхъ сборахъ соответствующими войсковыми частями.

Въ *Испаніи* законъ 1-го іюля 1908 г. разрѣшилъ производить въ мирное время строевыхъ унтеръ-офицеровъ въ офицеры; до сихъ поръ право это было предоставлено унтеръ-офицерамъ лишь въ военное время. Кандидаты на офицерское званіе должны выполнить слѣдующія условія: отличиться безукоризненнымъ поведеніемъ, сдать установленный экзаменъ, прослужить не менѣе 12 лѣтъ подъ рядъ и изъ нихъ восемь лѣтъ въ званіи старшаго унтеръ-офицера. Время проведенное на войнѣ, считается вдвое. Унтеръ-офицерами, удовлетворяющими этимъ требованіямъ, замѣщается ежегодно треть ваканцій въ чинѣ подпоручика, открывающихся въ резервѣ; вмѣстѣ съ производствомъ они получаютъ и положенное содержаніе. Въ полковыхъ школахъ учреждены спеціальныя курсы для пополненія образованія

унтеръ-офицеровъ, добывающихся офицерскаго званія. Старшіе унтеръ-офицеры обязаны теперь при вступленіи въ бракъ подчиняться требованіямъ, установленнымъ для субалтернъ-офицеровъ резерва, между прочимъ, вносить реверсъ въ суммѣ 937 руб. Изложенный законъ изданъ съ цѣлью создать для сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ новое средство устроить свою будущность, въ чемъ чувствовалась настоятельная потребность въ виду недостаточности мѣстъ на гражданской службѣ, предоставляемыхъ названнымъ лицъ. Законъ провель, однако, рѣзкую раздѣльную черту между офицерами, выпускаемыми изъ военныхъ училищъ, и офицерами, производимыми изъ унтеръ-офицеровъ; послѣдніе по возрасту значительно старше первыхъ и вмѣстѣ съ производствомъ обязательно зачисляются въ резервъ.

Приведенныя свѣдѣнія показываютъ, что прошлогодняя дѣятельность высшаго военнаго управленія западно-европейскихъ государствъ относительно устройства корпуса офицеровъ была направлена, преимущественно, къ устраненію препятствій, создаваемыхъ недостаточнымъ укомплектованіемъ офицерскаго состава, медленностью чинопроизводства и необезпеченностью матеріальнаго положенія офицеровъ. Необходимость устраненія всѣхъ этихъ препятствій признавалась тѣмъ болѣе настоятельной, что служба офицеровъ становится труднѣе съ каждымъ годомъ и требуетъ все большихъ и разнообразныхъ знаній.

Недостатокъ офицеровъ болѣе или менѣе ощущается въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ. Потребность въ офицерахъ растетъ, и обычные источники уже не даютъ контингентовъ, необходимыхъ для покрытія убыли въ офицерскомъ составѣ, такъ какъ офицерская служба теряетъ свою привлекательность. Многія причины вызываютъ это явленіе, и борьба съ ними не всегда бываетъ по силамъ даже наиболѣе прочно организованныхъ государствъ. Германія, отказавшись отъ укомплектованія корпуса офицеровъ преимущественно лицами дворянскаго званія и открывъ широкій доступъ въ армію бюргерству, не хочетъ пока дѣлать дальнѣйшихъ уступокъ духу времени и настойчиво поддерживаетъ принципъ, по которому офицеръ долженъ представлять не только служебный, но и общественный авторитетъ для нижняго чина. Австро-Венгрія уже менѣе ригористична въ вопросѣ о классовомъ происхожденіи офицеровъ, какъ она не смогла дать примѣненіе и другому принципу, дѣйствующему въ Германіи, именно, однородности начальной подготовки офицеровъ. Франція рѣшительно демократизируетъ свой корпусъ офицеровъ, отмѣнила старинныя преимущества с.-сирцевъ и политехниковъ и приняла систему укомплектованія офицерскаго состава, не основанную не только на классовомъ раздѣленіи населенія, но и на имущественномъ положеніи лицъ, добывающихся офицерскаго званія. Быть можетъ, такой способъ укомплектованія корпуса офицеровъ и имѣетъ нѣкоторые недостатки, но въ отношеніи обезпеченности пополненія

корпуса онъ даетъ хорошіе результаты. Французская армія не испытываетъ некомплекта офицеровъ, такъ какъ всегда находится достаточное число унтеръ-офицеровъ, желающихъ посвятить себя офицерской службѣ.

Различныя мѣры, придуманныя въ западно-европейскихъ арміяхъ для борьбы съ медленностью чиновпроизводства, оказываются мало дѣйствительными. Ни установленіе предѣльнаго возраста, измѣняющагося по чинамъ, ни увольненіе въ атестаціонномъ порядкѣ, ни постоянное увеличеніе пенсіонныхъ окладовъ—ничто не въ силахъ создать достаточно быстрого движенія въ служебной іерархіи офицерскаго состава. Соотношеніе между оберъ-офицерами и штабъ-офицерскими должностями, съ одной стороны, и между штабъ-офицерскими и генеральскими съ другой, слишкомъ не пропорціонально, чтобы офицеры не засиживались въ младшихъ и среднихъ чинахъ. Составъ ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, а тѣмъ болѣе баталіонныхъ и дивизионныхъ, старѣеть, и омолодить его нѣтъ никакой возможности. Усилія центрального военнаго управленія направлены въ настоящее время уже не къ тому, чтобы продвинуть на эти должности лицъ, еще сохранившихъ полную жизненную энергію, а къ тому, чтобы не допустить рѣзкаго устаренія названнаго команднаго состава. До нѣкоторой степени это удается, но цѣною крупныхъ финансовыхъ жертвъ со стороны государства, и благодаря довольно высокому уровню общей культуры западно-европейской жизни. Въ Германіи, во Франціи и даже Австро-Венгріи тяжесть прожитыхъ лѣтъ не такъ угнетаетъ офицеровъ, какъ въ другихъ странахъ. Для сохраненія моральной бодрости весьма важно сознаніе, что порядокъ чиновпроизводства удовлетворяетъ требованіямъ справедливости, насколько это осуществимо практически, что нѣтъ ни группъ, ни отдѣльныхъ лицъ, пользующихся незаслуженными привилегіями. Отсюда заботы о точномъ урегулированіи всѣхъ подробностей чиновпроизводства, продолжающіяся въ западно-европейскихъ арміяхъ.

Увеличеніе содержанія офицерамъ, о чемъ такъ настойчиво заботятся въ западно-европейскихъ арміяхъ, имѣетъ цѣлью не только улучшить ихъ матеріальное положеніе, но и придать имъ моральную энергію, чтобы они могли терпѣливѣе переносить медленность чиновпроизводства. Особое вниманіе въ этомъ отношеніи обращено на офицеровъ въ чинахъ поручика и капитана, такъ какъ именно въ этихъ чинахъ офицеры засиживаются особенно долго. Государство, не имѣя возможности ускорить чиновпроизводство, показываетъ этимъ офицерамъ, назначая имъ прибавки къ содержанію за извѣстное число лѣтъ службы въ чинѣ, что оно входитъ въ ихъ положеніе, понимаетъ его тяжесть и дѣлаетъ, что можетъ, чтобы облегчить ее, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи.

В. Недзвѣцкій.

Военные вопросы въ сужденіяхъ Государственной Думы.

(2-я сессія Государственной Думы 3-го созыва).

В О П Р О С Ъ

ОБЪ УВЕЛИЧЕНИИ ОФИЦЕРСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Изъ стенографическаго отчета С.-Петербургскаго телеграфнаго агентства.

Засѣданіе 32-е. 15-го декабря 1908 г.

Хвощинскій. Господа! Послѣдняя тяжкая война и результаты ея показали, что въ организаціи нашихъ вооруженныхъ силъ есть существенные дефекты. Учрежденія вѣдомства, до которыхъ это дѣло относится, послѣ войны приступили къ изученію всего строя нашихъ вооруженныхъ силъ и къ отысканію тѣхъ дефектовъ, которые болѣе сильно отразились на результатахъ войны. Впереди другихъ недостатковъ этой организаціи Военное Министерство признало матеріальное положеніе личнаго состава нашей арміи слишкомъ плохимъ, слишкомъ низкимъ по сравненію съ матеріальнымъ положеніемъ состава иностранныхъ армій. Въ нашей арміи это положеніе, какъ относительно состава низшихъ чиновъ, такъ и относительно состава офицеровъ, несравненно ниже. Въ нашей арміи на единицу арміи, на отдѣльнаго человѣка, приходится значительно меньшая сумма расходовъ, чѣмъ во всѣхъ иностранныхъ арміяхъ. Въ послѣдніе годы матеріальное положеніе низшихъ чиновъ арміи значительно было улучшено цѣлымъ рядомъ мѣръ, которыя потребовали отъ государственнаго ежегоднаго ассигнованій въ нѣсколько десятковъ миліоновъ рублей. Въ настоящее время Военное Министерство, въ силу Именнаго Указа отъ 6 декабря прошлаго года, вошло въ Гос. Думу съ представленіемъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія офицерскаго и класснаго состава нашей арміи, преимущественно касаясь строевыхъ частей арміи. Военное Министерство въ своихъ первоначальныхъ предположеніяхъ составило цѣлый рядъ мѣропріятій, которыми оно предполагало поднять матеріальное положеніе офицерскаго и класснаго состава арміи; затѣмъ, когда этотъ рядъ мѣропріятій прошелъ черезъ Военный Совѣтъ и Совѣтъ Министровъ, то

во многих частях Военному Министерству пришлось отказаться от своих замысловъ, такъ какъ выполнение всего этого ряда мѣропріятій требовало отъ госуд. казначейства ассигнованія болѣе 30 мил. руб. въ годъ. Выдвинувъ на первый планъ исключительно увеличеніе денежнаго довольствія офицерскаго состава и классныхъ чиновъ строевого состава арміи, Военное Министерство въ своемъ законопроектѣ, внесенномъ въ Гос. Думу, сократило общую потребность расходовъ на предстоящій 1909 г. до 15.875,000 р. Гос. Дума передала этотъ законопроектъ на разсмотрѣніе въ комисію по госуд. оборонѣ. Комисія, разсмотрѣвъ, какъ мѣропріятія внесеннаго законопроекта, такъ и всѣ тѣ мѣропріятія, которыя раньше проектировались Министерствомъ и вызывали непомѣрные расходы при настоящемъ положеніи госуд. казначейства, приняла въ соображеніе всю литературу, которая была, какъ въ специальной, такъ и въ общей прессѣ, а также и все то, что доходило до насъ по этимъ вопросамъ изъ нѣдръ арміи. Разсматривая все это дѣло въ совокупности, комисія пришла къ заключенію, что на первую очередь должны быть поставлены строевые части офицерскаго и класснаго состава этихъ частей. Тѣ мѣры, которыя проектировало Военное Министерство, т. е. увеличеніе жалованья офицерамъ, затѣмъ выдача пособій при выпускѣ изъ военныхъ училищъ, и выдача пособій офицерамъ, вступающимъ въ часть, на обзаведеніе необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ, точно такъ же увеличеніе суточныхъ, лагерныхъ и походныхъ денегъ, комисія по государственной оборонѣ признала стоящими на первой очереди. Затѣмъ, разсматривая вопросъ о томъ, на кого распространить эти мѣры, было признано, что на первомъ планѣ долженъ стоять офицерскій составъ. Надо указать, что недостаточное матеріальное обезпеченіе офицерскаго состава арміи, довело до такого положенія, что въ настоящее время некомплектъ этого состава составляетъ 14 проц. и нужно сказать, что люди наиболѣе энергичные въ самыхъ молодыхъ годахъ оставляютъ военную службу, чтобы искать себѣ заработокъ, болѣе обезпечивающій ихъ состояніе. Этимъ несомнѣнно ухудшается и составъ арміи, и быстрая смѣна въ младшемъ ея составѣ, дѣлающая то, что на болѣе высокихъ ступеняхъ у насъ является нѣсколько застарѣлый составъ командующихъ. Рядъ мѣропріятій, проведенныхъ ранѣе и отчасти такихъ, которыя будутъ имѣться еще на разсмотрѣніи Гос. Думы, какъ временныя правила о пенсіяхъ, сдѣлали то, что нѣсколько усилилось движеніе впередъ младшихъ чиновъ. Но все-таки оклады содержанія младшихъ офицерскихъ чиновъ остались такими незначительными, какъ раньше: прапорщикъ—45 р., подпоручикъ—55 р., поручикъ—60 р. и т. д. Такой размѣръ содержанія не даетъ возможности имѣть въ своемъ бюджетѣ какія-либо средства для того, чтобы увеличить свои познанія и для того, чтобы сколько нибудь развивать себя духовно. Такое положеніе вещей недопустимо. Для того, чтобы улучшить составъ нашей арміи, комисія признаетъ, что тѣ размѣры добавокъ къ жалованью, которыя проектировало Военное Министерство, являются хотя и весьма незначительными, но по средствамъ госуд. казначейства въ настоящее время нельзя сдѣлать большаго размѣра добавокъ. Эти размѣры добавокъ проектированы въ такомъ видѣ: прапорщику —

120 р. въ годъ, подпоручику—180 р., поручику—240 р., шт.-капитану—300 р., шт.-капитану, прослужившему 4 года въ этомъ чинѣ—420 р., капитану—360 р., капитану, по выслугѣ 4 лѣтъ въ этомъ чинѣ—480 р., подполковнику—480 р., подполковнику— по выслугѣ 5 лѣтъ въ этомъ чинѣ—660 р. Въ комисіи госуд. обороны мы встрѣтились съ такимъ заявленіемъ, что младшіе офицерскіе чины—поручики и подпоручики—обязаны службой за образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ по 3 и 4½ года, и въ силу этого они не могутъ бросить строй, не могутъ выйти въ отставку, почему, казалось бы, этимъ чинамъ можно было бы и не дѣлать этой прибавки. Но, разсматривая глубже положеніе вещей, комисія признала, что ставить въ такое тяжелое матеріальное положеніе молодыхъ людей, выпускаемыхъ въ офицеры, нѣтъ никакой возможности, что этимъ путемъ мы ставимъ ихъ въ необходимость попасть сейчасъ же въ неплатные долги, и потому комисія отвергла это предложеніе и признала необходимымъ сдѣлать прибавку въ размѣрѣ 10 р. прапорщику, 15 р. подпоручику и 20 р. поручику. Затѣмъ, изъ вѣдомости прибавокъ, которую я доложилъ Гос. Думѣ, усматривается, что прибавки кончатся полковникомъ, не командующимъ отдѣльнымъ батальономъ. Это сдѣлано въ виду того, что шт.-офицеры, командующіе отдѣльнымъ батальономъ, уже получаютъ болѣе усиленное содержаніе, а мы полагаемъ, что содержаніе въ 200 р. въ мѣсяцъ можетъ считаться нормой, которая признается достаточно удовлетворительною для матеріальнаго обезпеченія. Вслѣдъ за офицерскимъ составомъ комисія признала необходимымъ, согласно съ представленіемъ военнаго вѣдомства, сдѣлать прибавки врачебному составу строевыхъ частей арміи. Некомплектъ врачей въ арміи достигаетъ 22 проц., и такое положеніе указываетъ на необходимость улучшить ихъ матеріальное положеніе, почему комисія признала правильными тѣ прибавки, которыя были для врачей намѣчены. При разсмотрѣніи этого вопроса комисія не могла не встрѣтиться съ такимъ положеніемъ, что Военное Министерство. дѣлая представленіе о прибавкѣ военнымъ чинамъ, строго относилось къ тому, чтобы сдѣлать эти прибавки въ строевыхъ частяхъ, между тѣмъ, какъ въ табеляхъ, представленныхъ намъ, сказано: врачамъ медицинскимъ, врачамъ ветеринарнымъ. Нами усмотрѣно, что врачамъ, находящимся при лазаретахъ и госпиталяхъ, дѣлались точно также прибавки, но въ виду того, что врачи, окончивъ учебныя заведенія, поступающіе въ военныя части, обыкновенно раньше всего командуются въ госпитали для того, чтобы практически обучиться своему дѣлу, затѣмъ переходятъ въ части, потомъ для специализаціи переводятся опять въ госпитали. Такимъ образомъ, они проводятъ подвижную службу, безпрестанно мѣняющуюся въ строевой части въ госпиталь и обратно, и поэтому разницу въ содержаніи комисія не признала возможной, признавъ правильнымъ составъ лицъ, которымъ надлежитъ сдѣлать соответствующія прибавки. Разсматривая медицинскій персоналъ строевой части, комисія не могла не обратить своего вниманія на то, что получаемое классными фельдшерами вознагражденіе въ 28 р. ничтожно, такъ какъ они несутъ всю тяжесть походовъ, всю тяжесть военныхъ дѣйствій наряду

со своими строевыми частями. Комисіи казалось, что невозможно оставить при такомъ ничтожномъ вознагражденіи этихъ лицъ, что это вознагражденіе слѣдуетъ увеличить, но въ виду заявленія Военнаго Министерства о томъ, что оно въ эту же сессію вноситъ новый законопроектъ объ увеличеніи содержанія класснымъ фельдшерскимъ чинамъ и въ виду того, что въ настоящее время норма этого увеличенія не разработана и въ комисію Военнымъ Министерствомъ не представлена, комисія признала возможнымъ въ своихъ пожеланіяхъ въ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ указать на необходимость внесенія этого законопроекта въ эту же сессію; но въ настоящее время она не вноситъ предложенія о немедленной прибавкѣ. Что касается дальнѣйшихъ частей нашей арміи, матеріальное положеніе которыхъ недостаточно обезпечено, то комисія обратила вниманіе на составъ классныхъ чиновъ, завѣдывающихъ дѣлопроизводствомъ по хозяйственной части въ полкахъ и другихъ строевыхъ единицахъ. Эти лица получаютъ вознагражденіе всего въ 50 р., вознагражденіе, конечно, совершенно недостаточное, но въ виду предстоящаго преобразованія хозяйства въ строевыхъ частяхъ, въ виду того, что Гос. Дума въ настоящее время имѣетъ законопроектъ Военнаго Министерства объ опытахъ веденія новаго хозяйства въ широкихъ размѣрахъ въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ, комисія полагала бы, что дѣло дальнѣйшаго будущаго—разсмотрѣніе вопроса объ увеличеніи содержанія.

Также точно, разсматривая вопросъ о недостаточности матеріальнаго вознагражденія корпуса военныхъ топографовъ, комисія полагаетъ, что Военному Министерству надлежитъ разработка вопроса объ улучшеніи матеріальныхъ нуждъ чиновъ арміи и что слѣдуетъ озаботиться представленіемъ законопроекта и объ этихъ чинахъ. Затѣмъ комисія не могла не обратить вниманія на то, что цѣлый рядъ чиновъ офицерскихъ и классныхъ въ различныхъ нестроевыхъ частяхъ арміи—въ крѣпостяхъ, мѣстныхъ бригадахъ, мѣстныхъ управленіяхъ и т. д.—также незначительно обезпечены. Но если подвести итогъ вознагражденію этихъ лицъ, приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ мы возвышаемъ окладъ жалованья офицерскимъ чинамъ и класснымъ чинамъ строевыхъ частей, то пришлось бы на всѣ эти мѣры израсходовать до 24.000.000 р. въ годъ. Полагая, что въ настоящее время на первомъ планѣ должно стоять удовлетвореніе потребностей строевыхъ частей арміи, комисія остановилась передъ дальнѣйшимъ разсмотрѣніемъ нуждъ нестроевыхъ частей. Затѣмъ, въ представленіи Военнаго Министерства говорилось точно также объ увеличеніи окладовъ жалованья военному духовенству. Увеличеніе это требовало ежегоднаго расхода въ 157.000 руб. Комисія по государственной оборонѣ, принявъ во вниманіе, что военное духовенство не лишено возможности получать вознагражденіе за требы съ частныхъ лицъ и что въ общемъ оно все-таки обезпечено нѣсколько лучше, чѣмъ офицерскій составъ, признала возможнымъ въ настоящее время не вводить прибавки военному духовному вѣдомству. Однако, комисія полагаетъ, что военный священникъ, военный діаконъ, сопутствуютъ войска какъ въ походѣ, такъ и въ бою, и поэтому составляетъ нераздѣльную часть строевыхъ частей. Поэтому военному вѣдомству и слѣдуетъ въ дальнѣйшемъ войти съ представленіемъ объ

увеличеніи и ихъ окладовъ жалованья. Такимъ образомъ я перечислил цѣлый рядъ мѣропріятій, которое внесло Министерство въ своемъ законопроектѣ. Дальнѣйшія мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія классныхъ и офицерскихъ чиновъ арміи заключаются въ томъ, что при выпускѣ офицера изъ военно-учебнаго заведенія ему даются деньги на обмундированіе, которыхъ въ настоящее время уже далеко не хватаетъ для полнаго обмундированія и для полнаго обзаведенія предметами снаряженія. Поэтому офицерству приходится обзаводиться плохими револьверами, очень плохимъ биноклемъ. И Министерство совершенно справедливо полагаетъ, что офицеру, при выпускѣ его, слѣдуетъ выдавать натурой револьверъ, шашку, полевой бинокль и строевые уставы. На это оно испрашиваетъ для каждаго выпускаемаго изъ учебнаго заведенія офицера по 100 рублей въ распоряженіе военнаго вѣдомства, которое на эти деньги и приобретаетъ уже эти предметы снаряженія. Далѣе, при явкѣ офицера въ часть, въ которой ему предстоитъ служить, онъ обыкновенно находится въ самомъ безвыходномъ положеніи при необходимости известись самымъ нужнымъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Вслѣдствіе этого ему приходится на первыхъ же шагахъ впасть въ долги. Поэтому Военное Министерство проектируетъ отпускать каждому, вновь производимому офицеру, а также каждому врачу, вновь поступающему на службу, по 100 руб. на обзаведеніе хозяйственными принадлежностями. Эти мѣры, т. е. выдача натурой предметовъ снаряженія и выдача по 100 руб. каждому офицеру по явкѣ его въ часть вызовутъ ежегодный расходъ въ 491,000 руб. Слѣдующая мѣра къ улучшенію матеріальнаго положенія офицерства и класснаго состава заключается въ увеличеніи суточныхъ лагерныхъ и походныхъ денегъ строевымъ офицерамъ и класснымъ чинамъ арміи. До сего времени деньги эти выдавались въ размѣрѣ: суточные лагерныя—30 коп. оберъ-офицерамъ и 60 коп., штабъ-офицерамъ; походныя—75 коп. оберъ-офицерамъ и 1 руб. 50 коп. штабъ-офицерамъ. Въ лагерное время жизнь для каждаго офицера становится несравненно дороже, всѣ жизненные продукты, которые приходится покупать не въ мѣстѣ постоянной стоянки, тоже дорожаютъ, и 30 коп. завѣдомо не могло хватать. Поэтому Военное Министерство предполагаетъ увеличить размѣръ выдачи: суточные лагерныя съ 30 коп. довести до 1 руб. для оберъ-офицеровъ, для штабъ-офицеровъ съ 60 коп. до 1 руб. 50 коп., походныя—для оберъ-офицеровъ съ 75 коп. до 1 руб. 50 коп. и для штабъ-офицеровъ съ 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 20 коп. Проектируя это мѣропріятіе, Министерство предполагаетъ возможнымъ ввести его не въ настоящее время, а вводить въ зависимости отъ средствъ государственнаго казначейства. Разсматривая этотъ вопросъ и соглашаясь съ мнѣніемъ Министерства, что требованія на эти нужды неотложны, комисія полагаетъ необходимымъ ввести эту мѣру въ 1909 году. Это тѣмъ болѣе возможно, что при исчисленіи всѣхъ средствъ, необходимыхъ на всѣ эти мѣропріятія, комисія полагаетъ необходимымъ всего 15.750,000 руб., тогда какъ Военное Министерство только на 2 мѣропріятія, безъ увеличенія суточныхъ лагерныхъ и походныхъ денегъ, предполагало необходимымъ 15.875,000 р., т. е. на 125,000 р. больше. Комисія, сдѣлавъ исправленія въ раз-

счетахъ Военнаго Министерства, нашла возможнымъ покрыть требуемой суммой и эту третью мѣру, такъ что всѣ 3 мѣры обойдутся дешевле, чѣмъ 2 мѣропріятія, проектированныя Военнымъ Министерствомъ. Ошибка въ вычисленіи Военнаго Министерства состояла въ томъ, что оно полагало необходимымъ увеличеніе лагернаго и походнаго довольствія на сумму въ 3 мил. р. въ годъ; въ дѣйствительности же по точному расчету штатнаго состоянія арміи по сравненію съ наличнымъ и принимаемая въ расчетъ некомплектъ офицеровъ, на увеличеніе довольствія потребуетъ лишь 1.300,000 р. Затѣмъ точно также некомплектъ офицеровъ существующій потребуетъ также сбавки съ тѣхъ суммъ, которыя исчисляло Военное Министерство. Эти исправленія расчетовъ и даютъ возможность провести всѣ 3 мѣропріятія, какъ я уже объ этомъ раньше сказалъ, начиная со слѣдующаго года. Если бы благодаря улучшенію матеріальнаго положенія офицеровъ и класснаго состава арміи, число офицеровъ, оставляющихъ армію, уменьшилось и тѣмъ уменьшился некомплектъ офицерскаго состава, т. е. необходима была большая сумма, чѣмъ та, которую мы проектируемъ, то и въ этомъ отношеніи Министерство не будетъ поставлено въ безвыходное положеніе. Дѣло въ томъ, что въ § 7 интендантской смѣты на жалованье и другіе виды довольствія офицеровъ исчислена сумма по штатному составу, съ поправкой на некомплектъ, всего въ размѣрѣ 2 мил. руб., тогда какъ некомплектъ офицеровъ и врачей, достигающій нынѣ 6,900, дастъ въ остаткѣ сумму, достигающую 4.800,000 р., такъ что здѣсь является широкій просторъ, пополнить тотъ недочетъ, который могъ бы явиться вслѣдствіе того, что число офицеровъ, выходящихъ изъ арміи, уменьшится и уменьшится некомплектъ. Рядомъ съ этими мѣропріятіями требуется отъ Гос. Думы также ассигнованіе суммы на 6 проц. вачисленія въ эмеритуру. Дѣло въ томъ, что при всѣхъ штатныхъ назначеніяхъ чинамъ арміи, какъ офицерскимъ, такъ и класснымъ, отчисляется одновременно 6 проц. на усиленіе эмеритальной офицерской кассы. Исходя изъ этого общаго военнаго закона, Военное Министерство указало необходимость отчислять 930,000 р., комисія же государственной обороны, сдѣлавъ поправки въ расчетѣ, признала, что для этого получается сумма нѣсколько меньшая—въ размѣрѣ 835,000 р.

И вотъ этими потребностями исчисляется вся та сумма, которая необходима для внесенія въ государственную роспись на 1909 годъ. Вся эта сумма составить, такимъ образомъ, 17.750,000 р. въ годъ. Затѣмъ комисія государственной обороны разсмотрѣла вопросъ, изъ какихъ источниковъ будетъ добавлено довольствіе казачьимъ войскамъ и усмотрѣла, что офицерамъ казачьихъ войскъ, находящимся на дѣйствительной службѣ, Военнымъ Министерствомъ проектировалось это добавленіе дѣлать изъ средствъ государственнаго казначейства. Что же касается до льготныхъ частей, то добавленіе такимъ офицерамъ предполагалось отнести на счетъ казачьихъ капиталовъ. Въ виду того, что Гос. Думѣ изъ бывшихъ на ея разсмотрѣніи законопроектовъ извѣстно, что въ казачьихъ частяхъ капиталы въ самомъ жалкомъ положеніи, комисія признала необходимымъ эти суммы точно также отнести на средства государственнаго казначейства. Этимъ расходъ увеличится на 32,000 р. въ годъ. Раньше чѣмъ перейти къ

постатейному чтенію комисіей предлагается переходъ, который главнымъ образомъ основанъ на томъ, что небольшія прибавки, которыя мы въ настоящее время дѣлаемъ офицерскому составу, мало могутъ улучшить ихъ матеріальное положеніе, если не избавить этотъ составъ отъ цѣлаго ряда непроизводительныхъ расходовъ. Въ этомъ рядѣ непроизводительныхъ расходовъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ такой расходъ, который находится внѣ воли и внѣ распоряженія офицеровъ—это расходъ въ зависимости отъ слишкомъ частой перемѣны формы. Въ нѣкоторыхъ частяхъ за короткій промежутокъ времени была 4 раза перемѣнена форма. Это несомнѣнно отражается на ничтожномъ бюджетѣ офицеровъ, и поэтому комисія полагала, что необходимо, чтобы и на это Военнымъ Министерствомъ обращено было самое серьезное вниманіе и если требуется перемѣна формы, то чтобы это дѣлалось съ полной осмотрительностью и цѣлесообразностью. Затѣмъ вторымъ* расходомъ непроизводительнымъ комисія признала подписки офицеровъ на разнаго рода торжества и подношенія начальствующимъ лицамъ, оставляющимъ части, а также огромныя суммы, которыя вычитаются при выдачѣ офицерамъ ихъ содержанія непосредственно казначеемъ по счетамъ, представленнымъ изъ офицерскихъ столовыхъ, собраний и различныхъ экономическихъ обществъ. Всѣ эти расходы, производящіеся по различнымъ подпискамъ, по подпискамъ, часто предлагаемымъ авторитетными въ ихъ средѣ лицами, не допускающими отказа отъ подписокъ, невольно ложатся непосильнымъ бременемъ на ихъ бюджетъ. Комисія полагаетъ, что если и есть глубокое основаніе въ устройствѣ и существованіи офицерскихъ собраний, въ открытіи офицерамъ широкаго кредита для предметовъ дѣйствительной необходимости, то рядомъ съ этимъ безусловно необходимо озаботиться, чтобы кредитующія учрежденія не кредитовали такъ широко и безъ разбора предметами, не соответствующими скромному бюджету офицеровъ. А потому комисія полагаетъ, что слѣдуетъ выразить пожеланіе, чтобы Военное Министерство озаботилось при выдачѣ жалованья офицерамъ не производить непредусмотрѣнныхъ закономъ вычетовъ. Переходъ къ постатейному чтенію редактированъ комисіей государственной обороны слѣдующимъ образомъ: «признавая необходимымъ: 1) чтобы согласно заявленію Военнаго Министра въ теченіе весенней сессіи былъ представленъ законопроектъ объ увеличеніи содержанія классныхъ фельдшеровъ и чтобы при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи недостаточной матеріальной обеспеченности офицерскихъ и классныхъ чиновъ арміи не были упущены дѣлопроизводители по хозяйственной части въ полкахъ, а также и военное духовенство и 2) чтобы наряду съ приносимыми жертвами изъ госуд. средствъ для поднятія матеріальнаго положенія офицеровъ арміи были приняты Воен. Мин. соответствующія мѣры для избавленія офицеровъ отъ расходовъ непроизводительныхъ, какъ частыя перемѣны формы обмундированія, а также и отъ расходовъ, связанныхъ съ фактическими обязательными вычетами, при выдачѣ жалованья, на покрытіе счетовъ офицерскихъ столовыхъ, экономическихъ обществъ и различныхъ подписокъ на празднества и подношенія,—Гос. Дума переходитъ къ постатейному чтенію законопроекта». Комисія проситъ признать законопроектъ спѣшнымъ (Рукопослканія).

Предсѣдатель. Поступило заявленіе о прекращеніи записи ораторовъ. Записано еще 30 (Балотировкой означенное предложеніе принимается),

Затѣмъ есть другое заявленіе—объ ограниченіи ораторовъ 10-ю минутами (Балотировкой означенное предложеніе отклоняется).

Звегинцовъ. По порученію бюджетной комисіи имѣю честь доложить Гос. Думѣ, что съ докладомъ комисіи по государственной оборонѣ въ существенной его части, бюджетная комисія вполнѣ согласна, но вводитъ отъ себя нѣкоторыя поправки. Самыя существенныя изъ нихъ касаются суммъ, предположенныхъ къ отпуску въ эмеритальную кассу. Дѣло въ томъ, что законопроектъ къ улучшенію быта офицеровъ, увеличенію тѣхъ средствъ, которыми они могутъ пользоваться. Съ этой точки зрѣнія внесеніе въ эмеритальную кассу 835,740 руб. ни на югу не измѣнитъ положенія офицеровъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Основная задача эмеритальной кассы состоитъ въ увеличеніи пенсіоннаго вознагражденія офицеровъ. Таковое вычисляется въ зависимости отъ пенсіи, получаемой офицерами изъ гос. казнач. Такъ какъ разсматриваемыя добавочныя деньги ни на копѣйку не увеличиваютъ пенсіи, выдаваемой казнач., то точно также и эта прибавка ни на копѣйку не увеличитъ пенсію, выдаваемую изъ эмеритальной кассы. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, внесеніе этихъ денегъ не будетъ имѣть никакого значенія. Съ другой стороны, если мы этихъ денегъ не внесемъ, то, по глубокому убѣжденію бюджетной комисіи, деньги, которыя предполагается выдавать на руки офицерамъ, никакому вычету подлежать не будутъ, потому что ст. 507 точно указываетъ суммы, получаемыя чинами военнаго вѣдомства, изъ коихъ надлежитъ дѣлать соотвѣтствующіе вычеты въ эмеритальную кассу. Ст. 510 кн. VII св. воен. постановленій гласитъ, что ни изъ какихъ иныхъ средствъ дѣлать вычеты не полагается. Между тѣмъ, Военное Министерство не называетъ это увеличеніемъ содержанія, ни добавочными столовыми, а слѣдовательно, эти деньги не находятся ни въ одной изъ рубрикъ ст. 507. Разъ внесеніе 6 проц. ничѣмъ не увеличиваетъ эмеритальной пенсіи лицъ, за счетъ которыхъ они вносятся, комисія находитъ, что они не имѣютъ подъ собою основанія. Но есть другая сторона дѣла: это вообще положеніе эмеритальныхъ кассъ. По этому поводу имѣется особый законопроектъ, который будетъ разсматриваться въ соотвѣствующихъ комисіяхъ и который испрашиваетъ извѣстное количество денегъ на вспомошествованіе эмеритальнымъ кассамъ. Причины, вызвавшія необходимость такой помощи, чрезвычайно сложны, но, во всякомъ случаѣ, за время существованія эмеритальныхъ кассъ бывали случаи, когда приливъ денегъ значительно превышалъ отливъ, но могли быть и такія эпохи, когда отливъ денегъ превышалъ приливъ. Очевидно, вспомошествованіе нужно, но въ какомъ размѣрѣ — постоянно или временно, требуется ли пересмотръ кассъ, — это можетъ быть разсмотрѣно тогда, когда передъ нами будетъ лежать соотвѣтствующій законопроектъ. Поэтому бюджетная комисія полагала бы, что до этого времени не слѣдовало бы вносить 835,740 руб., составляющихъ 6 проц. отъ предполагаемой суммы на увеличеніе эмеритальной кассы. На основаніи этихъ соображеній комисія предлагаетъ § 3 замѣнить та-

кимъ образомъ: вмѣсто «установить размѣръ добавочныхъ денегъ за узаконенными вычетами въ эмеритуру и никакихъ другихъ вычетовъ изъ этихъ денегъ не производить» — сказать: «изъ опредѣленныхъ отдѣломъ I добавочныхъ денегъ не производить вычетовъ въ эмеритальную кассу и не начислять на эти деньги 6 проц. надбавки для перечисленія въ названную кассу, а равно никакихъ вычетовъ изъ добавочныхъ денегъ не производить». Затѣмъ, въ § 6 вмѣсто 15.750,000 р. на покрытіе вызываемыхъ означенными мѣрами расходовъ, предлагается, буде вамъ угодно будетъ принять поправку бюджетной комисіи, — 14.914,260 р. Это — существенное разномысліе между комисіями государственной обороны и бюджетной. Обѣ точки зрѣнія имѣютъ за собою вѣскія основанія, обѣ равноправны, и дѣло мудрости Госуд. Думы рѣшить, какую изъ двухъ точекъ зрѣнія слѣдуетъ принять. Далѣе, бюджетная комисія вводитъ небольшія поправки. Такъ, прим. 6 таб. I гласитъ: «показанныя въ сей табели добавочныя деньги за выслугу лѣтъ отпускаются только чинамъ строевыхъ частей». Комисія полагала измѣнить такимъ образомъ: «показанныя въ сей табели добавочныя деньги за выслугу лѣтъ отпускаются чинамъ строевыхъ частей, а офицерскимъ чинамъ строевыхъ штатовъ не назначаются». Въ отд. IV предполагается вставить слово «ветеринарнымъ», чтобы не было недоразумѣній, и тогда часть II отд. будетъ читаться такимъ образомъ: «Въ тѣхъ же размѣрахъ... деньги выдаются соотвѣтствующимъ медицинскимъ, ветеринарнымъ и прочимъ класснымъ чинамъ и духовенству, находящимся съ частями войскъ въ лагеряхъ или въ походѣ». Наконецъ, что касается формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, то бюджетная комисія полагала бы обезпеченіе увеличеніемъ содержанія нѣкотораго разряда лицъ служащихъ въ строю, настоящимъ законопроектomъ не предусмотрѣнное, какъ-то: духовенство, классныя чины, дѣлопроизводители по хозяйственной части и фельдшера, — слѣдовало бы поставить на первую очередь, не дѣлая между ними различія. Посему текстъ формулы былъ бы такой: «Чтобы согласно заявленію Военнаго Министра въ теченіе весенней сессіи былъ представленъ законопроектъ объ увеличеніи содержанія классныхъ фельдшеровъ, и чтобы при разсмотрѣніи недостаточной матеріальной обезпеченности офицерскихъ и классныхъ чиновъ арміи не были упущены дѣлопроизводители по хозяйственной части въ полкахъ, а также военное духовенство». Далѣе, слѣдуетъ формула безъ всякихъ измѣненій (Рукоплесканія).

Военный министр.

Настоящій законопроектъ, внесенный на уваженіе Гос. Думы послѣ Высочайшаго рескрипта, даннаго на мое имя 6 декабря минувшаго года, былъ подробно разсмотрѣнъ въ двухъ вашихъ комисіяхъ — комисіи по государственной оборонѣ и бюджетной. Докладчикъ комисіи по государственной оборонѣ представилъ вамъ обстоятельное объясненіе относительно необходимости увеличенія содержанія офицерскаго и медицинскаго состава арміи, и вы позволите мнѣ не утруждать вашего вниманія какими-либо дальнѣйшими доводами въ этомъ отношеніи, а перейти прямо къ разсмотрѣнію тѣхъ измѣненій

и тѣхъ поправокъ, которыя обѣ эти комисіи предложили. Комисія государственной обороны предложила изъ числа тѣхъ лицъ, которымъ Военное Министерство предполагало дать прибавку содержанія теперь же, исключить военное духовенство, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказала пожеланіе, чтобы Военное Министерство въ ближайшемъ будущемъ внесло предложеніе объ увеличеніи содержанія классныхъ медицинскихъ фельдшеровъ, дѣлопроизводителей по хозяйственной части, военнаго же духовенства и корпуса военныхъ топографовъ. По этому поводу обязываюсь доложить, что Военное Министерство задало общимъ вопросомъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія всѣхъ младшихъ своихъ чиновъ—офицерскихъ и классныхъ. Для удовлетворенія полной потребности понадобилось бы около 23 или 24 мил. р. Бюджетныя соображенія заставили сузить эти рамки. Какія категоріи лицъ отнести къ первой очереди и испрашивать имъ прибавку содержанія нынѣ же,—въ этомъ отношеніи было указаніе уже въ Высочайшемъ рескриптѣ, а именно, что въ первую голову слѣдуетъ поставить строевыхъ чиновъ. Къ этимъ строевымъ чинамъ Военное Министерство причислило также и всѣхъ тѣхъ, которые идутъ съ войсками въ бой: врачей и духовенство. Затѣмъ оно намѣчало также увеличеніе содержанія всѣмъ остальнымъ класснымъ чинамъ, состоящимъ въ строевыхъ частяхъ: дѣлопроизводителямъ по хозяйственной части, класснымъ фельдшерамъ, капельмейстерамъ, оружейнымъ мастерамъ. Но въ послѣднюю минуту, когда уже кредитъ былъ внесенъ въ смѣту, правительство признало болѣе правильнымъ этихъ послѣднихъ лицъ отсюда выдѣлить съ тѣмъ, чтобы объ нихъ было внесено въ Думу дополнительное представленіе въ теченіе настоящей же сессіи. Такимъ образомъ, то пожеланіе, которое было высказано, чтобы Военное Министерство объ этихъ лицахъ подумало въ ближайшемъ времени, вполнѣ совпадаетъ съ собственнымъ его желаніемъ и предложеніемъ.

Позволю себѣ остановиться нѣсколько на вопросѣ объ исключеніи военнаго духовенства изъ числа тѣхъ лицъ, которымъ нынѣ предложена прибавка. Военное вѣдомство всегда стремилось къ тому, чтобы въ свою среду, въ военное духовенство, привлекать отборныхъ пастырей, такихъ, которые могли бы ему содѣйствовать въ дѣлѣ воспитанія арміи, которые помогали бы ему воспитывать нижнихъ чиновъ въ чувствѣ долга, въ сознаніи того, что они должны исполнить этотъ долгъ во что бы то ни стало, хотя бы это имъ стоило жизни. Такимъ образомъ, военное духовенство не является какимъ-либо второстепеннымъ придаточнымъ органомъ арміи, оно является существенной составной частью, оно является частью учителей арміи. Если вы при этомъ вспомните тѣхъ пастырей, которые въ минувшую войну съ крестомъ въ рукахъ вели войска, которые благословляли на бой подъ выстрѣлами, которые давали причастіе раненымъ подъ выстрѣлами же, то вы признаете, что эти пастыри имѣютъ право, чтобы ихъ не забывали тогда, когда рѣчь идетъ о строевыхъ чинахъ арміи (Рукоплесканія справа). Они имѣютъ нравственное право на то, чтобы получить прибавку къ содержанію, тогда же, когда эта прибавка дается строевымъ чинамъ арміи. Вотъ почему я обращаюсь къ Думѣ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы эта поправка относительно

исключенія военнаго духовенства изъ настоящаго законопроекта, чтобы отсрочка прибавки ему содержанія была отвергнута, и законопроектъ въ этомъ отношеніи былъ утвержденъ такъ, какъ испрашиваетъ Военное Министерство.

Вторая поправка, введенная комисіей государственной обороны, сводится къ тому, чтобы льготнымъ казачьимъ офицерамъ прибавка къ содержанію была дана непосредственно изъ казны. Правительство же предполагало эту прибавку въ размѣрѣ 37,000 отнести на казачьи капиталы съ тѣмъ, чтобы этимъ капиталамъ было дано затѣмъ пособие изъ казны. Военное Министерство, конечно, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы поправка была принята такъ, какъ она предложена комисіей.

Тѣ сокращенія въ вычисленіяхъ, которыя были предложены комисіей государственной обороны, позволяютъ ей предложить Госуд. Думѣ теперь же осуществить еще одно пожеланіе Военнаго Министерства—объ увеличеніи лагерныхъ и походныхъ суточныхъ денегъ. Я боюсь, что эти исчисления, составленныя комисіей, нѣсколько узки, что кредиты, которые ею исчислены, фактически окажутся недостаточными, но тѣмъ не менѣе, ради осуществленія законопроекта полностью, я принимаю и эту поправку, такъ какъ дѣйствительно въ нынѣшнемъ году мы будемъ имѣть возможность пополнить нехватку изъ остатковъ смѣты.

Обращаюсь, наконецъ, къ заключенію бюджетной комисіи, которая полагаетъ исключить изъ настоящаго асигнованія пособие эмеритальной кассѣ, равное 6⁰/₁₀₀ назначаемой прибавки. Я считаю своимъ долгомъ сказать, что хотя новыя прибавки и асигнуются подъ названіемъ до сихъ поръ не бывшимъ — «добавочныхъ денегъ», тѣмъ не менѣе они являются прибавкой къ содержанію, а всякое содержаніе у насъ облагается 6⁰/₁₀₀ вычетомъ въ пользу эмеритальной кассы. Эмеритальная касса въ настоящее время въ финансовомъ отношеніи находится въ трудномъ положеніи. Что это положеніе не есть переходящее, а, къ сожалѣнію, хроническое, видно изъ того, что уже въ теченіе ряда лѣтъ, если не ошибаюсь, 8—10 лѣтъ, эмеритальная касса ежегодно получаетъ восполненіе изъ предѣльнаго бюджета Военнаго Министерства для того, чтобы свести концы съ концами, и въ нынѣшнемъ году на ваше усмотрѣніе внесено особое представленіе объ асигнованіи эмеритальной кассѣ 1.000,000 руб., для того, чтобы восполнить ея дефицитъ. При такихъ условіяхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эти 900,000 р., которыя нынѣ испрашиваются, эмеритальной кассѣ нужны. Я бы просилъ и эти 900,000 асигновать теперь же, тѣмъ болѣе, что исключеніе ихъ изъ асигнованія явилось бы отступленіемъ отъ общаго порядка, въ силу котораго при всякомъ увеличеніи содержанія немедленно же вносится въ смѣту и соответствующая 6 проц. надбавка въ пользу эмеритальной кассы.

Такимъ образомъ, въ отношеніи поправокъ законопроекта, которыя внесены обѣими вашими комисіями, я прошу о томъ, чтобы Гос. Думы не согласилась съ этими комисіями по 2 пунктамъ, а именно о назначеніи добавочнаго содержанія военному духовенству и о назначеніи теперь же соответствующаго кредита на 6 проц. взносы въ эмеритальную кассу (Рукопл.).

Засѣданіе 33-е. 17-го декабря 1908 г.

Предсѣдательствующій. Переходимъ къ слѣдующему пункту повѣстки: продолженіе обсужденія доклада комисіи по государственной оборонѣ по внесенному Военнымъ Министромъ законопроекту объ увеличеніи содержанія офицерскому составу арміи.

(Предсѣдательское мѣсто занимаетъ Н. А. Хомяковъ).

Сафоновъ. Гг.! Я вошелъ сюда не затѣмъ, чтобы возражать противъ законопроекта объ увеличеніи содержанія офицерскому составу арміи (Голоса: «громче!»).

Пуришкевичъ (съ мѣста). Не секретъ, что вы говорите?

Сафоновъ (продолжаетъ). Гг.! Въ общемъ, требованія Военнаго Министерства очень велики; но, исполняя эти требованія, мы въ правѣ желать, чтобы они служили для удовлетворенія дѣйствительной необходимости. Я говорю это потому, что при разговорѣ съ однимъ офицеромъ квартирующаго здѣсь полка мнѣ пришлось узнать, что почти все ихъ содержаніе удерживается на такіе расходы, которые не имѣютъ отношенія къ дѣйствительнымъ нуждамъ, причемъ вычеты дѣлаются въ одинаковой суммѣ, какъ у старшихъ, получающихъ больше, такъ и у младшихъ, получающихъ меньше. Для того, чтобы точнѣе опредѣлить существующій порядокъ, я списалъ у этого офицера 4 счета, относящіеся къ разному времени: за сентябрь 1906 г., за іюнь 1907 г., за апрѣль 1908 г. и за октябрь 1908 г. Озаглавлены они такъ: выписка вычета изъ содержанія такого-то подпоручика. Оказывается, что въ одномъ мѣсяцѣ ему слѣдовало получить 85 р. 70 к., у него удержано 84 р. 70 к. и онъ получилъ 1 руб., въ другомъ мѣсяцѣ слѣдовало получить 71 р. 57 к. и удержано все, въ третій мѣсяцъ слѣдовало получить 57 р. 80 к., удержано 56 р. 79 к., въ четвертый мѣсяцъ слѣдовало получить 85 р. 70 к., удержано 77 р. 52 к., получилъ 8 р. 18 к. Гг., если подобные вычеты будутъ продолжаться, то увеличеніе содержанія не улучшитъ жизни гг. офицеровъ. Мнѣ могутъ сказать, что подобные вычеты не обязательны. Да, по теоріи такъ, но тотъ, кто знакомъ съ военнымъ бытомъ, скажетъ, что отказываться отъ этихъ вычетовъ очень или совсѣмъ неудобно. Объ этомъ говорилъ докладчикъ, г. Военный Министръ, отвѣчая докладчику, во многомъ съ послѣднимъ согласился, но ничего не сказалъ объ этомъ порядкѣ вычетовъ. Съ грустью приходится думать, что этотъ порядокъ будетъ существовать и впредь. Гг.! Около шести мѣсяцевъ назадъ, на этой каедрѣ стоялъ Министръ Юстиціи и, говоря объ увеличеніи содержанія чинамъ судебнаго вѣдомства, между прочимъ, сказалъ, что нужно было бы просить больше, но онъ проситъ немного, потому что имѣетъ въ виду и средства государственнаго казначейства, и пословицу: «по одежкѣ протягивай ножки». Въ требованіи Военнаго Министерства этой пословицы незамѣтно; но, гг., предъявляя большія требованія къ силамъ страны, Министерство должно стать ближе къ требованіямъ времени и къ условіямъ жизни. Нельзя, гг., занимать только вопросомъ объ измѣненіи

формы и оставлять въ сторонѣ вопросъ о порядкахъ, отжившихъ свое время. А какіе существуютъ порядки въ Военномъ Министерствѣ? Я позволю себѣ указать на одно: до сихъ поръ на освѣщеніе верховыхъ помѣщеній и офицерскихъ квартиръ требуются салныя свѣчи, а онѣ 40 лѣтъ тому назадъ вышли изъ употребленія. Скажутъ, что есть законъ на это. Конечно, на это существуетъ законъ, но отъ Военнаго Министерства зависѣло въ свое время, давно, болѣе трехъ земскихъ давностей назадъ, внести представленіе объ измѣненіи отжившаго закона.

Петровъ 3-й. Гг. члены Гос. Думы! Намъ сегодня приходится говорить о вопросѣ, который является частью громаднаго первостепенной важности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для насъ большого вопроса, а именно—о возрожденіи и реорганизаціи нашей арміи. Вѣдь данный законопроектъ нельзя разсматривать въ полной обособленности. Нѣтъ, его необходимо поставить въ связь съ общимъ планомъ обновленія и реформы нашего войска. И лишь тогда, когда намъ будетъ показана необходимость дальнѣйшихъ мѣропріятій, когда будетъ выяснено его мѣсто во всемъ планѣ реформъ, тогда лишь мы будемъ въ состояніи ознакомиться съ нимъ и отнестись къ нему съ полной серьезностью.

Вѣдь этотъ законопроектъ не случайный. Правда, говорятъ, носятя слухи о какихъ-то неконституціонныхъ заявленіяхъ и вліяніяхъ на большинство Гос. Думы, вліяніяхъ, заставившихъ внести настоящей законопроектъ на разсмотрѣніе Гос. Думы, законопроектъ, который могъ бы еще подождать нѣсколько лѣтъ. Правда, скоропалительная спѣшность разсмотрѣнія этого законопроекта передъ роспускомъ Гос. Думы на каникулы не можетъ быть названа нормальной, и это, какъ будто бы подтверждаетъ тѣ слухи, которые носятя. Гос. Дума въ настоящее время рѣшается на это асигнованіе, какъ бы, не изъ видовъ государственной важности, а изъ видовъ, ничего общаго съ нею не имѣющихъ. Но я готовъ сомнѣваться въ правдивости этихъ слуховъ и отнестись къ законопроекту безъ всякой предубѣжденности. Но когда мы, представители оппозиціи, пытаемся ставить отдѣльныя мѣропріятія военнаго вѣдомства въ связь со всемъ дѣломъ обновленія арміи, то большою помѣхой намъ является та, я бы сказать, продѣлка большинства дѣятелей Гос. Думы, которую оно устроило при выборахъ въ комисію о государственной оборонѣ (голосъ справа: «старо!»). Вѣдь въ этой комисіи и долженъ разрабатываться общій планъ реформъ, въ этой комисіи даютъ объясненія представители правительства, въ этой комисіи данный законопроектъ, по всей вѣроятности, обсуждался и съ общей точки зрѣнія состоянія арміи. Но насъ тамъ не было: наше вліяніе большинство Гос. Думы напало опаснымъ, потому что мы, будто бы, ненавидимъ нашу армію, потому что мы, будто бы, враждебны ей (голосъ справа: «Да, а то какъ же?»). Но глубокимъ непониманіемъ, непримиримой узостью дышать эти слова и этотъ приведенный взглядъ большинства Гос. Думы. Нѣтъ, къ арміи нашей, какъ къ таковой мы не чувствуемъ злобы или вражды, нѣтъ, мы лишь болѣемъ за армію всей душой, такъ какъ въ этой арміи есть наши братья. Конечно, трудно требовать отъ русскаго народа, чтобы онъ съ особымъ энтузіазмомъ относился къ дѣлу защиты и обороны своего государства, потому что въ полной

мѣрѣ дорожить и цѣнить армію народъ можетъ лишь тогда. когда онъ имѣетъ, что беречь, когда онъ обладаетъ величіемъ культуры, развитой промышленностью, экономическимъ процвѣтаніемъ или, наконецъ, государственнымъ правленіемъ, отвѣчающимъ складу его характера, его способностямъ. Всего этого русскій народъ, къ прискорбію, не имѣетъ. Мы все же любимъ нашу родину, мы любимъ русскія поля и наши хижины, но, конечно, мы не можемъ забыть, что поля наши пусты, что хижины убоги, что отъ края до края по святой Руси процвѣтаютъ лишь тьма, кабакъ и нужда. Вѣдь мы не можемъ забыть, что форма нашего правленія давитъ всякое свободное движеніе, всякую творческую попытку народа, всякій размахъ, вольный размахъ его. Мы не можемъ забыть, что между властью и народомъ существуетъ глухая затаенная борьба, которая рано или поздно вылетитъ въ борьбу явную (Голоса: «къ дѣлу!»). Но, тѣмъ не менѣе, мы вѣримъ въ возрожденіе дорогого отечества, вѣримъ, что оно будетъ инымъ, будетъ свободнымъ, справедливымъ, полнымъ величія, силъ и красоты. Мы въ это глубоко вѣримъ и для будущаго мы дорожимъ настоящимъ. Точно также мы, трудовики, не потому только болѣемъ за армію, что она неспособна бременемъ ложится на народъ, не потому только, что она отрываетъ отъ работъ лучшей цвѣтъ молодежи. Пусть, нужны эти жертвы, гг.! Вамъ извѣстно изъ исторіи что русскій народъ на жертвы не скупился, ибо всѣ хотятъ, чтобы страна была сильная, чтобы она имѣла возможность оберегать свои владѣнія. Но, гг., жертвовать легко тогда, когда знаешь, на что идутъ эти жертвы, когда знаешь, что это не лишняя трата силъ и, что это не пересыпаніе денегъ въ дырявые мѣшки. А развѣ наши деньги на армію, наши послѣднія копѣйки и полушки не растрчивались съ легкомысленной небрежностью? («Голосъ: «къ дѣлу!»). Это къ дѣлу (Голосъ: «какъ къ дѣлу? Вы цѣлый часъ говорите, Богъ знаетъ, о чемъ!»).

Предсѣдатель. Пожалуйста, гг., не переговаривайтесь!

Петровъ 3 й (продолжаетъ). Развѣ мы не получили росписокъ съ кровавыми печатами Мукдена и Цусимы? Развѣ мы можемъ надѣяться на армію въ такомъ состояніи? Вамъ было грустно слушать Министра Иностранныхъ Дѣлъ, когда онъ говорилъ о нашемъ миролюбіи во что бы то ни стало и тѣмъ подчеркивалъ нашу слабость. Иные даже упрекали его. Но, если бы онъ говорилъ рѣшительнѣе, увѣрены ли вы въ томъ, что наши сосѣди не посмѣялись бы надъ этимъ, какъ надъ наивнымъ хвастовствомъ? Жертвовать можно, но нельзя давать жертвъ, зная, что взамѣнъ истраченнаго не получимъ ничего — ни могущества, ни силы, ни увѣренности, а лишь тѣнь силы, лишь слова пустыя на бумагѣ, лишь фигуры для парадовъ, лишь военныхъ судей и карательныя экспедиціи... (Голоса: «А, вотъ къ чему!»). Конечно, въ этомъ случаѣ жертвъ давать нельзя. Развѣ вы можете послѣ всего этого упрекать насъ за то, что иногда, когда мы говоримъ объ арміи, у насъ прорывается негодованіе. Но я не хочу на этомъ останавливаться. Я говорю, пусть грѣхи старыхъ поколѣній, грѣхи самовласти, произвола, пусть они лежатъ на тѣхъ, кто управлялъ за это время страню, кто поддерживаетъ нынѣшнее положеніе. Но дайте хоть теперь намъ бороться за лучшее. Мы не хотимъ только крити-

ковать, мы хотимъ дѣятельно, молодо и увѣренно взяться за дѣло обновленія нашей арміи, за ея реорганизацію. Пусть теперь она въ развалинахъ. Мы не хотимъ пройти мимо нея, а творческой свободной народной мыслью хотимъ остановиться на нуждахъ ея, влить въ ея дряхлый организмъ струю новой жизни... (Голосъ справа: «Господи!»)... дать дорогу людямъ способнымъ, талантливымъ, людямъ энергіи и воли. Да, мы хотѣли бы имѣть армію, но армію не правительственную... (Голосъ справа: «А социалистическую!»), стоящую на стражѣ интересовъ дворянъ, помѣщиковъ, капиталистовъ, нѣтъ, мы желаемъ имѣть армію народную, стоящую на стражѣ интересовъ и справедливыхъ требованій народа, больше того, на стражѣ интересовъ всѣхъ слабыхъ, угнетенныхъ и обиженныхъ народностей. Но здѣсь, въ Гос. Думѣ, когда мы, какъ бы, получаемъ возможность способствовать по мѣрѣ силъ и возможности возрожденію арміи, нашимъ взглядамъ, нашимъ идеаламъ наносится тягчайшее оскорбленіе самоувѣреннымъ большинствомъ третьей Гос. Думы. Вы, гг., о чемъ-то совѣщались въ тиши, вы, гг., о чемъ-то думали въ тиши — мы не знаемъ о чемъ, но знаемъ, что въ результатѣ внесенъ настоящій законопроектъ.

Но намъ неясно, какое мѣсто занимаетъ онъ въ общемъ планѣ мѣропріятій, почему онъ выдвигается впередъ, почему онъ такъ спѣшенъ. Оставляя вопросъ открытымъ для всевозможныхъ сомнѣній и догадокъ, перейдемъ къ существу законопроекта. Офицеры бѣгутъ изъ арміи. На службѣ состоитъ на 14 проц. меньше, чѣмъ требуется по штату. И вотъ, комісія разсудила: дадимъ имъ денегъ побольше, и офицеры останутся на своихъ мѣстахъ. Я скажу: хотятъ купить за деньги патріотизмъ офицера. Этого никогда случиться не можетъ. Каждый добродѣтельный офицеръ скажетъ вамъ, что не время проводить такіе законопроекты, которые еще тяжелѣе ложатся на обнищавшую страну. Всякій патріотъ-офицеръ, конечно, если онъ не такой патріотъ, какъ тѣ, которые выступаютъ иногда на этой трибунѣ,—скажетъ, что ему нуженъ не только мундиръ со свѣтлыми пуговицами, но нужно, чтобы въ странѣ процвѣтало благосостояніе народа. Вотъ, что скажетъ всякій офицеръ, стоящій на точкѣ зрѣнія защиты интересовъ своей страны. Затѣмъ, я спрошу членовъ комісіи госуд. обороны, а что же? Вы произвели разслѣдованіе, почему лучшіе даровитые люди бѣгутъ изъ арміи? Не потому ли, что надъ арміей витаетъ нездоровый воздухъ жизненной неправды, ненужности и бесполезности, не потому ли, что вмѣсто бодрого труда, вмѣсто военнаго вдохновенія,—ихъ окружаетъ атмосфера пошлости, бездарности и грубости, доходящихъ до невѣроятнаго хамства? Комісія говоритъ, что офицерамъ надо увеличить жалованье, потому что имъ не хватаетъ, даже на спортъ. Не знаю, насколько будетъ радоваться наша бѣдная деревня, когда узнаетъ, что на забаву и игру, на охоту и на скачки офицерамъ Гос. Дума даетъ 15 мил., съ какимъ то невѣроятнымъ легкомысліемъ 15.740,000 р.! Вѣдь это громадная культурная сила! Вѣдь на все дѣло народнаго образованія въ текущемъ году отпущено только 52 миліона рублей, т. е., столько, на столько увеличиваются емѣты Военнаго и Морского Министерствъ. Я думаю, что для того, чтобы наши избиратели и Гос. Дума и весь народъ знали, каково

отношеніе трудовой группы къ этому вопросу, необходимо привести цифры бюджетовъ Военнаго и Морского Министерствъ. На Военное и Морское Министерства испрашивается 653.498,239 руб. Между тѣмъ, мы знаемъ, что на Министерство Народнаго Просвѣщенія асигнуется только 64.027,109 р. Вотъ та картина, которая имѣется въ настоящее время. Въ законопроектѣ говорится объ увеличеніи жалованья офицерамъ. А почему не нижнимъ чинамъ? Почему не поставить на первый планъ экономическое благосостояніе солдатъ? Вѣдь у нихъ также нужда, у нихъ семьи, оставленные дома, имъ также нужны деньги! Таковы краткія мои соображенія, которыхъ вполне достаточно, чтобы съ увѣренностью сказать, что государственнѣйшій интересъ среди мотивовъ, вызвавшихъ этотъ законопроектъ, стоитъ на второмъ, а можетъ быть, и болѣе далекомъ мѣстѣ, а потому смѣло можно его отклонить. Въ заключеніе я не могу еще не коснуться слѣдующаго: не такъ давно съ этой самой трибуны громко-гласно на всю Россію заявлялъ деп. Бобринскій о существующихъ свободахъ. Да такъ ли это, депутатъ Бобринскій? Такъ ли, что вы намѣрены дать свободу народу? Не такъ! Не только свободы можно ожидать отъ такихъ, какъ деп. Бобринскій.

Предсѣдатель. Простите, на повѣсткѣ этотъ вопросъ не стоитъ.

Петровъ 3-й. Я хотѣлъ коснуться вопроса о закрытіи дверей. Я сказалъ бы, что этотъ вопросъ разсматривался въ потайной комисіи, но не могу, потому что это не будетъ парламентскимъ выраженіемъ.

Предсѣдатель. Такъ лучше и не говорите.

Петровъ 3-й. Я все таки коснусь этого немножко. Я извиняюсь: можетъ быть, Предсѣдатель вновь меня остановить. Тѣ свободы, о которыхъ говорилъ деп. Бобринскій, не проведены и не существуютъ даже въ стѣнахъ Таврическаго дворца, такъ что говорить одно, а дѣлать другое, это, конечно, свойственно такимъ, какъ Бобринскій...

Предсѣдатель. Пожалуйста, по вопросу о законопроектѣ, а не о поведеніи г-на Бобринскаго въ зданіи Таврическаго дворца.

Петровъ 3-й. Затѣмъ я не могу не остановить вашего вниманія на томъ положеніи, въ которомъ находится нашъ народъ. Нельзя на горѣ и нуждѣ народа создавать свѣтлыя пуговицы, создавать могущество арміи. Ни въ коемъ случаѣ! Это ошибочный и роковой шагъ! Когда народъ умираетъ съ голода, мы здѣсь хотимъ бросить не много не мало 15 мил.! Я уже говорилъ, какія цифры существуютъ на расходы по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Надо же знать мѣру! Надо же остановиться когда нибудь и задуматься надъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится народъ. Конечно, послѣ всего сказаннаго, мы, думская трудовая группа (голосъ изъ центра: «Сколько человѣкъ?») будемъ голосовать противъ законопроекта и дѣлаемъ членамъ Гос. Думы третьяго созыва скромное предложеніе: имѣя въ виду всенародныя нужды, отклонить этотъ законопроектъ и присоединиться къ нашему возрѣнію (Голосъ справа: «Скромно!»).

Епископъ Митрофанъ. Отъ группы думскаго духовенства я имѣю порученіе сказать въ защиту военнаго духовенства, исключеннаго комисіей по государственной оборонѣ изъ числа лицъ, для которыхъ

испрашивается увеличеніе содержанія по настоящему законопроекту. Я хотѣлъ бы посмотрѣть на этотъ вопросъ не столько съ матеріальной его стороны, сколько съ принципиальной точки зрѣнія—значенія священника въ арміи. До сихъ поръ положеніе военнаго священника было приурочено къ офицерскому званію. Наряду съ офицерами онъ приглашался въ торжественныя собранія, получалъ приказы, въ прежнее время имѣлъ своего денщика. То же самое наблюдалось и при назначеніи пенсій и различныхъ единовременныхъ пособій и т. д. Иного отношенія, конечно, не могло быть къ священнику: и его образованіе, и санъ, и значеніе въ арміи требовали, чтобы его служебное положеніе, его авторитетъ, строго соблюдались, ибо только тогда военный священникъ можетъ развить и распространить свое вліяніе не только на нижнихъ чиновъ, но и на офицеровъ, которые тоже находятся въ составѣ его духовной паствы. Этотъ, строго соблюдавшійся прежде принципъ уравниенія военныхъ священниковъ съ офицерами, теперь въ цѣломъ рядѣ законопроектовъ систематически нарушается. Гос Дума уже приняла законопроектъ объ увеличеніи пенсій военнымъ чинамъ, и тамъ о священникахъ старательно умолчено. Не были почтены и тѣ герои, о которыхъ сохраняются и будутъ сохраняться легендарныя сказанія въ народѣ,—герои, съ крестомъ въ рукахъ ведущіе въ брань и своимъ примѣромъ увлекающіе другихъ. Забыты и тѣ рядовые труженики, которые вмѣстѣ съ солдатами несли всѣ тяготы военной жизни, терпѣли и холодъ, и голодъ, часто лишаясь здоровья и силъ. О нихъ мы не слышимъ даже и того добраго слова, которое мы слышали отъ г. Министра, слова, несущаго труженникамъ-священникамъ и одобреніе, и призывъ къ святому ихъ дѣланію въ качествѣ проповѣдниковъ и проводниковъ нравственныхъ началъ въ арміи. Обращаясь къ настоящему законопроекту, мы видимъ, что въ немъ еще рельефнѣе выступаетъ нарушеніе указаннаго принципа уравниенія военнаго священника съ офицеромъ, именно, въ той передѣлкѣ закона, какую продѣлала комісія госуд. обороны. Въ сущности небольшая сумма, испрашиваемая военнымъ вѣдомствомъ на увеличеніе содержанія не всего, а части военнаго духовенства, не принята комісіей. Военнымъ священникамъ, только въ формѣ пожеланія, наряду съ письмоводителями и фельдшерами, обѣщана прибавка въ будущемъ. Я не буду касаться попытки комісії истолковать положеніе всего военнаго духовенства примѣнительно къ чинамъ нестроевымъ. Объ этомъ достаточно убѣдительно говорилъ г. Военный Министръ. Другимъ главнымъ мотивомъ рѣшенія комісії служило то соображеніе, что въ то время, какъ комплектъ офицеровъ и приуроченныхъ къ нимъ военныхъ врачей часто бываетъ не полонъ, мѣста священниковъ въ арміи всегда заняты, и на свободныя вакансіи всегда имѣется достаточное количество просителей. Все это такъ. Я самъ лично отъ военнаго протопресвитера слышалъ, что у него болѣе сотни прошеній ждуть очереди. Но отчего зависятъ такія явленія? Неполнота комплекта офицерскихъ чиновъ, какъ всѣмъ извѣстно, зависитъ отъ недостатка, главнымъ образомъ, военныхъ училищъ,—размѣръ содержанія не имѣетъ рѣшающаго значенія. Правда, онъ сохраняетъ это значеніе, но только въ отношеніи военныхъ врачей. По окончаніи высшихъ учебныхъ заведеній, университетовъ

и академѣн, многіе молодые люди дѣйствительно предпочитаютъ свободныя профессіи, и даже тѣ, которые обязаны прослужить извѣстное количество лѣтъ въ арміи, по окончаніи извѣстнаго срока, уходятъ отсюда. Такимъ образомъ, некомплектъ офицеровъ и военныхъ врачей зависитъ отъ большей или меньшей полноты запасныхъ кадровъ, изъ которыхъ они вербуются. Военные же священники поставляются, главнымъ образомъ, сельскимъ духовенствомъ, для котораго обезпеченное содержаніе представляется дѣйствительно обѣтованнымъ раемъ, и вотъ почему устремляются сюда массами. Если бы было принято во вниманіе это обстоятельство, то, вѣроятно, значеніе даннаго мотива для отказа въ увеличеніи содержанія военнаго духовенства потеряло бы силу и въ глазахъ тѣхъ, которые на него опираются. Тогда, логически разсуждая, мы должны бы придти къ признанію матеріальной необезпеченности всего православнаго духовенства, придти къ мысли о необходимости улучшить его бытъ и положеніе. И едва ли бѣдность одной, большей половины духовенства, мы могли бы использовать для неправильнаго истолкованія, въ объективномъ, конечно, смыслѣ, положенія сравнительно небольшой части духовенства, представляющей нѣсколько болѣе обезпеченной, то есть военнаго духовенства. Доведенная до конца, такая аргументація приводитъ къ выводу, который я позволю себѣ иллюстрировать такимъ конкретнымъ примѣромъ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи населеніе живетъ такъ бѣдно, что питается, главнымъ образомъ, картофелемъ; есть и такія мѣста, гдѣ и этого продукта нѣтъ въ достаточномъ количествѣ, и тамъ населеніе съ нѣкоторой завистью посматриваетъ на первыхъ. Неужели отсюда можно заключить, что положеніе первыхъ дѣйствительно завидное? Не правильнѣе ли будетъ, если мы скажемъ, что и тѣ и другіе живутъ бѣдно, что и тѣмъ и другимъ вмѣсто сурогатовъ нужно дать питательный и здоровый хлѣбъ? Не такъ ли приблизительно надо разсуждать и въ данномъ случаѣ?

То обстоятельство, что нѣкоторая часть духовенства, т. е. военное духовенство, — нѣсколько обезпечено, а сельское бѣдно и устремляется въ военное вѣдомство, неужели это обстоятельство можетъ дать основаніе всячески стремиться къ тому, чтобы ни въ какомъ случаѣ не обезпечивать духовенство, не ставить его въ рядъ съ тѣми которые болѣе обезпечены, хотя по своему положенію и образованію духовенство того заслуживаетъ? Еще понятно было бы для чувства справедливости нѣкоторое отсѣченіе средствъ отъ духовенства болѣе обезпеченнаго, въ данномъ случаѣ военнаго духовенства, въ пользу менѣе обезпеченнаго, сельскаго духовенства, но вѣдь этого сдѣлать нельзя. Посему, мнѣ кажется, что лишеніе военнаго духовенства источнаемаго вѣдомствомъ увеличенія содержанія не имѣетъ достаточныхъ подъ собою основаній. Одно несомнѣнно, что комісія не хотѣла приравнивать положеніе военныхъ священниковъ къ офицерамъ. Та же тенденція проходитъ и въ другихъ второстепенныхъ постановленіяхъ комісії. Такъ на примѣръ, комісіей назначается въ размѣрѣ 100 руб. пособіе на обзаведеніе предметами домашняго обихода всѣмъ вновь произведеннымъ офицерамъ и вновь назначеннымъ военнымъ медицинскимъ и ветеринарнымъ врачамъ. Но вѣдь гг., въ офицеры въ полкъ обычно поступаютъ молодые люди, слѣдовательно,

неимѣющіе еще семьи; а священникъ по самому своему положенію является лицомъ семейнымъ, и для него эта прибавка въ 100 руб., имѣла бы, пожалуй, большее значеніе чѣмъ для несемейныхъ офицеровъ. Далѣе, при опредѣленіи средствъ содержанія военнаго духовенства комисія приняла во вниманіе и тѣ доходы, которыя могутъ получать военные священники за совершеніе требъ. Не касаясь нѣкоторой скрупулезности подобныхъ изысканій, я спросилъ бы только одно: а военные врачи развѣ не получаютъ вознагражденія отъ частной практики? Съ другой стороны, какіе доходы могутъ имѣть священники тѣхъ полковъ и частей, которые расквартированы наприимрѣ, въ Западномъ краѣ, въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ населеніе сплошь неправославное, или въ отдаленной Сибири? Конечно, если судить о военномъ хуковенствѣ съ точки зрѣнія положенія духовенства въ большихъ городахъ, то дѣйствительно, нужно признать нѣкоторое увеличеніе ихъ доходовъ отъ совершенія требъ. Но опять-таки еще вопросъ, слѣдуетъ ли вообще признать желательнымъ способъ увеличенія доходовъ такимъ путемъ и не отрываетъ ли это занятіе духовенства отъ прямого его дѣла? Не секретъ, гг., что въ настоящее время отъ духовенства военнаго требуется особая бдительность въ виду усилившейся пропаганды среди войскъ. Теперь каждый священникъ обязательно долженъ ежедневно заниматься чтеніями, собесѣдованіями и т. п. истолковательными занятіями съ низшими чинами; свободнаго времени отъ этого прямого дѣла у него не остается. Зачѣмъ же его еще толкать на этотъ путь требоисправлений? Пока все-таки надо признать тотъ фактъ, что часть духовенства, которая вся состоитъ изъ городскихъ священниковъ, и будетъ исключена изъ числа тѣхъ, которымъ слѣдовало бы увеличить содержаніе. Противъ этого можно и не спорить. Намъ въ данномъ случаѣ, какъ я имѣ въ началѣ заявлялъ, занимаетъ вопросъ не столько въ его матеріальной постановкѣ, сколько съ принципиальной стороны. Намъ тревожитъ то обстоятельство, что умалняется значеніе, авторитетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе военнаго священника. Что мы читаемъ въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, которая предложена комисіей? Смыслъ этой формулы сводится къ тому, что духовенство въ настоящее время лишается прибавки, испрашиваемой для него военнымъ вѣдомствомъ, но ему обѣщается въ непродолжительномъ будущемъ такая прибавка на ряду съ письмоводителями и фельдшерами. Конечно, гг., и военные письмоводители, писаря и фельдшера, люди на своемъ мѣстѣ почтенные, полезные и необходимые. Самый храбрый генералъ не могъ бы исполнить и замѣнить рядового фельдшера, не имѣя специальныхъ знаній. Но когда того же генерала станутъ трактовать, какъ низшаго чина, когда низводятъ офицера въ рядовые, то въ этомъ обстоятельствѣ, согласитесь, содержится вѣдь элементъ неодобренія, порицанія и осужденія для офицера? Не то же ли въ нѣкоторомъ родѣ представляетъ и это систематическое низведеніе военныхъ священниковъ съ положенія равнозначащаго офицерскому знанію къ другому, во всякомъ случаѣ низшему положенію и состоянію? Мы знаемъ и понимаемъ затруднительность нашихъ финансовъ, мы примираемся, когда по бюджетнымъ затрудненіямъ смѣта духовнаго вѣдомства урѣзывается; мы не протестуемъ и тогда, когда,

служащимъ духовнаго вѣдомства умаляются средства содержанія по сравненію съ чинами другихъ вѣдомствъ, но въ данномъ случаѣ, не въ качествѣ защитниковъ какихъ то сословныхъ интересовъ, а въ качествѣ гражданъ російскихъ мы должны возвысить голосъ. Я понимаю ту тревогу, которая звучала въ рѣчи Военнаго Министра, когда онъ коснулся вопроса о положеніи военнаго духовенства въ арміи. Хранитель военной доблести—онъ живо почувствовалъ, какой незримый и тонкій ударъ наносится всей арміи, всему живому организму, когда затрагивается самый глубокой и жизненный нервъ арміи. Не требуетъ доказательства то положеніе, что крѣпость военная зависитъ поскольку отъ физической силы, постольку и отъ духовной мощи. Что же, приумножимъ мы эту силу, г., эту мощь, если... (Голоса слѣва: «если прибавимъ жалованье»).. если умалимъ авторитетъ тѣхъ, которые являются одними изъ главныхъ проводниковъ и носителей этой мощи въ арміи, т. е. военныхъ священниковъ? Гг.! Вы сильны своимъ вотумомъ покрыть наши слабые голоса; но подумайте, какъ это отзовется въ сердцахъ тѣхъ, которые ждутъ вашего рѣшенія, чтобы въ немъ черпать для себя силу и вдохновеніе для своего высокаго отвѣтственнаго служенія, какъ воспитателей военной доблести, которая слагается не только изъ знанія одного военнаго искусства, но и изъ цѣльности и крѣпости всего міросозерцанія, которое опредѣляется, главнымъ образомъ, глубиной заложенныхъ въ душѣ народной идеаловъ—преданности Царю и родинѣ. Направляя свой ударъ противъ духовенства, вы, въ сущности, бьете по самому живому нерву арміи. Вотъ, по какимъ соображеніямъ, гг. всецѣло признавая необходимость увеличенія содержанія офицерскимъ чинамъ, думское духовенство въ то же время по вопросу объ увеличеніи содержанія военному духовенству присоединяется къ заявленію г. Военнаго Министра, т. е. признаетъ необходимымъ на ряду съ офицерскими чинами увеличить содержаніе и военному духовенству (Рукопл. справа).

Чельшевъ. Гг. чл. Гос. Думы: Сейчасъ мы слышали разсужденіе представителя трудовой группы о прибавкѣ содержанія офицерскому составу, а затѣмъ только что заслушали мнѣніе представителя духовенства по этому же вопросу. Теперь выскажусь я, какъ простой обыватель, какъ представитель народа, платящій налоги на этотъ предметъ. Я всѣми силами душу привѣтствую начало улучшенія офицерскаго состоянія. Мнѣ это еще особенно радостно потому, что этотъ вопросъ былъ поднятъ по волѣ Самого Государя Императора и поступилъ на разсмотрѣніе Гос. Думы. Рескриптомъ отъ 6-го декабря 1907 г. Военному Министру, Государь требовалъ улучшенія быта лицъ, служащихъ въ арміи, и особое совѣщаніе, которое разрабатывало по этому вопросу мѣропріятія, подсчитало, что все ежегодное требованіе для улучшенія положенія офицерскаго состава выразится въ 30 мил. р. Но Военное Министерство, не знаю почему, ибо я не могу довѣрять тѣмъ мотивамъ, что, якобы изъ-за финансовыхъ затрудненій нашего казначейства,—урѣзало на половину эту сумму и въ настоящее время предлагаетъ намъ асигновать только 15 мил. руб. Я никакъ не могу согласиться съ такимъ мизернымъ добавленіемъ къ получаемому нашими офицерами содержанію (Голосъ слѣва: «изъ

чужого кармана»). Вѣдь, если вы, гг., посмотрите, сколько получаютъ у насъ въ настоящее время офицеры; то вы увидите, что прапорщикъ получаетъ 50 р. въ мѣсяцъ и предполагается ему прибавить 10 руб., слѣдовательно, онъ будетъ получать 60 р.; подпоручикъ получаетъ 55 р., прибавить—15 р., будетъ—70 р.; поручикъ получаетъ 60 р., прибавить—20, будетъ—80 р.; штабсъ-капитанъ получаетъ 65 руб., прибавить—25, будетъ—90 р.; штабсъ-капитанъ, прослужившій 4 года получаетъ 65 р., прибавить 25 и 10 за выслугу лѣтъ,—всего будетъ 100 р. Развѣ, гг., тѣмъ лицамъ, на которыхъ лежитъ вся тягота нашей арміи, развѣ такое содержаніе при дороговизнѣ нашей жизни достаточно? Наша армія является, вѣдь, въ то же время школой. Народу нашему, отъ котораго мы есть плоть отъ плоти и кость отъ кости, наше бывшее правительство образованіе не давало. Если только будетъ поставленъ хорошо офицерскій составъ, то я увѣренъ, что всякій, пробывшій въ арміи крестьянинъ, вернется домой съ болѣе развитымъ умомъ, и болѣе дисциплинированный. Поэтому я никакъ не могу согласиться съ такимъ мизернымъ асигнованіемъ, тѣмъ болѣе что въ то же время наше государство имѣетъ такія отрасли хозяйства въ которыхъ служащіе получаютъ далеко большее содержаніе, хотя и служатъ тамъ не на пользу странѣ, не пользу странѣ приносятъ и не воспитываютъ народъ, а только развращаютъ. Передо мною лежитъ выписка учрежденія Министерства Финансовъ по винному дѣлу (Смѣхъ). Вотъ цифры, которыя краснорѣчивѣе всего говорятъ, что хорошо оплаченный трудъ достигаетъ совершенства и приноситъ плоды тому учрежденію, которому онъ служитъ. Чѣмъ же инымъ объяснить царское жалованье кабатчикамъ? Вотъ цифры: въ то время, какъ офицеръ, прапорщикъ запаса получаетъ 50 цѣлковыхъ, а подпоручикъ 55 р., и даже полковникъ всего 145 р.,—въ это время платятъ младшему ревизору и младшему технику до 4,000 р. Гг. подумайте объ этомъ. Младшій ревизоръ получаетъ 4,600 р., а какую пользу онъ приноситъ и чѣмъ онъ занимается? Вѣдь знанія въ акцизномъ вѣдомствѣ никакого не требуется,—тамъ въ запечатанной посудѣ продается безъ конкуренціи. А все наше крестьянство, наше молодое поколѣніе, по волѣ Государя Императора проходить черезъ армію, черезъ эту школу; а вы ихъ притѣсняли, и въ результатѣ неужели мало позора, который мы переживали 5 лѣтъ тому назадъ? Отъ нашихъ поражений всколыхнулась вся страна. Будь блестящая война у насъ безпорядковъ и разоренія не было бы. Но, можетъ, это чины высокіе получаютъ такое содержаніе? Обратимся къ тому, что получаютъ лавочники казенныхъ лавокъ. Вотъ вамъ цифры: въ Европейской Россіи—въ Петербургѣ и Москвѣ—отъ 900 р. и до 700 р. при готовой квартирѣ, освѣщеніи и отопленіи; полковническое, гг., вѣдь жалованье? (Рукопл. въ центрѣ). Какъ этого не видѣло правительство? Неужели оно не знало? И вотъ въ докладѣ намъ говорятъ: «При разработкѣ этихъ мѣропріятій особое совѣщаніе военнаго вѣдомства намѣтило рядъ денежныхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ должно стать на первую очередь, но въ виду того, что эти мѣры вызывали ежегодный расходъ, достигающій 30 мил. руб., Военное Министерство отъ многихъ изъ нихъ должно было отказаться, предполагая непосильность въ ближайшіе годы для государственнаго

бюджета такого крупнаго его обремененія новыми расходами, п свело въ представленномъ законопроектѣ всѣ свои мѣропріятія къ расходу въ 15.875,000 руб.». Гг.! По моему, такое рѣшеніе Военнаго Министерства нельзя назвать правильнымъ. На защиту страны мы ничего жалѣть не должны, хотя здѣсь представитель трудовиковъ говорилъ, что за деньги патріотизмъ купить нельзя; но я отвѣчу словами великаго полководца, который одержалъ десятки побѣдъ, Наполеона, что для побѣдъ нужны деньги и деньги. Безъ денегъ армію содержать невозможно. Теперь, гг., я хочу указать еще на слѣдующее положеніе: мы сюда пришли по волѣ Государя и по закону должны получать 2,700 цѣлковыхъ въ годъ. Но вотъ о осебѣ то мы позаботились и прибавили не красненькую какую нибудь въ мѣсяць, а по 100 цѣлковыхъ. Что же намъ своя рубашка ближе; чужое горе насъ не трогаеть (Рукопл. справа).

Развѣ можно жить офицеру на 100 цѣлковыхъ? Жизнь далеко ушла впередъ; жизнь измѣнилась. Въ Самарѣ; на примѣръ, 4 года тому назадъ фунтъ чернаго хлѣба стоилъ 1 коп., а теперь 3 коп. Во сколько разъ въ настоящее время стоитъ дороже квартира, чѣмъ раньше? Какъ же можно существовать на эти мизерные 100 рублей? Чего же вы хотите? Я увѣренъ, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ поставлено въ приличное положеніе наше офицерство, т. е. лица, воспитывающія нашу армію, мы здоровой духовно и тѣлесно арміи, не будемъ имѣть.

Марковъ 2-й. (съ мѣста). Вѣрно, вѣрно.

Челышевъ. (продолжаетъ). Къ этому предложенію я полагаю еще добавить слѣдующее: у насъ въ настоящее время государство имѣеть рядъ своихъ предпріятій: есть желѣзнодорожное хозяйство, есть лѣсное хозяйство, есть земледѣльческое хозяйство; вотъ я и полагаю, что было бы разумно и справедливо вынести постановленіе, согласно которому всѣ должности въ казенныхъ учрежденіяхъ, не требующія спеціальныхъ знаній, а требующія людей испытанныхъ и честныхъ, должны быть предоставляемы лицамъ военнаго званія. Господа, я долженъ указать вамъ на слѣдующее: говорятъ, что изъ арміи бѣгутъ. Да какъ не бѣжать, когда рядомъ, въ другихъ учрежденіяхъ, принадлежащихъ тому же хозяину—государству, лица получаютъ тысячи рублей, а здѣсь даютъ несчастныхъ какихъ нибудь нѣсколько десятковъ рублей. Да съ голоду они бѣгутъ. Вѣдь отъ голоднаго человѣка вы не можете требовать исполненія закона. Голодъ и высокопоставленнаго человѣка часто толкаетъ на преступленіе; изъ-за голода люди забываютъ себя. Принимая во вниманіе такое мизерное асигнованіе въ видѣ добавленія къ офицерскому жалованью, я увѣренъ, что Государь, заботясь о своей арміи, не будетъ удовлетворенъ подобнаго рода прибавкой. Я думаю, что Военное Министерство не смирится при такомъ мизерномъ прибавленіи для своихъ агентовъ. Указывать на то, что у государств. казначейства нѣтъ средствъ для удовлетворенія обсуждаемой нужды, нельзя. Такое утвержденіе не имѣеть подъ собой твердыхъ основаній. Вѣдь мы въ прошлую сессію виннымъ заводчикамъ отпустили 16.500,000 р. А за что, господа? Какую пользу они приносятъ? Но, вѣдь, нашли деньги. Вотъ здѣсь г. Петровъ 3-й говорилъ, что денегъ нѣтъ; что же онъ тогда не сказалъ?

Петровъ 3-й (съ мѣста). Говорилъ.

Челышевъ (продолжаетъ). Что же вы тогда не возражали, когда были приняты преміи заводчикамъ. (Смѣхъ и рукоплесканія справа). Вѣдь вы поощряете пьянство, поощряете кабакъ! Имѣйте въ виду, господа, что кабацкое дѣло расцвѣло, а могущество государства пало; тамъ, гдѣ царствуетъ кабакъ, здоровья въ странѣ не будетъ. Я, господа, не буду васъ задерживать дальнѣйшимъ изложеніемъ; я увѣренъ, что придется еще не разъ говорить объ этомъ. Скажу только одно, что безъ арміи, здоровой душой и тѣломъ и матеріально обеспеченной, государство существовать не можетъ. (Рукоплесканія справа и въ центрѣ).

Бабянкій. Господа чл. Гос. Думы! Настоящій законопроектъ несомнѣнно идетъ навстрѣчу удовлетворенію одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей арміи; онъ удовлетворяетъ ту часть офицерскаго состава, которая составляетъ ядро арміи, нервъ ея. Начиная отъ перваго чина—прапорщика до подполковника, офицеры получаютъ прибавку къ своему содержанію. Эти офицеры составляютъ именно тотъ разрядъ офицерства, который несетъ всю работу по подготовкѣ военныхъ чиновъ; это тѣ офицеры, которые ведутъ войска въ бой. Нашъ офицерскій составъ можно раздѣлить на двѣ части: одна часть можетъ быть названа подкомандною; это тѣ офицеры, которые несутъ службу въ отдѣльныхъ частяхъ и работаютъ непосредственно съ нижними чинами; другую часть можно назвать командною; это тѣ офицеры, которые командуютъ отдѣльными частями; такимъ лицамъ командованіе отдѣльными частями представляется въ видѣ переходной ступени для ихъ дальнѣйшей карьеры. Эта вторая часть офицерскаго состава изъята отъ прибавки содержанія, а лишь первая часть получаетъ прибавку, и, какъ здѣсь сейчасъ говорили, весьма незначительную. Эта прибавка, сама по себѣ не очень велика, но абсолютно она очень велика. Вамъ извѣстно, что нашъ военный бюджетъ чрезмѣрно значителенъ; онъ поглащаетъ одну четверть нашихъ государственныхъ доходовъ. Имѣя въ виду, что требуется увеличеніе содержанія до 40,000 офицеровъ, прибавка эта по существу весьма значительна. Государство, въ продолженіе многихъ десятилѣтій на такую прибавку рѣшиться не могло и лишь теперь вошло съ такимъ представленіемъ. Соображенія, приведенныя здѣсь чл. Гос. Думы Челышевымъ, конечно, никакой критики не выдерживаютъ: у насъ почти балансируется доходъ отъ водки и расходы на содержаніе арміи. Но такъ какъ онъ является противникомъ водки и доходъ отъ нея хочетъ исключить, то, съ своей точки зрѣнія, онъ, казалось бы, правъ. Но тогда не только невозможно было бы дать прибавку, но и содержать армію было бы не на что. Я говорю, что сдѣланное представленіе строго обдуманно и удовлетворяетъ дѣйствительно неотложной потребности. Дальше мы идти не можемъ. Потребность эта должна быть удовлетворена въ виду того, что создалось угрожающее положеніе: въ арміи 14 проц. офицеровъ внѣ комплекта; можно сказать, что младшее офицерство бѣжитъ изъ арміи. Чтобы его удержать, необходимо удовлетворить указанную потребность. Эта сторона вопроса Министерствомъ строго обдуманна, и представленіе, внесенное имъ, подлежитъ удовлетворенію. Но я полагаю, что однимъ этимъ

вопросъ не исчерпывается; врядь ли этимъ законопроектъ можно будетъ удержать офицерство въ строю, при исполненіи своихъ обязанностей. Оно несомнѣнно получитъ приличное обезпеченіе; молодой офицеръ въ первомъ чинѣ получитъ около 1,000 рублей въ годъ. При разумныхъ условіяхъ общежитія, а также, принимая во вниманіе то, что такой офицеръ получилъ воспитаніе и образованіе на казенный счетъ, такая сумма можетъ дать то приличное положеніе, которымъ молодой человѣкъ дорожить можетъ; все это хорошо, если при этомъ будутъ созданы такіа условія для его жизни, которыя будутъ его удовлетворять. Мы не можемъ думать такъ, что только однимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ исчерпывается удовлетворительность жизни офицерства. Нужно создать благопріятныя духовныя условія жизни; нужно, чтобы офицеру были открыты перспективы; нужно, чтобы личность его была уважаема; нужно обезпечить, такъ сказать, его духовныя блага. Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ было сдѣлано очень мало, и мы полагаемъ, что Военное Министерство должно идти по этому пути дальше. Я коснусь отношеній между начальникомъ-командиромъ и офицеромъ. Командиры должны имѣть въ виду, что они являются руководителями, что они должны строго руководствоваться законностью, именно, той первой статьей нашего воинскаго устава, которая указываетъ, что дисциплина состоитъ въ законности. Офицеры должны быть обезпечены въ своихъ правахъ; произволъ долженъ быть исключенъ. Я долженъ сказать, что общество офицеровъ въ каждой отдѣльной воинской части должно получить большія права. Есть институты, которые непосредственнымъ образомъ вліяютъ на нравственную сторону офицерства: это судъ общества офицеровъ, а также спеціально изданный въ послѣднее время законъ о дуэляхъ. Законъ объ обществахъ офицеровъ составленъ такимъ образомъ, что командирамъ частей даются максимальныя права: они привлекаютъ офицеровъ къ суду, они затѣмъ подтверждаютъ приговоры. Такимъ образомъ судъ общества офицеровъ низведенъ съ должной высоты и подчиненъ командирамъ частей. Это неправильно. Коренному составу офицеровъ данной части должно быть предоставлено обезпеченіе его правъ. Въдѣ эти офицеры заботятся о выработкѣ традицій известной части, и традиціи эти ими выработаны. Такимъ образомъ значеніе начальства въ этомъ вопросѣ должно быть уменьшено. Мнѣ известны такіе случаи, что въ судѣ общества офицеровъ дѣла разсматривались до 17-ти разъ, въ то время, когда этотъ судъ долженъ разсматривать дѣла окончательно, безапелляціонно. Итакъ, вмѣшательство власти во внутреннюю жизнь офицеровъ слишкомъ велико. Честь офицеровъ желаютъ оберегать исключительно созданнымъ закономъ объ обязательныхъ дуэляхъ. При такихъ условіяхъ у офицера можетъ быть одинъ исходъ: или уйти изъ полка, или въ известныхъ случаяхъ *принять дуэль*. *Принудительное насажденіе офицерской чести* невозможно; это насажденія происходятъ путемъ эволюціи; офицерское общество само выработаетъ тѣ правила и положенія, которыя его съ нравственной стороны удовлетворяютъ. Долженъ быть созданъ плѣтый рядъ условій, обезпечивающихъ достоинство офицерскаго званія и свободу его личности. Тотъ великій долгъ, который лежитъ на офицерѣ, принаравливается къ одному моменту—къ боевому. Въ наше

время бой сопряженъ съ чрезвычайно серьезнымъ напряженіемъ воли. Офицеръ можетъ только тогда исполнить свой долгъ, когда у него сильно развито чувство гражданскаго воинскаго долга. Въ данное время при веденіи своей части въ бой, когда офицеръ жертвуетъ всѣмъ, храбрость не нужна, нужно только сознаніе долга. Это сознаніе должно проникнуть все существо офицера и оно не должно базироваться только на мундирной, на корпоративной чести; оно должно быть глубокимъ сознаніемъ долга передъ отечествомъ. Для этого нужно, чтобы офицеры, составляющіе часть своей націи, не были во враждебныхъ отношеніяхъ съ гражданами, не можетъ быть никакого отчужденія между корпусомъ офицеровъ и гражданскимъ обществомъ. Мы, къ сожалѣнію, въ послѣднее время имѣемъ цѣлый рядъ случаевъ, указывающихъ, что постановка вопроса объ офицерской чести неправильна. Въ особенности общественное мнѣніе поразилъ случай съ братьями Коваленскими. Этотъ случай обнаружилъ печальную картину отчужденія военнаго общества отъ гражданскаго, недостаточность уваженія къ этому гражданскому обществу и, наконецъ, злоупотребленіе тѣмъ оружіемъ, которое присвоено для защиты отечества, а не для борьбы съ гражданами.

Марковъ 2-ой (съ мѣста). Ужъ это вы напрасно.

Бабянский (продолжаетъ). Такое положеніе нетерпимо; оно ослабляетъ нравственную силу арміи и я скажу больше, ослабляетъ ея боевую силу. Та армія, идеалы которой не находятся въ соотвѣтствіи съ идеалами своего общества, своей націи, никогда не будетъ имѣть нравственной силы. Съ этой точки зрѣнія мы и обсуждаемъ инцидентъ Коваленскихъ. Очень печально, что инцидентъ этотъ обострился—я говорю о состоявшемся судѣ, который еще не законченъ,—вѣроятно, послѣдуетъ новое разсмотрѣніе дѣла. Приговоръ обнаружилъ дѣйствительно чрезвычайно печальное явленіе: онъ постановленъ временными составомъ офицерскихъ чиновъ. Не постоянными судьями постановленъ приговоръ, такъ какъ они остались при особомъ мнѣніи, а именно временными судьями. Это указываетъ на то, что въ обществѣ офицеровъ тотъ взглядъ, который былъ выраженъ въ дѣйствіяхъ братьевъ Коваленскихъ, получилъ одобреніе. Это дѣло не формальное, а по существу. Какой состоялся приговоръ въ смыслѣ наказанія—безразлично, но обществу важно, чтобы этотъ приговоръ былъ осужденъ офицерской средой. И что же? Былъ онъ осужденъ? Напротивъ, офицеры признали, что Коваленскіе дѣйствовали правильно. Въ этомъ ужасъ всего приговора, ужасъ всего этого дѣла. (Рукоплесканія въ центрѣ). Имѣется еще другой случай, чрезвычайно характерный и показывающій внимательство администраціи въ дѣйствія офицеровъ. Я говорю о дѣлѣ въ Одессѣ, гдѣ городской убилъ двухъ офицеровъ. Это дѣло указываетъ на другую сторону, еще болѣе печальную. Армія вошла въ кругъ полицейскихъ интересовъ, гдѣ къ ней нѣтъ того уваженія, на которое она имѣетъ право разсчитывать. Городовой осмѣливается поднять руку и стрѣлять въ офицера. Это доказываетъ, что полицейской силѣ, полицейской власти подчинено все, въ томъ числѣ и армія. Я скажу, что это унижаетъ армію, унижаетъ доблесть, унижаетъ офицерское званіе и духъ офицерства. То и другое положеніе рисуется намъ ненормальное, непра-

вильное отношеніе со стороны офицеровъ и къ нимъ. Въ настоящее время, господа, должны быть уничтожены всѣ привилегіи, существующія въ арміи; у насъ имѣются привилегированныя части, привилегированныя лица, а никакихъ привилегій въ арміи не должно быть. Тотъ, кто жертвуетъ своей жизнью, долженъ пользоваться всѣми правами; всѣ офицеры должны быть равны въ своихъ правахъ; точно также должны быть уничтожены всѣ ограниченія въ арміи. До сихъ поръ въ арміи существуютъ ограниченія по отношенію къ вѣрноповѣданіямъ, къ національностямъ. Этого быть не должно. Для того, чтобы армія была сильна, къ ней должны быть привлечены всѣ лучшія силы, имѣющіяся въ населеніи; всѣ онѣ должны войти въ нее, всѣ онѣ должны работать на одинаковыхъ правахъ. Только тогда дѣйствительно создастся та національная, крѣпкая духомъ армія, которая для вѣшняго врага будетъ грозна однимъ своимъ существованіемъ. Армія должна быть очищена отъ всего того, что не принадлежитъ ей, отъ того, что не входитъ въ ея боевую дѣятельность. Вышіе начальники должны дать одинъ критерій арміи—боевую дѣятельность, но не всякія другія обязанности, которыя въ данное время возложены на армію. (Рукоплесканія слѣва).

(Продолженіе слѣдуетъ).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписка на «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ» принимается въ конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголь Пантелеймонской, № 21. Телефонъ 672.

ПОДПИОНАЯ ПЛАТА УСТАНОВЛЕНА СЛѢДУЮЩАЯ:

За годовой экземпляръ «Русскаго Инвалида» 9 рублей съ пересылкой внутри Россіи и доставкой въ Петербургъ на домъ. Заграничная подписка—15 рублей.

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го Января по 1-е Января слѣдующаго года, подписка же на сроки менѣе года принимается не иначе какъ съ *перваго* числа мѣсяца.

Подписная плата на «Русскій Инвалидъ» на сроки:

Въ Россіи:			*	За границей:		
На годъ	9 р.	— к.		На годъ	15 р.	— к.
„ 11 мѣсяцевъ	8	50 „		„ 11 мѣсяцевъ	14	„ — „
„ 10 „	8	— „		„ 10 „	13	„ — „
„ 9 „	7	50 „		„ 9 „	12	„ — „
„ 8 „	7	— „		„ 8 „	11	„ — „
„ 7 „	6	50 „		„ 7 „	10	„ — „
„ 6 „	6	— „		„ 6 „	9	„ — „
„ 5 „	5	— „		„ 5 „	8	„ — „
„ 4 „	4	— „		„ 4 „	7	„ — „
„ 3 „	3	50 „		„ 3 „	6	„ — „
„ 2 „	3	— „		„ 2 „	4	„ — „
„ 1 „	1	50 „		„ 1 „	3	„ — „

* съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою иногороднимъ.

Съ пересылкою.

За годовой экземпляръ «Военнаго Сборника» 9 рублей, съ пересылкою внутри Россіи и доставкой въ Петербургъ на домъ. Заграничная подписка—12 рублей; на мѣсячные сроки подписка на «Военный Сборникъ» не принимается.

ВОЕННЫЕ ПОДПИСЧИКИ (отдѣльные военно-служащіе и войсковыя части) на «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ», при выпискѣ обоихъ изданій на годъ, пользуются пониженной платой въ размѣрѣ 13 рублей за оба изданія съ пересылкою и доставкой ¹⁾.

Для военныхъ подписчиковъ, выписывающихъ на годъ «Русскій Инвалидъ» съ «Военнымъ Сборникомъ» или же какое-либо одно изъ этихъ изданій, допускается разсрочка платежа по нижеприводимому расчету:

	Русскій Инвал. съ Воен.Сборн.	Одинъ «Русскій Инвалидъ».	Одинъ «Военный Сборникъ».
1-й взносъ при подпискѣ	5 руб.	4 руб.	4 руб.
2-й „ не позднѣе 1-го мая	5 „	3 „	3 „
3-й „ „ „ 1-го сентября	3 „	2 „	2 „
Итого	13 руб.	9 руб.	9 руб.

Разсрочка дѣлается на основаніи заявленій, получаемых редакціей отъ войсковыхъ частей и при уплатѣ взносовъ черезъ казначеевъ. Непоступленіе взноса въ указанному сроку влечетъ за собой прекращеніе доставки изданія.

Отдѣльные номера «Русскаго Инвалида» можно приобрѣтать: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи (Литейный, 21), въ книжномъ магазинѣ Главнаго Штаба (Невскій, 4), у газетчиковъ и на *Николаевскомъ*, *Царскосельскомъ*, *Варшавскомъ* и *Балтійскомъ* вокзалахъ, а внѣ С.-Петербурга—на болѣе крупныхъ станціяхъ большинства желѣзныхъ дорогъ.

Отдѣльные номера «Военнаго Сборника» можно приобрѣтать въ конторѣ редакціи за 1900—1908 г. по 1 руб., за 1891—1899 года по 75 коп. Плата за пересылку по вѣсу и разстоянію.

Имѣется въ продажѣ ограниченное количество годовыхъ комплектовъ «Военнаго Сборника» за *прежніе годы*, а именно: 1) за 1895—1899 годы съ платою по 6 рублей за годовое изданіе и 2) за 1900, 1902, 1904, 1905 и 1907 годы съ платою 8 рублей за годовое изданіе. За пересылку плата по вѣсу и разстоянію.

При перемѣнѣ адреса на «РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ» уплачивается: съ городского (СПБ.) на иногородній и иногородняго на городской по срокамъ—за 1 мѣсяць—30 коп., за 2 м.—60 к., за 3 м.—70 к., за 4 м. и выше—80 к.; съ иногородняго на иногородній—каждый разъ 20 к. и сообщается прежній адресъ или присылается бандероль.

При перемѣнѣ адреса на «ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ» уплачивается: съ городского (СПБ.) на иногородній—90 к.; съ иногородняго на городской—50 к. и съ иногородняго на иногородній каждый разъ по 20 к.

Перемѣна адреса городского на городской же (СПБ.) и обратно (по прежнему адресу) изъ С.-Петербурга за городъ или наоборотъ, для «Русскаго Инвалида», а равно и для «Военнаго Сборника», производится бесплатно.

Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 15 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое; предложеніе труда по 10 к. за строку.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{7}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282, только объявленія о вызовѣ насѣдниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 к. за первый лоть вѣса объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Главный редакторъ журнала „Военный Сборникъ“ и газеты „Русскій Инвалидъ“, Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ *Макишевъ*.

Помощникъ Главнаго редактора,

Ген. Шт. Полковникъ *Пруссакъ*.